

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Том 5

Личность и группа
в условиях социальных изменений

(Материалы Всероссийской юбилейной научной
конференции, посвященной 120-летию со дня рождения
С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.)

Ответственный редактор:
А. Л. Журавлев

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2009

УДК 159.9

ББК 88

П 86

Редакционная коллегия:

Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, А. Б. Купрейченко, Н. Н. Хащенко

П 86 Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.) / Ответственный редактор – А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 400 с.

ISBN 978-5

УДК 159.9

ББК 88

Данный сборник научных трудов – материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна (1889–1960). Представленные материалы являются тематическими и посвящены обсуждению психологических проблем личности и группы в условиях изменений современного российского общества.

Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции (том 5) изданы при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), грант № 09-06-14 080г

© Институт психологии Российской академии наук, 2009

ISBN 978-5-9270-0172-9

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

<i>Д. В. Беспалов</i> Специфика мироощущения подростков и юношей в различных социальных средах	9
<i>М. В. Григорьева</i> Историческое развитие идей о взаимодействии человека и среды в психологической науке	15
<i>С. А. Дружилов</i> Формирование модели мира человека в условиях информационной реальности	22
<i>А. Л. Журавлев, И. А. Соина</i> Подход к изучению социально-психологического пространства как одной из форм бытия личности	28
<i>М. А. Кленова</i> Взаимосвязь направленности личности и субъективного отношения к риску	32
<i>А. А. Краснякова</i> Проблемы становления субъектности политически активной молодежи	35
<i>Р. М. Кумьшева</i> Внутренние ресурсы человека в его взаимодействии с внешним миром	37
<i>Н. И. Леонов</i> Онтологически ориентированный подход в социальной психологии	45
<i>Ю. Л. Лобков</i> Методологические аспекты оказания социально-психологической поддержки молодежи в личностном развитии на рубеже XX–XXI вв.	47
<i>О. В. Лунева</i> Роль научного наследия С. Л. Рубинштейна в понимании социального интеллекта	49
<i>Н. В. Молчанова</i> Факторы, влияющие на уровень эмоционального неблагополучия детско-родительских отношений	52
<i>А. В. Никольская</i> Природоцентрическая этика в работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир»	59
<i>В. П. Позняков, Ю. В. Сергеева</i> Идеи С. Л. Рубинштейна как теоретическая основа исследований нового российского предпринимательства	68
<i>Е. С. Соколова</i> Особенности мотивационно-потребностной сферы старшеклассников с разным уровнем социальной активности	71
<i>В. Б. Челпанов</i> Угрозы психологической безопасности школьников	77
<i>Л. В. Шукшина</i> Человек в мире социальных иллюзий	85

<i>О. М. Щербакова, А. В. Орлов</i>	
Рефлексия как составляющая субъектности в профессиональной деятельности	92
<i>Т. В. Эксакусто</i>	
Социально-психологическая безопасность: понятие, особенности, критерии оценки	94
<i>Л. А. Ясюкова, О. Е. Пискун</i>	
Самочувствие личности в изменяющемся мире	101

Часть 2

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

<i>Ж. Г. Агеева</i>	
Социально-психологическая адаптация призывников к службе в армии	108
<i>Н. В. Азаренок</i>	
Клипное сознание и его влияние на психологию человека в современном мире	110
<i>Т. Г. Бохан</i>	
К проблеме стресса и стрессоустойчивости в психологии человека в изменяющемся мире	113
<i>М. В. Верстова</i>	
Связь правовых представлений личности со смысложизненными ориентациями и выбор формы поведения в правовой среде	120
<i>А. Е. Воробьева</i>	
Роль эмоционального интеллекта в нравственном самоопределении молодежи	126
<i>В. В. Гриценко, Т. Н. Молчанова</i>	
Субъективное благополучие как интегральный показатель социально-психологической адаптации детей трудовых мигрантов	129
<i>Т. В. Дробышева</i>	
К вопросу детерминации экономической социализации личности	131
<i>Е. С. Дронова</i>	
«Телеагрессия» как фактор агрессивного поведения несовершеннолетних	139
<i>Н. А. Журавлева</i>	
Динамика ценностных ориентаций молодежи в российском обществе	141
<i>Н. В. Иванова</i>	
Целеполагание жизни как фактор развития личности современного студенчества	149
<i>Н. Ю. Клюева</i>	
Личностные особенности бездомных людей	154
<i>А. Б. Купрейченко</i>	
Нравственно-психологические компоненты и детерминанты экономического самоопределения	159
<i>О. В. Петрунько</i>	
Множественные защиты социализации в условиях медиасреды	162
<i>А. И. Протасова</i>	
Адаптация первокурсников к системе вузовского образования	168

<i>Н. М. Сараева</i> Теоретическое обоснование исследования изменения состояния психики детей, родившихся и проживающих в регионе экологического неблагополучия (в Забайкальском крае)	170
<i>Ю. В. Ставропольский</i> Трансформации идентичности в русскоговорящих диаспорах	177
<i>Н. И. Стасюк</i> Особенности системы жизненных смыслов осужденных	184
<i>Н. Н. Хащенко</i> Социально-психологические аспекты жизнедеятельности личности в различных экологических условиях	186
<i>Н. Н. Чавчавадзе</i> Фактор социального подкрепления и личность	193
<i>С. Л. Шалаева</i> Мир взрослых и Мир детства: трансформация отношений как фундаментальный вызов современной эпохи	200
<i>Т. Н. Шорохова</i> Специфика социально-психологической адаптации молодых людей к условиям армии	207

Часть 3 **Психология групповых явлений**

<i>Ю. Л. Астраханцева, Н. И. Леонов</i> Социальные представления преподавателей вуза с высоким уровнем конфликтности о разрешении конфликтов со студентами	212
<i>Е. В. Бакиштова</i> Представления об интеллигенции в эпоху социальных трансформаций	214
<i>Ю. В. Бражник</i> Мужчина в изменяющемся мире. Причины трансформации мужской сущности	220
<i>Е. А. Гагарина</i> Сравнительный анализ профилей личности спортивных и музыкальных фанатов	222
<i>Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко</i> Угроза здоровью в обыденном восприятии: случай ВИЧ-инфицирования и СПИДа	225
<i>М. И. Дрепа</i> Личностные особенности интернет-зависимых студентов	227
<i>Т. П. Емельянова</i> Представления о гражданской ответственности в обыденном сознании	234
<i>Т. П. Емельянова, А. В. Кузнецова</i> Содержание, структура, основные характеристики и особенности социальных представлений о душевнобольном в различных группах общества	241
<i>Т. П. Емельянова, А. Тимофеева</i> Опыт использования экспрессивного рисунка в исследовании коллективной памяти у чехов	244
<i>Т. П. Емельянова, А. В. Шустова</i> Конструирование социальных представлений о гражданском обществе в современной России	246

<i>Е. Д. Ефремова, П. Н. Степанова</i>	
Изменение представлений о брачном партнере	248
<i>А. Л. Журавлев</i>	
Теоретические подходы к исследованию разных форм коллективного субъекта	254
<i>В. П. Левкович</i>	
Возраст вступления партнеров в брак как один из факторов стабилизации и дестабилизации молодой семьи	264
<i>Н. Б. Лисовская</i>	
Проблемы семьи и карьеры в современном мире	272
<i>Н. А. Лукина</i>	
Специфика межличностных отношений в процессе общения в интернет-среде	279
<i>Н. В. Мешкова</i>	
Психологические источники межгрупповой предубежденности	285
<i>И. М. Пивоварчик, Е. А. Дудкина</i>	
Проблема ценностных ориентаций мужчин и женщин в изменяющемся мире	287
<i>В. И. Пищик</i>	
Социально-психологические характеристики ментальности постсоветских поколений в условиях социокультурного кризиса	289
<i>В. П. Позняков</i>	
Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности	297
<i>В. П. Позняков, В. Л. Хромова</i>	
Психологические отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин	299

Часть 4
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>А. И. Глинка</i>	
Психологические особенности профессионального становления женщины-руководителя	303
<i>Е. И. Горбачева</i>	
Представления руководителей о нравственности	305
<i>К. В. Ермолина</i>	
Организационно-психологические условия адаптации молодых специалистов	310
<i>И. В. Изюмова</i>	
Доверие к кредитным организациям в представлениях молодежи в период экономического кризиса	311
<i>О. А. Кожевникова</i>	
Влияние экономико-психологических характеристик предпринимателя на стратегии оплаты труда в организациях малого бизнеса	318
<i>Е. Д. Короткина</i>	
Социально-психологическое обеспечение командного взаимодействия в организации	323

<i>Д. В. Клиновой</i> Рентно-экономические аспекты развития общественных систем в социобытийной картине спиральной динамики	326
<i>О. А. Ключева</i> Проблема конкурентоспособности личности в современных социально-экономических условиях (психологический аспект)	333
<i>А. Н. Лебедев</i> Психология маркетинговых коммуникаций в изменяющемся обществе	337
<i>Т. А. Нестик</i> Полихронность как характеристика отношения личности к времени	340
<i>Т. А. Нестик., Е. В. Жукова</i> Психологические особенности отношения руководителей к будущему своей организации	344
<i>Н. И. Орлова</i> Мотивация исполнительской деятельности у представителей разных ее социально-психологических типов	348
<i>И. М. Пелевина</i> Роль команды в развитии творческого потенциала сотрудников организации	357
<i>В. П. Позняков, Т. С. Вавакина</i> Деловое партнерство как одна из форм деловой активности предпринимателей	359
<i>В. П. Светлакова</i> Социально-психологические факторы успешности деятельности современных женщин-предпринимателей	361
<i>О. И. Титова</i> Региональные различия психологических отношений предпринимателей к своей экономической деятельности	366
<i>Е. Б. Филинкова</i> Некоторые социально-психологические особенности современных исполнителей	374
<i>С. Ю. Флоровский</i> Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей в условиях организационно-экономических изменений	377
<i>В. А. Хащенко</i> Доход и субъективное экономическое благополучие	384
<i>С. В. Щепоткин</i> Социальная ответственность бизнеса: прототипы представлений у представителей среднего и крупного бизнеса	392
<i>Е. Я. Эльяфи</i> Психологические особенности сотрудников, различающихся отношением к организационным изменениям	393

Часть 1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

СПЕЦИФИКА МИРООЩУЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СРЕДАХ

Д. В. Беспалов (Курск)

В настоящее время государственные структуры все больше внимания уделяют молодежной политике, появляются новые молодежные движения, которые требуют должного психологического сопровождения. Особый интерес вызывает влияние таких объединений на формирование стержня личности, ее направленности и мироощущения. По мнению В. В. Рубцова, А. С. Чернышева, образовательная среда и среда дополнительного образования являются значимым фактором в формировании мироощущения молодежи (Рубцов, 1996; Чернышев, 2007; Чернышев, Сарычев, 2008). Необходимо отметить, что социализация личности в условиях вариативного образования зависит как от состояния социальной среды и малой группы, в которую она включена, так и от позиции самой личности, поэтому недостаточно создать развивающую социальную среду, необходимо воздействовать на позицию личности, формировать ее субъектность и желание воспринимать положительные влияния социума.

Проводимые в настоящее время психологические исследования выявляют масштабы и глубину изменений в сфере социализации детей и подростков. По мнению А. Л. Журавлева и А. С. Чернышева, на рубеже XX–XXI вв. произошли глобальные социальные преобразования в современном мире и в России, которые породили огромное число проблем, вызывающих интеллектуальное, духовное, эмоциональное и физическое напряжение человека. Благодаря мощному воздействию средств массовой информации, расширению контактов, человек по-новому воспринимает мир (Чернышев, Сарычев, 2008). Эти

* Работа поддержана грантом РГНФ «Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже XX–XXI вв.)» № 08-06-00 312а.

резкие изменения в социальном развитии и одновременно мощные изменения социальных ценностей не могли не сказаться как на уровне общественного сознания, так и на индивидуальной системе социальных установок и ценностных ориентаций отдельного человека, т. е. на мироощущении личности.

Особое значение имеет влияние происходящих в социуме изменений на молодое поколение. Возникают качественно новые элементы в процессе жизненного самоопределения молодежи, переосмысливается социальная значимость тех или иных жизненных целей и ценностей. Эти процессы, безусловно, усиливают требования к личности, к способностям, к самостоятельному нравственному выбору, ответственности за свои действия, структурированности всей системы отношений личности к себе, другим и миру в целом.

По нашему мнению, именно возрождающиеся молодежные движения должны сыграть важную роль в преодолении имеющихся сложностей в развитии полноценной, духовно богатой личности, становление которой было затруднено социальными катаклизмами российского общества.

Изучение любого явления предполагает уяснение его сущности, четкое определение понятий. Для проводимого исследования принципиально важным является понятие мироощущения. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой мироощущение определяется как отношение человека к окружающей действительности, обнаруживающееся в его настроениях, чувствах, поступках (Ожегов, 1975).

Проблема того, как человек воспринимает окружающую действительность, смотрит ли на жизнь с надеждой или видит все в мрачном свете, волновала еще философов античности: Аристотеля, Платона, Пифагора, в дальнейшем особое внимание этой проблеме уделяли Т. Гоббс, Б. Спиноза, Г. Лейбниц и др. (Философский словарь, 1986). Среди зарубежных исследователей проблемой мироощущения занимались представители гуманистического направления в психологии Г. Олпорт, Э. Фромм, А. Маслоу и др. (Олпорт, 1998; Фромм, 1994).

Пытаясь создать единую теорию личности, Г. Олпорт затрагивает тему мироощущения, считая, что понятие диспозиции личности воплощает ее целостное мироощущение (Олпорт, 1998). Понятие мироощущения по Г. Олпорту заключено в вопросах: что такое личность и что такое диспозиции личности? Автор, давая ответ на эти вопросы, выделяет три вида диспозиций личности: кардинальные, центральные и вторичные, при этом Г. Олпорт понимал, что характеристика личности не ограничивается набором диспозиций. Он предположил, что существует единый принцип организации установок, оценок, мотивов,

ощущений, склонностей индивида, который он назвал проприумом. Под этим термином он понимал позитивное, творческое, стремящееся к росту и постоянно развивающееся свойство человеческой природы. Это та часть субъективного опыта, которая характеризуется словом «мое» (Олпорт, 1998).

Э. Фромм считал, что на мироощущение личности огромный отпечаток накладывают общественно-исторические условия, в которых живет человек. Для того чтобы изменить личность и ее мироощущение, необходимо преобразовать социум, создать общество не деформирующее, а развивающее личность (Фромм, 1994).

Одним из первых психологов, занявшихся проблемой мироощущения в нашей стране, был С. Л. Рубинштейн, который сумел совместить философский поиск с конкретными психологическими исследованиями, смог вплотную подойти к решению сущностных проблем человека. В частности, им разработана концепция направленности личности, рассматривающая вопросы отношения человека к миру, т. е. вопросы мироощущения (Рубинштейн, 1973, 2003).

С. Л. Рубинштейн прямо не употреблял термин «мироощущение», тем не менее, в своих работах он затрагивал эту важную тему. Так, в «Основах общей психологии», рассматривая вопрос понятия личности, он фактически, в неявной форме, использовал понятие мироощущения, а в последней обобщающей работе «Человек и мир» им раскрыта проблема существования человека в соотношении его с бытием (Рубинштейн, 2003).

У С. Л. Рубинштейна отношение к окружающему (мироощущение) является одной из важнейших характеристик личности. По его мнению: «подлинная личность определенностью своего отношения к основным явлениям жизни заставляет и других самоопределиваться. К человеку, в котором чувствуется личность, редко относятся безразлично, так же как сам он не относится безразлично к другим; его любят или ненавидят; у него всегда есть враги и бывают настоящие друзья» (Рубинштейн, 2003, с. 502).

Восприятие мира человеком С. Л. Рубинштейн представляет на основе значимости мира для человека. Таким образом, мироощущение определяется наиболее значимыми отношениями конкретного человека в некотором пространстве и социуме. По мнению Рубинштейна, глубина и богатство личности предполагают глубину и богатство ее связей с миром, с другими людьми; разрыв этих связей, самоизоляция опустошают ее. Личность – это не существо, которое просто вросло в среду; личностью является лишь человек, способный выделить себя из своего окружения для того, чтобы по-новому, сугубо избирательно связаться с ним с помощью мироощущения. Личностью является лишь

человек, который относится определенным образом к окружающему, сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляется во всем его существе (Рубинштейн, 1973, 2003).

Очень близко с взглядами С. Л. Рубинштейна находится позиция А. С. Чернышева. Он, развивая идеи Рубинштейна применительно к новым условиям, в которых оказались современные молодые люди России, считает, что ценностные приоритеты нового российского общества еще настолько неопределенны и противоречивы, что естественным следствием стала и ценностная деформация самосознания личности. Разрешение сложившегося кризиса и формирование полноценной личности являются задачами первостепенной важности, как для исследователей личности, так и для государственной системы образования и социальной поддержки молодежи (Чернышев, Сарычев, 2008).

Г. М. Андреева связывает мироощущение с «образом мира» в сознании человека. Говоря об образе мира, она отмечает, что периоды нестабильности накладывают отпечаток на образ мира в целом (Андреева, 2000). Этот образ складывается из совокупности воспринимаемых образов отдельных элементов, но не только из них. Существенную роль играет и формирование некоторой общей общественной атмосферы. В построении образа мира (особенно в эпоху нестабильности) важная роль принадлежит активности самого человека, по этому поводу Г. М. Андреева пишет: «Активное освоение той социальной реальности, в которой каждому человеку приходится обитать, и есть важнейшее условие для формирования наиболее адекватного образа социального мира» (Андреева, 2000, с. 229).

Среди исследований мироощущения, предпринятых отечественными психологами, наиболее интересными нам представляются работы И. В. Дубровиной «Мироощущение подростков и старшекласников», «Социально одаренные дети: путь к лидерству» А. С. Чернышева, Ю. Л. Лобкова, С. В. Сарычева, В. И. Скурятина, а также исследования С. В. Кривцовой и Е. Б. Фанталовой (Дубровина с соавт., 1996).

Основываясь на теоретических положениях С. Л. Рубинштейна, И. В. Дубровиной и А. С. Чернышева, мы провели эмпирическое исследование мироощущения подростков и юношей в различных социальных средах. В исследовании приняли участие подростки школ г. Курска, воспитанники трех детских центров: «Аргон» г. Курск (для социально активной, благополучной молодежи), «Орленок» п. Пристень (для детей с трудной жизненной ситуацией) и «Баркова гора» г. Воронеж (изучались «обычные» школьники из Брянской, Тамбовской и Воронежской областей). В качестве респондентов юношеского возраста были взяты студенты Курского госуниверситета

и активисты молодежных движений («Наши», «Молодая гвардия»), участвовавшие во всероссийском образовательном форуме «Селигер 2008». Всего в исследовании приняли участие 254 чел.

В ходе пилотажного исследования мы пришли к выводу, что феномен мироощущения эффективнее изучать с помощью малоформализованных методов, таких как беседа, наблюдение и контент-анализ суждений по поводу отношения молодых людей к жизни (методика «Удовлетворенность жизнью» И. В. Дубровиной) (Дубровина с соавт., 1996).

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что молодежные общественные организации, в которых создается социальная среда типа «социального оазиса» (Чернышев, 2007), повышают активность субъекта и таким образом способствуют формированию позитивного мироощущения.

Использование методики незаконченных предложений позволило выявить характер мироощущения испытуемых. Мироощущение подростков и юношей, включенных в молодежные объединения, по ряду показателей отличается от мироощущения обычной молодежи, особенно яркие отличия наблюдаются у детей, находящихся в сложной жизненной ситуации.

Сравнивая подростков из молодежного движения «Аргон» и детей с тяжелой жизненной ситуацией (ТЖС), в целом можно отметить, что последние очень ценят семейные ценности, так как им не хватает домашнего уюта и тепла. Продолжая фразы «Самое главное для меня...», «Родной дом – это...», «Больше всего мне на свете необходимо...», «Мне больше всего нравится...», «Мне становится хорошо, когда я думаю о ...» они в первую очередь выбирали семью и родителей. У большинства опрошенных преобладает позитивное мироощущение, однако примерно у 10–15% подростков со сложной жизненной ситуацией наблюдается негативное мироощущение. Так, 10% испытуемых считает, что родной дом – это «ничего», 12% испытуемых на вопрос «Когда я смотрю вокруг, я вижу...» дает ответы: «жестокость, чужих, грязный мир», а 15% испытуемых видит свое будущее плохим и размытым. По сравнению с другими категориями испытуемых, у подростков с трудной жизненной ситуацией слабо развито чувство патриотизма, которое ярко проявляется у социально активной молодежи из движения «Аргон», например, предложение «Я больше всего горжусь...» 22% активистов движения «Аргон» заканчивает «Я горжусь родиной и страной», в то время как у остальных испытуемых подобные ответы не встречаются.

Мы солидарны с мнением А. С. Чернышева и С. В. Сарычева, которые считают, что важнейшей характеристикой мироощущения

молодежи являются особенности восприятия привычной среды обитания (Чернышев, Сарычев, 2008, с. 15). Отношение школьников к своему родному городу, к конкретному и постоянному месту своего проживания мы выясняли путем анализа суждений, полученных в результате завершения фразы: «Мой город (село) замечателен тем, что...». Установлено, что у большинства испытуемых сложилось положительное или амбивалентное отношение к родному городу. Каждый опрашиваемый нашел что-то положительное и замечательное в своем месте проживания. Исключение составляют подростки с ТЖС, у которых присутствует и отрицательное отношение к родному городу (10–15% испытуемых). В частности, встречаются следующие ответы: «...в другом городе не лучше», «...придется здесь жить». Заметны различия в ответах испытуемых, состоящих в молодежных движениях и не состоящих. У второй категории испытуемых большая часть суждений носила эгоцентрический характер: «Мой город замечателен тем, что я в нем живу» (22%) или «...он мой (10%)», «...я здесь родился (18%)». У активистов организации «Аргон» и «Наши» наиболее частотны следующие варианты ответов: «...много хороших, замечательных людей» (24%), «...город чистый, красивый, современный» (20%), «...богатая история» (12%).

Удовлетворенность своим местом жительства в настоящем отнюдь не означает, что в будущем человек не захочет его изменить. В ходе нашего исследования были получены интересные результаты: несмотря на положительное отношение к месту своего жительства, активисты молодежных движений готовы поменять свое место жительства («Аргон» – 52%, «Селигер» – 67%), а подростки с ТЖС и «обычные» школьники в меньшей степени готовы к перемене места жительства (28% и 35% соответственно). Данный факт объясняется большой социальной мобильностью, отсутствием боязни перемен у социально активной молодежи. Из причин, по которым молодые люди хотят уехать, можно выделить следующие: отсутствие престижной работы и перспектив, получение хорошего образования, желание посмотреть мир. При этом у активистов молодежных движений преобладают мотивы саморазвития, а у обычной молодежи – материальные стимулы.

В ответах комиссаров движения «Наши» и активистов «Аргона» наблюдается выраженное ценностно-ориентационное единство, это проявляется в схожести ответов на вопросы анкеты, в наличии единого смысла этих ответов (патриотизм, стремление к деятельной жизни, активная гражданская позиция). У данной группы респондентов преобладает позитивное мироощущение, сформирована позиция социального оптимизма, что во многом объясняется приоритетом внутреннего локуса контроля над внешним, т. е. молодые люди верят,

что могут сами изменить окружающий мир, многого добиться в жизни. На формирование такой позиции повлияло участие в молодежных движениях, где ребята на практике, в решении конкретных задач, увидели, что могут добиваться многого.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000.
Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Под ред. А. Л. Журавлева. М., 1996.
Дубровина И. В., Андреева А. Д., Данилова Е. Е. и др. Психологический мониторинг. Вып. 1 // Мироощущение подростков и старшеклассников. М., 1996.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975.
Олпорт Г. Личность в психологии. М., 1998.
Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2003.
Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1973.
Рубцов В. В. Основы социально-генетической психологии. М., 1996.
Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1986.
Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
Чернышев А. С. Социально одаренные дети: путь к лидерству (экспериментальный подход). Воронеж, 2007.
Чернышев А. С., Сарычев С. В. Динамика мироощущения и социального самоопределения подростков и юношей в изменяющейся России на рубеже XX–XXI веков. Курск, 2008.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЧЕЛОВЕКА И СРЕДЫ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

М. В. Григорьева (Саратов)

Категория «взаимодействие» относится к общенаучным. Начало ее оформления (без кристаллизации в термине) относится ко времени коренных изменений в развитии взглядов на психику, когда в конце XVI–начале XVII вв. Френсисом Бэконом активно пропагандировалось эмпирическое знание и переход от умозрительного изучения природы человека к опытному. Революция в методологии познания психики человека выводит психологическое знание на новый путь, позволяющий принципиально разграничить две области бытия: душу и тело. Однако такое противопоставление, приводящее, по мнению С. Л. Рубинштейна, к раздвоению мира, неправомерно (Рубинштейн, 1957).

Дальнейшее историческое развитие философских и психологических идей приводит к необходимости введения связующего звена

между психическим и внешним объективным миром. Объединение разрозненных элементов системы функционирования организма и психики происходило посредством понятия «взаимодействие» и трактовалось мыслителями XVII в. как влияние одного элемента на другой.

В XVIII в. содержание понятия «взаимодействие» продолжает расширяться и обогащаться новыми знаниями. Французскими материалистами взаимодействие трактуется как двойная зависимость. Во-первых, внешние физические причины действуют на душевные акты, и, во-вторых, от состояния души зависит благополучие тела. Душевная жизнь, с точки зрения французских материалистов, зависит от воздействия не только физических причин, но и детерминируется социальными (Ярошевский, 1985).

В середине XIX в. произошел еще один методологический прорыв в изучении процессов взаимодействия психики и среды, связанный с распространением закона сохранения энергии на живую природу. На основе представления об организме как энергетической системе, включенной в общую мировую энергетическую систему природы, «детерминистский взгляд на жизнедеятельность получил новое выражение, утверждавшее единство организма и среды на уровне энергетического... взаимодействия» (Ярошевский, 1985, с. 194).

Для современной психологии характерно, с одной стороны, в силу накопления знаний, все более возрастающая дифференциация и, с другой, в силу сложности и многоплановости ее предмета, все более мощная интеграция различных наук (Ананьев, 2002).

Современные исследователи проблемы взаимодействия личности и среды изучают ее в нескольких направлениях:

- изучение специфичных составляющих (городская, образовательная, социальная, консультационная и др. среды) и целостности окружающей среды как фактора и детерминанты личностного функционирования и внутренних состояний, акцентирование внимания на пространственных и физических характеристиках среды и исследование обобщенных процессов взаимодействия личности и социальной среды (В. И. Панов, В. А. Ясвин, И. С. Баева, Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский, Л. В. Смолова и др.);
- изучение когнитивных процессов у субъекта в ходе взаимодействия с окружающей средой и их результатов: образа окружающей среды и жизненного пространства, представлений об окружающей среде и следующего вслед за ними эмоционально-оценочного отношения к ней (В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, Е. Ю. Артемьева, Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский и др.);

- углубление содержания понятия «взаимодействие» и общения в традиционном для социальной психологии ключе (А. Л. Журавлев, А. А. Бодалев, В. А. Лабунская, Т. С. Кабаченко, Е. Л. Доценко и др.);
- изучение взаимодействия личности и среды как системы, образование которой обусловлено общими законами развития системы, контекстом ситуации, спецификой деятельности субъекта, естественной и/или целенаправленной динамикой развития системы и т. д. (В. Д. Шадриков, В. А. Барабанщиков, А. В. Карпов, В. И. Панов, Ю. П. Поваренков, В. Н. Носуленко и др.).

В отечественной педагогической психологии особый интерес представляют исследования последних десятилетий, посвященные образовательной среде. Истоки данного направления заложены еще Л. С. Выготским, который считал, что человек «вступает в общение с природой не иначе как через среду, и в зависимости от этого среда становится важнейшим фактором, определяющим и устанавливающим поведение человека» (Выготский, 2005, с. 12). Среда понималась им как культурно-историческая реальность, интегрирующая в себе весь предшествующий опыт развития человечества и состоящая из предметов, имеющих для человека определенное значение. Именно в значении отражен опыт человечества по поводу данного предмета. Воспитывать и обучать, по Л. С. Выготскому, – это значит, формировать правильные условные рефлексы правильными стимулами, а правильность задается знаком – культурно-историческим значением данного стимула. Взаимодействие человека с миром имеет «трагический и диалектический характер непрестанной борьбы между миром и человеком и между различными элементами мира внутри человека» (Выготский, 2005, с. 46).

Интерес исследователей к взаимодействию развивающейся личности с образовательной средой возобновился в 90-е годы XX в. с появлением в системе образования штатных психологов. Психологи, получив широкую экспериментальную базу, занялись активным изучением различных вопросов, связанных с оптимизацией образовательной среды и ее влиянием на развитие детей, подростков, юношей и девушек.

Одним из первых в это время к исследованиям образовательной среды обратился В. В. Рубцов. Важнейшими составляющими социальной ситуации развития ребенка в процессе его обучения в школе он считал социальные взаимодействия. Ориентация на взаимодействия в социальной среде и определение решающей роли коммуникативных процессов в развитии ребенка позволили назвать данную модель взаимодействия с окружающей средой «коммуникативно-ориенти-

рованной моделью образовательной среды» (Коммуникативно-ориентированные образовательные среды, 1996).

Разработанная В. А. Ясвиным векторная модель образовательной среды – «эколого-личностная» – дает возможность описания, проектирования и экспертизы образовательной среды с использованием двух биполярных конструктов: «свобода–зависимость» и «активность–пассивность». Построенная в пространстве этих двух векторных осей модель школьной среды может быть отнесена к одному из четырех базовых типов: «догматическая среда», способствующая развитию пассивности и зависимости ребенка; «карьерная среда», способствующая развитию активности, но и зависимости ребенка; «безмятежная среда», способствующая свободному развитию, но и обуславливающая формирование пассивности ребенка; наконец, «творческая среда», способствующая свободному развитию активного ребенка (Ясвин, 1998).

Оригинально понимание образовательной среды у В. И. Слободчикова: «образование – это естественное и, может быть, наиболее оптимальное место встречи личности и общества, место продуктивного и взаиморазвивающего разрешения бытийных противоречий между ними» (Слободчиков, Громыко, 2000, с. 4). Образовательная среда – это «не просто сорганизованная совокупность учителей, родителей, детей, призванных решать некие задачи подготовки к пока еще отсутствующему будущему», это «исторически сложившаяся культурная форма встречи детей, молодых, взрослых» в реальной и полноценной жизни сегодня.

Разрабатываемая В. И. Пановым психодидактическая модель образовательной среды основывается на понимании данной среды как системы (совокупности) «влияний и условий, которые создают возможность для раскрытия как еще не проявившихся способностей учащихся и педагогов, так и для развития уже проявившихся у них способностей, в соответствии с присущими каждому из них природными задатками, интересами и склонностями, с одной стороны, образовательными целями данного учреждения – с другой» (Панов, 2004, с. 70). Отличие от других моделей исследователь видит в том, что особый акцент ставится на типах коммуникативного взаимодействия субъектов образовательной среды: учащихся, учителей, родителей. В качестве типов взаимодействий выделяются такие как: субъект-объектный (педагогическое воздействие), субъект-субъектный и совместно-субъектный (педагогическое взаимодействие) и субъект-порождающий (педагогическое содействие) (Панов, 2001). Функции образовательной среды должны соотноситься с психодидактическими и экпсихологическими принципами: это не только создание условий для социализации и развития субъектных и лич-

ностных качеств и индивидуальности учащегося, но и реализация природосообразных образовательных технологий «в смысле их соответствия природным, физиологическим и психологическим, а также социальным особенностям и закономерностям возрастного развития учащихся» (Панов, 2004, с. 71).

Динамичность (в смысле изменений, движения от одного состояния к другому) целостной системы «человек – образовательная среда» является необходимым условием ее существования в силу специфичности главного субъекта взаимодействий – развивающегося школьника. В анализируемых моделях образовательных сред данный динамизм обозначается и изучается с помощью определенных категорий: передача образцов и норм жизнедеятельности от взрослого к ребенку внутри развивающейся общности; изменение личностных черт воспитанника в направлении формирования его активности и свободы (Ясвин, 1998); на уровне общественных взаимодействий – сценарии развития образования с точки зрения преобладания одной из трех «разных позиций в поле противоборствующих политических сил» и на другом уровне – развития человека – его движение от природной «самости» к подлинной личности, обращенной к другим и открытой Богу (Слободчиков, 2005, с. 56); оптимизация «регуляторно-когнитивной структуры построения учебной деятельности как того психологического новообразования и технологического компонента, который обеспечивает успешность (неуспешность) восприятия и усвоения учащимся учебного материала» (Панов, 2004, с. 72). Однако вопросы, связанные с исследованиями в этих направлениях, скорее обозначаются как проблемы, в достижении оптимального функционирования и человека, и образовательной среды не учитываются одновременно и согласованность изменений внутри целостной системы, открытым остается вопрос о собственно психологических механизмах взаимодействий школьника и образовательной среды. Все это позволяет поставить задачу изучения согласованности и поиска путей оптимизации в системе школьных взаимодействий, имея в виду взаимодействие в сложной и полифункциональной системе «ученик – образовательная среда».

Пути решения данной проблемы мы связываем с общенаучной методологией системного подхода и его современных форм. Поскольку человек представляется сложной, открытой и саморазвивающейся системой, мы делаем акцент на изучении его активности, гибкости, адаптивности и возможности самоорганизации процессов его взаимодействий со средой на основе информационной открытости. Другими словами, в категорию детерминации мы вводим диалектическое содержание, связанное с существованием случайности и не-

обходимости, устойчивости и неустойчивости и следующих за этим динамики и стабильности. Данные тенденции функционирования системы взаимодействий школьника и образовательной среды, как мы полагаем, не исключают, а взаимодополняют друг друга, обеспечивая целостность, реалистичность, гармоничность и зрелость личности школьника, способствуя созданию оптимальных условий функционирования системы школьных взаимодействий.

В современной психологии выделяются исследования, в которых акцентируется внимание не столько на особенностях отдельных процессов, сколько на их качественной специфике в связи с включением в некоторую целостную систему. Данная система с ее системообразующими признаками, системными свойствами и связями обозначается в них как предмет изучения, и внимание исследователя обращено на «собственное бытие системы». Это позволяет выделить данное направление в исследованиях взаимодействия человека и среды в отдельное и специфичное, предполагающее «специальную работу по построению предметного содержания науки адекватными методологическими средствами» (Идея системности в современной психологии, 2005, с. 3).

Логично, на наш взгляд, выделение еще одного направления исследований, которое некоторые ученые (И. В. Прангишвили, В. В. Вагурин, Н. И. Сарджвеладзе и др.) представляют как закономерную перспективу развития системного подхода – синергетическое. Исследователи, работающие в этом направлении, по-новому рассматривают детерминацию психических явлений, не с точки зрения каузальной обусловленности, а принимая во внимание вероятностный характер происходящих в мире событий и придавая случайному событию важную роль в функционировании открытой системы. В отличие от классических парадигм исследования, синергетическая парадигма нацеливает на изучение «не ставшего, а становящегося, не на бытие, а на динамику процессов его эволюции» (Вагурин, 2006, с. 6–7). Безусловно, однозначное исключение и замена каузальной детерминации на признание случайности как единственного основания и сценария развития событий, не может быть продуктивным и валидным для такого сложного феномена, как психика человека. Очевидно, именно возможность (а иногда и реальность) такой замены вызывает справедливую критику синергетической парадигмы со стороны некоторых философов и психологов.

Однако еще С. Л. Рубинштейн указывал, что всякий познавательный акт мира человеком вносит в его поведение новые детерминанты (Рубинштейн, 1957). А Б. Ф. Ломов, развивая идею динамичности детерминации психического во взаимодействии человека с миром,

считал, что «связь между причиной и следствием не является жесткой и однозначной», «приходится иметь дело не только с каузальными связями, но и со связями, определяемыми понятиями «условие», «фактор», «основание», «предпосылка», «опосредование» и др.» (Ломов, 1984, с. 100). Сложность и неоднозначность самого процесса детерминации приводит к тому, что при определенных обстоятельствах система становится неустойчивой, а процесс ее развития «размывается». Рассматривая проблему детерминации психических явлений, Б. Ф. Ломов имеет в виду не только детерминацию развития, но и «развитие детерминации» (Ломов, 1984, с. 100). Другими словами, для более адекватного описания психической реальности необходим поиск новых оснований и детерминант ее развития. Одним из путей может быть применение законов самоорганизации открытой системы психики в ее взаимодействиях с вероятностным, событийным миром. Вопрос о детерминации психических явлений является ключевым, правильный ответ на него определяет истинно научное психологическое исследование. Постичь детерминированность психических явлений – это значит, по С. Л. Рубинштейну, найти пути их формирования и воспитания (Рубинштейн, 1957).

Синергетическая парадигма исследования не исключает активности и свободной воли человека, поскольку внутренние силы субъекта взаимодействий, наряду с внешними причинами, признаются и учитываются в качестве влиятельных факторов (в терминах синергетики, «аттракторов»), а нелинейно-диспропорциональное воздействие на систему слабых причин оказывается возможным лишь тогда, когда оно соответствует внутренним тенденциям развития системы. Внешние воздействия дают определенный внутренний эффект лишь тогда, когда они преломляются через психическое состояние субъекта (Рубинштейн, 1957).

Постановка вопроса о детерминации психических явлений приводит к необходимости различать внешние обстоятельства – среду и условия жизни и деятельности индивида. Окружающая среда, по С. Л. Рубинштейну, это вся совокупность внешних обстоятельств, а условия жизни – это те внешние обстоятельства, которые находятся в объективных отношениях к жизни человека, это система реальных отношений, в которую включается человек (Рубинштейн, 1957). Эта система реальных отношений должна быть выявлена специальным психологическим исследованием.

Таким образом, исторический обзор формирования и развития категории взаимодействия, анализ связанных с ее разработкой проблем, позволяет определить ее теоретическую, методологическую и прикладную значимость, а сложность и недостаточная разработан-

ность проблемы взаимодействия человека и среды применительно к образовательному процессу в школе требует отнести ее к одной из актуальных проблем современной психологии вообще и педагогической психологии в частности.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб., 2002.
- Вагурин В. А. Синергетика эволюции современного общества. М., 2006.
- Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 2005.
- Идея системности в современной психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2005.
- Коммуникативно-ориентированные образовательные среды. Психология проектирования / Под ред. В. В. Рубцова. М., 1996.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Панов В. И. К проблеме психолого-педагогического проектирования и экспертизы образовательного учреждения // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 14–20.
- Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М., 2004.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание // О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.
- Слободчиков В. И. О соотношении категорий «субъект» и «личность» в контексте психологической антропологии // Развитие личности. 2005. № 2. С. 49–58.
- Слободчиков В. И., Громыко Ю. В. Российское образование: перспективы развития // Директор школы. 2000. № 2. С. 3–12.
- Ярошевский М. Г. История психологии. 3-е изд., дораб. М., 1985.
- Ясин В. А. Векторная модель школьной среды // Директор школы. 1998. № 6. С. 13–22.

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ МИРА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

С. А. Дружилев (Новокузнецк)

В психологии стало уже традиционным представление о том, что человек формирует некоторую систему образов, которая лежит в основе регуляции поведения и в конечном счете его жизни в целом. У каждого человека есть свой определенный образ мира и окружающих людей, и человек действует и чувствует себя, как отмечал

Э. Берн, не в соответствии с действительными фактами, а в соответствии со своими представлениями об этих фактах. Специфика картины мира человека определяет глубину и границы познания, эмоциональное отношение и готовность активного действия в нем.

В условиях новой технической и информационной реальности многие виды деятельности (профессиональной и непрофессиональной) связаны с процессами приема и переработки информации. Профессиональная деятельность (в том числе операторов) является частным случаем трудовой жизнедеятельности, человеческого бытия вообще. Опираясь на идеи С. Л. Рубинштейна о сущностной специфике способа бытия человека в мире (Рубинштейн, 1973, с. 276), современные исследователи (Суходольский, 2000; Завалишина, 2003) рассматривают профессиональную деятельность как систему отношений человека с миром, реальным и воображаемым.

В связи с этим многие категории и методы, первоначально созданные и используемые в инженерной психологии, приобрели общепсихологический характер и могут быть распространены на другие виды профессиональные деятельности, а в ряде случаев – и на сферу человеческого бытия. К таким категориям могут быть отнесены понятия «информационная модель», «оперативный образ», «концептуальная модель деятельности».

Понятие «информационная модель» применительно к операторской деятельности было предложено и Д. Ю. Пановым, и В. П. Зинченко в 1964 г. Информационная модель (ИМ) – это *организованная* в соответствии с определенной системой правил *совокупность информации*, поступающей по каналам связи от управляемого объекта и характеризующая состояние объекта, самой системы управления и внешней среды. Технической основой для формирования ИМ являются системы и средства отображения информации (СОИ).

Любой человек и без технических СОИ получает значимую для его деятельности информацию. В. Н. Пушкин писал, что нет ни одного вида труда, в основе которого не было бы соответствующей формы информационного моделирования мира. В качестве предмета изучения психологической науки он предлагал рассматривать выяснение закономерностей построения и работы «мозговых информационных моделей внешнего мира», обслуживающих поведение человека (Пушкин, 1965). Поэтому, в общем случае, под *информационной моделью* может пониматься совокупность *организованной информации*, получаемой разными способами человеком для осуществления своей деятельности с желаемыми результатами.

Разработка принципов построения ИМ предполагает решение двух групп взаимосвязанных вопросов. Первая из них касается отно-

шения ИМ к объекту (событию): ИМ должна обеспечить необходимую *полноту* описания событий. Вторая группа вопросов касается отношения ИМ к особенностям воспринимающего ее человека: ИМ должна обеспечивать оптимальный информационный баланс и не приводить к дефициту или избытку информации, согласовываться с закономерностями гностических процессов, посредством которых человек принимает и перерабатывает информацию (Ломов, 1965, с. 134). Отметим, что сформулированные 40 лет назад проблемы построения ИМ в наши дни приобретают новую актуальность, связанную с организацией информационного обеспечения человека в условиях новой технической, информационно насыщенной реальности.

На основании восприятия *информационной модели* у человека формируется оперативный образ, разновидностью которого, по Д. А. Ошанину, является и так называемая *концептуальная модель деятельности* (КМД). Это понятие (*conceptual model*) было предложено английским психологом А. Т. Велфордом в 1961 г. на XIV Международном конгрессе по прикладной психологии и изначально раскрывалось как *глобальный образ*, формирующийся в голове оператора. В дальнейшем в работах отечественных психологов оно получило развитие и наполнение новым содержанием. Логико-временный анализ системы понятий, раскрывающих суть КМД (Дружилов, 2002), позволяет нам сформулировать современное видение этого феномена и расширить применительно к модели мира человека.

КМД – это своеобразный *внутренний мир* человека-деятели, который базируется на большом количестве *информации* о профессиональной среде, предмете труда, целях, средствах и способах деятельности. Она включает в себя представление специалиста о профессиональных задачах, знание последствий правильных и ошибочных решений, готовность к нестандартным, маловероятным событиям. Недостаточность признаков для построения КМД, их содержательная «обедненность», может сделать это *внутреннее средство* деятельности источником неадекватных действий. КМД включает три составляющие: образную, понятийную и действенную.

Важнейшими свойствами КМД являются *активность*, *целостность* и *динамичность*, характеризующие ее *готовность к изменениям*. При отсутствии такой готовности человек либо *игнорирует* информацию об изменениях в окружающей реальности и действует в соответствии со сложившимися неадекватными представлениями, что приводит к *деформации* трудового поведения и личности (Дружилов, 2004). Или же человек проявляет сверхнормативную активность, направленную на изменение мира в соответствии со своей системой представлений.

Картина (образ) мира человека как целостное образование является единством трех компонентов – *познавательного, эмоционального и волевого* (Бузунова, 2005). Картина мира (обобщенный его образ) находится в состоянии непрерывного *самоформирования* (Худяков, 2001). Процесс формирования «модели мира» есть непрерывное изменение ее структуры в результате восприятия человеком всего сигнально-информационного комплекса.

С позиций информационного подхода можно сделать предположение о строении «картины мира» человека (по аналогии с КМД) как *образно-понятийной психической модели* – «модели мира человека» (сокращенно обозначаемой далее в тексте как ММЧ). «Модель мира» представляет собой форму субъективной организации имеющейся у человека *значимой* информации, которая реализует процесс его целенаправленного поведения и деятельности.

Понятие «информация» может быть истолковано как некоторая совокупность сведений, определяющих меру наших знаний о тех или иных процессах, событиях, явлениях, фактах и их взаимосвязи (Мамиконов, 1983). Рассматривая информацию в аспекте регуляции активности человека, следует учитывать специфические проявления ее свойств. Прежде всего, информация есть способность материи быть *воспринимаемой*. Одно и то же явление может содержать или не содержать информацию для различных видов восприятия человека. Классический пример – газета, выпущенная на языке, понятном не для всех людей, которым она попадает в руки.

Образная составляющая ММЧ синтезируется из отдельных образов как *множество картин из оперативных* (быстро меняющихся) и *неоперативных* (относительно стабильных) образов ситуаций, фрагментами которых являются образы-цели, образы-объекты и образы-условия жизни и деятельности. Напомним, что предложенное С. Л. Рубинштейном понимание *онтологического субъекта* включает в себя и генетический аспект, в том числе представления о *внутренних условиях* как эффекте происходивших в *прошлом* взаимодействий человека с миром (Рубинштейн, 1973). Исходя из этого, можно предполагать, что опыт таких взаимодействий сохраняется в виде *относительно постоянных образов*, формирующихся у человека с раннего детства и проявляющихся в его морально-ценностной сфере.

Эмоционально насыщенные образы предстают для человека как *субъективная реальность*, управляющая его активностью. Чтобы понять зависимость проявления той или иной формы активности человека, как отмечают, «необходимо сам образ рассматривать по типу информационного процесса» (Петровский, 1998, с. 168). Однако следует учитывать, что информация, передаваемая *сигналом-обра-*

зом, качественно иная, чем информация, которую несет *сигнал-код* (Веккер, 1964).

Понятийная составляющая ММЧ состоит из названий объектов, субъектов, причинно-следственных и других отношений, из всего того, что можно выразить с помощью понятий, определений и т. д. С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что основное значение для мышления в понятиях имеет речь, слово. «Процесс мышления протекает в более или менее сложном сочетании наглядно-образного содержания представлений, с выходом за пределы непосредственной наглядности вербальным обозначением содержания мышления» (Рубинштейн, 1989, с. 373). Исследователь подчеркивал, что «слово – наиболее пригодное средство обозначения мысли» (там же).

Мыслительный процесс, согласно С. Л. Рубинштейну, включает в себя оперирование и образами, и понятиями. Отметим, что у человека большинство образов внешних объектов может быть *вербализовано*, т. е. выражено в понятийно-словесной форме. Справедливо и обратное: большинство понятий имеет или может получить конкретно- или абстрактно-образные дериваты. К полиморфизму образно-понятийных отношений в ММЧ необходимо стремиться при различных формах и уровнях обучения человека. Конечно, далеко не все воспринимаемое человеком может быть вербализовано. Но вербализация, т. е. понятийно-словесное выражение для описания умений, необходима и для самоконтроля, и для передачи опыта при *обучении*.

«Качество» формируемой индивидуальной ММЧ зависит от особенностей *организации информации*, поступающей человеку, от той объективной «информационной модели» (ИМ), посредством которой презентуется мир. Доминирование в ИМ *образной* формы подачи информации приводит к актуализации соответствующей (образной) составляющей ММЧ. Преобладание у человека образной составляющей в ММЧ приводит к тому, что мышление субъекта становится преимущественно «конкретным» – в отличие от вербально-понятийного (абстрактного) мышления, что, по сути, является проявлением *невербального интеллекта*. Следствиями такого вида мышления является «привязанность» мысли к данному объекту или ситуации – и снижение способности к обобщениям, прогнозу, синтезу.

Во многом картина мира человека формируется глобальными СМИ с использованием информационных технологий. Их вектор направлен, прежде всего, на *образную* составляющую ММЧ (следуя ставшему крылатым выражению А. Кончаловского: «Картинка сильнее слова!») – тогда поступающая информация минует фильтр сознания и воздействует непосредственно на чувства. Такой «перекос» в подаче информации ослабляет значимость второй сигнальной системы чело-

века. В результате понятийная и образная составляющие в картине мира слабо коррелируют друг с другом.

Начавшиеся глобальные по своим последствиям изменения в образовании, как отмечает М. Г. Делягин, ведут к изменению восприятия мира не только отдельной личностью, но и обществом (Делягин, 2008). Отказ от комплексного подхода в обучении в пользу «натаскивания» на отдельных примерах приводит к утрате человеком навыков самостоятельного мышления. Тенденция, когда «пример» из иллюстративного, вспомогательного элемента обучения становится основным, характерна и для профессионального, и общего образования. Она проявляется, в частности, в переходе к сдаче экзамена на основе обособленных тестов (например, ЕГЭ), а не в виде собеседования. Замена *понимания* изучаемого процесса суммой разрозненных *представлений* об отдельных его аспектах – серьезная угроза снижения интеллектуального уровня для всего общества.

Содержание индивидуальной «модели мира» человека может быть представлено как совокупность имеющейся у него «агрегированной» информации (т. е. обобщенной путем ее уплотнения и исключения второстепенной) о мире (Мамиконов, 1983, с. 108), являющейся результатом *предыдущих восприятий* этого мира. Облегчение коммуникаций в результате применения информационных технологий позволяет человеку, не углубляя своего восприятия мира, создать новую информацию, просто обменявшись мнениями с другими людьми, либо получая из глобальных СМИ.

Складывающаяся новая искусственная реальность, с точки зрения получения новой информации, важной для каждого индивидуума, «делает познание мира относительно менее необходимым и ценным» (Делягин, 2008, с. 54). В этих условиях индивидуальная ММЧ становится отражением не объективного мира, а некоторого «виртуального», созданного на основе специфически организованной (с помощью информационных технологий) *информационной модели*. Погружение человека в такой «виртуальный мир» все сильнее отгораживает его от реальности. С другой стороны, те, кто искал возможность восполнить недостаток внутреннего содержания впечатлениями внешнего мира, могут реализовать это: современные средства представления информации позволяют человеку *социально желательным* образом уходить от решения своих проблем (Дружилов, 2008).

Литература

Бузунова Л. Г. Духовность и картина мира человека // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Психология. 2005. Выпуск 1 (45). С. 5–7.

- Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1964.
- Деягин М. Г. Драйв человечества. Глобализация и мировой кризис. М.: Вече, 2008.
- Дружилов С. А. Концептуальная модель профессиональной деятельности как психологическая детерминанта профессионализма человека // Вестник Балтийской педагогической академии. Вып. 48. СПб.: Изд-во БПА, 2002. С. 46–50.
- Дружилов С. А. Профессиональные деформации и деструкции как следствие искажения психологических моделей профессии и деятельности // Журнал прикладной психологии. 2004. № 2. С. 56–62.
- Дружилов С. А. Уход от реальности как деструктивный способ выживания личности // Ананьевские чтения – 2008: Материалы научно-практ. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 380–382.
- Завалишина Д. Н. Субъектно-динамический аспект профессиональной деятельности // Психологический журнал, 2003. Т. 24. № 6.
- Ломов Б. Ф. О некоторых критериях оценки сигналов, передающих информацию человеку-оператору // Проблемы инженерной психологии: Материалы конференции. Вып. 2. Л., 1965.
- Мамиконов А. Г. Принятие решений и информация. М.: Наука, 1983.
- Петровский А. В. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998.
- Пушкин В. Н. Оперативное мышление в больших системах. М.-Л.: Энергия, 1965.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
- Суходольский Г. В. Метапсихология как новый подход к пониманию научной психологии // Вісник Харківського Університету. 2000. № 498. С. 140–143.
- Худяков А. И. Психофизика обобщенного образа: Автореф. дис.... докт. психол. наук. СПб., 2001.

ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

А. Л. Журавлев, И. А. Соина (Москва)

Человек живет в сложном изменяющемся многомерном мире. По мнению С. Л. Рубинштейна, «мир» предполагает в качестве своего ядра ««мир» *соотносительный с человеком*» (Рубинштейн, 2003, с. 301), который понимается также широко.

В связи с этим С. Л. Рубинштейн предлагает «новый подход к категориям». Развивая мысль о том, что «разным уровням бытия (особенно

человеческого бытия) соответствуют категории разных уровней», он подводит к пониманию того, что «время существует как время природы, физики, движения материи, жизни и как время человеческой истории (А. Бергсон, В. Гейзенберг)» и «пространство выступает как пространство физико-химических процессов, пространство организмов (В.И. Вернадский) и «пространство» человеческой жизни» (Рубинштейн, 2003, с. 301).

Человек в своей жизнедеятельности включен во множество одновременно существующих форм и видов пространственно-временных систем, под влиянием которых происходит его развитие как индивида и становление как личности. Разными философскими школами *пространство понимается как форма бытия*, и, являясь общенаучной категорией, оно стало объектом изучения многих дисциплин. Целая совокупность проблем в современной науке, в том числе психологической, решается с использованием этой категории. Методологический подход, при котором пространство трактуется как один из важнейших способов обоснования бытия человека, представляется весьма перспективным.

Согласно современным представлениям следует говорить о *множественности видов* пространственно-временного континуума, каждому из которых соответствуют свои специфические формы организации материи и хода временных процессов, свои особенности в развитии взаимодействия объектов. Поэтому современные исследователи, анализируя эти особенности, говорят о разных «пространствах» и разном «времени» в физических, биологических, социальных и других процессах. Таким образом, понятием «пространство», помимо физиков, биологов и философов, оперируют, как минимум, еще педагоги, социологи и психологи.

Наряду с традиционно находящимися в сфере научного интереса социальным, политическим, экономическим, образовательным видами пространства (П. Сорокин, П. Бурдье, С. К. Бондырева, Ю. М. Забродин, Н. А. Шматко), изучаются также информационное, коммуникативное, ценностное, духовное, бытийное, жизненное, интеллектуальное, ментальное, психологическое, личностное и другие виды пространства жизнедеятельности человека (А. В. Бурмистрова-Савенкова, А. Л. Журавлев, В. Е. Клочко, А. Б. Купрейченко, О. Ю. Маркова, О. И. Муравьева, С. К. Нартова-Бочавер, И. А. Соина, И. А. Сурина, О. Ф. Филимонова). При этом функционирование разных пространственных систем подчинено определенным закономерностям, и каждая, в свою очередь, обладает рядом отличительных особенностей.

Обстоятельное изучение любой категории и особенно такой, как «пространство», вызывает необходимость ее раскрытия во всей

полноте и сложности. Новые, более глубокие слои уже известных видов пространства или его новые виды требуют своего специального изучения и осмысления.

Особенности формирования разных видов пространства могут быть принципиально различными, так как они связаны и с функциональными характеристиками их элементов, и с системными связями видов пространства в целом и т. д. Одни его виды в жизнедеятельности человека структурируются на *объективных основаниях*, в том числе существующих социальных отношений, другие – *субъективных*, т. е. представлениях людей об окружающем мире, третьи, находясь на стыке, включают в себя *сочетание* того и другого. Изучение разных видов пространства сопряжено с огромными сложностями из-за множественности взаимных связей и зависимостей, разнообразия их функций, форм и структур. Поиски и изучение новых форм пространственной организации социальной и психической жизни человека, несмотря на высокую трудоемкость, всегда будут одной из важнейших научных задач.

Разработка одного из видов пространства – *социально-психологического*, в связи с его малой изученностью представляется нам особенно актуальной и может стать весьма перспективным научным направлением, так как его изучение продвигает нас в понимании многих проблем, остающихся до настоящего времени не вполне решенными. Это проблемы психологических отношений и влияний, трудности объяснения поступков и механизмов человеческого поведения и т. д. С позиции социально-психологического пространства можно рассмотреть проблемы взросления, становления идентичности (этнической, профессиональной и т. д.), социального созревания личности и др.

Именно в этом виде пространства «отношение человека к миру, к бытию и отношение человека к человеку существует в их взаимозависимости и взаимообусловленности» (Рубинштейн, 2003, с. 286). Эта взаимозависимость определяется особенностями формирования изучаемого пространства. Так, следуя траектории профессионального и карьерного движения, каждый человек вступает во множество социальных связей и отношений, влияний и воздействий, оценок и суждений. Но, проявляя высокую степень избирательности и руководствуясь своей ценностной системой, личность из многочисленных случайных контактов всегда выбирает людей, значимость которых для нее особенно высока и с которыми возникают жизненно важные отношения. Специфика построения личностью своего социально-психологического пространства заключается в «мере соотношения *самоопределения и определения другим* (условиями, обстоятельствами)» (Рубинштейн, 2003, с. 286). Более того, в том, как конструирует, а впоследствии изменяет свое пространство личность, преобразовы-

вая действительность, осознавая при этом необходимость и используя возможности – три модуса, лежащие в основании формируемого социально-психологического пространства, проявляются жизнетворческие способности выстраивающей его личности. При этом высокая социальная значимость выбираемых людей не обязательно предполагает столь же высокий показатель их психологической значимости. Именно субъективная, личностная значимость других является основанием для включения их личностью в свое социально-психологическое пространство, которое есть выделяемое сознанием пространство субъективно значимых психологических отношений, связывающих личность с ее референтными (значимыми) и психологически близкими Другими (представленными совокупностью элементов ее пространства), расположение которых в пространственной системе координат определяется оценками и представлениями, ожиданиями и предпочтениями личности.

Решая широкий круг проблем, возникающих при изучении какого-либо конкретного вида пространства человека, мы неизбежно ставим вопрос о его системообразующем факторе. Таким фактором, или ведущим, доминирующим свойством, определяющим объединение элементов в систему в социально-психологическом пространстве личности, выступает значимость.

Уровень значимости Других как элементов формируемого личностью социально-психологического пространства определяется тем, какое специальное для личности значение (реальное или мыслимое, желаемое или ожидаемое) имеет конкретный выбор, каким личностным смыслом наполнены связи, и что в них имеет для субъекта формирования пространства особую ценность. Предполагается «значимость» рассматривать как интегральный феномен, существующий в единстве его составляющих: значения, смысла и ценности.

Изучение совокупности элементов и связей между ними, основных компонентов и параметров, свойств и функций, особенностей строения и закономерностей динамики, а также процесса формирования и многие другие вопросы предстоит решать при изучении социально-психологического пространства личности.

По нашему мнению, С. Л. Рубинштейн предлагает конкретный путь изучения личности (и ее социально-психологического пространства), заключающийся в том, чтобы «раскрыть человека во всех для него существенных связях и отношениях, в каждом из которых он выступает в новом качестве» (Рубинштейн, 2003, с. 286).

Литература

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К РИСКУ

М. А. Кленова (Саратов)

Понятие «направленность» в отечественной психологии традиционно связывают с именем С. Л. Рубинштейна: «Проблема направленности – это, прежде всего вопрос о динамических тенденциях, которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» (Рубинштейн, 2000, с. 623). Современный человек постоянно сталкивается с различного рода опасностями, ежедневно ему приходится находить ответы на всевозможные вопросы. Для того чтобы принимать решения быстро, подчас приходится идти на риск во имя достижения положительного результата.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи направленности личности и субъективного отношения к риску.

Если рассматривать направленность как *вектор активности какого-либо субъекта* (Колесов, Пономаренко, 2008, с. 4), то необходимо учитывать два важных положения, предложенных С. Л. Рубинштейном:

- а) *предметное содержание*, поскольку направленность – это всегда направленность на что-то, на какой-то более или менее определенный предмет;
- б) *напряжение*, которое при этом возникает (Рубинштейн, 2000, с. 457).

При этом соотношение направленности личности и риска обусловлено тем, что и риск осуществляется при наличии, во-первых, предметного содержания, поскольку человек всегда рискует ради чего-то, во имя достижения какого-либо результата, или вопреки чему-либо. Риск без определенной для личности цели является не только неоправданным, но и бессмысленным, ибо предметность в поле риска – это одна из важнейших его составляющих. Для того чтобы пойти на риск, нужно не только отчетливо понимать, для чего это делается, но также представлять то, с чем придется столкнуться на пути к поставленной цели, что, собственно говоря, и является предметным полем действия, обозначенного как риск.

Во-вторых, риск, как таковой, включает напряжение, независимо от того, на что он направлен. Это происходит потому, что риск – это всегда неопределенность, возможность потери чего-либо во имя достижения результата. Следовательно, и неопределенность, и возможность потери – это всегда состояние напряженности для человека.

Направленность личности – ее интернальное и генерализованное свойство. Совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, относительно независимых от текущих ситуаций. Характеризуется интересами, склонностями, убеждениями и идеалами личности, отражающими ее мировоззрение. Выражается в гармоничности и непротиворечивости знаний, отношений и господствующих мотивов поведения и действия личности. Проявляется в мировоззрении, духовных потребностях и практических действиях (Головин, 2003, с. 323).

Направленность – понятие более широкое, чем риск, так как риск проявляется, прежде всего, в практических действиях и зависит от предмета направленности личности. Однако, несмотря на это утверждение, можно также отметить, что оба эти понятия не исключают друг друга. Направленность включается в риск, в его предметную структуру, так как для принятия риска необходимо наличие определенных мотивов, потребностей и установок, связанных с направленностью личности.

По мнению С. Л. Рубинштейна «...испытываемая или осознаваемая человеком зависимость его от того, в чем он нуждается или в чем он заинтересован, порождает направленность на соответствующий предмет» (Рубинштейн, 2000, с. 457). В данном контексте необходимо рассматривать так называемые тенденции, которые выступают как стремления, когда намечается не только исходный, но и конечный их пункт. Тенденции, как связанные с состояниями напряжения динамические силы, образующиеся в процессе деятельности и побуждающие к ней, заключаются в потребностях, интересах и идеалах. Потребности, в свою очередь, по мере их осознания могут выступать как влечения и как желания. От интереса, как специфической направленности на тот или иной предмет, отчленяется склонность, как направленность на соответствующую деятельность (Рубинштейн, 2000, с. 459).

Важно различать «направленность индивида» и «направленность личности». Потребности индивида связаны, в первую очередь, с поддержанием комфортных и безопасных условий жизни. Потребности же личности – это потребности поддержания и успешного функционирования личностного начала индивида. Исходя из этого, направленность личности следует связывать, прежде всего, с личностными потребностями, такими как самоуважение, самоутверждение, самореализация и самоактуализация. Риск также можно рассматривать как инструмент для удовлетворения потребностей, причем риск как направленность на удовлетворение *потребностей индивида* представляет собой риск так называемого «низшего уровня». На-

против, риск для удовлетворения *личностных потребностей*, таких как самоутверждение и самореализация – есть риск более «высокого порядка». Другими словами, если рискующий субъект направляет свою деятельность на удовлетворение потребностей в пище, безопасности и пр., он акцентирует свое внимание на предметах и объектах, имеющих потенциальное значение на стадии доминирования базисных потребностей. С точки зрения риска как направленности на достижение определенного уровня самоактуализации предполагается, что человек устремляет свои действия, руководствуясь желанием «стать всем, чем возможно; потребностью в самосовершенствовании, в реализации своего потенциала» (Маслоу, 1999, с. 56). Если представлять самоактуализацию как непрерывный процесс реализации потенциальных возможностей, то можно сказать, что риск в данном случае не является процессом завершенным, как и самоактуализация, в которой человек всегда видит возможности для развития своего потенциала.

Удовлетворение базисных потребностей индивида посредством риска предполагает дальнейшее удовлетворение личностных потребностей в самоактуализации, что является непрерывным процессом, иными словами, «самоактуализация ради самоактуализации». Если же говорить о самореализации и самоутверждении, то очевидно, что риск в большей степени связан с процессом самоутверждения, а самореализация, как правило, связана с менее «силовыми» и более инновационными способами действий и лежащими в их основании мотивами. Порою индивид одержим некоей масштабной идеей и стремится к масштабной же деятельности по ее реализации, так до конца и не осознав: для чего ему это нужно? (Колесов, Пономаренко, 2008, с. 51). Исходя из этого, человек наталкивается на противоречия, возникающие в его сознании, а противоречия, в свою очередь являющиеся движущими силами развития, подводят человека к выбору способа, приемов и методов принятия решений, соответствующих выделенной ситуации, которая включает определенный риск.

Таким образом, можно заключить, что существует связь между риском и направленностью личности. Эти феномены являются взаимодополняющими. Как направленность не исключает риск, так и риск невозможен без направленности, в случае, если риск понимается как совершенно осознанный поступок. Потребности личности могут быть сопряжены с риском в процессе их удовлетворения. Причем риск для удовлетворения потребностей в самоактуализации предполагает процесс дальнейшей самоактуализации личности. Направленность и потребности личности необходимо учитывать при изучении феномена субъективного риска как его компоненты.

Литература

- Головин С. Ю. Словарь психолога-практика. Минск, 2003.
- Колесов Д. В., Пономаренко В. А. Отношение к жизни и психология риска. М., 2008.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИ АКТИВНОЙ МОЛОДЕЖИ

А. А. Краснякова (Киев, Украина)

Более 40 лет выдающийся философ и психолог С. Л. Рубинштейн прожил в Украине, разрабатывая проблемы логики как теории знания, диалектики объективного познания и творческой самодеятельности субъекта, интересуясь возрастными особенностями мышления, его философски-психологической структурой, а также проблемами украинского театра XIX–XX вв., этнографии, изучая творчество украинских писателей и поэтов. По словам профессора Одесского университета, известного психолога М. М. Ланге, уже вначале деятельности «Сергей Леонидович ярко демонстрировал свою способность к живому философскому творчеству, которое стало возможным благодаря глубинному овладению богатствами мировой культуры» (Роменец и др., 1998, с. 140).

В историю психологии С. Л. Рубинштейн вошел как основатель субъектно-деятельностного подхода к изучению психики человека: «В деятельности и через деятельность, индивид реализует и утверждает себя как субъект, как личность: как субъект – в своем отношении к объектам, им же порожденным, как личность – в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности влияет и с которыми он через нее входит в контакт. Поэтому деятельность – это не внешняя работа, а позиция – относительно людей, относительно общества, которую человек утверждает всей своей сущностью» (Рубинштейн, 1999, с. 436–437). «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» (Рубинштейн, 1986, с. 106).

Субъектный (или субъектно-деятельностный) подход С. Л. Рубинштейна, в условиях социально-экономических, технологических и глобальных политических изменений, продолжает интенсивно развиваться, конкретизироваться и уточняться в современных исследованиях российских и украинских психологов. Развивая и дополняя

рубинштейновскую концепцию субъекта и субъектности, известный украинский психолог В. А. Татенко считает что: «Человек, как субъект, решает не одну, а три задачи: а) познания и преобразования внешнего мира; б) познания и развития своего внутреннего мира; в) познания и развития себя как субъекта собственной психической жизни и своего бытия вообще. Самосубъектное развитие человека полагается здесь в качестве начального и конечного пункта на каждом из витков спирали его жизнеосуществления. При этом важно учесть, что такое развитие возможно лишь на основе *внутренней деятельности*, а именно: *изнутри мотивированной активности*, предполагающей использование исключительно «своих собственных», внутренних же средств» (Татенко, 1996, с. 177). Таким образом, согласно В. А. Татенко, становление субъектности человека во многом зависит от его способности к саморазвитию, самосовершенствованию, способности к рефлексии, самокоррекции своего поведения в социуме.

В изменяющемся мире общественные отношения под действием объективных факторов и внешних стимулов претерпевают определенные трансформации, тем самым усложняя процесс становления и развития субъектности. Особенно сложно и болезненно процессы становления субъектности происходят у молодежи, так как смена моральных норм, ценностей, отсутствие опыта деятельности в периоды стабильного развития затрудняют определение своей роли в обществе.

Исследуя проблемы становления субъектности молодежи, мы исходили из того, что о становлении субъектности можно говорить только в том случае, если индивид осуществляет *активную деятельность* в той или иной сфере: (профессиональной, общественно-политической, образовательной, семейно-бытовой и т. д.); *показателем субъектности* может быть не просто активная, а *самостоятельная, творческая личность, осознающая ответственность за свою деятельность, готовая к осуществлению стратегии жизненной самореализации* (Сергеев, 1997).

Изучая проблему политического участия украинской молодежи, мы поставили перед собой задачу выяснить наличие и степень сформированности основных черт субъекта у политически активной части молодежи. В нашем исследовании приняли участие 94 лидера молодежных политических организаций различной идеологической ориентации, в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие высшее и неполное высшее образование. В ходе исследования был использован диагностический комплекс авторских методик, разработанных сотрудниками лаборатории психологии политического участия Института социальной и политической психологии АПН Украины, а также методики для определения коммуникативно-организационных способностей, готовности к саморазвитию (В. Павлов) и способности к самокоррекции (В. Семиченко).

Как мы и предполагали, испытуемые (87%) показали: *высокий уровень социально-политической активности, политического интереса и просоциальной мотивации; стойкость взглядов, убеждений, высокий уровень готовности отстаивать свои идеологические идеалы и принципы, причем независимо от возраста и времени пребывания в политической организации; наличие организаторских и коммуникативных способностей и умение принимать решения.* Однако по уровню готовности к саморазвитию высокие и средние показатели имели 62%. И только треть испытуемых продемонстрировала высокую способность к самокоррекции.

Результаты исследований дали нам возможность говорить о том, что у лидеров молодежных политических организаций необходимо развивать способность к саморефлексии, саморазвитию и самопознанию, поскольку субъектность обнаруживается в рефлексивном действии и проявляется в выборе пути своего развития как череды поступков. Особенно важным для молодых политических лидеров является осознание границ своего влияния на других и степени ответственности, которые субъект готов нести за свою политическую деятельность.

Литература

- Роменец В. А., Маноха І. П.* Історія психології ХХ століття: Навч. посібник. К.: Либідь, 1998.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1999. *Рубинштейн С. Л.* Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. №4. С. 101–108.
- Сергеев Н. К.* Непрерывное педагогическое образование: концепция и технологии учебно-научных педагогических комплексов (вопросы теории) // Монография. СПб.; Волгоград, 1997.
- Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении // Монография. К.: Прогресс, 1996.

ВНУТРЕННИЕ РЕСУРСЫ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ВНЕШНИМ МИРОМ

Р. М. Кумышева (Нальчик)

Человек живет в постоянно меняющемся внешнем мире. Под внешним миром мы подразумеваем: предметный мир, социальный мир и мир природы. Мы рассматриваем закономерности взаимодействия человека с внешним миром, общие для всех его уровней.

На протяжении своего исторического развития человек в отношениях с внешним миром циклично проходит три стадии. Сначала предметы и условия внешнего мира управляют им, приводят его в смятение. На этой стадии человек по своему поведению и внутреннему состоянию близок к животному. Но в отличие от него человек способен углубиться во внутренний мир, анализировать и оценивать внешний мир, строить планы по активному воздействию на него. Поэтому на второй стадии – по Ортега-и-Гассету, стадии созерцательной или теоретической жизни, – человек погружается в свой внутренний мир и тем самым получает возможность анализировать и оценивать происходящее во внешнем мире. Затем человек вновь погружается в мир внешний, но уже для того, чтобы активно на него воздействовать (Ортега-и-Гассет, 1991, с. 240).

При рассмотрении эволюции отношений человека и внешнего мира обнаружили следующие закономерности. На этапе, когда человек не обладал достаточной информацией о внешнем мире, реакция первого была инстинктивной. В качестве формы психологической защиты использовались мантры – асемантические тексты и ритуальные танцы – упорядоченные движения. Их смысл заключался в упорядочении своего внутреннего состояния, в восстановлении психического равновесия. На данном этапе проявлялись качества индивида.

На следующем этапе эволюции отношений человека с внешним миром человек уже обладал достаточно обширной информацией о внешнем мире, но еще не умел их объяснять. На данном временном отрезке возникли мифы со сложной символикой и космогонические концепции. Их смысл заключался в упорядочении внешнего мира и попытке сделать объекты внешнего мира посредством символов условно изученными. К этому же периоду относятся и создание ритуалов, которые замещали отсутствующие возможности воздействия на внешний мир. На данном этапе человек проявился как субъект.

Далее человек перешел к самопознанию и соизмерению своих возможностей с обстоятельствами жизни для влияния на внешний мир. Человек достиг способности изучать свой внутренний мир и устанавливать причинно-следственные связи в отношениях с внешним миром. Последствием были религиозные концепции.

Компенсаторная функция веры направлена на восполнение недостающей информации, необходимой для целостного охвата картины мира (Шафоростов, 1996, с. 21). Содержание и направленность действий древнего человека по отношению к условиям внешнего мира отражали содержание его мифологического сознания. Однако деятельность человека была мифологизирована только по форме.

Предметное ее содержание соответствовало потребностям, порождаемым объективными условиями жизнедеятельности. В. А. Соснин выделяет как стратегию влияния религии укрепление базовых защитных факторов внутри личности и «систематические усилия по изменению организационной среды жизни, направленные на уменьшение отрицательного влияния факторов риска и стрессоров» (Соснин, 2002, с. 122). Одним словом, религиозное влияние заключалось в укреплении внутренних сил и достижении человеком равновесия с внешним миром посредством специально организованной деятельности.

Н. Я. Грот выделяет примерно те же компоненты в так называемой мировой воле, которая регулирует нравственное поведение человека: 1) силу, оберегающую жизнь вне индивидуума – в мире; 2) силу, враждебную эгоизму и животному инстинкту самосохранения; 3) силу, стремящуюся к совершенству своих воплощений; 4) силу, направленную на созидание и совершенствование духовной пищи (Грот, 2000, с. 401).

По существу, здесь обозначено соотношение компонентов внутреннего и внешнего миров. Каждый из них содержит две противоположности: способствующую совершенству и противостоящую несовершенству. Обе стороны внутреннего мира человека могут активизироваться и доминировать по мере необходимости.

Смысл религиозных концепций в историческом развитии человека заключался в том, что он все более управлял отношениями с внешним миром. Углубление в себя привело к большим возможностям для познания внешнего мира. На данном этапе эволюционного развития человек проявлялся как личность.

Примитивный человек, по мнению З. Фрейда, проецирует во внешнюю реальность «одновременные ... существования бессознательных душевных процессов, наряду с сознательными» (Фрейд, 1997, с. 127). То есть еще в древности человек понимал, что какие-то внутренние силы поддерживают его в сложных жизненных обстоятельствах, и пытался эти силы познать и осознать. Одна из форм познания их – проекция во внешнюю реальность их символических обозначений. В частности, как полагал З. Фрейд, духи и демоны представляют для человека проекцию его чувств, привязанностей его аффектов; он их «превращает в лиц, населяет ими мир и снова находит вне себя свои внутренние душевные процессы» (там же, с. 125). Это был способ познания и определения человеком своих внутренних ресурсов.

Винникотт и Юнг также уверены в наличии третьего пространства, которое находится между внутренним и внешним мирами и в то же время относится к обоим мирам. Причем К. Юнг,

который называет это промежуточной средой тонкой реальности, считает, что она может быть выражена только при помощи символов (Гордон, 1995, с. 59–60).

Р. Гордон, анализируя эту концепцию, приходит к следующим обобщениям. Эволюция и образование этой области могут происходить только: 1) когда человек выходит из состояния слияния с миром; 2) когда он становится более способным дифференцировать психический опыт от соматического, внутреннее от внешнего; 3) когда он достигает некоторого чувства непрерывности и постоянства мира вокруг себя; 4) когда эго-функции таким образом становятся достаточно надежными и твердыми (Гордон, 1995, с. 61).

Франс Тутсин также признает существование некой промежуточной субстанции между внешним и внутренним мирами и называет ее переходным состоянием, в котором чувствуются внутренние и внешние структуры. К тому же она считает это состояние необходимым для самопознания и установления безопасных контактов с внешним миром (там же, с. 62).

Возможно, В.Э. Чудновский имеет в виду ту же третью субстанцию, когда говорит: «...человеческий индивид в процессе своей жизнедеятельности приобретает такие свойства, которые не предопределены однозначно ни внешними воздействиями, ни внутренними природными данными. Они результат их взаимодействия, деятельности индивида как единого саморегулирующегося целого» (Чудновский, 2006, с. 27).

Обобщение их концепций позволило вывести следующие закономерности: 1) в процессе взаимодействия человека с внешним миром человек может занимать зависимую и главенствующую позиции; 2) в формировании позиции участвует определенная внутренняя субстанция человека; 3) сложность, упорядоченность и содержательность данной субстанции определяет позицию и характер поведения человека. Промежуточную субстанцию мы и называем внутренними ресурсами человека.

Внутренние ресурсы человека не тождественны его внутреннему миру. Они выделяются из него, но не отделяются. Кроме того, внутренние ресурсы не могут проявиться в отрыве от внешнего мира, они начинают проявляться и функционировать только в контакте с миром внешним. Внутренние ресурсы человека обретают некоторую стабильность только при достижении равновесия в отношениях с внешним миром. Это одновременно подвижная часть внутреннего мира и инструмент для взаимодействия с внешним миром, это потенциал опыта и одновременно создатель новых знаний и умений.

На всех этапах эволюции отношений с внешним миром человек стремился к достижению оптимального состояния своих внутренних ресурсов в процессе деятельности. Последовательность форм деятельности соответствовала этапам достижения равновесия между внутренним миром человека и миром внешним: ориентация, адаптация, регуляция и управление. В результате сформировалась поведенческая модель, которая состоит из оценки ситуации, оценки внутренних ресурсов, принятия решения по характеру взаимодействия с внешним миром. Таким образом, деятельность наделялась жизненным смыслом как объективным отношением субъекта с миром и предназначалась для порождения личностных смыслов – устойчивых и осознанных ценностно-смысловых ориентаций и формы познания субъектом жизненных смыслов (Леонтьев, 1999, с. 113).

На современном этапе эволюции отношений человека с внешним миром человек призван действовать как индивидуальность, т. е. управлять своим взаимодействием с внешним миром на основе индивидуальной поведенческой модели, сформированной путем соотношения внутренних ресурсов с жизненными ситуациями и принятия адекватных решений.

Внутренние ресурсы человека, в первую очередь, включают: знания человека о мире и о себе, достаточные, чтобы установить соотношение внутренних и внешних сил; способности и умения деятельности, достаточные, чтобы достичь равновесия во внешнем мире. Внутренние ресурсы пополняются за счет знаний о мире. Знания о себе достигаются в процессе деятельности, направленной на преобразование внешних условий жизнедеятельности.

«Психические явления (ПЯ) и психика в целом суть единство знания – информации и переживания – эмоционально-чувственного отношения» (Сергеев, 1999, с. 8). В процессе эволюции, историогенеза и онтогенеза «последовательно увеличивается в психике преобладание знаний относительно переживаний. Это способствует увеличению могущества человека, уменьшению его произвольности, освобождает от многих внешних и внутренних зависимостей» (там же, с. 9).

Накопление знаний обеспечивает преобладание рационального над эмоциональным, произвольного и планомерного над произвольным и стихийным. Это обеспечивает ориентации в пространстве, жизни и собственном внутреннем мире человека. Таким образом, первым условием равновесия между внешним миром и внутренним миром человека является познание.

Второе условие равновесия между внутренним и внешним миром – самопознание. К. Юнг, комментируя «Тибетскую Книгу Великого Освобождения», где самопознание отождествляется со «знанием

Единого Духа», утверждает, что знание о бессознательном необходимо для понимания собственной психики (Юнг, 1994, с. 128).

Самопознание – путь к освобождению от детерминирующего влияния внешних обстоятельств и к осознанию своих внутренних ресурсов. Когда человек в своем развитии дошел до самопознания, влияние на объекты и явления внешнего мира стали строиться на соизмерении внешних условий жизни и внутренних ресурсов человека. Это привело к необходимости самосовершенствования человека, его внутренних ресурсов.

Самосовершенствование включает и совершенствование себя как личности, и своих умений в деятельности, которая является смыслотворческой и смыслозначимой. Это третье условие равновесия между внутренним и внешним мирами.

Четвертое условие – устойчивость внутренних ресурсов человека при меняющихся условиях. В. Э. Чудновский определяет устойчивость как «результат функционирования механизмов, *активно противодействующих* нарушающим, вредным воздействиям» (Чудновский, 2006, с. 42–43), как способность «использовать преимущества своей нервной системы и нейтрализовать ее недостатки» (там же, с. 68), как внутреннюю самоорганизацию (там же, с. 70), как «способность человека сохранять в различных условиях свои личностные позиции, обладать определенным иммунитетом по отношению к воздействиям, чуждым его личностным установкам, взглядам, убеждениям» (там же, с. 95).

Внешним воздействиям подвергаются эмоциональная, инстинктивная, интеллектуальная, нравственная сферы человека. Следовательно, устойчивость личности обеспечивается наличием: способности регулировать инстинкты, твердых нравственных принципов и убеждений, развитой воли и способности к эмоциональной саморегуляции, достаточного количества знаний, научных убеждений и способности их применять на практике, адекватно ситуации. В совокупности они образуют систему внутренних ресурсов человека.

В. Э. Чудновский отмечает, что устойчивость включает как обязательные компоненты постоянство и динамизм. Постоянство необходимо для переноса опыта прошлого в настоящее и будущее. Динамизм необходим для оперативной реакции на меняющиеся внешние факторы. Причем каждая ситуация, в которой применяется опыт прошлого (трансформируется обретенное ранее знание, сформированная поведенческая модель), обязывает к формированию нового опыта и нового знания. То есть помимо адекватной реакции на ситуацию, на внешнее воздействие от человека требуется и соответствующая

системная перестройка, которая сопрягается с приобретением нового опыта (Чудновский, 2006, с. 51, 52).

Иначе говоря, каждая новая ситуация должна способствовать общему развитию человека, а не его деструкции. Гибкая реорганизация «внутренней среды организма» усиливает ее устойчивость (Ананьев, 2001, с. 142–143). Внутренняя среда организма являет собой относительно замкнутую систему, «встроенную» в открытую систему взаимодействия с миром» (там же, с. 278).

Устойчивость проявляется в ситуациях, нарушающих психическое равновесие, которые определяются как трудные жизненные ситуации, «когда система отношений личности с ее окружением характеризуется неуравновешенностью» (Тышкова, 1987, с. 28). И психологическая устойчивость заключается в «способности личности к адекватному отражению ситуации, несмотря на переживание трудности» (там же).

Первым условием становления психологической устойчивости М. Тышкова считает познавательное отношение к трудной ситуации, а именно: получение информации «о внешних условиях, о своих внутренних состояниях, о ходе и результатах собственных действий»; обработка этой информации посредством познавательных, оценочных и эмоциональных процессов (там же).

Необходимо дифференцировать устойчивость личности и устойчивость внутренних ресурсов человека. Последняя, помимо нравственных инвариантов, которые направляют поведение человека, характеризуется установкой на активность в меняющихся условиях жизни, инвариантными поведенческими моделями и моделями деятельности в ситуациях проблемности и неопределенности. То есть устойчивость внутренних ресурсов человека – это инструментальная составляющая устойчивости личности. Это внутренняя готовность к динамичности условий жизнедеятельности. Готовность обеспечивает умение добывать информацию о внешних условиях, извлекать информацию о себе, чтобы иметь возможность сопоставить свои внутренние ресурсы с требованиями внешних условий, обладать достаточным опытом для влияния на внешние условия и самоадаптации.

Итак, внутренние ресурсы человека – это системная организация его психических характеристик, которая определяет и направляет характер отношений и взаимодействия человека с внешним миром.

По функциональным признакам внутренние ресурсы человека разделены на составляющие части: инвариантная, ориентационная, динамическая, инструментальная. Нравственное ядро, смысловой инвариант, поведенческая модель для меняющихся условий жизни, а также установка на активное поведение образуют инвариантную часть внутренних ресурсов человека. Ориентационная часть вклю-

чает аналитическую и конструктивную подсистемы. Каждая из этих подсистем имеет ситуационно-локальную и глобально-стратегическую разновидности. Аналитическая подсистема включает образ собственного внутреннего мира, образ внешнего мира. Конструктивная подсистема включает отношения с внешним миром, структуры субъективного опыта. В каждой разновидности представлены все подсистемы личности.

Динамическая часть разделяется на внутренне-ориентированную и внешне-ориентированную подсистемы. Имеются в виду действия и поведенческие модели, ориентированные на перестройку своего внутреннего мира и ориентированные на перестройку внешних обстоятельств. Предполагается, что функционируют они совместно, с варьирующими пропорциями долевого участия в процессе достижения равновесия с внешним миром и миром внутренним.

Инструментальная часть включает подсистемы: 1) субъектные ресурсы (имеется в виду опыт деятельности); 2) ресурсы самоорганизации; 3) ресурсы самодетерминации; 4) ресурсы внешней регуляции.

Таким образом, складывается система, которая управляет взаимодействием человека с внешним миром. По существу, внутренние ресурсы человека – это его психический потенциал, упорядоченный, достаточно развитый, саморегулирующийся и саморазвивающийся.

Литература

- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
- Гордон Р. Исчезновение и нахождение: локализация архетипического опыта // К. Г. Юнг и современный психоанализ. Хрестоматия по глубинной психологии. Вып. 1. М.: Че Ро, 1995. С. 52–72.
- Грот Н. Я. Устои нравственной жизни и деятельности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 397–402.
- Дьяченко М. И., Пономаренко В. А. О подходах к изучению эмоциональной устойчивости // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 106–112.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.
- Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. М.: Радуга, 1991. С. 229–476.
- Сергеев К. К. Философская психология. Тольятти: Современник, 1999.
- Соснин В. А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 118–127.
- Тышкова М. Исследование устойчивости личности детей и подростков в трудных ситуациях // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 27–34.
- Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 1997.

Чудновский В. Э. Становление личности и проблема смысла жизни // Избранные труды. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006.

Шафоростов А. И. Личностная вера: от мифа к самосознанию. Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1996.

ОНТОЛОГИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Н. И. Леонов (Ижевск)

Приоритет в постановке онтологического подхода к человеку в отечественной психологической науке принадлежит С. Л. Рубинштейну, который анализировал ключевые аспекты бытия и характеризовал человека как субъекта жизни. На фоне этого подхода декартово противопоставление внутреннего мира субъекта и внешнего мира, или «объективной действительности», отразившееся в марксистской гносеологии (или, точнее, в том варианте этой гносеологии, который имел хождение в советской философии 1930–1950-х годов под названием «марксистско-ленинской теории отражения»), не являлось единственным способом структуризации мира. Самое существенное в работах С. Л. Рубинштейна состоит в том, что мир и человека автор рассматривает в соотношении друг с другом, впервые высказав мысль о взаимопроникновении человека в мир и мира в человека. Каждый конкретный носитель образов мироустройства выступает не сторонним наблюдателем, а активным деятелем, неизбежным участником непрерывного процесса мироустроения. В построении образа социального мира участвуют различные уровни психики человека. Субъект, что характерно и для образа мира в целом, является активным познающим мерилom, а мир – фокусом его активности. Различия между измерениями состоят в том, что точкой отсчета в субъективированной картине мира является он сам, а в мироориентированной она подвижна, динамична (субъект как бы наблюдает мир со стороны).

Последовательно обоснованный автором (Н. И. Леоновым) онтологический подход реализуется в изучении социально-психологических явлений такими исследователями, как Д. А. Боровиков (организационное поведение), М. М. Главатских, Н. А. Каримова (конфликтное поведение), Е. Н. Молчанова (политическое поведение), Т. А. Наумова (зависимое поведение), И. В. Павлова (общественно-активное поведение) и др. Данный подход позволяет строить модель исследования социального поведения субъекта, где взаимодействие «личность

и мир» создает особую реальность, объекты которой наделены различными смыслами, и которые определяют актуальное поведение субъекта в различных социальных ситуациях. Онтологический подход, определяя человека как активного, конструирующего социальную реальность, позволяет понять взаимосвязь образа социального мира и социальное поведение субъекта.

Характеризуя современный мир как изменчивый и нестабильный, мы констатируем факт, что как раз изменчивость и нестабильность становятся устойчивыми, стабильными характеристиками современного постиндустриального общества. Эта изменчивость, нестабильность являются условиями, способствующими порождению разного рода неконструктивных форм адаптивного поведения: конфликтного, агрессивного, аддиктивного и других.

Осознание человеком своей принадлежности к данному миру способствует построению образа «Я в ситуации» как компонента социального мира, а сам мир воспринимается именно через эту принадлежность. Социальный мир предстает при этом не как противостоящий субъекту, а как построенный им. В исследованиях, проведенных авторами, установлено, что процесс личностного смыслообразования приводит к построению внутренне непротиворечивого для личности образа социального мира, где объективные и субъективные его аспекты преобразованы в единое целое.

Выявлено, что образ социального мира, как форма репрезентации субъектом себя в этом мире, представляет собою онтологическую реальность, которая характеризуется следующими признаками: 1) он всегда соотнесен с субъектом, 2) представлен в свернутом виде, 3) опосредует и преломляет через себя как внутренние, так и внешние влияния, 4) имеет системный характер: в функциональном плане предшествует поведению, а в генетическом – следует за деятельностью человека. Являясь целостной и непротиворечивой для субъекта реальностью, он рассматривается в двух аспектах: структурном и динамическом. Структурные составляющие этой реальности, согласно нашему подходу, могут быть переструктурированы в соответствии с системой значений и координат, которые стимулируют «запуск» различных форм социального поведения: конфликтного, организационного, политического и др.

Так, эмпирически подтверждено, что образы конфликтной ситуации, формирующиеся на основе социальной категоризации руководителей разного уровня конфликтности, имеют свои особенности и обеспечивают личность системой ориентации в ситуации конфликта. Это явилось основанием создания эмпирической типологии конфликтной личности руководителя.

Онтологический подход, активно разрабатываемый в социальной психологии, позволяет более адекватно рассматривать различные формы проявления социальной активности субъекта в современных условиях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ В ЛИЧНОСТНОМ РАЗВИТИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Ю. Л. Лобков (Курск)

За основу решения проблемы организации и оказания социально-психологической поддержки молодежи предлагается подход, сформулированный Б. Ф. Ломовым (1984), отмечавшим, что многоплановость, многоуровневость, многомерность личности, находящейся в постоянном развитии, требуют построения системы психологических воздействий и выбора интегральной личностной характеристики в качестве предмета воздействия. Данное утверждение предполагает рассмотрение нашей проблемы в плане анализа взаимодействия личности, выступающей с позиций субъекта, с социальной средой.

Проблема субъекта наиболее глубоко разработана в трудах С. Л. Рубинштейна (1946, 1976). Позднее его идеи были развиты в работах К. А. Абульхановой (1980), А. В. Брушлинского (1991), А. Л. Журавлева (1988) и др. Так, С. Л. Рубинштейн (1976) раскрывает внутреннюю связь категорий сознания и деятельности через категорию субъекта: утверждение единства сознания и деятельности означало, что надо понять сознание, психику не как нечто лишь пассивное, созерцательное, рецептивное, а как процесс, деятельность субъекта, реального индивида. Личность в рубинштейновском понимании, исходящая из категории субъекта, оказывается конкретным понятием, благодаря которому был преодолен безличный, бессубъективный характер связи сознания и деятельности. Далее, рассуждая о субъекте, С. Л. Рубинштейн (1976) рассматривает жизнь как особый процесс («способ осуществления»), включающий в себя человека, отношения и действиями которого этот процесс определяется, изменяется, направляется. Специфика жизненного процесса напрямую связана с тем, как его осуществляет субъект.

А. В. Брушлинский (1991), отмечая важность учета многообразных взаимосвязей человека и общества, утверждает, что быть субъектом означает инициировать и осуществлять изначально практическую

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проекты № 08-06-00 312а.

деятельность, общение, познание и другие виды специфически человеческой активности, творческой и нравственной. А. В. Брушлинский (1991) показывает, что для гуманистической трактовки человека важно не столько влияние общества на индивида, сколько влияние индивида на общество: в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и, соответственно, большой удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т. д.

В отношении понимания субъекта представляет интерес позиция К. А. Абульхановой (1980). Субъект в ее понимании не просто обозначение того, кто действует, сознает, относится. Данное понятие субъекта исходно характеризует то, как субъект осуществляет действие, как сознает мир в зависимости от его социальной позиции, от социальных определений его общественной сущности. Таким образом, через понятие субъекта передается мера его активности, направленность, социальная сущность сознания, действия, отношений. Далее, К. А. Абульханова (1980), при постановке проблемы индивида как субъекта жизнедеятельности, поднимает вопрос об организации последней. Так, индивидуальная жизнедеятельность есть конкретная система общественных отношений, в которой, с одной стороны, индивид включен в социальные формы жизнедеятельности, с другой, является действующим лицом событий своей собственной жизни, ее ситуаций и дел, организуя их определенным образом, планируя, вмешиваясь в их ход. Мера зависимости индивида от обстоятельств его жизни и мера его способности изменять, отодвигать, отменять действие этих обстоятельств, т. е. направлять свою жизнь, формировать свой способ жизни, определяется на основе его общественной позиции. Связывая последнюю с общественной активностью личности, К. А. Абульханова (1980) утверждает, что активность личности, в свою очередь, проявляется в ее отношении к деятельности. Таким образом, деятельность составляет сущностную характеристику жизнедеятельности субъекта.

Следовательно, процесс оказания социально-психологической поддержки молодежи предполагает взаимную детерминацию индивидуального и социального. С одной стороны, процесс, событие, ситуация есть результат деятельности людей, с другой стороны, условие, причина их собственного развития. В отечественной психологии различие этих сторон особенно рельефно выражено в двух концепциях: теории психического как процесса (С. Л. Рубинштейн) и концепции деятельности (А. Н. Леонтьев). С. Л. Рубинштейн (1976), выдвигая в качестве ведущего принципа в психологии принцип детерминизма, дал его классическую формулировку как преломления «внешнего через

внутреннее». С. Л. Рубинштейн (1976) подчеркивал значение личности как целого, характеризуемого как совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия на человека. А. Н. Леонтьев (1975) выдвинул антитезис, согласно которому следует «с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет». Антитезис «внутреннее через внешнее» ставит акцент на имманентное самодвижение человеческой предметной деятельности, которая для такого самодвижения нуждается во внешних условиях, а его результатом является самоизменение.

А. В. Брушлинский (1991) справедливо отмечает, что взаимодействие человека с миром является той сферой реальности, в которой внешние причины действуют через внутренние условия и одновременно внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Не односторонность действия внешнего через внутреннее или действия внутреннего через внешнее, – пишет он, – а взаимодействие субъекта с миром является тем детерминантом, в котором внешняя и внутренняя детерминации диалектически едины. Поэтому согласование парадигм С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева, сохраняя симметрию психологической науки, остается исходной и как никогда современной для осуществления полноценной социально-психологической поддержки молодежи в личностном развитии в рубеже веков.

РОЛЬ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С. Л. РУБИНШТЕЙНА В ПОНИМАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

О. В. Лунева (Москва)

На протяжении многих лет исследования в различных областях психологии опираются на теоретико-методологические основы, разработанные С. Л. Рубинштейном. Его работы, содержащие фундаментальные для психологии положения, остаются современными и базовыми для анализа и описания новых психологических феноменов и понятий. В полной мере сказанное относится и к рассмотрению в предметном поле социальной психологии категории, обозначаемой как «*социальный интеллект*». Авторское представление о социальном интеллекте опирается на понимание его как субъектно-личностного конструкта. Имея определенную структуру, социальный интеллект обеспечивает интеграцию свойств и способностей личности для встраивания ее в социальные сети и управления процессом поведения

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, грант № 08-06-00 386а.

личности в социальных сетях, способствуя достижению целей взаимодействия. Для реализации этих функций социальный интеллект обеспечивает создание (конструирование) «картины» социально-психологического взаимодействия (и отражения себя личностью как части этой «картины») и воздействие личности на собственное поведение (саморегуляция), на процесс и людей, включенных в это взаимодействие. Эти функции социального интеллекта детерминируются совокупностью определенной иерархии личностных и индивидуальных характеристик, объединенных в структурные компоненты, а также обстоятельствами взаимодействия. Под людьми, включенными в процесс взаимодействия, понимаются как отдельные личности, так и группы, являющиеся элементами социальных сетей. Цели взаимодействия находятся в континууме позитивных-негативных ценностей и характеризуются соотношением представленности в них интересов индивида, группы, общества.

Анализ научного наследия С. Л. Рубинштейна позволяет выделить несколько ключевых моментов, наиболее значимых для разработки концепции социального интеллекта.

В работе «Человек и мир» С. Л. Рубинштейн выходит за пределы проблемы соотношения бытия и сознания, показывая важность центральной проблемы: бытия, сущего и места в нем человека. При этом им отмечается, что «...человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку: человек – это люди в их взаимоотношениях друг к другу. Человек как абсолют, как „вещь в себе“, как нечто обособленное и замкнутое в себе – это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто не существующее – ничто» (Рубинштейн, 1973, с. 255–256). Более фундаментальной и исходной проблемой по сравнению с проблемой сознания и бытия С. Л. Рубинштейн называет проблему места человека в мире, в жизни и указывает на наличие двух взаимосвязанных отношений – человека и бытия, человека и другого человека (других людей). Так, онтологический анализ, включающий человека в бытие и вскрывающий сущность последнего, показывает ограниченность применения только гносеологического подхода к реальной жизни человека, при котором происходит отчуждение бытия от человека. Представляется, что социальный интеллект в предлагаемой трактовке автора и является онтологически одним из инструментов бытийности человека и маркером его включенности в человеческие взаимодействия и взаимоотношения, в саму жизнь.

Другим значимым моментом является неоднократно повторенная С. Л. Рубинштейном идея невозможности рассмотрения взаимодействия и взаимоотношения людей вне анализа моральных, этических

аспектов, включенных в реальное бытие человека (Рубинштейн, 1973). Западные исследователи около 10 лет назад начали изучать моральный интеллект как самостоятельный феномен. В основном этот феномен трактуется как соблюдение в социальном поведении человека моральных правил и общественных норм. Есть основания предположить, что введение этого понятия в американскую психологию стало реакцией на шокирующие человечество поступки людей (расстрел одноклассников, студентов) и отсутствие во многих тестах социального интеллекта измерения моральных аспектов межличностного взаимодействия. Авторская позиция связана с выделением в структуре социального интеллекта подструктуры личностных качеств, включающих нравственные характеристики.

Анализ социального интеллекта как категории социальной психологии предполагает рассмотрение среди прочих параметров и наличие связи категории с основными принципами науки (Богданович, 2002). В работах С. Л. Рубинштейна раскрыты важнейшие методологические принципы, особенно значимые, с авторской точки зрения, для понимания содержания социального интеллекта: принцип единства сознания и деятельности и принцип развития.

Принцип единства сознания и деятельности в применении к пониманию социально-психологической природы социального интеллекта тесно связан с процессами взаимодействия и активностью «деятельностной» личности. Принцип единства сознания и деятельности позволяет изучать поведение человека и его личностные проявления в реальной жизни, повседневном взаимодействии с другими людьми, а также внутренние психологические механизмы, обеспечивающие достижение целей социально-психологического взаимодействия.

Принцип развития: социальный интеллект изменяется (созревает) в процессе развития личности, освоения ею опыта социального взаимодействия, социализации. С. Л. Рубинштейн считал, что «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них создается и определяется» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Предполагается, что развитие компонентов социального интеллекта происходит неравномерно, что обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов.

Литература

Богданович Н. В. Категориальный подход в истории психологии // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 2 / Методологические проблемы историко-психологического исследования: Матер. юбил. научн. конф. ИП РАН, 28–29 января 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 203–216.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–420.

Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Н. В. Молчанова (Смоленск)

К факторам, влияющим на уровень эмоционального неблагополучия детско-родительских отношений, относят социодемографическую ситуацию, школьную жизнь, проблемы здоровья, стрессогенные жизненные события, семейные и дружеские взаимоотношения. Как известно, первыми признаками, предвещающими проблемы внутрисемейных взаимоотношений и сигнализирующими о психологическом неблагополучии, являются отрицательные эмоциональные состояния членов семьи. В отношении детей их появление связывают с невыполнением семьей таких важнейших функций, как формирование чувства психологического комфорта и эмоциональной защищенности. В целом понятие защищенности связывают со стабильностью отношений ребенка со взрослыми. В частности, В. М. Целуйко утверждает, что чувство незащищенности приводит к патологическим страхам, хроническому напряжению, замыканию на себе. Дети младшего возраста могут быть поглощены чувством эмоционального страха, страдания (Целуйко, 2004, с. 70–71). О. В. Хухлаева среди прочих семейных факторов риска называет конфликты между родителями или отсутствие одного из родителей (Хухлаева, 2003, с. 35).

По словам Й. Лангмейера и З. Матейчека, в семье каждый ее член выполняет естественным образом определенную роль и удовлетворяет жизненные потребности ребенка – физические, эмоциональные, интеллектуальные, моральные. Если в семье отсутствует какой-либо основной член, то легко возникает опасность депривации для ребенка, так как не всегда можно заместить роль, которую данный член семьи должен выполнять в отношении ребенка и в отношении всей семейной единицы (Лангмейер, Матейчек, 1984, с. 146). С точки зрения А. Маслоу (1999, с. 165–166), существует депривация как угроза личности.

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-06-00 434а в рамках проекта «Социально-психологическая адаптация детей трудовых мигрантов в условиях трансформации детско-родительских отношений».

Имеется в виду угроза его защитным системам, самооценке, которая препятствует самоактуализации, т. е. делает невозможным удовлетворение базовых потребностей человека. Именно такая «угрожающая депривация» является пусковым механизмом для процесса, обозначаемого как фрустрация. Если ребенок чувствует себя незащищенным, если его потребности в любви, принадлежности и уважении не получают удовлетворения, то такой ребенок будет вести себя эгоистично, деструктивно и агрессивно (Маслоу, 1999, с. 185).

А. К. Рубченко (2007) предлагает рассматривать семейную депривацию как разновидность эмоциональной депривации. В этом случае прекращается эмоциональная связь между ребенком и привычной семейной средой, или присутствуют неполноценные эмоциональные контакты между детьми и родителями. В зависимости от субъекта, создающего психотравмирующую ситуацию для ребенка, различают материнскую, отцовскую, родительскую и детскую депривации (связанную с сестрами и братьями). По словам Й. Лангмейера (1984, с. 178), если мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, то отец протаргет ребенку путь к обществу.

Семейная депривация может быть как эпизодической (временная разлука с одним из родителей), так и хронической. Длительный дефицит эмоционального созвучного общения порождает у ребенка неуверенность в положительном отношении к нему родных, вызывая чувство тревоги и ощущение эмоционального неблагополучия. В ситуации долгой разлуки у ребенка может развиваться тревожное фоновое состояние, на основе чего возникает отчуждение. По данным А. К. Рубченко, при отделении ребенка от семьи он «перерабатывает» эту ситуацию исходя из 2-х вариантов: 1) отвержение себя, если ребенок склонен к переживанию чувства вины. Он как бы соглашается с фактом отделения от семьи за его плохие поступки или плохие мысли; 2) отвержение семьи родителей, если ребенок делает вывод, что именно родители виноваты в его оторванности от семьи.

В отдельных исследованиях указывается на то, что причиной эмоционального неблагополучия часто является семейный перфекционизм. Дети в таких семьях редко заслуживают одобрения, от них требуют идеала, которого невозможно достичь. Высокий уровень контроля и доминирования ведет к подавлению любых форм сопротивления у ребенка, к запрету на протест и агрессию; вследствие чего ребенок обречен на постоянные разочарования, которые сопровождаются негативными эмоциональными переживаниями.

Данные по раннему детскому возрасту были получены в работах таких авторов, как Т. В. Архиреева, О. Э. Асадулина, Т. Д. Марцинковская, Е. О. Смирнова, В. С. Собкин. Исследованиями подросткового

возраста занимались О. С. Золотарева, Н. В. Федорова, Е. Н. Андреева, О. А. Карабанова, Н. А. Николаева, Н. С. Фонталова, И. Г. Чеснова, Е. В. Змановская, В. Г. Степанова. Среди зарубежных исследователей подросткового возраста можно отметить следующих: М. Л. Тобиас, Дж. Лалич (2000); У. В. Чамберс, М. Д. Лангоуни (2000). Юношеские проблемы рассматривали Д. В. Берко, С. Г. Доставалов, О. А. Тихомандрицкая.

Результаты диссертационного исследования Н. В. Федоровой (2007) показывают, что депривация в семье приводит к деформации эмоциональной и социальной сфер личности подростка. В области эмоций депривация проявляется в виде дезорганизации эмоциональных реакций, в агрессивности, негативизме, фрустрированности и тревожности.

По данным А. К. Рубченко (2007), хроническая семейная депривация у юношей сопровождается снижением показателей доверия к другим людям и к самим себе, а у девушек – снижением уверенности в себе, самоуважения и повышением внутренней конфликтности и самообвинения. При материнской депривации у юношей дополнительно выражена внутренняя конфликтность и чувство вины. Отцовская депривация у эпизодически депривированных юношей повышает самооценку и уверенность в симпатии к ним других людей, но снижает принятие себя и самообвинение. У девушек эпизодическая отцовская депривация снижает принятие себя и симпатию к себе, повышается самообвинение. В целом родительская депривация формирует у девушек ригидную Я-концепцию, нежелание меняться, низкое самоуважение.

А. В. Томилова (2005) исследовала эмоциональную сферу подростков. Выявлено, что страх одиночества как причина грусти выявилась у большинства подростков всех возрастных групп. Особенно явно это прослеживалось у самых младших подростков – девятиклассников (13–15 лет). Наиболее значимой темой для десятиклассников оказалась родительская семья, нарушение в которой волнует этих подростков более всего. Отношения к родителям выглядят неоднозначно: их делят на «понимающих» и «непонимающих»; часто подростки ощущают чувство вины и за свое «плохое» отношение к родителям (в которых явно нуждаются эмоционально). Все описания носят эмоциональный характер; сценарии переживаний подростков (оценочный тип переживаний, при котором внешний мир прост и соответствует этим оценкам) становятся недостаточными, так как «обнаруживается» сложность окружающего мира. Подобные внутренние изменения порождают тревогу.

Первые описания неблагоприятных последствий материнской депривации сделал Л. Ф. Мейер (1914). Реакцию на разлуку с матерью изучали Д. Боулби (2004), М. Малер (2005), А. Фрейд и Д. Берлин-

гейм (2004), Р. А. Шпиц (2001), М. Эйнсворт (1991), А. М. Прихожан (2000, 2007), А. И. Захаров (2000). В частности Д. Боулби отмечает, что при неудовлетворении родителем потребностей ребенка у него формируется чувство отверженности, обделенности, формируется агрессия, которая может быть направлена как вовне, так и на самого ребенка в виде самобичевания и чувства вины. По мнению Э. Берна (1992), если у ребенка нет уверенности в материнской любви, то он становится беспокойным и пугливым. С точки зрения Р. Бернса (1986), в результате материнской депривации и авторитарного стиля воспитания возникают негативные эмоциональные переживания. Материнская депривация способствует развитию личности с жадной любовью, высокой тревожностью и страхом потери объекта привязанности, развивается эмоциональная обедненность, уплощенность.

Исследованиями роли отца в психическом развитии ребенка занимались такие ученые, как Э. Берн (1992), И. С. Кон (2006), Я. В. Федотова (1985), С. А. Орлянский (2004), О. Г. Калина (2007). В отдельных исследованиях эмоционального благополучия подростков выявлено, что характер эмоциональных трудностей у подростков связан с аналогичными трудностями у их отцов. В частности, депрессивная симптоматика, безработица у отцов связаны с риском возникновения депрессивных и тревожных состояний у детей и подростков. Есть данные о важности детско-отцовского конфликта для возникновения депрессивной симптоматики у подростков. В других исследованиях отмечается, что, чем больше негативных эмоций в отношениях ребенка с отцом, тем в большей степени дети агрессивны в школе. Многие эмпирические работы касаются рассмотрения детско-родительских отношений через призму супружеских отношений отца с матерью ребенка. Результаты свидетельствуют о том, что качество детско-отцовских отношений в большей степени влияет на психическое состояние детей, чем детско-материнские отношения. Так, отцовская (а не материнская) агрессия (вызванная супружеским конфликтом), связана с усилением злости, печали и страха у детей.

По некоторым данным, свыше 60% подростков с эмоциональными нарушениями воспитывались в неполных семьях. В то же время некоторые данные не подтверждают связи между тревожностью и воспитанием ребенка в неполной семье. Бывает, что ребенок, воспитывающийся одинокой матерью, взрослеет быстрее. Но это возможно только тогда, когда психические потребности в заботе, в учении и в эмоциональном самоутверждении на соответствующих этапах развития ребенка были удовлетворены. Известно, что в неполной семье оставшемуся родителю приходится брать на себя решение всех материальных, бытовых и психологических проблем, совмещение

которых весьма затруднительно. Поэтому большинство неполных семей испытывают материально-бытовые трудности и сталкиваются с педагогическими проблемами.

По данным И. С. Кона (1980), дети, выросшие без отца, часто имеют пониженный уровень притязаний, у них выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы, мальчики с трудом общаются со сверстниками, хуже усваивают истинно мужские роли, но гипертрофируют некоторые мужские черты – грубость, драчливость. Очень важным в неполной материнской семье является отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении, так как профессия отца представляет обычно реальную базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности.

По данным В. А. Сысенко (1986), на отсутствие отца болезненнее реагируют мальчики 7–12 лет. Девочки особенно остро переносят подобную разлуку в возрасте 2–5 лет. Н. В. Самоукина (2000) указывает на то, что для положительного отношения к себе девочек необходимо принятие их отцами. Однако в зарубежных исследованиях считают, что матери и отцы обладают одинаковыми способностями заботиться о своих детях, поэтому оба родителя одинаково важны для гармоничного развития личности ребенка. Е. О. Смирнова и В. С. Собкин отмечают, что детям из неполных семей не хватает непосредственности в выражении чувств: они скованны, напряжены, чрезмерно серьезны, воспринимают все буквально, теряют способность понимать шутки. Наблюдается дефицит жизненного тонуса, воодушевленности, способности легко устанавливать контакты и длительно поддерживать их на взаимоприемлемом уровне; гибкости и непринужденности в отношениях, умения принимать и играть роли (1988, с. 68). Авторы отмечают, что причиной перечисленных особенностей также является и неверный тип воспитания. Согласно исследованиям Е. О. Смирновой и В. С. Собкиной (там же, с. 56), наиболее распространенными стилями воспитания в неполных семьях являются неустойчивый стиль воспитания, гипопротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение. Одним из самых негативных факторов в стиле воспитания является эмоциональное отвержение. По данным ряда исследований (А. И. Захаров, А. И. Фурманов, А. С. Семенюк), недоброжелательность или невнимание со стороны родителей вызывает неосознаваемую враждебность у детей. Безотчетная, немотивированная недоброжелательность со стороны родителей порождает низкое самоуважение, чувство вины и тревоги. Часто встречается скрытое эмоциональное отвержение – родители стремятся завуалировать реальное отношение к ребенку повышенной заботой и вниманием к нему.

С. А. Зайкова (2006) обобщила данные исследований по дошкольному возрасту. В целом при изменениях структуры семьи и взаимодействиях между родителями возникают следующие негативные последствия. При конфликтности между супругами (В. Л. Васильева, О. А. Шаграева) у детей возникают неврозы, замедляется эмоциональное развитие, появляется склонность к вспыльчивости, повышенная возбудимость, страх, недоверие, чувство одиночества, равнодушие. При воспитательной конфронтации (Е. И. Рогов, Н. Н. Верцинская) появляются страхи, нарушения эмоционально-волевой сферы, негативные эмоции, присутствует эмоциональная неустойчивость. При наличии только матери (Е. П. Арнаутова, А. И. Захаров, Й. Лангмейер, З. Матейчек, Н. М. Неупокоева) повышенная агрессивность, суетливость, замкнутость, заторможенность, нарушение полоролевой идентификации, агрессивность, асоциальное поведение. В случае пренебрежения, безразличия и невнимания к потребностям и чувствам ребенка (Г. П. Бочкарева, М. Джеймс, Д. Джонгвард, О. В. Удова) он начинает поиск эмоционально значимых отношений вне семьи. При разводе родителей (Н. М. Неупокоева, И. В. Казакова, Е. А. Данилова, Г. П. Бочкарева) возникает стресс, происходит разрушение эмоциональных связей, сужение сферы общения, невротизация. При непоследовательности, отсутствии похвалы и поощрений (И. С. Сорокина, Е. И. Рогов) происходит закрепление отрицательного поведения, установок, возрастает тревожность, неуверенность в себе.

В качестве негативных факторов эмоционального неблагополучия рассматривают также условия детского дома (Р. Шпиц, Дж. Боулби, А. Х. Пашина, Е. П. Рязанова). Среди особенностей развития эмоциональной сферы воспитанников детских домов выделяют бедность качественного содержания эмоциональной сферы, неспособность адекватно распознавать эмоции. На подобные характеристики эмоциональной сферы указывает и Т. Д. Марцинковская (2000, с. 126, 131). Исследования Л. Л. Баз, О. В. Баженовой (1996), М. И. Лисиной (1986), проведенные с детьми 13–14 лет, воспитывающимися в домах ребенка и школах-интернатах, показали, что как полная, так и частичная материнская депривация приводит к тяжелым, иногда необратимым изменениям в эмоциональной, интеллектуальной и мотивационной сферах личности.

К другим обстоятельствам, которые могут спровоцировать неудовлетворительную динамику отношений «ребенок–родитель» можно добавить фактор, связанный с ухудшением экономической стабильности в настоящий период времени. Например, периодические отлучки одного или обоих родителей с целью заработка в другие регионы страны. В 2008 г. трудовая миграция населения увеличилась на 20% по сравнению с предыдущим периодом. По данным статистики,

например, гастарбайтеров в Москве трудится в 7 раз больше, чем это предусмотрено легальной квотой на 2008 г. По данным проведенного опроса в городах Смоленск, Москва, Ставрополь (Бадыштова, 2002), среди видов дохода населения работа на выезде составляет в Смоленском регионе самый высокий процент – 80,8 (в Москве – 68,9%; в Ставрополе – 50,0%). Подобные результаты заставляют задуматься о значении исследования феноменов, сопровождающих этот процесс внутри семьи, а именно, как трудовая миграция родителей отражается на эмоционально-психологическом состоянии их детей. С точки зрения взрослого человека это может быть сопряжено с ответственностью перед своей семьей за ее материальное благополучие. Тогда как восприятие и понимание подобных семейных ситуаций со стороны ребенка может носить неоднозначный характер.

Известны результаты исследований прибалтийских ученых (Лялюгене, Рупшене, 2008), связанные с изучением влияния трудовой миграции родителей на социализацию детей и подростков. Согласно их результатам, проблемы детей, переживающих кризис разлуки с родителями, в 9% случаев связаны с долговременными эмоциональными трудностями, 38% испытывают кратковременный эмоциональный кризис, 14% имеют проблемы с поведением. Выявлена тенденция, согласно которой, чем меньше возраст ребенка, тем выше число негативных переживаний. В книге Жорж Жизель (Жизель, 2003, с. 78–81) приведен пример обобщенных научных данных в виде балльной шкалы по исследованию детского стресса. Из 34-х причин стрессового состояния ребенка на 4-ом месте оказалась ситуация, при которой кто-то их родителей получил работу далеко от дома и вынужден жить в другом месте (63 балла из 100). 15-ое место занимает ситуация, связанная с изменением финансового положения семьи (38 баллов из 100).

В исследованиях Н. Ю. Сиягиной указывается, что 30% родителей в качестве мотива своего жестокого отношения к ребенку называют «месть за то, что ребенок приносит огорчение, что-то просит, требует». Автор объясняет это тем, что «малообеспеченные» родители, не умея объяснить происходящее, испытывают неосознаваемое чувство вины и перекладывают вину на ребенка, который «не заслужил», «не заработал» (Сиягина, 2001, с. 29). В. Б. Ольшанский утверждает, что дети из семей с ограниченными финансовыми возможностями с малолетства испытывают много фрустраций, делают терпеливыми, осторожными, но медлительными, упорными и негибкими (Ольшанский, 1996, с. 40).

Подобные примеры подтверждают нашу мысль о том, что целесообразно более подробно изучить аспект детско-родительских отношений в контексте трудовой миграции. Цель исследования предпола-

гает также дальнейшую выработку психологических рекомендаций для улучшения психоэмоционального состояния детей и родителей, а также оптимизации взаимодействия и взаимопонимания среди членов семей трудовых мигрантов.

Литература

- Жизель Ж. Детский стресс и его причины / пер. с фр. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
- Лялюгене И. Ю., Рупшене Л. Я. Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков // Социс. № 1. 2008. С. 69–75.
- Марцинковская Т. Д. Детская практическая психология // Пособ. для студ. вузов пед. спец. / Ред. Т. Д. Марцинковская. М.: Гардарики, 2000.
- Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб.: Евразия, 1999.
- Ольшанский В. Б. Психологи – практикам: учителям, родителям и руководителям. М.: Триволта, 1996.
- Рубченко А. К. Самоотношение и отношение юношей и девушек к родителям при семейной депривации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Синягина Н. Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений. М.: ВЛАДОС, 2001.
- Смирнова Е. О., Собкин В. С. Специфика эмоционально-личностной сферы детей, живущих в неполной семье. М., 1988.
- Томилова А. В. Динамика развития типа и предметного содержания переживания в старшем подростковом возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- Федорова Н. В. Депривация в семье как фактор делинквентного поведения подростков: Автореф. дис....канд. психол. наук. Омск, 2007.
- Хухлаева О. В. Коррекция нарушений психологического здоровья дошкольников и младших школьников // Учеб. пособие. М.: Академия, 2003.
- Целуйко В. М. Вы и ваши дети. Психология семьи. Ростов-н-Д.: Феникс, 2004.
- Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1980.
- Детская практическая психология // Учебник / Ред. Т. Д. Марцинковская. М.: Гардарики, 2000.

ПРИРОДОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЭТИКА В РАБОТЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА «ЧЕЛОВЕК И МИР»

А. В. Никольская (Москва)

В последние годы, когда все чаще раздаются разговоры о грозящем человечеству экологическом кризисе, возникает необходимость переориентации человеческого сознания с антропоцентрического

на природоцентрическое. В психологии появилось даже новое направление, называемой экологической психологией, одной из задач которого является формирование осознания человеком своего единства с природой (Панов, 2004).

Современные исследования в таких областях, как зоопсихология, этология и социобиология, способствуют новому пониманию живых организмов как существ, находящихся в родстве с видом *Homo sapiens*. Возрастающая социогуманитарная направленность современной науки меняет наш взгляд на человека, человеческое общество.

Еще Э. Фромм говорил, что человек, оставаясь частью природы, вышел за ее границы. «Необходимость находить новые решения противоречий своего существования, находить все новые, более высокие формы единства с природой, своими ближними и самим собой служит источником всех психических сил, которые движут человеком» (Фромм, 2004, с. 15).

С одной стороны, человек принадлежит к живой природе, он имеет эволюционное родство с другими формами жизни. Это родство, согласно А. Бергсону, дает человеку потенциальную возможность понимания поведения и психики живых существ (особенно высших позвоночных) через эмпатию, вчувствование в них. А. Бергсон утверждает идею прямого, непосредственного, интуитивного знания и вводит понятие интуиции, интуитивного вчувствования одного живого существа в психику другого как механизм прямого знания (Бергсон, 1998).

С другой стороны, человек является уникальным продуктом эволюции с качественно специфическими характеристиками. Человек, таким образом, обладает как биологически детерминированными, так и чисто человеческими (социальными, культурными) гранями, которые тесно переплетены, взаимозависимы друг от друга находятся в постоянном развитии. Насколько гармонично развитие этих граней, отвечают ли модели культуры и технологии эволюционно-обусловленным тенденциям человеческого поведения? Например, наказание за убийство, распространенное в различных человеческих культурах, вполне согласуется с имеющимся у многих видов животных врожденным ингибированием убийства особей своего вида (Лоренц, 1998). Многие юридические нормы человеческого общества обращаются к нашему «чувству справедливости» (*sense of justice*), предпосылки которого можно видеть в социальном поведении высокоразвитых групповых животных (приматы, хищные). Более того, М. Хаузер по результатам своих исследований заключает, что люди с тем большей готовностью соблюдают законы, чем в большей мере они отвечают эволюционному «чувству справедливости» (Хаузер, 2008). Тем не ме-

нее, очевидно, что и человеческий разум существенно влияет на наше чувство справедливости. Содержание этого чувства испытывает воздействие культуры и многовековой истории человечества.

В отечественной психологии первым о проблеме осознания человеком единства с природой заговорил С. Л. Рубинштейн в своей передовой для того времени работе «Человек и мир» (1976), поднимая вопрос целостного отношения человека и мира.

В работе рассматривается как онтологический аспект бытия человека в мире, так и гносеологический аспект познания человеком мира, и ставится вопрос об этике человеческого существования в мире. При этом под «миром» Рубинштейн понимает организованную иерархию различных способов существования, точнее, мир живых существ с различным способом существования. Причем под способом существования подразумеваются как характеристика, относящаяся к качественной определенности живого организма, так и онтологическая характеристика, определяющая не столько сам организм, сколько его бытие (Рубинштейн, 1976). То есть само существование организма связано с процессом определения его свойств в рамках его взаимодействия с другими. Из этого положения С. Л. Рубинштейн делает вывод, выходящий за рамки классических представлений советской психологии, а именно: «...нужно не внешнее противопоставление человеческого способа существования всем остальным способам существования, а конкретное исследование всей иерархии этих отношений» (там же, с. 19).

Онтологический аспект человеческого бытия

С позиций нового основания, не субъект–объект, но Человек–Мир, С. Л. Рубинштейн предлагает развивать новый строй мышления, где на первое место выходят не гносеологические, а бытийные (онтологические) категории. И тогда человек оказывается эквивалентен, причастен всему бытию (Арсеньев, 2007). Фактически С. Л. Рубинштейн говорит о том, что нужно преодолеть не только картезианский раскол между субъектом и объектом, но необходимы и другие кардинальные перемены, потребность в которых вызвана включением *psyche* и чистого опыта в сферу реальности.

С. Л. Рубинштейн обращает внимание, что проблема отношения человека к бытию в целом включает в себя отношение к людям, бытие включает в себя не только вещи, неодушевленную природу, но и людей; отношение к природе опосредствовано отношениями между людьми. Метафизический разрыв бытия на три несвязанных сферы – природу, общество и мышление – преодолевается постановкой вопроса об особом, двойственном, способе существования человека в мире.

В составе бытия человек не выносится за его пределы, он – его часть. Это положение противоположно идее М. Хайдеггера о выходе за свои пределы как специфическом способе существования человека, который он противопоставляет способу существования всего остального сущего (1997). С. Л. Рубинштейн считает неправомерным это противопоставление: он возражает против экзистенциалистской разорванности человеческого существования и бытия. Экзистенциалистский «выход за свои пределы», приписываемый М. Хайдеггером только человеческому существованию, С. Л. Рубинштейн считает всеобщим положением, справедливым для любого способа существования, для всего бытия в целом. «Возможность выходов за пределы данного способа существования, перехода в «другое» основана на взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Каждое данное явление в его взаимосвязи с «другими» представляет собой специфический способ существования, связанный сотнями переходов в «другое», обусловленности «другим», представленности в «другом». Существовать – значит переходить в другое, включать в себя другое, быть не только вне себя, но и перед собой. Данность сущего в другом (представленность, отраженность) и другого в этом – это характеристика существования не только человека, это общая характеристика всего сущего» (Рубинштейн, 1976, с. 303).

Человека нельзя «вырвать» из бытия, вывести за пределы бытия. Схожие мысли высказывает А. Маслоу, говоря, что внутренние бытийные ценности индивида в той или иной степени изоморфны соответствующим ценностям воспринимаемого им мира, и что между внутренними и внешними ценностями существуют взаимовыгодные и взаимоукрепляющие динамические отношения. «Это полностью противоречит более древнему и более привычному убеждению, что высшие ценности есть порождение сверхъестественного божественного начала или каких-то других начал, находящихся за пределами человеческой природы. Как бы это ни было трудно, но мы должны научиться мыслить в духе холизма, а не атомизма. Наши божественные качества нуждаются в наших животных качествах. Высшие ценности составляют с низшими ценностями одну иерархию» (Маслоу, 1997, с. 114).

Позже, в конце XX в., немецкий философ К. М. Майер-Абих (Meyer-Abich, 1990) подчеркивает, что осознание единства с природой невозможно без воскрешения чувств, притупляемых цивилизацией. Эти чувства нужны, чтобы проникнуть в особые миры, в которых живут другие индивиды и другие живые существа (эти «особые» миры понимаются К. М. Майер-Абихом как воспринимаемый и своеобразно структурируемый тем или иным живым существом окружающий мир). «В мире дождевого червя есть только вещи дождевого червя,

в мире стрекозы есть только стрекозиные вещи», – писал цитируемый К. М. Майер-Абихом И. Уэкскуль (с. 45). По убеждению К. М. Майер-Абиха, люди должны осознать, что вещи в мире существуют не только для человечества – как его ресурсы, они также существуют в мирах других биологических видов и входят в их «функциональные сферы» (термин И. Уэксюля). Именно в этом осознании – специфика человеческого существования, отличие его от существования других живых существ. Такой плюрализм живых миров, по К. М. Майер-Абиху, представляет собой развитие цивилизации. Так, на более раннем историческом этапе европейцы осознали, что не-европейцы также наделены культурой и своими правами.

То, о чем говорит С. Л. Рубинштейн полвека назад (текст работы «Человек и Мир» был готов в 1959 г. и впервые опубликован посмертно в 1973 г.) – существовать – значит переходить в другое, включать в себя другое – и к чему настороженно отнеслось большинство советских психологов, сейчас становится ведущим направлением не только психологии, но и многих других наук – биологии, философии, социологии.

Бытие и познание

На основе категорий бытия появляются категории познания. Познание делится на наглядное, непосредственное – интуиция и опосредствованное – мышление. Отсюда возникает проблема взаимосвязи непосредственного и опосредствованного как необходимая черта познания. Познание как открытие бытия – это не акт сознания, не только деятельность сознания человека, а в силу участия в нем практики – способ существования человека в мире. Таким образом, проблема бытия и его познания связана с проблемой человека, и в свою очередь проблема человека неразрывно связана с общей проблемой бытия. Процесс мышления осложнен отходом от непосредственного контакта с реальностью, уходом в абстракцию. В познании бытия обнаруживается прерогатива чувственного познания. Воспринять – значит, онтологизироваться, включиться в процесс взаимодействия с существующей реальностью, стать причастным ей (Рубинштейн, 1976). То есть процесс познания не заканчивается мышлением, он возвращается обратно к восприятию, чувственному познанию, обогащая его и делая познание цикличным.

Почему у большинства из нас не происходит такого сознательного единения с природой? Потому что у человека существует страх познания. Еще З. Фрейд отметил, что причиной многих психологических расстройств является боязнь человека познать себя. Этот страх познать себя часто изоморфен и параллелен страху перед внешним миром (Фрейд, 2001). То есть суть внутренних и внешних

проблем одна, поэтому можно говорить о страхе познания вообще. А поскольку знание и действие тесно связаны друг с другом, то страх познания – это страх перед действием, перед последствиями, перед угрозой ответственности. И здесь Рубинштейн указывает на опасность утрирования роли деятельности, при котором все, что дано природой, естественно в мире и в человеке, превращается в нечто сделанное. Такому прагматизму С. Л. Рубинштейн противопоставляет приобщение человека к бытию через его познание и эстетическое переживание – созерцание. Эта созерцательность является другим, отличным от деятельности, способом отношения человека к миру, способом чувственного эстетического и познавательного отношения. Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию (Рубинштейн, 1976). Такое познание бытия, пользуясь терминологией А. Маслоу, противоположно познанию, обусловленному необходимостью в ликвидации дефицита. Действенное познание активно, для него характерен отбор со стороны субъекта познания. Он решает, что следует воспринимать, и соотносит познание с потребностями, организует познание. Такое познание энергоемко и приводит к усталости.

Созерцательное познание скорее пассивно. Такое пассивное познание описано в философии даосизма (см., например, Лао Цзы, 2007). В даосской концепции говорится, что восприятие может ни на что не претендовать, являться скорее созерцанием, чем вмешательством. Индивид может дать восприятию идти своим ходом, получать, а не брать. Чем больше бытие будет пониматься в его целостности, тем легче человеку будет воспринять в нем и в себе существование противоположных, противоречащих друг другу вещей, которые являются результатом неполноты познания. При таком восприятии объект восприятия (будь то человек или дерево) будет представляться как нечто уникальное, единственное в своем роде. Предлагаемый Рубинштейном подход противоположен традиционному способу общения с миром, основанному на обобщении и делении мира на категории, представителем одной из которых является воспринимаемый объект. Но если нет категорий, то нет и понятий тождества или отличия. Нельзя сравнить объекты, у которых нет ничего общего. Если объекты имеют что-то общее, то необходимо введение абстракций (цвет, форма, вес и пр.). «Если мы воспринимаем индивида без абстрагирования, если мы упрямо хотим воспринять все его качества одновременно, как взаимонеобходимые, то мы больше не можем классифицировать. С этой точки зрения, любой человек, любая картина, любая птица, любой цветок становятся единственны-

ми в своем роде и поэтому должны восприниматься идеографически. Это желание увидеть все аспекты объекта означает более адекватное восприятие» (Маслоу, 1997, с. 116).

Чем более адекватно человек познает суть бытия, тем сильнее он приближается к своему бытию. По мере обретения единства, он обретает способность видеть единство мира. Человек и Мир становятся все больше похожи друг на друга. А по мере того, как человек обретает единство и цельность, увеличивается его способность слияния с миром с тем, что до того было «не им» (Лао Цзы, 2007). В этом смысле становление самим собой есть одновременно взлет над собой, превосхождение себя. В этом заключается определенный парадокс. Чем глубже человеческое познание, рефлексия самого себя и мира, тем больше мир входит в человека, и тем больше человек подчиняется интрапсихическим законам, а не законам не-психической реальности. Это не выход за свои пределы, но принятие в себя и себя самого и Мира таким, как он есть. Тогда бытийное познание другого существа возможно, если не постигать его, предоставить его самому себе, дать ему возможность жить по своим законам. Когда происходит такое понимание, оказывается, что интрапсихические законы и законы мира не являются антагонистами и могут быть сведены в целое.

Но опасность созерцательного познания заключается в том, что оно делает действие невозможным или необязательным. Такое познание несовместимо с действием. Оно не предполагает выставления оценок и сравнения и не приводит к принятию решения. Добро и зло несовместимы с бытийным познанием, они не имеют в нем смысла. Такое познание можно сравнить с божественным всепониманием и невмешательством. Но нежелание действовать и утрата чувства ответственности приводят к фатализму, к точке зрения, что «мир таков, как есть», что ведет к утрате волевых качеств. С.Л. Рубинштейн вовсе не призывает отказаться от деятельности, подчеркивая, что созерцательность не должна быть понята как синоним пассивности и бездеятельности человека. Она – лишь один из способов отношения к миру и должна быть совмещена с действием, производством (Рубинштейн, 1976).

То есть непосредственное единство человека с природой, в отличие от всех других живых существ, невозможно в силу того пути, которое прошло человечество от сообществ собирателей и охотников до современной цивилизации. Сознательное созерцание, бытийное познание природы предполагает новое, опосредствованное, сознательное единение с ней, совмещенное с деятельностью. Тогда деятельность человека, осознавшего свою целостность с миром, не будет приводить к уничтожению природы.

Этическое отношение к природе

Сознательное единение с природой в процессе познания мира возможно, согласно Рубинштейну, если мир познается в динамическом, изменяющемся отношении к человеку, и в этом отношении решающую роль играет мировоззрение, духовный облик человека. Познание мира как приобщение к нему, как восприятие красоты природы, является необходимой предпосылкой этического отношения человека к человеку и ко всему живому. Этика в этом ее понимании представляет собой не обособленную область человеческих отношений, а необходимую составную часть онтологии. Здесь мысли С. Л. Рубинштейна перекликаются с положениями А. Швейцера о ценности всего живого, об ответственности человека за все, что живет (1973). При таком подходе природа прекрасна сама по себе, а не только как переживание, восприятие человека.

Отправной пункт этики по С. Л. Рубинштейну – это раскрытие необходимых предпосылок человеческого существования. Необходимость действовать и, значит, решать ставит на каждом шагу этические проблемы. Как уже говорилось, в онтологии человека наличие не только действенного, но и познавательного, созерцательного отношения к миру составляет важнейшую характеристику человека.

Рубинштейн говорит о двух способах отношения человека к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение – это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне нее для рефлексии над ней. Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни. Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней. С этого момента встает проблема ответственности человека в моральном плане, ответственности за все содеянное и все упущенное. Люди, у которых выработан второй способ отношения к жизни, в достаточной степени удовлетворили свои фундаментальные потребности в безопасности, любви, уважении и могут руководствоваться стремлением к самоактуализации, понимаемой ими как свершение своей миссии, как более полное познание, как стремление к внутренней интеграции.

Таким образом, мотивация человеческого поведения по С. Л. Рубинштейну – это субъективная детерминация поведения человека

миром. Через эту мотивацию человек вплетен в контекст действительности. Значение предметов и явлений и их смысл для человека есть то, что детерминирует поведение. Здесь должно быть определено, что входит у человека в систему, иерархию значимого для него. Ценности производны от соотношения мира и человека. К ценностям, прежде всего, относится идеал, содержание которого выражает нечто значимое для человека. Наличие ценностей выражает безразличие человека по отношению к миру.

Большинство современных теорий мотивации едины в том, что рассматривают потребности и мотивирующие состояния, как тревожные явления. Мотивированное поведение, таким образом, является способом ликвидации тревоги. Этот подход вполне адекватен в зоопсихологии. И люди, и высокоорганизованные групповые животные хотят от своего окружения безопасности, принятия и определенного статуса. Но, удовлетворив эти потребности, каждое живое существо начинает развиваться своим неповторимым образом, используя общевидовые условия в своих интересах. С этого момента развитие зависит от внутреннего, а не от внешнего состояния. Коренное отличие развития человека заключается в том, что, пытаясь оценить себя и мир, человек устанавливает систему координат, позволяющую принять иерархию ценностей, которая зависит от его познавательного функционирования. А способ познания (не только действие, но и созерцание) позволяет формировать представление о самом себе и о Вселенной.

Что же представляет собой, согласно С.Л. Рубинштейну, любовь ко всему живому, любовь к природе? Природа в своем отношении к человеку выступает как эстетическая категория. Эстетическое отношение человека к природе – это отношение к ней не только как к сырью для производства или полуфабрикату. Она существует не только как объект практической деятельности человека, но и как нечто, что значимо для человека и само по себе, «в себе», причем сам человек тоже часть природы в этой форме своего существования. В этом смысле эстетическое отношение к природе есть, по сути, утверждение ее существования. Способность видеть эстетическое, прекрасное в природе, чувствительность к нему является предпосылкой появляющегося затем этического отношения, в том числе ответственности за свои действия в природе.

Но пока не возникнет эта способность видеть красоту природы и себя как часть природы, любое долженствование, навязываемое человеку извне обязательство любить и беречь природу будет оказываться несостоятельным, не находящим должного отклика в сознании. Только тогда в иерархию ценностей человечества войдет идея поддержания единства с природой, когда каждому из нас будет очевиден смысл такого единства, только тогда поведение человека будет определяться этическим отношением ко всему живому.

Фактически С. Л. Рубинштейн говорит о зарождении новой этики, этики, признающей правомерность существования мира и индивида в двойственной природе. Тенденция развития, соотносящего этику с психикой в качестве единого целого, приводит к стабильности личности. В таком случае ценности новой этики можно сформулировать следующим образом: все, что приводит к целостности, есть «добро»; все, что приводит к разделению, есть «зло».

Большинство психологических течений в гуманитарной парадигме противопоставляют человека то природе, в том числе своей собственной (например, З. Фрейд), то обществу (Л. С. Выготский, Э. Фромм и др.). С. Л. Рубинштейн совершает парадигмальный сдвиг, предлагая выйти за пределы плоскости представлений о человеке, рассматривая его как часть мира.

Литература

- Арсеньев А. С. От субъекта к личности (полемика о творческой судьбе С. Л. Рубинштейна) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 99–137.
- Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998.
- Лао Цзы. Дао де Цзин. М., 2007.
- Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
- Маслоу А. Психология бытия, М., 1997.
- Панов В. И. Экологическая психология. М., 2004.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1976.
- Фрейд З. Я и ОНО. По ту сторону принципа удовольствия. М., 2001.
- Фромм Э. Искусство любить. М., 2004.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Хаузер М. Мораль и разум. М., 2008.
- Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
- Meyer-Abich K. M. Aufstand fur die Natur. Von der Umwelt zur Mitwelt. Munchen, 1990.

ИДЕИ С. Л. РУБИНШТЕЙНА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ НОВОГО РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В. П. Позняков, Ю. В. Сергеева (Москва)

Задачей представленного материала является осмысление актуальности некоторых теоретических положений С. Л. Рубинштейна для развития социально-психологических исследований нового

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-000198-а «Социально-психологические и личностные детерминанты деловой активности предпринимателей в разных сферах бизнеса».

российского предпринимательства. В последние годы появилось достаточно много теоретических и эмпирических исследований, посвященных анализу психологических особенностей личности современных российских предпринимателей. Безусловно, проблема личности в психологии не может потерять своего значения в области исследования феномена предпринимательства, но, отрывая личность от социальных условий, в которых она осуществляет свою деятельность, мы не сможем приблизиться к полному всестороннему пониманию этого вопроса.

В своей статье «Проблемы психологии в трудах Маркса» С. Л. Рубинштейн писал о том, что его сознание в своей внутренней сущности опосредствовано объективными связями, которые устанавливаются в общественной практике и в которые он, включаясь, входит каждым актом своей деятельности, практической и теоретической. Каждый акт его деятельности и он сам в нем через него тысячами нитей вплетен, многообразными связями включен в объективные образования исторически сложившейся культуры, и его сознание насквозь опосредствовано ими. Уделяя большое внимание проблеме синтеза социальных и экономических характеристик бытия в работах Маркса, Рубинштейн пишет, что общественные отношения – это и есть, прежде всего, реальные производственные отношения между людьми. Обусловленность психологической природы человека его общественными отношениями не позволяет рассматривать человека вне его социальной жизни, вне его социальных связей, социальных групп и свойственных им перцепций и аттитюдов, так как сущность личности это совокупность общественных отношений.

Продолжая эту идею, стоит отметить, что в своих работах отечественные социальные психологи С. Франк, И. Ильин, Б. Поршнев видели причину развития человеческого общества не в акте взаимодействия двух личностей, взаимоотносящихся как «я» и «ты», а в акте взаимодействия двух общностей, взаимоотносящихся как «мы» и «они».

Опираясь на эти работы, процесс изучения предпринимателей можно представить равнозначным участием четырех составляющих его уровней: базового, личностного, культурного и социального.

Культурный уровень находит свое отражение в национальных культурах и традициях. Это культурный код общества, некие разделяемые нацией ценности и общая морально-нравственная база, на которой и происходит формирование общих для группы ценностей и норм.

Социальный уровень – это уровень социализации, взаимодействия в рамках социальных групп и ролей. Он включает в себя выстраивание отношений с членами общества, основанных на опыте их взаимо-

действия. Социальный уровень выступает как надиндивидуальный ресурс взаимодействия внутри социальной группы и между социальными группами.

Логика исследования в данном контексте может быть подчинена принципу социального детерминизма, который требует исходить из того, что общественные отношения, социальные институты и структуры способны задавать сознанию людей и их деятельности определенную содержательно-смысловую направленность.

Предприниматель в данном контексте должен рассматриваться не как автономная личность, хотя и имеющая очень высокую степень стремления к автономности и независимости, а как гетерономный индивид, находящийся под влиянием надличных социальных структур. Здесь Рубинштейн вторит Марксу, заявляя, что сущность личности есть совокупность общественных отношений.

В свете социологического подхода каждая социальная реалья предстает не как самостоятельный и самоценный феномен, но как составная и в значительной мере подчиненная часть социальной системы, наделенная функциями обслуживания этой системы. Подобный подход позволит учитывать всю совокупность социальных воздействий на исследуемый предмет и построить более объективную картину.

С. Л. Рубинштейн пишет, что человек не является самопорождающим субъектом, его сознание формируется в процессе его деятельности через продукты этой деятельности, и оно объективно формируется через продукты общественной деятельности. Более того, сознание опосредствовано объективными общественными связями, которые устанавливаются в результате общественной практики.

Любой осуществляющий взаимодействие индивид превращает это взаимодействие в социальное, так как любое воздействие преломляется социально-психологическим единством его социальной группы. Психологическая сторона взаимодействия – это, прежде всего, проявление психологических свойств, установок или поведенческих норм референтной группы субъекта. В зависимости от того, как группа воспринимает ситуацию взаимодействия, она и будет определять свое отношение к другой группе, и так она будет формировать свое взаимодействие с другой группой.

И последнее. В условиях экономической, а следовательно, и неизбежной социальной трансформации общества особенно важным становится тезис С. Л. Рубинштейна о том, что только из понимания зависимости психологической природы человека от искажающих, препятствующих их полноценному развитию общественных форм неизбежно вырастают требования изменения общественных условий.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Е. С. Соколова (Москва)

Современная жизнь ставит перед молодежью задачи, которые требуют активного включения в социальные отношения, во взаимодействие с людьми и социальными институтами в экономической, политической и духовной сферах. Основы понимания психологической регуляции и мотивов социальной активности и инициативы молодых людей заложены в работах Л. И. Божович, С. Л. Рубинштейна, А. С. Чернышева и многих других авторов. Молодежная инициатива, стремление к самостоятельному участию в жизни общества и государства, к удовлетворению и реализации различных социальных потребностей и интересов ведут к возникновению разнообразных форм социальной активности. Это позволяет говорить о наличии актуальной теоретической и эмпирической потребности в изучении специфики мотивационно-потребностной сферы у молодежи с разным уровнем социальной активности, на наличие которой указывают особенности социализации молодежи, личностного и профессионального самоопределения.

В исследовании структуры и динамики мотивов социальной активности российской молодежи была поставлена задача по выявлению специфики мотивационно-потребностной сферы у молодежи (школьники, студенты, работающая молодежь) с разным уровнем социальной активности через определение совокупности потребностей, инициирующих активность, вида направленности личности и системы ее ценностных ориентаций. В данной статье приводятся результаты исследования особенностей мотивационно-потребностной сферы старшеклассников в зависимости от уровня их социальной активности. Объектом выступили учащиеся школ г. Москвы в количестве 213 чел. Группу старшеклассников с высоким уровнем социальной активности составили 103 чел.: 48 мальчиков и 55 девочек, участвующих в школьном самоуправлении, и/или включенных в различные общественные молодежные организации. Группу старшеклассников с низким уровнем социальной активности составили 110 чел.: 65 мальчиков и 45 девочек, не участвующих в школьном самоуправлении и не являющихся членами общественных объединений.

В исследовании с помощью методик, направленных на выявление потребности в аффилиации (Ю. М. Орлов), мотивации достижения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-00 786а.

(А. Мехрабиан, М. Ш. Магомед-Эминов), потребности в признании (Е. Жариков), мотивации помощи (С. К. Нартова-Бочавер), ценностных ориентаций (М. Рокич) и направленности личности (А. Басс), определялась степень выраженности потребностей в достижении, в аффилиации, в признании, в оказании помощи другим, составляющие потребностную подсистему структуры мотивов социальной активности старшеклассников, система ценностей старшеклассников, выполняющая функцию внутреннего контроля, а также направленность личности. Затем при помощи *T*-критерия Стьюдента и критерия Манна – Уитни осуществлялось сравнение и анализ данных показателей в группах старшеклассников с разным уровнем социальной активности, а также в группах мальчиков и девочек.

В ходе проведенного эмпирического исследования были получены следующие **результаты**. *Потребность в достижении* имеет среднюю степень выраженности как в группе старшеклассников с высоким уровнем социальной активности, так и в группе старшеклассников с низким уровнем. У социально-активных старшеклассников показатель имеет более высокое среднее значение (135,0) по сравнению со старшеклассниками с низким уровнем социальной активности (127,5), однако статистически достоверных различий в степени выраженности потребности в достижении в группах старшеклассников с разным уровнем социальной активности не выявлено. Данная закономерность наблюдается как в мужской, так и в женской выборках. Различия в степени выраженности потребности в достижении обнаружены при сравнении по половым группам. Потребность в достижении у всех мальчиков имеет более высокую степень выраженности ($p = 0,007$). Таким образом, не обнаружено особенностей в мотивации достижения у старшеклассников с разным уровнем социальной активности.

Потребность в аффилиации имеет высокую степень выраженности как в группе старшеклассников с высоким, так и с низким уровнем социальной активности. У социально активных старшеклассников показатель имеет более высокое среднее значение (26,2), по сравнению со старшеклассниками, имеющими низкий уровень социальной активности (25,5). Статистически значимых различий в степени выраженности потребности в аффилиации в группах старшеклассников с разным уровнем социальной активности не обнаружено. Данная закономерность наблюдается как в мужской, так и в женской выборках. Различия в степени выраженности потребности в аффилиации обнаружены при сравнении по половым группам. Потребность в аффилиации у всех девочек имеет более высокую степень выраженности ($p = 0,004$). Потребность в аффилиации во многом может определять особенности мотивации социальной активности девочек.

Проявляемая ими социальная активность – это не столько выражение инициативы, сколько основанное на установлении и поддержании деловых и эмоциональных контактов стремление налаживать хорошие взаимоотношения со всеми сверстниками и взрослыми. Однако в целом для данной выборки респондентов особенностей в выраженности потребности аффилиации у старшеклассников с разным уровнем социальной активности не выявлено.

Потребность в признании имеет среднюю степень выраженности как в группе старшеклассников с высоким (среднее значение – 56,1), так и в группе старшеклассников с низким уровнем социальной активности (52,0). При сравнении показателя потребности в признании в данных группах статистически значимых различий не обнаружено. В целом показатель потребности в признании у всех мальчиков выше, чем у всех девочек ($p = 0,047$). Особенно эти различия значимы в группе социально-активных старшеклассников ($p = 0,001$), где у мальчиков среднее значение данного показателя равно 65,0, а у девочек – 39,7. Однако в группе старшеклассников с низким уровнем социальной активности статистически значимых различий по данному показателю не обнаружено.

Потребность в оказании помощи другим имеет наибольшую степень выраженности в группе старшеклассников с высоким уровнем социальной активности (49,1) по сравнению со старшеклассниками с низким уровнем социальной активности (27,6) и интерпретируется как низкая степень выраженности, что определило значимые различия по данным группам старшеклассников ($p = 0,003$). У мальчиков потребность в оказании помощи другим имеет значительно меньшую степень выраженности (23,3) по сравнению с девочками (48,8; $p = 0,002$). Однако в группе социально активных старшеклассников различия по половым группам менее выражены ($p = 0,018$), чем в группе старшеклассников с низким уровнем социальной активности ($p = 0,001$). Из результатов также следует, что по показателю потребности в оказании помощи другим при сравнении девочек с разным уровнем социальной активности статистически значимых различий не выявлено, а при сравнении мальчиков – выявлены ($p = 0,001$).

Полученные результаты говорят о высокой степени выраженности данной потребности у социально активных старшеклассников (причем у девочек несколько выше, чем у мальчиков), и низкой степени выраженности ее у старшеклассников с низким уровнем социальной активности, особенно у мальчиков.

Система ценностей личности осуществляет нравственный контроль при выборе цели, релевантной актуальной потребности, а также средств и способов достижения этой цели. Анализ ценностных ори-

ентаций респондентов, осуществлявшийся по двум совокупностям ценностей – терминальным и инструментальным, и их сравнение в группах старшеклассников с разным уровнем социальной активности выявили следующие особенности системы ценностей у социально активных старшеклассников – мальчиков и девочек.

При сравнении терминальных ценностей старшеклассников с разным уровнем социальной активности установлены значимые различия по небольшому числу ценностей, а именно: у социально активных старшеклассников в системе ценностей наиболее представлены ценности «активная жизнь» ($p = 0,001$), «познание» ($p < 0,001$), в то время как у старшеклассников с низким уровнем социальной активности – ценности «жизненная мудрость» ($p = 0,002$), «здоровье» ($p = 0,008$), «красота природы и искусства» ($p < 0,001$).

При сравнении терминальных ценностей социально активных мальчиков и девочек выявлены следующие различия: у социально активных девочек в системе ценностей представлена в большей степени ценность «любовь» ($p = 0,011$), а у социально активных мальчиков – «развлечения» ($p = 0,038$).

При сравнении девочек с разным уровнем социальной активности получены следующие значимые различия: у социально активных девочек в большей степени представлены ценности «продуктивная жизнь» ($p < 0,001$) и «познание» ($p = 0,003$). А у девочек с низким уровнем социальной активности – ценности «здоровье» ($p = 0,002$), «красота природы и искусства» ($p = 0,012$).

При сравнении мальчиков с разным уровнем социальной активности также получены значимые различия в системе ценностей: у социально активных мальчиков в большей степени представлены ценности «активная жизнь» ($p = 0,001$), «познание» ($p = 0,003$) и «продуктивная жизнь» ($p = 0,002$). У мальчиков с низким уровнем социальной активности – ценности «здоровье» ($p = 0,002$), «красота природы и искусства» ($p = 0,016$) и «свобода» ($p = 0,005$).

При сравнении инструментальных ценностей старшеклассников с разным уровнем социальной активности установлены значимые различия по следующим ценностям: у социально активных старшеклассников в системе ценностей наиболее представлены ценности «независимость» ($p < 0,001$), «аккуратность» ($p = 0,003$) и «смелость» ($p = 0,003$), в то время как у старшеклассников с низким уровнем социальной активности – ценности «высокие притязания» ($p = 0,002$), «жизнерадостность» ($p = 0,008$), «непримиримость к недостаткам своим и других» ($p < 0,001$).

При сравнении инструментальных ценностей социально активных мальчиков и девочек выявлены следующие различия: для со-

циально активных девочек в большей степени значима ценность «исполнительность» ($p = 0,028$), а для социально активных мальчиков – ценность «самостоятельность» ($p = 0,024$).

При сравнении девочек с разным уровнем социальной активности получены следующие различия в системе ценностей, значимые на статистическом уровне. Так, у социально активных девочек в большей степени представлены инструментальные ценности «эффективность в делах» ($p = 0,017$), «независимость» ($p = 0,002$) и «воля» ($p = 0,004$). В то время как у девочек с низким уровнем социальной активности – ценности «высокие притязания» ($p = 0,008$) и «жизнерадостность» ($p = 0,012$).

При сравнении мальчиков с разным уровнем социальной активности также получены значимые различия в инструментальных ценностях. Так, для социально активных мальчиков в большей степени значимы ценности «аккуратность» ($p = 0,002$), «независимость» ($p = 0,009$), «смелость» ($p = 0,002$), «эффективность в делах» ($p = 0,008$) и «воля» ($p = 0,004$). Для мальчиков с низким уровнем социальной активности – ценность «непримиримость к недостаткам своим и других» ($p < 0,001$).

Доминирующий вид *направленности личности* определяет ведущие мотивы и в целом вектор поведения человека. Средние значения показателей видов направленности личности в группе старшекласников с высоким уровнем социальной активности представлены следующим образом: «на себя» (среднее значение – 4,9), что интерпретируется как низкая степень выраженности данного вида направленности, «на общение» (6,1), что интерпретируется как низкая степень выраженности данного вида направленности, «на дело» (16,0), что интерпретируется как высокая степень выраженности данного вида направленности.

Средние значения показателей видов направленности личности в группе старшекласников с низким уровнем социальной активности представлены следующим образом: «на себя» (9,8), что интерпретируется как средняя степень выраженности данного вида направленности, «на общение» (10,3), что интерпретируется как высокая степень выраженности данного вида направленности, «на дело» (7,0), что интерпретируется как низкая степень выраженности данного вида направленности.

При сравнении средних значений показателей видов направленности личности в группах старшекласников с разным уровнем социальной активности обнаружены статистически значимые различия, а именно: направленность личности «на дело» в группе социально активных старшекласников имеет наибольшую степень

выраженности ($p < 0,001$), а в группе старшеклассников с низким уровнем социальной активности наибольшую степень выраженности имеют направленность личности «на общение» ($p = 0,001$) и «на себя» ($p < 0,001$).

При сравнении средних значений показателей видов направленности личности у мальчиков и девочек внутри группы старшеклассников с высоким уровнем социальной активности обнаружены статистически значимые различия только по виду направленности личности «на себя» ($p < 0,001$). Несмотря на низкую степень выраженности данного вида направленности личности у старшеклассников с высоким уровнем социальной активности, у социально активных мальчиков она представлена в большей степени (5,8), чем у девочек (3,6).

При сравнении средних значений показателей видов направленности личности у девочек с разным уровнем социальной активности обнаружены статистически значимые различия по всем видам направленности личности. Так, у социально активных девочек в большей степени представлена направленность «на дело» ($p < 0,001$). А у девочек с низким уровнем социальной активности – направленности «на общение» ($p = 0,008$) и «на себя» ($p = 0,001$). Подобная тенденция обнаружена и при сравнении средних значений показателей видов направленности личности у мальчиков с разным уровнем социальной активности.

Таким образом, особенностью направленности личности социально активных старшеклассников в целом является их выраженная направленность «на дело», при низкой выраженности направленностей «на себя» и «на общение». Кроме того, социально активные мальчики имеют в большей степени выраженную направленность «на себя».

Таким образом, можно сделать следующие **выводы** относительно особенностей мотивационно-потребностной сферы старшеклассников с разным уровнем социальной активности:

- 1 Потребность в достижении у всех респондентов представлена на среднем уровне выраженности, значимые различия установлены лишь по половым группам. На данной выборке не обнаружены различия мотивации достижения у старшеклассников с разным уровнем социальной активности.
- 2 В степени выраженности потребности в аффилиации в группах старшеклассников с разным уровнем социальной активности статистически значимых различий также не обнаружено. Данная закономерность наблюдается как в мужской, так и в женской выборках. Различия в степени выраженности потребности в аффилиации обнаружены лишь при сравнении по половым группам.

- 3 Степень выраженности потребности в признании интерпретируется у всех старшеклассников как средняя. Потребность в признании у всех мальчиков имеет более высокую степень выраженности, чем у всех девочек, особенно эти различия значимы в группе социально активных старшеклассников. В группе старшеклассников с низким уровнем социальной активности статистически значимых различий по данному показателю между мальчиками и девочками не обнаружено.
- 4 Степень выраженность потребности в оказании помощи другим интерпретируется как высокая у старшеклассников с высоким уровнем социальной активности (причем у девочек несколько выше, чем у мальчиков), а у старшеклассников с низким уровнем социальной активности – как низкая, особенно у мальчиков.
- 5 Особенностью системы терминальных ценностей социально активных старшеклассников – мальчиков и девочек, – является признание важности ценностей «активная жизнь», «продуктивная жизнь» и «познание», а особенностью системы инструментальных ценностей – признание важности ценностей «независимость», «эффективность в делах», «воля» и «аккуратность». Кроме того, для социально активных девочек значимой является ценность «исполнительность», а для мальчиков – «самостоятельность».
- 6 Особенностью направленности личности социально активных старшеклассников в целом является их выраженная направленность «на дело» при низкой выраженности направленностей «на себя» и «на общение». Кроме того, социально активные мальчики имеют в большей степени выраженную направленность «на себя».

УГРОЗЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

В. Б. Челпанов (Курск)

В настоящее время проблема психологической безопасности личности и государства приобретает широкий масштаб в условиях глобализации общества. Данная ситуация нашла отражение в государственной «Концепции информационной безопасности РФ» и в «Концепции общественной безопасности РФ», частными проблемами которых являются: обеспечение экономической и информационной безопасности государства, отдельного гражданина и лидерства.

В рамках первой из вышеупомянутых концепций под *психологической безопасностью* (ПБ) понимается положительное самоощущение человека, его эмоциональное, интеллектуальное, личностное и со-

циальное благополучие в конкретных социально-психологических условиях, а также отсутствие ситуаций нанесения психологического ущерба личности и ущемления ее прав.

Правительственная Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. предусматривает повышение качества образования за счет формирования здоровья, социального благополучия, психологической защищенности, защиты прав личности. В связи с этим психологическая служба образования выступает гарантом обеспечения психологической безопасности всех участников образовательного процесса.

И. А. Баева рассматривает ПБ как состояние образовательной среды, свободное от психологического насилия и способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников. К ПБ также относятся состояние психологической защищенности, способность человека и среды отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия (Баева, 2006, с. 34).

Представляет интерес оригинальный подход Н. Л. Шлыковой (2004) к проблеме ПБ субъекта профессиональной деятельности, где она дает обобщение системного, деятельностного и субъектного подходов. В данном случае ПБ является составной частью понятия «качество жизни», детерминированного информационными, экономическими и психологическими воздействиями внешней среды. Выделяют *низкий* и *высокий уровни ПБ*. Психологическая безопасность также рассматривается в виде целостной системы процессов, результатом протекания которых является соответствие потребностей, ценностей, возможностей субъекта отраженным характеристикам реальной действительности. При этом различные компоненты системы (процессы, образы, ценности и др.) могут выступать в качестве детерминант ее развития в целом и выполнять на разных этапах формирования ПБ подчиненную или ведущую функции. ПБ представляет собой сложно структурированную систему психических процессов, ядром которой выступает отсутствие противоречий между внешними и субъективными требованиями к субъекту и его жизненными ориентациями (Шлыкова, 2004).

Такие противоречия у школьников могут быть вызваны неадекватными педагогическими требованиями со стороны учителей из-за недооценки или переоценки возможностей учащихся, а также из-за нарушения педагогической этики.

С. Л. Рубинштейн писал, что «отношение человека к человеку составляет собственно специальную сферу этики. Однако большая

подлинная этика – это не морализованное извне, а подлинное бытие (жизнь) людей, поэтому этика выступает как часть онтологии, как онтология человеческого бытия. Построение такой этики также связано с преодолением отчуждения, но уже не бытия от человека, а человека от человека в результате отчуждения от человека его общественной функции... Это вопрос о месте другого человека в человеческой деятельности (другой человек как средство, орудие, или как цель моей деятельности), вопрос о возможности осознания непосредственных результатов и косвенных последствий любого человеческого действия, поступка» (Рубинштейн, 1973, с. 261).

Безусловно, предъявление педагогических требований должно быть адекватным, учитывающим состояние здоровья школьников. Некоторые авторы отмечают, что показатель «состояние здоровья» является компонентом познавательной активности полноценной личности (Васильева, Филатов, 2001), а также неотъемлемой частью социально-психологической безопасности (Сухов, 2002).

На наш взгляд, целесообразно выделять *внешние* и *внутренние угрозы ПБ* школьников. К *внешним угрозам* относятся: речевая агрессия учителя, профессиональные страхи учителей, патопсихологические черты характера личности учителя, профессиональная некомпетентность педагогов и специалистов-смежников, жестокое обращение с детьми в социально опасных семьях, угрозы психического и физического насилия со стороны сверстников и взрослых, проживание ребенка с психически больными родителями или родителями-инвалидами. Существенную угрозу ПБ школьников представляют учителя, что убедительно показано нами в предыдущих публикациях (Челпанов, 2005).

Прежде чем раскрыть сущность внутренних угроз, обратимся к тезису из работы С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» о том, что «...внешние причины действуют через внутренние условия так, что эффект действия зависит от внутренних свойств объекта..., всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним, и как самоопределение, определение внутренних свойств объекта» (Рубинштейн, 1973, с. 359).

Внутренние угрозы представляют собой различные последствия психологической травматизации школьников другими участниками образовательного процесса. В частности, социопатия, как следствие алкоголизации и наркотизации; школьная дезадаптация, дидактогенные неврозы и дидактопатии, возникшие на фоне систематического нарушения педагогического такта со стороны учителей (тактики «вредного действия» и «вредного бездействия» – позиции невмешательства педагога). Авторский взгляд на дидактогенные

психосоматические расстройства и дидактопатии, как последствия негативных педагогических влияний, изложен в статье «Дидактогенные психосоматические реакции и расстройства у младших школьников» (Челпанов, 2007). Особенно опасными последствиями является страх перед учителем, перед классом, боязнь учебного предмета и суицидальное поведение.

Угрозы психического и физического насилия над детьми в семье и школе формируют у школьников виктимное поведение (поведение жертв), которое изучается виктимологией. Одной из основных задач ПБ образования является защита и избавление детей от привычек виктимного поведения. *Виктимность* или *виктимогенность* – «приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки», которые «могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления» (Шнайдер, 1994, с. 357).

К сожалению, никто не учит школьника правилам поведения и общения с психически больными родителями или родителями-инвалидами. Однако рассматривая проблему психолого-педагогической классификации минимальной мозговой дисфункции (ММД) и синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), нам удалось установить несколько диагностических маркеров поведения детей из социально неблагополучных семей: двигательная расторможенность, отгороженность, гипоактивность с нарушением познавательной деятельности. По нашим данным, 16% детей (208 чел.) из 1300 учащихся МОУ СОШ № 5 г. Курчатова Курской обл. с диагнозом СДВГ, поставленным психоневрологом, воспитываются в социально неблагоприятных семьях (Челпанов, 2007, с. 66).

Отметим, что образовательное пространство школы является частью конкретной городской среды. Поскольку школы города Курчатова находятся на территории тридцатикилометровой зоны безопасности Курской атомной электростанции (КуАЭС), то у школьников, проживающих в городе-спутнике КуАЭС, наблюдаются радиофобия (страх радиационного заражения) и онкофобия (страх заболеть раком). Это наглядный пример того, как внешняя угроза ПБ превращается во внутреннюю угрозу личности в форме страхов. Таким образом нарушается психическое здоровье школьников, формируется внутренняя картина болезни (ВКБ) при различных психосоматических расстройствах. Поэтому некоторые относительно здоровые школьники имеют только вторую группу здоровья, а остальные – третью, четвертую и даже пятую группу, которая ранее не выделялась.

Анализ и обобщение литературных источников, рассматривающих разные аспекты ПБ, позволяет расширить перечень внешних угроз. Описывая их, соотнесем выявленные нами составляющие фе-

номена ПБ с последствиями ее нарушения: 1) *последствия нарушений информационной составляющей ПБ*: информационная неадекватность в поведении, познавательной активности и профессиональной деятельности человека; информационные стрессы и дистрессы, информационные перегрузки; 2) *последствия нарушений медицинской составляющей ПБ*: потеря трудоспособности, формирование внутренней картины болезни (ВКБ), уход в болезнь, депрессия; 3) *последствия нарушений социальной составляющей ПБ*: социальная дезадаптация, социопатия, фобии (русофобия, ксенофобия и др.); 4) *последствия нарушений технической составляющей ПБ*: снижение производительности труда, несчастные случаи, производственный травматизм, техногенные катастрофы; 5) *последствия нарушений экономической составляющей ПБ*: изменение социального статуса личности в обществе (безработица, потеря смысла жизни, девальвация профессии); 6) *последствия нарушений политической составляющей ПБ*: изменение социальной ценности личности и независимости ее жизнедеятельности; 7) *последствия нарушений педагогической составляющей ПБ*: дидактогении, дидактопатии, школьная дезадаптация (ШД) участников образовательного процесса; 8) *последствия нарушений экологической составляющей ПБ*: фобии (радиофобия, онкофобия и др.), особенно в городах-спутниках АЭС; 9) *последствия нарушений юридической составляющей ПБ*: потеря доверия к государству, правоохранительным органам, криминализация общества, чувство незащитности, агрессивность, насилие над личностью; 10) *последствия нарушений личностной составляющей ПБ*: деиндивидуализация и саморазрушаемость личности, деградация.

Для цели нашего теоретического и эмпирического исследования представляется важным установить соотношение между видами безопасности и компонентами образовательной среды. Был использован подход А. А. Криюлиной, согласно которому в образовательном пространстве принято различать: искусственную рабочую/учебную среду, информационную среду, социальную среду и внутреннюю среду (Криюлина, 2001, с. 51).

Таким образом, **техническая и экологическая безопасность** соотносятся с искусственной рабочей средой для педагогов, являющейся искусственной учебной средой для школьников. Здесь практический психолог сталкивается с проблемами организации работы кабинета психологической помощи, игровой зоны, созданием коррекционных площадок.

Информационная безопасность необходима для создания оптимальной информационной среды участников образовательного процесса. При этом практический психолог решает задачи преобразо-

вания психологических знаний в информацию, доступную клиентам, проблему релевантности психологической информации запросам потребителей (Челпанов, 2006, с. 51).

Такие виды безопасности, как **социальная, политическая, педагогическая, экономическая и юридическая**, обеспечивают комфорт социальной среды образовательного учреждения. Социальная среда включает в себя решение проблем школьников, родителей детей, семейного воспитания, обучения и развития учащихся, а также педагогические запросы психологу, решение психологических проблем педагогов и администрации школы.

Экологическая, медицинская, личная безопасность обеспечивают психогигиену внутренней среды каждого участника образовательного процесса. Поэтому практический психолог занимается изучением возрастных кризисов и особенностей участников; педагогическими проблемами коллектива; профилактикой психологических причин неуспеваемости и прогулов; предупреждением и разрешением педагогических конфликтов; школьной дезадаптацией учащихся; коррекцией задержек психического развития (ЗПР), синдрома дефицита внимания с гипо- и гиперактивностью (СДВГ), причинами поведенческих девиаций.

Возвращаясь к анализу ПБ социальной среды, отметим, что А. А. Реан и Я. Л. Коломинский предложили авторскую схему двухканальной связи в системе предметного педагогического взаимодействия: учитель – учебный предмет – ученики (Реан, Коломинский, 2008, с. 434–435). На наш взгляд, эта схема может быть представлена в виде модели «проблемного педагогического треугольника», по аналогии с «треугольником доктора Стефана Карпмана» (Karpman, 1968, p. 15).

В модели «проблемного педагогического треугольника» все межличностные взаимодействия преломляются через овладение учителем содержательных сторон понятия **психологическая безопасность** образовательной среды (социальная, педагогическая, информационная и др.); через *отношение* учителя к своему предмету, к ученикам, к трудовой дисциплине, к руководителю класса, в котором он преподает, к родителям учащихся; через *знание* учителем методики преподавания своего предмета, индивидуальных особенностей темпа освоения предмета каждой личностью ученика, междисциплинарного построения предметных связей определенной области науки; через *меру педагогических воздействий*, включая тактичное оценивание индивидуального вклада каждого ребенка; через *права и свободы личности*, в частности, право высказаться и быть услышанным и др. Все это должно быть автономно встроено в структуру индивидуального стиля педагогической деятельности.

Заслуживает внимания и точка зрения В. Ф. Моргуна (2000), обозначающего две причины стрессогенности повседневной жизни детей: объективную (стрессогенность окружения) и субъективную (склонность детей чрезмерно драматизировать ту или иную ситуацию, которая с точки зрения усредненного и толерантного большинства стрессогенной не является). В контексте собственной многомерной структуры личности он говорит о трех типах стресса: стресс на уровне чувств; стресс на уровне эмоций; стресс аффективный. По мнению автора, стрессогенные изменения форм реализации деятельности (моторной, перцептивной, речемыслительной) заключаются в том, что дороговизна игрушек порождает «детей неиграющих», дороговизна средств изобразительного искусства (рисования) порождает «детей нерисующих», дороговизна книг, газет и журналов порождает «детей нечитающих». Заметим, что на этом фоне появилось большое количество «детей виснувших или зависающих» в «аське», «инете», на игровых порталах и порносайтах.

Таким образом, В. Ф. Моргун приходит к выводу о том, что вышеперечисленные стрессогенные обстоятельства, являющиеся, на наш взгляд, внешними угрозами ПБ школьников, способствуют повышению следующих угроз: 1) раздвоения личности, 2) социальной аномии, 3) утраты ценности труда.

Полагаем, что к числу детерминант нарушения ПБ школьников наряду с уже названными можно отнести: 1) алкоголизацию и наркотизацию; 2) виртуализацию реальности; 3) бездуховность и социопатию; 4) снижение уровня интеллекта, проблему психической нормы и психогенетики; 5) дискредитацию науки и образования; 6) качественные нарушения дифференциальной психофизиологии девушек и юношей в части искажения формирования соответствующих психотипов поведения (в том числе деформации психолингвистического, полоролевого стереотипа поведения); 7) деструктивность СМИ и массовой поп-культуры, вызывающую информационную стерилизацию общества методами социального программирования самой уязвимой части общества – детей и подростков (молодежи); 8) глобальные изменения в мире и психологии.

Обращаясь к монографии «Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала», заметим, что ее авторам удалось спрогнозировать отдаленные пагубные последствия различных влияний на психику подрастающего поколения. Они отмечают, что в условиях глобализации отчетливо формируются определенные реакции психики человека на искусственную реальность, состоящую из следующих эквивалентов природной реальности: 1) информация как эквивалент разума; 2) китч («дурной вкус») как эквивалент бес-

сознательного; 3) лицедейство как эквивалент веры; 4) деньги как эквивалент воли (Юрьев, Шевякова, Бурикова с соавт., 2006, с. 14–36).

Завершая анализ исследуемой проблемы, подчеркнем, что ПБ в сфере духовного производства имеет прямое отношение к следующим объектам активности профессиональной деятельности участников образовательного процесса: 1) *психической реальности клиентов* (включая внутреннюю картину здоровья (ВКЗ) и внутреннюю картину болезни (ВКБ); 2) *критериям нормы*: социальной, юридической, психической и адаптивной; 3) *рабочим гипотезам и категориям* практического психолога и специалистов-смежников; 4) *мере психолого-педагогических и социальных воздействий*, а также социальной ответственности специалистов за результативность своих профессиональных действий; 6) *правам и обязанностям* участников образовательного процесса как субъектам правоприменения.

Литература

- Баева И. А., Бурмистрова Е. В., Лактионова Е. Б., Рассоха Н. Г. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / Под ред. И. А. Баевой. СПб.: Речь, 2006.
- Васильева О. С., Филатов Ф. Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки. М.: Академия, 2001..
- Криулина А. А. Спасти образование. Как? (Размышления психолога). Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2001..
- Моргун В. Ф. Стрессогенность повседневной жизни детей: современные тенденции в Украине // Наука и освіта. Одесса, 2000. № 1. С. 227–229.
- Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008..
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 255–419.
- Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. М.: Академия, 2002.
- Челпанов В. Б. Информационная основа профессиональной деятельности практического психолога образования // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ, 2006. Спецвыпуск № 1.
- Челпанов В. Б. Психолого-педагогический анализ поведенческих стилей учителей // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия психологические науки «Акмеология образования». 2005. Т. 11. № 3. С. 156–162.
- Челпанов В. Б. Психолого-педагогическая классификация минимальной мозговой дисфункции и синдрома дефицита внимания у школьников // Журнал прикладной психологии. 2007. № 4. С. 61–67.
- Челпанов В. Б. Дидактогенные психосоматические реакции и расстройства у младших школьников // Системные исследования в науке и образова-

нии / Сб. науч. трудов. Курск. гос. ун-та. Курск: МУ Издательский центр «ЮМЭКС», 2007.

Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности: Автореф. дис.... докт. психол. наук. М., 2004.

Шнайдер Г. Й. Криминология. М., 1994.

Юрьева А. И., Шевякова Л. П., Бурикова И. С. с соавт. Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала // Учеб. пособие. СПб.: Logos, 2006.

Karpman St. B. Fairy Tales and Script Drama Analysis // Transactional Analysis Bulletin. 1968. Vol. 7. № 26. P. 39–43.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Л. В. Шукишина (Саранск)

Современная наука, культура, социум, многообразие форм человеческого творчества раскрывают перед нами не только существующую реальность, но и иллюзии. «Сегодня ясно, – пишет В. А. Лекторский, – что существует вовсе не одна, а много разных реальностей. Это не только та реальность, с которой имеет дело наука, но и реальность повседневной жизни, обыденного знания. Есть субъективная реальность. Есть реальность идеальных объектов культуры: научных и философских теорий, произведений искусства... межиндивидуальных отношений, коммуникаций (с нею иногда связывают мир интересубъективности). Наверное, можно говорить сегодня о появлении виртуальной реальности как особого типа межчеловеческой коммуникации...» (Круглый стол..., 2001, с. 31). Эпоха очередной «информационной революции» (перефразируя У. Эко, переход «от Гуттенберга к Интернету») и в самом деле заставляет задуматься над тем, существуют ли по-прежнему сколько-нибудь четкие границы между реальным и иллюзорным мирами. «Игры разума» в «век неразумия» перестают быть лишь невинной забавой интеллектуалов, заставляя поверить в реальность иллюзорного, сюрреального и гиперреального (Ищенко, 2005, с. 3). Экзотическая еще в недавнем прошлом позиция, согласно которой различные типы реальности никак не коррелируют друг с другом, а научный принцип в его классическом понимании в отношении к реальности уступает место «иным типам отношения к действительности (игровому, мистическому и др.)» (там же, с. 3), сегодня уже кажется недостаточной. В современной науке, культуре отчетливо слышны мотивы тоски по утраченной реальности, целостности и простоте описания мира, гармоничного и совершен-

ного в своем единстве, ностальгии по настоящему. Человек живет в современном мире, стремительно мимикрирующем, ежеминутно утрачивающем и воссоздающем свои границы и приобретающем новые очертания реальности иллюзий.

Наиболее последовательное развитие идея плюралистичности реальности, множественности «возможных миров» получает в концепции Н. Гудмена, оказавшей значительное влияние на современную философскую мысль и гуманитарные науки. Его концепция стала центром самых жарких дискуссий, посвященных проблемам реальности во второй половине XX в. Гудмен считает, что мир состоит скорее из способов описания мира, нежели из самого мира и множества различных миров: «Мы можем... предположить, что реальный мир – это мир одной из альтернативных правильных версий (или групп версий, связанных некоторым принципом сводимости или переводимости), и расценивать все другие версии как версии этого же самого мира, отличающиеся от стандартной. Физик принимает свой мир за реальный, а изъяны, дополнения, нерегулярности, переакцентирования, свойственные другим версиям, приписывает несовершенству восприятия, практической спешке или поэтической специфике. Феноменалист признает мир, с которым человек знакомится при помощи данных органов чувств, а изъяты, абстракции, упрощения и искажения, присущие другим версиям, считает продиктованными научными, или практическими, или художественными соображениями. Для «человека с улицы» большинство версий, выдвигаемых наукой, искусством и чувственным восприятием, определенным образом отклоняется от знакомого, пригодного для использования мира, слепленного на скорую руку из фрагментов научной и художественной традиции и своей собственной борьбы за выживание. В самом деле, этот мир чаще всего принимают за реальный, поскольку действительность в мире, подобно реализму в изобразительном искусстве, является в значительной степени вопросом привычки» (Гудмен, 2001, с. 137). Иначе говоря, гудменовский плюрализм простирается как на сферу эпистемологии, так и на область онтологии. В его концепции наблюдается инверсия классической эпистемологической парадигмы, предполагавшей предзаданность объекта познания, вытекающую из существования единственной реальности. Согласно Н. Гудмену, никакой предзаданности в познании не существует, мы всегда изначально структурируем то, что затем приобретает статус познавательного объекта в данной исследовательской сфере.

Как отмечает М. В. Лебедев, «согласно Гудмену, действительность не скрыта от нас; однако постигать ее можно не только одним способом, но множеством способов. Конечно, существуют системы, не согласую-

щиеся с нашим опытом; но вместе с тем имеется и множество различных систем, которые «соответствуют» миру, причем некоторые из них представляют собой полностью равнозначные альтернативы» (там же, с. 363). Признание множественности версий мира в различных концептуальных системах приводит к выводу о невозможности существования какого-либо одного полного описания реальности. Любой познавательный объект, по Н. Гудмену, может иметь различные характеристики в различных категориальных «сектах», причем их «совмещение» может оказаться в некоторых случаях невозможным, так как различные систематизации могут представлять собой взаимно несовместимые альтернативы. В связи с этим также пересматривается проблема истинности/правильности тех или иных суждений о реальности, поскольку говорить о них в подобных категориях, согласно Н. Гудмену, имеет смысл лишь относительно определенного способа описания (интерпретации), предполагаемого в данном эпистемологическом акте.

Дискуссии по поводу гудменовских идей продолжаются до сих пор и не потеряли остроты. Нас же концепция множественности миров интересует в контексте взаимодействия с категорией «иллюзия». Мы придерживаемся той точки зрения, что множественность не уничтожает мир, в котором мы живем, а наоборот, помогает понять его и изменить. Мир вокруг нас предстает в разных «ипостасях». Только от человека, от его выбора зависит, как и при помощи чего он будет познавать его и жить в нем. Мы считаем, что иллюзия – это одна из составляющих множественности миров, посредством которой человек может познавать окружающий мир, действительность и самого себя. Без подобной «множественности» иллюзий личности и социума не может быть подлинной «встречи с миром», так как реальность не может быть понята однозначно раз и навсегда. Создавая собственные иллюзии, человек рефлексирует, надеется, ищет выход, и тем самым познает реальность, постичь которую только рациональными методами невозможно.

Сегодня становится ясно, что вопросы реальности существования социума, внешнего мира тесно связаны с проблемой развития и формирования социальных иллюзий. На сегодняшний день ее нельзя назвать разработанной, так как не раскрыты механизмы формирования иллюзий, факторы, влияющие на их развитие, истоки возникновения, механизмы преодоления, а также их влияние на отдельного человека и социум. К тому же нет ясности и в определении самого термина. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова иллюзия понимается как обман чувств, нечто кажущееся, несбыточное, мечта (Ожегов, 1985, с. 240). «Новый энциклопедический словарь» трактует иллюзию как «искаженное восприятие действительности, обман вос-

приятия» (7, с. 425). Она является следствием несовершенства органов чувств, свойственного всем людям; обусловлена особым состоянием психики (например, страхом), наличием ложно воспринимаемого реального объекта, который отличается от галлюцинаций; связана с определенными социальными установками индивида. Иллюзии как ложное представление, как несбыточная надежда. В философии существует следующее определение: «Иллюзия (лат. *Illusio* – обман) – поверхностное представление, чистая фантазия; в практической жизни – облегчающий самообман («предаваться иллюзиям») вместо трезвого взгляда на факты» (Философский словарь, 1991, с. 160). Иллюзии – это предмет постоянных непрекращающихся споров в различных областях знаний: философии, социологии, психологии и т. д. Часто их связывают и отождествляют с заблуждениями, мифами, утопиями, обманом. Попытаемся выявить специфические черты этих понятий. Чаще всего, на наш взгляд, иллюзию отождествляют с заблуждением, в ряде научных работ они являются синонимами.

По мнению ряда ученых (Ф. Гарифуллин, А. Ослон и др.), все мы живем в мире иллюзий и манипуляций (Гарифуллин, 1997, с. 13). Именно этот мир отличает нас от животных. Иллюзии – это искаженное восприятие объекта. В качестве объекта может выступать все возможное, начиная с мыслей человека и заканчивая историей человечества. Автор приводит также собственную классификацию иллюзий. Манипуляции являются сознательным процессом создания субъектом иллюзий о себе и окружающем мире, социуме. Таким образом, по мнению ученого, манипуляции являются производными от иллюзий и не отделимы от них. В работах А. В. Курпатов дается психотерапевтический анализ данного феномена и, прежде всего, таких человеческих иллюзий, как иллюзии опасности, страдания, счастья, взаимопонимания и любви (Курпатов, 2006, с. 231).

С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что «личность в высших своих проявлениях связана со сложной внутренней работой, переносом центра тяжести от внешней стороны к внутренней» (Рубинштейн, 1997, с. 121). Следовательно, осознание собственных иллюзий, умение находить в них как положительные, так и отрицательные стороны, умение преодолевать их связаны с волевыми усилиями индивида. Таким образом, *социальные иллюзии* – это не изначальная данность, а результат реального социально-психологического развития человека, в ходе которого, осмысливая различные стороны социальной жизни, человек сталкивается с необходимостью пополнять свой опыт и извлекать из него уроки. Проблема функции любого явления позволяет ответить на вопрос, каков смысл данного явления для человека и общества, для чего оно существует. Применительно к нашей

проблеме вопрос о *функции социальных иллюзий* позволяет глубже понять их сущность. Исходя из определения социальных иллюзий в широком смысле, главная их функция заключается в отражении и дополнительной ориентации субъекта в мире.

Первую группу функций социальных иллюзий назовем *экзистенциальной*. Она включает познавательную, мировоззренческую, регулятивную, аксиологическую, смыслоорганизующую, защитную функции. Раскроем их смысл и содержание. *Познавательная функция* помогает человеку не только уходить от реальности посредством иллюзий. Она позволяет, во-первых, познать сложные проблемы социума и индивида, во-вторых, раскрыть их содержание по отношению к себе, социуму и окружающим людям. Суть познавательной функции заключается также в том, что иллюзии дополняют научное знание об окружающем мире, социуме, целостностью восприятия обогащают человеческое представление о том или ином общественном явлении. Через произведения искусства личность обогащается, чувствует жизнь во всей ее полноте. *Мировоззренческая функция* социальных иллюзий – одна из самых специфических. Посредством иллюзии человек постигает реальность в глубинных, наиболее существенных для себя основах, через призму ценностей и идеалов. Иллюзия способна возвысить или низвести в глазах человека любое явление, любой объект. *Регулятивная функция* указывает на необходимые формы поведения, оказывает воздействие на все психические процессы и стимулирует соответствующую активность. Она способна оказывать активное воздействие на реальный ход событий. Это своеобразная материальная, конструктивная сила, стимулирующая социальную активность. Ее обратной стороной может быть то, что иллюзии не всегда подталкивают общество, индивида на конструктивные действия, а могут, наоборот, сдерживать общественное развитие. «Историю делают живые, грешные люди с их надеждами, иллюзиями, заблуждениями и волей, с их стремлением, с их убежденностью сделать мир красивее... с их убежденностью в том, что это стремление может быть осуществлено» (там же, с. 121). *Аксиологическая функция* социальных иллюзий дает представление о ценностях человеческой жизни, служит формированию ценностных установок и представлений в общественном сознании. *Смыслообразующая* связана со снабжением человека системой смыслов для ориентации в окружающем мире.

Вторая группа функций социальных иллюзий получила название *рефлексивной* и включает в себя функции самопознания, саморазвития и самосовершенствования. Создавая собственные иллюзии, человек не просто уходит от реальности, он рефлексивирует, глубже познает самого себя и социум, что необходимо для саморазвития и дальней-

шего самосовершенствования личности. Самосовершенствование представляет собой процесс достижения индивидом определенного уровня развития, зрелости и само по себе является показателем его экзистенциальных потребностей, ценностей, установок, т. е. тех факторов, которые во многом определяют механизм возникновения социальных иллюзий.

Иллюзии – это особое измерение человека, предполагающее не только познание своих сущностных сил, но и конкретные шаги в саморазвитии, самосовершенствовании, выработку жизненных смыслов, принятие ответственности или, наоборот, уход от реальности, надежду. Саморазвитие и самосовершенствование тесно связаны с самотрансценденцией, т. е. с выходом человека за пределы собственного «Я», с приобщением к реальности другого человека, к изменчивому и непосредственному миру. Иллюзия здесь выступает как феномен, который позволяет личности приобщаться к опыту других.

Мы выделяем также *третью группу функций социальных иллюзий*, названную *креативной*. Она включает такие составляющие: приобщение, стремление человека к уровню высшего бытия, т. е. к гуманистическому прекрасному и великому. Среди составляющих этой группы можно выделить функции заполнения экзистенциальной пустоты, вакуума. Размышление о проблемах человеческого бытия приводит к размышлению о себе, активному поиску жизненных целей и смыслов, пониманию ответственности, необходимости. «Поиск смысла, – отмечает Г. Абрамова, – это отражение динамики духовного развития, духовной сущности человека» (Абрамова, 2002, с. 93). Посредством иллюзорного восприятия окружающей действительности индивид приобщается к высоким образцам человеческой культуры, которая выступает для личности как реальная связь времен, как опыт человечества, зафиксированный в определенных художественных продуктах, традициях, языке, образах, как та реальность, к которой необходимо стремиться, чтобы выразить себя, свои желания, потребности, установки.

Таким образом, на сегодняшний день нет единой разработанной концепции, объясняющей феномен социальных иллюзий. Это связано с тем, что большинство ученых вкладывают в его понимание такие составляющие, как миф, заблуждение, утопия, что закономерно порождает появление новых научных категорий и определений. Не претендуя на законченность, под *иллюзорным мировосприятием* мы понимаем социально-психологический феномен, в основе которого лежит «ложное» осознание индивидом тех или иных социальных или психических процессов и явлений. Это особый вид общественного сознания индивида, который активно воздействует и преобразует социум и реальность в целом. Социальные иллюзии вырастают из действительности и воздействуют на нее.

Выявление сущности социальных иллюзий позволяет сделать следующие выводы:

- 1) развитие социальных иллюзий осуществляется в контексте общего развития индивида в социуме, человек сам является предметом иллюзий, создает и разрушает их;
- 2) движущими силами развития иллюзий выступает несоответствие между реальным и идеальным, между возможностями, желаниями и потребностями индивида, между тем, каков субъект и каким бы он хотел или должен стать, чего хочет или хотел бы добиться в жизни;
- 3) возникновение социальных иллюзий, их разновидностей во многом зависит от того, что вкладывает человек в понятие «смысл жизни». Поиск «смыслов» происходит в диалектике наделения смыслом социума, окружающего мира и поиска собственного смысла. При этом в разных сферах общественной жизни человек осмысливает бытие разными средствами: в искусстве – через образы, нравственные понятия, в науке – через систему понятий и приемы мышления.

Мы выделяем также три группы функций социальных иллюзий: экзистенциальную, рефлексивную, креативную. Их основное содержание выражается в дополнительной ориентации и приспособлении субъекта к социуму.

Литература

- Абрамова Г. С. Психология человеческой жизни. М.: Академия, 2002.
- Гарифуллин Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Йошкар-Ола, 1997.
- Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, 2001.
- Ищенко Е. Н. Проблема реальности в философском и гуманитарном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2005. № 2. С. 3–20.
- Круглый стол журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В. С. Степина «Теоретическое знание» // Вопросы философии. 2001. № 1. С. 30–36.
- Курпатов А. В. Самые дорогие иллюзии. СПб.: Нева, 2006.
- Новый энциклопедический словарь / Гл. ред. А. П. Горкин. М.: Рипол Классик, 2000.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1985.
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М.: Наука, 1997.
- Философский словарь / Гл. ред. И. Т. Фролов. М.: Политиздат, 1991.

РЕФЛЕКСИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СУБЪЕКТНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. М. Щербакова, А. В. Орлов (Нижний Новгород)

Разработка психологии субъекта предполагает выделение и описание механизмов становления человека как субъекта деятельности. Исходные положения психологии субъекта были разработаны С.Л. Рубинштейном. Человек не рождается субъектом, а становится им в процессе деятельности, в том числе профессиональной. Становление субъекта предполагает его индивидуализацию, самоорганизацию, развитие целостности (системности) его личности, автономности. В профессиональной сфере развитие субъектности – значимая сторона профессионализации, основа которой – качественные изменения в отношении личности к процессу труда и своей функциональной роли в этой деятельности.

Важной предпосылкой развития субъектности является рефлексия. Под рефлексией понимается мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя. Психология рефлексии как научная проблема в течение длительного периода интересовала многих специалистов. В основном интересы исследователей в данной области сосредоточены на изучении личностной рефлексии – процесса, осознания себя как личности в самом широком смысле. Понимание себя как профессионала и работника (профессиональная рефлексия) в этом аспекте обычно не рассматривается. В то же время комплексная оценка работника как субъекта профессиональной деятельности возможна лишь с учетом характера проявления именно этого процесса. *Профессиональная рефлексия*, с нашей точки зрения, – это осознание себя в профессиональной сфере, внутренняя работа, определяющая профессиональный самоанализ, внутреннюю репрезентацию внешних событий, связанных с процессом труда, и оценку себя внутри этих событий.

Для оценки данного качества нами разработан «Опросник профессиональной рефлексии». В нем было выделено 3 шкалы, относящиеся к профессиональной рефлексии: межличностная рефлексия, трудовая рефлексия, организационная рефлексия и 2 дополнительные, собственно к профессиональной рефлексии не относящиеся: личностная рефлексия и самопрезентация. Под *межличностной рефлексией* понимается представление самоанализа своих отношений с коллегами и родителями и детьми, разработка внутренних стратегий межличностного взаимодействия и алгоритмов действий в предполагаемых ситуациях. Под *трудовой рефлексией* понимается осмысление работником событий, возникающих в процессе труда, и отображение

себя как субъекта труда, внутренняя сосредоточенность на своем профессиональном совершенствовании, контроль своих профессиональных недостатков, анализ успехов и неудач. *Организационная рефлексия* – это сосредоточенность на проблемах организации и себе как субъекте, который решает эти проблемы, стремление представить себя на месте руководителя, решающего задачи повышения эффективности работы организации. *Личностная рефлексия* – это внутренняя работа, направленная на самоанализ своей сущности, отображение в сознании и оценку своего поведения и деятельности. Под *самопрезентацией* будем понимать демонстрацию человеком стилей поведения, ожидаемых окружающими, стремление человека выглядеть в глазах других людей лучше, чем он есть на самом деле, самомониторинг и самоконтроль своего поведения в окружении значимых людей.

Осуществлена апробация и стандартизация методики. Проведены необходимые процедуры психометрической проверки. Полученные результаты свидетельствуют о высокой надежности и валидности опросника. В исследовании изучали проявление профессиональной рефлексии у педагогов средних общеобразовательных школ и спецшкол для слабовидящих детей. Также исследовались другие качества, характеризующие субъектность в профессиональной деятельности работников: самоактуализация, перфекционизм, соответствующие компоненты трудовой мотивации (готовность профессионально совершенствоваться, готовность к инновациям, готовность к социальному взаимодействию в профессиональной сфере и др.). Также оценивалась степень выраженности профессионального выгорания, как профессиональной деструкции, отражающей инволюцию субъектности. Для психодиагностики применялись профессиональные надежные и валидные методики. Проводили корреляционный анализ изучаемых характеристик.

Значимых различий в проявлении профессиональной рефлексии и других качеств, относимых к субъектности в профессиональной сфере, не установлено в отношении групп педагогов, отличающихся по характеру профессиональной деятельности, типу школ, предметной направленности.

Изучались корреляции профессионального выгорания и рефлексии педагогов. Достоверные связи в основном отрицательные. Педагоги, не склонные к профессиональной рефлексии, демонстрируют более высокие значения выгорания. Возможно, рефлексирующие учителя более устойчивы к выгоранию. Исследование показало, что наибольшее значение имеет личностная, организационная и трудовая формы рефлексии. Достоверные корреляции с эмоциональным истощением,

деперсонализацией и редукцией персональных достижений позволяют предполагать, что чем больше работник занимается самоанализом, тем меньше его эмоциональное истощение и больше стремление к профессиональному развитию и достижениям.

В работе выявлялись связи профессиональной рефлексии и трудовой мотивации. Установлены достоверные положительные корреляции с большинством ее составляющих, в том числе удовлетворенностью трудом, готовностью профессионально совершенствоваться, готовностью к социальному взаимодействию, ощущением востребованности и др. Профессиональная рефлексия также достоверно коррелирует с проявлениями перфекционизма, ориентированного на себя, самоактуализации и самооценки.

В целом можно предполагать, что профессиональная рефлексия, ее развитие положительно сказывается на профессионализации педагогов, развитии субъектности в профессиональной сфере.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ОСОБЕННОСТИ, КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Т. В. Эксакусто (Таганрог)

Исследование психологической безопасности субъекта становится в современных условиях все более актуальным и необходимым. Обусловлено это целым рядом причин: нестабильностью экономической, политической, социальной ситуации; наличием стрессогенных и психогенных воздействий различного генеза; ростом чрезвычайных ситуаций техногенного характера; ростом социального неблагополучия, поляризации общества (выделение социальных классов с разным экономическим статусом), ростом преступности (терроризм, мошенничество, преступления против личности), снижением частоты и эффективности межличностных контактов.

Безусловным является тот факт, что проблема психологической безопасности становится центром достаточно большого количества исследований, в которых предпринимается попытка с различных позиций описать условия психологической безопасности человека создать ее модель и модель безопасной личности, выявить факторы и детерминанты безопасности. Однако многообразии предлагаемых оснований для рассмотрения психологической безопасности лишь «расширяет» каталог ее разнообразных моделей, условий, возмож-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №08-06-00 011а.

ных факторов и детерминант безопасности, уводя от «стержневого» понимания проблемы.

Вероятно, решение этой проблемы возможно в условиях соотнесения психологической безопасности с другими базовыми психологическими категориями. Представляется, что при изучении безопасности необходимо обратиться к «человеческому фактору»: субъекту. Опираясь на понятие субъекта и анализируя различные исследования, можно предположить, что «первичным», «базовым» понятием в изучении безопасности может стать категория отношений. Как отмечал А. В. Брушлинский, «человек как субъект не только и не просто «потребляет» информацию, испытывая на себе различные... воздействия. Он сам ее «производит»... поскольку в ходе своей деятельности, общения он самоопределяется, занимает определенную жизненную позицию и потому весьма избирательно *относится* ко всему, что влияет на него в ходе всей жизни...» (Брушлинский, 1996, с. 41–42).

Таким образом, представляется, что понятие «отношение» позволит, с одной стороны, рассмотреть безопасность как психологическую категорию, с другой, – выявить ее социально-психологическую направленность.

Чтобы понять и определить безопасность, необходимо рассмотреть ее как систему отношений субъекта к миру, к себе и Другим. Так, еще С. Л. Рубинштейн (1969), описывая деятельность субъекта, отмечал, что существенным оказывается не сам по себе ход событий, а прежде всего отношение человека к тому, что происходит. Он указывал, что отношения выступают как условие существования человека и реально всегда существует два взаимосвязанных отношения – человек и бытие, человек и другой человек. Все формы отношений (взаимоотношений человека с миром) составляют сущность субъекта. Все это дает основание полагать, что отношения, представленные совокупностью личностных свойств и проявляющиеся во взаимосвязях человека с объективной реальностью, являются теми условиями, которые обеспечивают определенный уровень жизнедеятельности человека (в том числе его активность, социальную активность), с одной стороны, и определяют внутренние ощущения, состояния, свойства субъекта (в целом удовлетворенность жизнью) – с другой, что и является основой психологической безопасности человека.

Отношения человека разнообразны и многомерны, однако именно отношения к Другим и с Другими во многом являются определяющими для ощущения защищенности, сохранности, целостности субъекта. С. Л. Рубинштейн отмечал: «Я не существую без другого; я и другой сопринадлежны... Я самоопределяюсь во всех своих отношениях

к людям, в отношении своем ко всем людям – к человечеству как совокупности и единству всех людей» (Рубинштейн, электронный ресурс).

В условиях, когда каждый субъект взаимосвязан со множеством Других, возникает система – система отношений. Нарушение системы (например, «выпадение» хотя бы одного ее элемента, за счет разрыва отношений) приводит к снижению ее устойчивости, разбалансированности всех ее элементов, напряженности внутри нее. Таким образом, наличие угрозы и опасности хотя бы для одного элемента (отдельного субъекта) приводит к возникновению опасности для всех остальных. Данный факт определяет необходимость говорить о социально-психологической безопасности как явлении, возникающем в процессе общения и взаимоотношений людей друг с другом.

Рассматривая социально-психологическую безопасность, важно обратиться к вопросу о том, к какой психологической категории относится безопасность: рассматривать ли ее как процесс, состояние или свойство. Если обратиться к содержанию каждого из понятий, то они представлены в порядке динамичности, изменчивости. Соответственно, состояние – характеристика объекта, учитывающая, с одной стороны, динамичность изменений, с другой – целостность и относительную стабильность системы. Именно состояния человека в целом обусловлены его отношениями, актуальным межличностным и социальным статусом, целями активности и адаптации к среде и ситуации (Куликов, 2000, с. 12). В состояниях отражается взаимодействие человека с жизненной средой, с социальным пространством. Изменения этой среды (даже самые незначительные) вызывают определенные изменения в человеке как в целостности, приводят к переходу в новое состояние (Куликов, 2000). Такое понимание изучаемого феномена приводит к возможности рассматривать СПБ как особое состояние, обусловленное, соответственно, определенной системой отношений в целом и межличностными отношениями, в частности.

Определяя СПБ как особое состояние, необходимо описать условия его возникновения, критерии его оценки.

Если исходить из того, что в основе социально-психологической безопасности лежат отношения субъекта с другими людьми, то, действительно, можно предположить, что *основными условиями социально-психологической безопасности* (в соответствии со структурой СПБ: эмоционально-мотивационный компонент, когнитивный и конативный компоненты) являются следующие. Первое, *удовлетворенность межличностными отношениями*, которая понимается как показатель положительно оцениваемой взаимосвязи, позволяющей реализовать потребности и интересы субъектов отношений. Ее критерием становится высокая удовлетворенность–неудовлетворенность. Второе,

гармоничный характер отношений, рассматриваемых как согласие, договор, мирное со-бытие или согласованность мнений, суждений как самого субъекта относительно своих отношений с другими, так и тех, с кем он вступает в отношения. Критерием здесь является высокая гармоничность – дисгармоничность отношений. Третье, *защищенность*, которая, с одной стороны (объективный показатель), понимается как отсутствие нарушений и трудностей в отношениях, с другой, предполагает устойчивость человека к неблагоприятным воздействиям (оскорблениям, угрозам, принуждению, игнорированию, манипулированию и т. п.). В качестве основного критерия защищенности принимается толерантность–интолерантность.

Описанные выше критерии создают для каждого субъекта свой уникальный потенциал социально-психологической безопасности как совокупность средств, условий, необходимых для ведения, поддержания и сохранения целостности субъекта отношений. Этот потенциал «взаимодействует» с «внешними» угрозами социального мира (а иногда и с «внутренними» угрозами субъективного характера), создавая возможность либо противостоять этим угрозам, либо быть подверженным им.

Таким образом, под *социально-психологической безопасностью* можно понимать состояние динамического баланса внутреннего потенциала субъекта и внешних условий, обусловленное наличием гармоничных, приносящих удовлетворение взаимоотношений, характеризующихся защищенностью (отсутствием деформаций, нарушений и трудностей), а также толерантностью в отношениях), что позволяет реализовать духовно-психический потенциал субъекта в процессе жизнедеятельности, сохранить его целостность.

Сочетание всех критериев СПБ дает возможность рассуждать о разных типах потенциала СПБ, которые можно разделить на группы с различной содержательной направленностью. С целью изучения типов социально-психологической безопасности было проведено пилотажное исследование. Для решения поставленной задачи разработали анкету «Потенциал социально-психологической безопасности субъекта» («ПСПБ»), включающую 27 вопросов, направленных на изучение гармоничности, удовлетворенности отношениями, защищенности субъекта. Результаты анализировали (количественно и качественно) как отдельно для каждого критерия (гармоничности, удовлетворенности и защищенности), так и по общему (совокупному) показателю потенциала СПБ. С целью проверки и контроля надежности результатов по анкете «ПСПБ» использовались стандартизированные методики («Цветовой тест отношений», авт. Е. Ф. Бажин, А. М. Эткин; «Субъективная оценка межличностных отношений»

(СОМО), авт. С. В. Духновский; «Методика диагностики общей коммуникативной толерантности», авт. В. В. Бойко).

В исследовании принимали участие 165 чел. в возрасте от 20 до 30 лет, мужчины и женщины, студенты старших курсов вуза (ТТИ ЮФУ) и работающие в различных профессиональных областях (профессиональная деятельность, связанная с взаимодействием в системе «человек – человек»). Данный возрастной период характеризуется становлением и развитием системы межличностных отношений, которые отличаются своей многомерностью и охватывают все жизненные сферы человека. Усвоенный социальный опыт определенным образом преломляется личностью и проявляется в социальных установках, выработанных паттернах отношений, что создает основу для формирования потенциала социально-психологической безопасности.

Было выявлено, что в целом по выборке 38% субъектов описывают свои отношения с другими людьми как гармоничные, приносящие удовлетворение и «защищенные» от неблагоприятных воздействий (при этом сами субъекты характеризуются достаточно высокой коммуникативной толерантностью, что подтверждается результатами по методике «Коммуникативная толерантность»). В целом эту группу можно обозначить как группа с высоким потенциалом СПБ (преобладание позитивной направленности трех шкал или двух из трех: гармоничности, удовлетворенности, защищенности). В ответах на вопросы анкеты респонденты этой группы (67%) отмечают, что их отношения с другими можно охарактеризовать как доброжелательные, доверительные и привлекательные, которые им бы не хотелось менять. При этом они чувствуют себя в отношениях с другими защищенными от угроз и игнорирования (73%), и малозащищенными от публичного унижения и принуждения что-либо делать против своего желания (56%). Интересным представляется выбор цветовых ассоциаций в этой группе по отношению к категории «мои отношения» (среднее значение по группе коэффициента ранговой корреляции $r = 8,7$). Предпочтение отдается цветовой паре зеленый-красный. Выбор таких цветов позволяет предположить, что респонденты оценивают свои отношения как стабильные, созидательные, в них проявляется самостоятельность, решительность, отзывчивость и дружелюбность. Интересно, что красный цвет интерпретируется и как настороженность при опасности. Важно подчеркнуть, что, несмотря на благоприятные тенденции, выявленные в целом по этой группе, характеристика отдельных критериев СПБ позволяет рассматривать разные варианты их проявлений. Так, в данной группе только 45% респондентов можно охарактеризовать как имеющих высокий потенциал СПБ (их отношения гармоничны, приносят удовлетворение и характери-

зуются защищенностью). Соответственно, в целом по выборке это значение составляет 17%. Остальные респонденты данной подгруппы характеризуются такими сочетаниями значений по критериям, как гармоничность и удовлетворенность, но низкая защищенность (высокая частота возникновения трудностей в общении, средние, с тенденцией к низким, значения коммуникативной толерантности (18%)). Столько же респондентов (18%) характеризуются высокой удовлетворенностью и защищенностью, но низкой гармоничностью (и даже дисгармоничностью) отношений, что может быть связано с какими-либо рассогласованиями в отношениях, имеющих временный характер; 19% группы с высоким потенциалом СПБ характеризуются высокой гармоничностью и защищенностью, но низкой удовлетворенностью отношениями. Вероятно, эмоциональный «запрос» этой группы в недостаточной степени удовлетворяется в межличностных отношениях.

Еще одна группа, выявленная в исследовании – группа субъектов с низким потенциалом СПБ, которые характеризуются негативной содержательной направленностью по трем шкалам, или двум из трех: дисгармоничность, неудовлетворенность, низкая защищенность (высокая частота возникновения трудностей в общении, и тенденция к интолерантным установкам). В целом по выборке таких респондентов – 17%. Свои отношения с другими они описывают как сложные и напряженные, которые хотелось бы изменить. Одной из важных характеристик своих отношений (наряду с хорошими условиями общения и желанием иметь интересного собеседника) они называют возможность получить выгоду (решить вопрос «в свою пользу»). Необходимость налаживать отношения с другими вызывает у них обычно плохое настроение (48% данной группы), поскольку в целом свои отношения они описывают как опасные, содержащие угрозу. Выбор цветовых ассоциаций данными респондентами к категории «мои отношения» характеризуется предпочтением таких пар, как красный – фиолетовый, синий – коричневый. Это позволяет предположить, что отношения, с одной стороны, оцениваются как эгоистичные, несправедливые, но решительные и уверенные (среднее значение по группе коэффициента ранговой корреляции $r = 19,2$). Все действия в рамках данных отношений направлены на объекты (других людей), которые увлекают, вызывают интерес, цель же этих действий – произвести впечатление. С другой стороны, отношения оцениваются как добросовестные, уступчивые, зависимые, спокойные. Ощущение покоя респондентами в этих отношениях (исходя из интерпретации цветовых пар) можно добиться, лишь устранив состояние физического дискомфорта и обеспечив себе внимание со стороны окружающих.

Важно отметить, что в этой достаточно малочисленной группе (с низким потенциалом СПБ) только 16% респондентов характеризуются негативной содержательной направленностью по всем трем критериям. В целом по выборке это соответствует 3% (5 чел.). Можно попытаться объяснить такой результат участием в исследовании людей с достаточным опытом регуляции своих социальных связей, саморегуляции. Таким образом, большинство опрошенных способны «регулировать» свои отношения, делать их сбалансированными.

Третью группу респондентов (45%) можно охарактеризовать как группу с «неопределенным» потенциалом, так как содержательное значение по шкалам (по всем трем, либо по двум из трех) находится в «нейтральном» диапазоне (между гармоничностью – дисгармоничностью, удовлетворенностью – неудовлетворенностью, защищенностью – незащищенностью), что требует доработки как результатов, так и используемых методов исследования.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что именно отношения как базовая психологическая категория могут выступать *системообразующим фактором психологической безопасности* в целом и социально-психологической в частности. Соответственно, СПБ – состояние, рассматриваемое как динамическая структура проявлений психики субъекта в каждый момент его жизнедеятельности. Интегральная система всех полюсов отношений субъекта, оказывающая влияние на СПБ – результат сложного взаимодействия различных механизмов и функций, занятых обработкой поступающей информации. Эта информация не всегда полностью поддается контролю сознания. Соответственно, СПБ субъекта во многих случаях может носить безотчетный, многозначный или неопределенный характер. Как и любое состояние, СПБ является целостной характеристикой отношений человека к окружающему пространству в некоторый период времени относительно степени соответствия его потенциала, возможностей и статуса (в данный момент), уровню его же притязаний, ожиданий, планов и надежд, особенностям социального взаимодействия. Таким образом, в процессе обеспечения социально-психологической безопасности, формирования толерантности к различного рода негативным психологическим воздействиям, необходимо учитывать многообразие отношений, их многомерность, характер социально-психологических позиций субъектов.

Литература

Брушлинский А. В. Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности / Под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Изд-во ИП РАН, 1996. С. 39–43.

- Куликов Л. В. Проблема описания психических состояний // Психические состояния / Под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2000.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.
- Рубинштейн С. Л. О философской системе Германа Когена [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://marsexx.narod.ru/kogen.html>.

САМОЧУВСТВИЕ ЛИЧНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Л. А. Ясюкова, О. Е. Пискун (Санкт-Петербург)

Любое общество является изменяющейся системой, однако на различных исторических этапах эта динамика отличается своеобразием. Выделяют революционные, кризисные и относительно стабильные периоды развития. Под стабильностью обычно понимается эволюционный характер развития общества, определяемый последовательным плавным изменением соотношения составляющих его структур, которое осуществляется в соответствии с развитием и реализацией той или иной идеологической парадигмы. Основным условием стабильности в указанном смысле является сохранение на более или менее длительный срок основных ценностных и целевых установок, определяющих материально-духовные ориентиры общества. Кардинальная их смена приводит к революционному варианту развития. Кризисный период характеризуется тем, что осуществляется вынужденная ревизия основных целевых установок, выделение приоритетных, которые согласуются с реалиями социально-экономической ситуации и позволяют предотвратить скатывание общества к революционным разрушениям.

Известно, что самочувствие и возможности развития личности определяются взаимодействием четырех основных составляющих: макросредой (социально-экономическими особенностями общества), мезо- и микросредой (особенностями ближайшего и непосредственного социального окружения) и субъективными особенностями самого индивида. Психологические закономерности становления личности на эволюционном этапе развития общества изучены достаточно хорошо. Они изложены как основные положения общей, возрастной и социальной психологии. Исследованиями конца прошлого века накоплена богатая информация об особенностях дезадаптации различных социальных групп в периоды кардинальных общественных

* Работа выполнена при финансовой поддержке Целевой Федеральной программы развития научного потенциала высшей школы, грант 2.2.3.3./2074.

преобразований. В настоящее время предоставляется возможность анализа динамики личностных изменений в период «финансового кризиса».

В последнее время проводится достаточно много опросов с целью выяснения реакции на данный кризис различных групп населения для выработки программы стабилизации социальной ситуации. Следует различать реакцию старших и молодых поколений, т. к. они формировались в различных социальных условиях и, соответственно, их субъективное восприятие современной ситуации и критерии оценки происходящего будут существенно различаться. Глубокая эмоциональная реакция на экономический кризис представителей старших поколений, вызвана, с нашей точки зрения, тем, что современная ситуация воспринимается ими как продолжение и очередное обострение кризиса, который длится уже более 20 лет. Старшее поколение, выросшее в социалистических традициях и пережившее их крушение, воспринимает все последующее развитие событий как продолжающийся период нестабильности и становления новых отношений, сравнивая возникающие отношения с тем укладом жизни, который был разрушен. Напротив, для современной молодежи существуют реалии только постперестроечного времени, причем поколение двадцатилетних выросло в ситуации относительной социальной стабильности и не имеет опыта личностной дезадаптации, вызванной кардинальной ломкой условий макросреды развития.

Следует сказать, что существуют не только межпоколенные различия в восприятии социально-экономической ситуации в стране, но и особенности, связанные с профессиональным статусом. Эти различия определяются степенью информированности об объективных реалиях экономики, с одной стороны, а с другой стороны, степенью автономии, независимости личности от этих условий или степенью соответствия этих условий образу жизни и деятельности личности. Такие выводы следуют из результатов проводимого сотрудниками НИ-ИКСИ СПбГУ и ИМОП СПбГПУ с 2004 г. мониторинга эмоционального самочувствия россиян (объем выборки по каждой профессиональной группе был не менее 100 человек). Период 2004–2008 годов можно охарактеризовать как время относительной стабильности или эволюционный этап в развитии нашего общества. Однако, как видно из данных таблицы 1, ситуация неоднозначно воспринимается различными профессиональными группами. Наиболее уверенно чувствуют себя в современной ситуации, воспринимают ее как соответствующую профессиональной и личностной самореализации большинство журналистов и бизнесменов. Наиболее неблагоприятной ситуация была и остается для рабочих (даже безработные, получаю-

щие пособие и поддержку государственных структур, настроены более оптимистично). Как показывают наши опросы, многие представители гуманитарной интеллигенции (социологи, психологи, филологи, историки и вузовские преподаватели гуманитарных дисциплин) не могут смириться с падением уровня культуры современного российского общества и, в связи с этим, негативно воспринимают любые, даже положительные с экономической точки зрения изменения, происшедшие в нашем государстве. Они отказываются принимать формирующуюся прагматическую систему ценностей и оказываются эмоционально дезадаптивными. Сказывается влияние именно гуманистических установок, т. к. возрастных различий не было выявлено. Напротив, в депутатском корпусе четко проступили возрастные различия. Наиболее оптимистично настроены молодые политики (моложе 40 лет), в то время как у представителей старшего поколения преобладают состояния тревожности и раздражения. В целом менее оптимистичная оценка депутатами современной социально-экономической ситуации, возможно, связана с их большей информированностью и ответственностью.

Таблица 1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМИНИРУЮЩЕГО НАСТРОЕНИЯ
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИЙ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(в % к числу опрошенных)

Преобладающее настроение	Гуманитарии	«Технари»	Рабочие	Бизнесмены	Медики	Депутаты	Журналисты	Безработные
оптимистично-спокойное	50	55,4	48,6	66	57,1	51,4	71	55,3
тревожно-подавленное	50	44,6	51,4	34	42,9	48,6	29	44,7

Исследования самочувствия россиян проводились не только в Москве и Санкт-Петербурге, но также в Великом Новгороде, Вологде, Екатеринбурге, Ижевске, Минеральных Водах, Мурманске, Перми, Северодвинске, Ярославле. Самочувствие россиян в провинции не отличается в худшую сторону, как можно было бы предполагать. Спокойно-оптимистичный настрой преобладает у 57,1% опрошенных респондентов, тревожно-раздраженное настроение – у 42,9%. Процентное распределение оптимистично и тревожно настроенных представителей различных профессий в различных регионах России в целом соответствует тому, то характерно для жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

О межпоколенных различиях в восприятии современной социально-экономической ситуации в России свидетельствует сравнительный анализ самочувствия студенческой молодежи и взрослого населения. В таблице 2 представлены результаты опроса студентов различных вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Минеральных Вод и Ярославля (объем выборки по каждому вузу превышал 100 человек). Наименее оптимистичный настрой студентов экономических вузов, по всей вероятности, связан с их профессиональным подходом к оценке экономической ситуации в стране. Дизайнеры, художники, как представители творческого труда, по своим психологическим характеристикам (недисциплинированность, высокая креативность и пр.) имеют специфические проблемы адаптации, поэтому среди них несколько ниже процент оптимистично настроенных студентов, по сравнению с остальными. Зато по всем остальным молодежным выборкам оптимистично настроенных респондентов значительно больше, чем среди взрослого населения. Это подтверждает гипотезу о том, что для молодежи существуют реалии только постперестроечного времени, к которым большинство ее представителей адаптировано достаточно хорошо. Наиболее высокий процент оптимистов выявлен среди курсантов военных вузов, что свидетельствует об их уверенности в будущем, т. е. о реальном изменении к лучшему положения военнослужащих (по сравнению с 90-ми годами прошлого века) в нашей стране. Не совсем понятен более высокий оптимизм провинциальных гуманитариев, возможно, он связан с более низкими их претензиями к уровню культуры общества.

Таблица 2

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМИНИРУЮЩЕГО НАСТРОЕНИЯ
У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)

Преобладающее настроение	«Технари»	Юристы	Дизайнеры	Военные	Экономисты	Гуманитарии (Москва)	Гуманитарии (СПб)	Гуманитарии (провинц.)
оптимистично-спокойное	66,7	63	54,1	77,8	51,5	66,1	66,3	72,2
тревожно-подавленное	33,3	37	45,9	22,2	48,5	33,9	33,7	27,8

В процессе проведения мониторинговых исследований нами получены интересные результаты, которые представлены в таблице 3 (последний опрос проведен в апреле 2009 года).

Таблица 3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМИНИРУЮЩЕГО НАСТРОЕНИЯ
У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ 2005–2209 ГГ. (В % К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)

Настроение	I курс			II курс	
	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2007 г.	2009 г.
оптимистично-спокойное	66,7	69,2	77	71,8	73,2
тревожно-подавленное	33,3	30,8	23	28,2	26,8

Результаты опроса свидетельствуют о последовательном повышении адаптационного потенциала студенчества, о положительном влиянии условий студенческой субкультуры (мезосреды) на психологическое самочувствие личности. Более того, выявлен эффект защитной инерции студенческой субкультуры, т. к. у ее представителей не только отсутствует тревожная реакция на кризис, но отмечается достоверный рост оптимизма, даже по сравнению с предыдущими, докризисными годами. Несмотря на углубление социально-экономического кризиса в нашей стране, как и во всем мире, в студенческой среде не обнаруживается негативного его влияния. Безусловно, данные результаты получены только на основании упомянутых технических вузов и поэтому требуется дополнительное исследование студентов других специальностей.

По данным нашего исследования, наиболее значимую роль в адаптации молодого человека в современной студенческой среде начинает играть такой фактор толерантности, как признание равноправия различных культур, жизненных ценностей, терпимое отношение к многообразию вариантов поведения, манер общения (методика Л. А. Ясюковой). Получены не только достоверные различия по этому показателю между группами оптимистически и тревожно настроенных студентов, но и значимые корреляции между показателями настроения и толерантности. Чем более развиты толерантные установки, тем лучше чувствует себя молодой человек в студенческой среде. Напротив, приверженность собственным культурным традициям, нормам поведения, неприятие, предубеждение, подозрительность по отношению тому, что не соответствует привычному образу жизни молодого человека препятствует его адаптации в вузе, приводит к тревожно-депрессивному эмоциональному состоянию. Также получены достоверные различия между оптимистически настроенными и дезадаптивными студентами по фактору Q_1 (опросник Кеттелла). Трудности в адаптации испытывают студенты, характеризующиеся консерватизмом взглядов, ригидностью поведенческих установок (т. е. их отличают низкие значения по данному фактору). Были получены отрицательные корреляции доминирующего настроения с фактором N

(дипломатичности) опросника Кеттелла. Следовательно, в студенческой среде технического вуза приветствуется открытость, искренность, даже прямолинейность. Молодые люди, обладающие подобными характеристиками, быстрее и лучше адаптируются к системе обучения в вузе, входят в студенческую среду. Следует отметить, что в выборке было 28% юношей и 72% девушек, несмотря на то, что исследование проводилось в техническом вузе. Т. е. открытость и искренность в общении одобряется в современной молодежной среде, а не только в общении между мужчинами, как принято считать.

Еще две полученные в исследовании зависимости были более предсказуемыми: положительные корреляции настроения с уравновешенностью (фактор С) и коммуникативной активностью (фактор Н). Естественно, что быстрее адаптируются более уравновешенные, социально смелые, активные в общении молодые люди. Напротив, трудности в адаптации испытывают (особенно на I курсе) робкие студенты, характеризующиеся повышенной эмоциональной реактивностью. Получены достоверные различия между адаптивными и дезадаптивными студентами и по тесту Фидлера–Ясюковой. Особенно явно это проявилось среди второкурсников. Молодые люди, для которых характерна скептическая (а не доброжелательная) коммуникативная установка по отношению к окружающим, а также завышенная самооценка даже ко второму курсу не интегрировались в студенческий коллектив. У этих студентов преобладают тревожно-депрессивные эмоциональные состояния. Выявлена в определенном смысле парадоксальная ситуация: именно те студенты, которые оценивают себя значительно выше других, эмоционально подвержены тревожно-депрессивному состоянию. Эти студенты не относятся к особо одаренным, т. к. по данным теста Амтхауэра не превосходят хорошо адаптированных студентов.

Исследование выявило особое значение эмоционально-коммуникативных качеств личности для оптимального протекания процесса адаптации в студенческой среде. Оно также показало, что современная студенческая среда характеризуется многообразием культур, а особенности благополучного существования в ней связаны с широкой приемлемостью данного многообразия, с динамическими возможностями личности. Студенческая субкультура обладает относительной автономией, хотя и является динамичной средой, которая постоянно обновляется. Однако этот динамичный мир имеет свои законы существования, а также предъявляет определенные требования к личности молодого человека, попадающего в эту среду, защищает и определенным образом преобразует эту личность. Наши мониторинговые исследования приоткрыли особенности мало исследованной

современной студенческой субкультуры, законы функционирования которой невозможно постичь на основе исследований, проведенных в прошлые десятилетия. Необходимы специальные исследования для выявления влияния, которое оказывает современная студенческая среда на развитие личности молодого человека.

Часть 2

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ, СОЦИАЛИЗАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, ЭТНИЧЕСКИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ПРИЗЫВНИКОВ К СЛУЖБЕ В АРМИИ

Ж. Г. Агеева (Москва)

Особенности военной службы в современных условиях обусловлены рядом внешних (социально-экономическое реформирование общества) и внутренних (реорганизация армии в условиях ее резкого сокращения) причин.

Кризисное состояние экономики, сокращение бюджета на оборону привело к серьезному ухудшению материально-технического и финансового обеспечения войск. Существенным сдвигам подверглась система стимулов воинского труда, понижается социальный статус армии, престиж воинской службы в обществе – все это и многое другое превращает Вооруженные Силы в институт «социального риска». Среди военнослужащих растет доля лиц, имеющих незаконченное среднее образование и не получивших до службы в армии какой-либо специальности. Увеличивается количество заболеваний юношей призывного возраста, и среди этих заболеваний не только соматические, но и социально обусловленные (наркомания, СПИД и др.). В воинские коллективы вливается все больше молодежи, привносящей в ее среду нормы преступного мира. В контексте перечисленных выше причин изучение данной проблемы актуально в связи с необходимостью разработки теоретических основ изучения адаптации призывников к службе в армии, а также адекватных методик оценки и прогнозирования эффективности адаптации военнослужащих; необходимо рассмотреть и изучить специфику «этапности» процессов адаптации к воинской службе в современных условиях.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-06-00 287а.

На основании теоретического анализа результатов исследований в области социальной, медицинской, реабилитационной психологии, психологии личности и др., а также опираясь на субъектно-деятельностный и системно-динамический подходы, разрабатываемые в трудах К. А. Абульхановой, Б. Г. Ананьева, А. В. Брушлинского, Б. Ф. Ломова, В. Н. Мясищева, С. Л. Рубинштейна, Е. В. Шороховой и др., многие авторы, говоря о социально-психологической адаптации, имеют в виду не столько приспособление к стабильным характеристикам жизнедеятельности, сколько усвоение динамических особенностей образа жизни современного человека, которые являются основой его эмоционального благополучия и прогрессивного развития, основой принятия активной жизненной позиции в процессе социального самоопределения.

Изучение проблемы адаптации личности в среде предполагает определение широкого круга задач – изучение структуры процесса адаптации; разработку системы показателей адаптации; установление факторов, влияющих на процесс адаптации; определение сроков различных видов адаптации и др. Как активное приспособление человека к среде процесс адаптации связан с достижением равновесия между жизнедеятельностью личности и условиями среды. Равновесие между личностью и новой социальной средой заключается в оптимальном соответствии общественно-регламентированного поведения внутренней структуре личности. В качестве критериев равновесия выделяют уровень эффективности функционирования личности в различных сферах жизнедеятельности и уровень удовлетворенности личности различными аспектами и условиями деятельности в обществе. Достижение высокого уровня адаптации в среде не есть конечная цель, а есть основа для перехода к более высоким формам активности личности. Так, например, при изучении периодов адаптации специалистов было установлено, что это сложный процесс, связанный с существенными изменениями цели, характера, условий деятельности, социального окружения, статуса и ролей человека. Сложность процесса адаптации усугубляется многообразием сред адаптации. Социально-психологическая адаптация оценивается также как вхождение человека в систему внутригруппового отношения и приспособления к этим отношениям, выработку образцов мышления и поведения, которые отражают систему ценностей и норм данного производственного коллектива, приобретение, закрепление и развитие умений и навыков межличностного общения.

Проблема адаптации к воинской службе выступает как одно из основных направлений военно-психологических и смежных с ними

исследований. В 1970–80-х годах начали активно изучаться различные аспекты адаптации воинов: в экстремальных ситуациях; в ходе боевой деятельности; в условиях военной службы в разных видах Вооруженных Сил и родах войск; в связи с проблемой дисциплинированности молодых воинов; в условиях военных училищ и т. д. Понимание социально-психологической адаптации как процесса активного взаимодействия человека и среды, когда личность не только «подлаживается» под требования окружения, но и воздействует на него, вызывая тем самым изменения самой среды, позволяет наиболее адекватно представить всю сложность адаптации молодых солдат к воинской службе, управлять процессом их воспитания и сплочения воинских коллективов. От того, насколько быстро и эффективно будет осуществляться вхождение призывника в новые для него условия воинской службы, в новый коллектив, насколько прочны будут отношения между новичками и старослужащими воинами, во многом зависит успешность их совместной деятельности и в конечном итоге уровень адаптированности военнослужащих к службе в армии.

Адаптация призывников происходит во всех сферах деятельности воинского коллектива, определяется его личностными характеристиками, жизненным опытом, потребностно-мотивационной сферой. Спецификой социально-психологической адаптации в воинском коллективе является особая перестройка систем отношений в связи с тем, что взаимоотношения в коллективе носят своеобразный динамический характер. В современных условиях службы молодым людям приходится адаптироваться и усваивать сразу несколько видов норм (формальных, неформальных, привнесенных извне). В настоящее время остается достаточно острой потребность в разработке и реализации на практике методик изучения и эффективности воздействия на процесс адаптации воинов; постоянном контроле, прогнозировании и регулировании хода адаптации с учетом индивидуальных и социально-психологических особенностей молодых солдат.

КЛИПОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПСИХОЛОГИЮ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. В. Азаренок (Минск, Беларусь)

Формирование личности человека, его сознания неразрывно связано с социальными, политическими и экономическими процессами, имеющими место в современном изменяющемся мире. Под воздействием телевидения, компьютерных игр, Интернета и даже

современной литературы у большинства представителей молодого поколения формируется особый тип мышления и сознания, обозначаемый как клиповое сознание. Особенности данного типа сознания часто обсуждаются на всевозможных форумах. При этом основное внимание уделяется негативным последствиям исследуемого феномена. Попробуем разобраться в данной проблеме более детально.

Английское слово «*clip*», от которого и произошли термины «клиповое сознание, мышление, восприятие» и, наконец, «клиповая культура», в переводе означает фрагмент текста, отрывок из фильма или вырезку из газеты. Клип становится логическим завершением и наиболее эффективной реализацией принципа «монтажа аттракционов», который, согласно С. Эйзенштейну, заключается в подборе агрессивных средств, подвергающих зрителя чувственному или психологическому воздействию, опытно выверенному и математически рассчитанному на определенные потрясения. В видеоклипе каждый отдельный кадр по своему воздействию близок к мгновенно схватываемому «моментальному образу». В таких образах информация легко впечатывается в подсознание, проникая сквозь барьер осознанного восприятия за счет высокой скорости своего воздействия. Тем самым клип актуализирует энергию бессознательной части нашей психики и иррациональность восприятия.

Впервые феномен «клиповой культуры», как принципиально нового явления, был отмечен американским футурологом Э. Тоффлером. Он рассматривал данное понятие в качестве составляющей общей информационной культуры. Она формирует такие уникальные формы восприятия, как «зэппинг», когда путем безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Этот образ не требует подключения воображения, рефлексии, осмысления, здесь все время происходит «перезагрузка», «обновление» информации, когда все первоначально увиденное без временного разрыва утрачивает свое значение, устаревает.

Однако общепринятого определения понятий «клиповая культура», «клиповое сознание» еще не сформулировано. Под данными терминами понимается привычка воспринимать мир посредством короткого, яркого, предельно артикулированного посыла, воплощенного в форме или видеоклипа, или теленовости, или в любом другом виде.

Как уже отмечалось выше, клиповая культура формируется под влиянием масс-медиа. Стоит помнить, что мозг человека способен воспринимать и обрабатывать ограниченное количество информации. Как следствие – формируется агрессивный вид самозащиты, привычка

к «клиповому сознанию», для которой характерны высокая скорость восприятия образов без акцентирования деталей, антирефлексивность. То есть можно сделать вывод, что при помощи «клипового сознания» человек спасается от того потока информации, который обрушивается на него, что это своеобразная самозащита.

Мышление включает в себя способность устанавливать связи и отношения между познаваемыми объектами, делать обобщения, рассуждать, формировать выводы на основе каких-то фактов. Феномен клипового мышления подразумевает отсутствие этих способностей, т. е. информация есть, а способов ее обработки, возможностей делать умозаключения, объединять факты не наблюдается. Предположение, что у людей с клиповым сознанием не существует способов обработки информации, не точно. Они есть, но мало изучены, неизвестно, как их развивать и как ими пользоваться.

Негативным последствием внедрения клиповой культуры является то, что среди школьников появляется все больше и больше детей именно с таким типом сознания. Как результат – неуспеваемость в школе, неумение «вчитываться» в литературные произведения, неумение анализировать, практически полное отсутствие логики и умения творчески думать. Под влиянием клиповости сознания у учащихся снижается интерес к обучению, к поиску и формированию духовных связей, снижается интерес к самоанализу, проявляющийся в поверхностной оценке происходящих процессов. Однако без вникания в суть проблемы внимание акцентируется только на внешних признаках. Учителя, работающие в современной школе, также испытывают затруднения, проявляющие себя и в поиске формы проведения уроков и способов подачи материала. Им приходится ориентироваться как на учеников с клиповым мышлением, так и с традиционными видами мыслительной деятельности.

Безусловно, есть сферы, где использование клиповых стратегий подачи информации имеет свои плюсы. Например, это реклама. Большая часть телевизионных рекламных роликов строится в соответствии с клиповым стилем подачи информации.

Таким образом, можно сделать вывод, что клиповое сознание, становясь массовым явлением в современном обществе, может быть опасным, поскольку оно обнаруживает новую форму бегства от реальности. Наше общество стоит перед угрозой культурной деградации. Но в силу его недостаточной изученности нельзя утверждать, что существуют только негативные моменты данного явления. Отдельную область исследования представляет изучение способов обработки информации людьми с клиповым мышлением. Необходимо узнать, как их развивать и как ими пользоваться.

К ПРОБЛЕМЕ СТРЕССА И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Т. Г. Бохан (Томск)

Особый интерес в изучении психологии человека в изменяющемся мире вызывает проблема стресса и стрессоустойчивости. Это обусловлено, прежде всего, ее социальной значимостью, а также отсутствием единства научных представлений с вытекающим отсюда многообразием практических решений. Как показал анализ ее разработки в психологической литературе, проблема стресса и стрессоустойчивости соответствуют тому образу человека, который складывается в психологии по мере движения психологического познания, предопределяя особое понимание места и роли психического на различных этапах этого движения. Связано это с тем, что проблема стресса не может быть отнесена к числу «типичных» проблем психологии, понимаемой в качестве науки о психике, сознании, отражении и т. д. Это, прежде всего, проблема человека и той цены, которую он платит за обеспечение своей целостности, сохраняя устойчивость многомерного бытия в меняющемся мире. Но именно такой ракурс проблемы стресса до сих пор остается наименее изученным. Это не говорит о том, что исследователи не замечали данный аспект или просто игнорировали его. Научная психология, развиваясь, должна была пройти достаточно большой и трудный путь восхождения к «целостному человеку» как предмету психологического познания, открывая при этом ту роль, которую играет психика в становлении целостного человека и в обеспечении его устойчивости.

Только сейчас в полной мере начинает осознаваться системная суть культурно-антропологического подхода, представленного работами Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, в которых говорится о необходимости «возвращения целостного человека в психологию» и утверждается что «без человека как целого нельзя понять его поведение (впрочем, как и объяснить деятельность его «аппарата» – мозга)». Сегодня человек «возвращается в науку» в виде различных вариантов антропоориентированной психологии. Антропологизация психологического познания выступает сегодня как тенденция, объективирующая процесс восхождения конкретной науки к идеалам постнеклассической рациональности, основные признаки которой выделяют в философской методологии науки. По мнению В. С. Степина (2000), предметом постнеклассической науки являются открытые саморазвивающиеся системы «человекоразмерного» уровня. По мере этого понимания открываются новые возможности использования культурно-исторического подхода к такой «многоликой» проблеме,

каковой является психология стресса. В связи с этим задача понять психологическую природу стресса для выявления его места, роли и миссии по отношению к «целостному человеку», т. е. человеку, понятому в качестве открытой саморазвивающейся системы, является своевременной как по своей постановке, так и по возможностям ее решения средствами культурно-исторического подхода в психологической науке.

В труднообозримом пространстве работ, посвященных проблеме стресса, можно выделить методологически ориентированные исследования, для которых характерно классическое понимание стресса, берущее свое начало от теории Г. Селье (1936), как реакции человека на внешнее воздействие, а также его (человека) соответствующее состояние. Иными словами, исходно стресс и стрессоустойчивость возникли как понятия, за которыми стоит категория *устойчивость состояния* (человека, организма, нервной системы и т. д.). Если пользоваться градациями, использованными Л. Хьеллом и Д. Зиглером (1999) при дифференциации существующих психологических теорий (гомеостаз – гетеростаз), то можно заключить, что основной массив данных о стрессе получен в рамках гомеостатически ориентированных теорий, в которых на первое место выступают процессы, обеспечивающие становление механизмов редукции напряжения. В психологических теориях гетеростатной ориентации на первый план выходят проблемы интеграции мотивов человека, подчиненной задачам самореализации с ее устремленностью в будущее. Проблема стресса и стрессоустойчивости начинает рассматриваться в контексте различных средств, с помощью которых люди достигают (или не достигают) личностного роста и самореализации.

При этом меняется сам образ человека в психологии, развиваются такие представления о его топологии, которые преодолевают дихотомию объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, на базе которой стресс рассматривался исключительно в качестве адаптивного синдрома, обеспечивающего равновесное состояние человека. А. Г. Асмолов высказывает мнение, что именно «гомеостатическая модель развития личности, сводящая любые проявления активности в ходе эволюции к достижению равновесия, стоит за схемами двухфакторной детерминации развития личности. Вместе с тем различные феномены, проанализированные в сфере изучения психосоматики В. С. Ротенбергом, в сфере собственно психологии активности личности В. А. Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Понимание этих явлений возможно при условии выхода за пределы барьеров классического рационального мышления» (Асмолов, 1998, с. 12).

Современный уровень развития культуры требует нового понимания условий выживания «культурного» человека. К таким условиям могут быть отнесены не только физиологические возможности человека как природный дар, который заметил Г. Селье и назвал *синдромом общей адаптации*, но и результаты развития современного культурного человека, воплощенные в его человеческой сущности, с которой связывают стремления людей к самореализации, самоактуализации, саморазвитию. Данные феномены как «то, что обеспечивает смысл и ценность собственно человеческого существования» (Клочко, Галажинский, 1999, с. 23) свидетельствуют об активном участии сознания людей в осуществлении эволюционного процесса. Представитель позитивной психологии М. Чиксентмихайи утверждает, что личность – это система, возникшая в ходе эволюции, и когда это происходит, она «становится независимой действующей причиной, перехватывающей управление человеческим поведением у влечений и стимул-реактивных связей» (Csikszentmihalyi, 1990, p. 17). В его работах поднимается проблема позитивных аспектов стресса в контексте проблемы *устойчивости потока* жизни.

В научных представлениях о стрессе можно проследить тенденцию, которая явно свидетельствует о том, что принцип гомеостаза, соответствующий биологическому уровню, не является объяснительным и определяющим для стресса. Этот принцип предполагает понимание человека как биологического организма, как системы, пассивно приспосабливающейся к воздействиям среды, где психика выполняет сугубо адаптивную функцию – вернуть организм в состояние равновесия. Как отмечает Н. Н. Пуховский (2000), исследовавший психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций, потребности самосохранения не отделимы от второй стороны инстинкта – потребностей самоопределения. В русской этнической культуре эта неделимая двойственность земной жизнедеятельности человека выражается характерными словами начала многих народных сказок «жил-был». А. Н. Леонтьевым отмечается, что психическое возникает и развивается для обслуживания биологической адаптации, а потом постепенно трансформируется, становится способным реализовать иной, более высокий уровень деятельности. Им выдвигается «общий принцип», которому подчиняются межуровневые отношения: «...наличный высший уровень всегда остается ведущим, но он не может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит» (Леонтьев, 1975, с. 233). В. Е. Клочко, Э. В. Галажинский, изучая самореализацию как психоисторическую проблему, показывают, что «высшее требует адаптироваться к социальному, «представителем» которого оно и является в субъекте,

низшее (телесное) требует адаптироваться к природной среде, откуда оно черпает все, что ему необходимо. Адаптироваться к обществу – значит включиться в процесс преобразующей (и в этом плане сверхадаптивной) деятельности. Адаптироваться к среде – значит опять-таки удовлетворять организменные потребности «человеческим» способом, считаясь с обществом, в форме деятельности» (Ключко, Галажинский, 1999, с. 54).

Тенденции развития представлений о стрессе, соответствуя тенденциям развития психологической науки, выводят на изучение стресса как «сверхадаптивного синдрома», обеспечивающего *устойчивость процесса саморазвития* человека как принципиально неравновесной системы. Значимость этой проблемы становится понятной, если согласиться с тем, что существование «мира вещей» и самого сознания «возможно только в гетерогенной среде, в ситуации неустойчивого равновесия, когда между состоянием нужды и ее удовлетворением нет сиюминутной непосредственной связи» (Тхостов и др., 2005, с. 47). Это означает также, что идеалы постнеклассической рациональности, ориентированной на изучение саморазвивающихся неравновесных систем, уже сравнительно давно ассимилируются психологией, противостоя ориентации на идеалы классической науки, в свете которых феномены неадаптивного поведения сами оценивались как патология (Асмолов, 2002; Гусельцева, 2003). В проблематике стресса эти методологические установки оказались настолько сильными, что даже сегодня, когда наука приступила к активному осмыслению идеалов постнеклассической рациональности, представляется крайне непроспективным переход к пониманию стресса как синдрома, указывающего на то, что происходит с человеком, когда он сталкивается с трудностями реализации своей неадаптивной природы.

Стоит добавить, что внутренняя тенденция развития человеческого сообщества выводит человека на новый уровень осознания собственной сущности, связанной не с адаптацией, а с принципиальной неадаптивностью, с ростом потребности в самореализации (Леонтьев, 2002; Коростылева, 2005; Кабрин, 2005). Сегодня уже нельзя игнорировать тот факт, что в «центре внимания клинической психологии» оказался человек с «трудностями в самореализации» (Поляков, 2002). Оценка угрозы, как пусковой механизм стресса, сопряжена не только и не столько с физическими потребностями, сколько с переживанием невозможности самореализации человека – его целей, ценностей, смысла жизни, развития. Иными словами, можно констатировать, что центр всей проблематики стресса смещается в те сферы психологического познания, которые изначально позиционировали себя в качестве гуманитарных областей науки.

Опираясь на современное представление о процессе становления «человеческого в человеке» как способе его устойчивого существования, можно предположить, что люди, которые по разным причинам не могут реализовать свои возможности или, иными словами, удерживать свою жизнь в режиме саморазвития, обречены на переживание хронического, разрушающего, деструктивного стресса. Психологическая (и психиатрическая) практика не могла не столкнуться с феноменами проявления такого стресса, но вопрос заключается в том, насколько эта практика могла оценить его истинную природу и происхождение. По данным исследователей ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. М. Сербского, соотношение хронического стресса и острого стресса в развитии нервно-психических расстройств составляет 85:14,5%. Возможно, что именно такой стресс «прячется» за феноменами «стресс повседневной жизни», «социальный стресс», «хронический стресс», «латентный стресс», «футурошок», «культурный шок», описанными в специальных работах.

Безусловно, не исчезнет из поля зрения психологов тематика посттравматических стрессовых расстройств, являющихся следствием природных бедствий, техногенных катастроф, региональных и межнациональных конфликтов, локальных войн и террористических актов. В то же время все отчетливей проступает тематика стресса как явления, которое не просто сопровождает процесс выхода человека на новые параметры собственного развития, но и является условием этого выхода. Становление «человеческого в человеке» невозможно без стрессов, без «овладения собой» (Выготский, 1983), «личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет, и который она создает в одном акте «творческой деятельности» создавая и свой мир, и самое себя» (Рубинштейн, 1987, с. 22), «личность рождается при решении экзистенциальной задачи освоения и овладения сложностью собственного бытия» (Зинченко, 2008, с. 6).

Сегодня актуальной задачей является сближение проблематики стресса с культурно-историческим контекстом. Реализуя эвристический потенциал отечественной культурно-исторической психологии, заложенный в работах Г. Г. Шпета, Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и их последователей: В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. В. Петровского, О. К. Тихомирова и др., исследователи, как отмечает А. Г. Асмолов, осуществляют переход от «анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры» (Асмолов, 1998, с. 15).

Проникновение в сущность процесса трансформации культуры в мир личности позволяет ставить и отвечать на вопросы о том, какая культура преобразуется в жизненный мир человека, что конкретно она привносит в него в плане устойчивости и подвижности этого мира, какие трудности саморазвития испытывает при этом человек, какие традиционные средства совладания он обретает. С методологических позиций культурно-исторического подхода стресс открывается как совокупность психологических проявлений, сопровождающих процесс саморазвития человека, в котором раскрывается его сверхадаптивная природа, нормотворческий гетеростабильный характер. Психологический стресс обретает онтологический статус и может рассматриваться как явление, связанное с процессом становления многомерного мира человека. Трудности, возникающие на пути саморазвития человека как способа его существования в качестве открытой системы, вызывают напряжение, поскольку они затрагивают саму возможность жизни человека как существа, открытого в мир. В этом процессе «закрывание» системы (или невозможность надлежащего ее открытия) означает прямую угрозу удержанию ее целостности, устойчивому существованию, что проявляется в дистрессе и сопутствующих ему психологических и соматических явлениях. Стресс имеет полифункциональную природу: он выступает и как сигнал о нарушении процесса жизненного самоосуществления, и как внутреннее состояние человека, устойчивое бытие которого оказывается под угрозой, и как условие коррекции образа жизни и образа мира, противоречия между которыми либо минимизировались до такого уровня, который лишает систему источников самодвижения, либо, наоборот, обострились до предела, при котором деструкция человека как целостной системы может приобрести необратимый характер.

Стресс амбивалентен по направленности его трансформации: он может переживаться как самодиагностика системы, обнаруживающей новые параметры развития и обладающей готовностью выхода к ним (модель «эустресса»), и как оценка начинающейся деструкции системы, которая не может удержать свою целостность в силу действия факторов, блокирующих возможность саморазвития и самореализации (модель «дистресса»). Эмоции, сопровождающие стресс, отражают конфликт в ценностно-смысловых полях жизненного мира человека, за которым стоит борьба противоположных тенденций – стремление к стабильности, с одной стороны, и к изменениям, с другой, разрешение которой происходит в саморазвитии системы, каковая и является внутренним основанием ее устойчивости. Таким образом, психологический стресс с позиции идеи самоорганизации, как методологической основы культурно-исторического подхода,

может быть понят как «сверхадаптивный синдром», а его функции определены по отношению к человеку как существу ищущему, находящему и реализующему возможности выхода на новые параметры собственного развития, к новым сферам самореализации.

Литература

- Асмолов А. Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 7. С. 7–16.
- Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–486.
- Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология: от классической к пост неклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Зинченко В. П. Общество на пути к «человеку психологическому» // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 3–11.
- Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности. М.: Смысл, 2005.
- Клочко В. Е. Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: ТГУ, 1999.
- Коротылева Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб.: Речь, 2005.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки каф. общ. психол. МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
- Леонтьев Д. А. Эксклюзивное интервью с Михаем Чиксентмихайи (Д. Леонтьев, сентябрь 2005). <http://www.positivepsychology.ru>.
- Поляков А. С. Современные проблемы клинической психологии // Сибирский психологический журнал. 2002. Вып. 11. С. 8–16.
- Пуховский Н. Н. Психопатологические последствия чрезвычайных ситуаций. М.: Академический Проект, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1987.
- Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс, Традиция, 2000.
- Тхостов А. Ш., Елшанский А. Ш., ред. Психологические аспекты зависимостей: Сб. науч. статей. М.: Научный мир, 2005.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (основные положения, исследования и примечания). СПб.: Питер Ком, 1999.
- Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. New York: Harper and Row, 1990.

СВЯЗЬ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ СО СМЫСЛОЖИЗНЕННЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ И ВЫБОР ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОВОЙ СРЕДЕ

М. В. Верстова (Краснодар)

Сегодня современному человеку приходится сталкиваться с ситуациями, подчиняющимися правовому регулированию, в которых перед личностью возникает необходимость ориентировки в сложной и неопределенной для нее ситуации. Примером такой правовой ситуации, ставшей действительностью общества, является предложение стать присяжным заседателем. Актуальным и востребованным, по мнению некоторых исследователей, является изучение «обыденного правового сознания личности» в ситуации выбора формы поведения в правовой сфере и наличие готовности у человека проявить активное сознательное самоопределение в подобной ситуации (Янова, 1998).

Правовое сознание является объектом комплексного изучения разных научных дисциплин, в частности, социологии, юриспруденции, психологии и др. В психологии можно выделить несколько направлений по изучению правового сознания личности. Так, например, некоторые работы направлены на изучение психологических механизмов нормативно-правовой регуляции поведения личности, анализ ценностных ориентаций и мотиваций правового и противоправного поведения (Еникеев, 1996; Ратинов, 1988 и др.). Проблемами участия российских граждан в правовой жизни занимались отечественные психологи (Абульханова, 2005; Воловикова, 2004, с. 16–31; Славская, 2002). Особенности правового сознания присяжных заседателей изучали О. А. Гулевич, Е. О. Голынчик и О. В. Соловьева и др.

Изучение правового сознания как комплекса социальных представлений стало популярным в работах отечественных исследователей, что, по-нашему мнению, связано с качественными изменениями в российском общественном правовом сознании. По мнению А. Н. Славской, для формирования правового сознания личности российского гражданина основным оказывается *контекст межличностных отношений*. В правовой сфере преобладают не нормативно-правовые, как в западноевропейском обществе, а морально-психологические регуляторы (ролевое поведение, взаимоотношения субъекта, его психология, личные интересы), такие как совесть, доверие/недоверие, ложь и т. д. Основными психологическими предпосылками возникновения правового сознания личности в правовых взаимоотношениях, – это есть «наличие или отсутствие взаимности» в интерпретации прав и обязанностей «партнеров по отношению друг к другу» (Славская, 2002).

Пропущенные через личный опыт субъекта изучаемые стороны правовой жизни способны вызвать к себе определенное отношение личности, стать значимыми и выступить как ценности для личности. Ценностные образования и установки в структуре правового сознания личности: эмоции, направленность, правовые установки обеспечивают субъективное принятие и реализацию поведения, направленного на выражение готовности соблюдать закон (Белобородов, 2003, с. 92–105). По мнению А. Р. Ратинова, в социально-правовых установках и ценностных ориентациях заключается основной регулятивный потенциал правового сознания (Ратинов, 1988).

Ряд авторов уделяют внимание тому, что отсутствие готовности и наличие готовности соблюдать закон могут также затрагивать ценностно-смысловую сферу и ценностную регуляцию деятельности личности (А. Г. Белобородов, Д. А. Леонтьев). Элементы, составляющие смысловую сферу личности, регулируют деятельность, в частности, выбор формы поведения в правовой ситуации. В психологии проблема понятия «выбор» актуальна, о чем свидетельствуют работы, проводимые исследователями (А. Н. Демин, Т. В. Корнилова, Е. В. Улько и др.). Проводя анализ теоретических работ по проблеме понятия «выбор», можно отметить, что выбор психологами изучался как этап принятия решения (Г. Саймон, Д. Канеман и др.). Также понятие «выбор» рассматривается в исследованиях современных отечественных психологов, где теоретическими предпосылками исследования послужил деятельностный подход А. Н. Леонтьева (Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко). Психологи утверждают, что выбор – это внутренняя деятельность по конструированию оснований и смысловых критериев для сопоставления сформированных альтернатив и осуществлению этого сопоставления во внутреннем плане (Леонтьев, Пилипко, 1995). Субъективное переживание человеком смысла жизни, осознание ответственности за результаты своей работы образуют критерии принимаемых решений в различных ситуациях (Д. А. Леонтьев) (наличие различных установок личности в правовых ситуациях, предлагаемых социумом). Таким образом, опираясь на работы Д. А. Леонтьева, В. А. Ядова, М. С. Яницкого, проанализируем содержание смысловой сферы личности через смысложизненные ориентации.

Существенную роль в понимании конкретной правовой ситуации играет представление человека о своей собственной позиции в социальном правовом и поведенческом пространстве в контексте широких правовых представлений и смысложизненных ориентаций личности.

В 2007 г. нами проводилось исследование установки личности к правовой ситуации на примере готовности участия в суде присяжных (Верстова, Улько, 2007). С помощью анкеты были сформированы

группы испытуемых: *согласившиеся* и *отказавшиеся* принять участие в работе коллегии присяжных. Предметом исследования в работе выступили правовые представления личности, ее смысложизненные ориентации в связи с установкой к участию в суде присяжных. В исследовании приняли участие 182 жителя Краснодарского края в возрасте от 25 до 65 лет.

Первоначально была изучена установка личности к конкретной правовой ситуации (Верстова, Улько, 2007), где основным методом исследования явилась разработанная анкета, с помощью которой выделили и сформировали группы испытуемых: *согласившихся* и *отказавшихся*. Далее рассмотрели характер широких социально-правовых представлений испытуемых и отношение испытуемых к отдельным элементам правовой реальности. С целью получения информации о правовых представлениях и моделях смысловых пространств испытуемым были заданы для оценивания по шкалам СД центральные для проблемы «право-нравственность» понятия. Понятия «закон», «власть» отражали систему правового регулирования; понятия «справедливость», «правда» представили систему нравственного регулирования (Верстова, Улько, 2007). Полученные данные были обобщены и представлены в виде описания групп с различной установкой к участию в суде присяжных, включающей характер широких социально-правовых представлений (трехфакторный семантический дифференциал Ч. Осгуда) и специфику смысложизненных ориентаций (тест СЖО Д. А. Леонтьева).

Результаты исследования показали, что люди с различной поведенческой установкой к участию в суде присяжных заседателей отличаются разноуровневыми смысловыми образованиями личности: правовыми представлениями и смысложизненными ориентациями.

Яркой особенностью *согласившихся* являются более высокие оценки понятия «закон» по всем трем факторам (оценке, силе, активности), что свидетельствует об его эмоциональном приятии, силе и динамичности данной правовой категории в сознании респондентов и, соответственно, более высокой смысловой значимости. *Согласившиеся* готовы принимать правовые нормы и идентифицировать себя с ними, наделяют «закон» и «власть» более высокой активностью. Эмоциональное отношение в группе *отказавшихся* к правовым и моральным объектам не дифференцировано, оценка этих объектов испытуемыми проходит через негативный полюс конструкта «оценка». Оценочные шкалы, используемые *согласившимися*, в основном нейтральные и положительные, при оценке понятия «власть» шкалы в основном отрицательные и, соответственно, негативные.

Полученные результаты показали, что люди, не готовые принять участие в коллегии присяжных устойчиво демонстрируют существен-

ное расхождение в семантическом пространстве нравственных и правовых категорий, группа характеризуется значительным семантическим расстоянием между такими объектами, как *закон–справедливость*, *закон–правда* в отличие от *согласившихся* (см. таблицу 1). Дальше всего в семантическом пространстве *отказавшихся* располагаются понятия «закон» и «правда», ближе всего «справедливость» и «правда». Согласно представлениям *отказавшихся*, с помощью закона вряд ли добьешься правды и справедливости. Люди, согласившиеся принять участие в коллегии присяжных, готовы принимать правовые нормы, склонны идентифицировать себя с ними, правовые категории наделяют более высокой активностью. Правовая сфера *согласившихся* воспринимается как динамичная, изменчивая, а сами субъекты готовы к активным действиям в этой области (что выражается в готовности участвовать в работе коллегии присяжных).

Таблица 1

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ОБЪЕКТАМИ
в группах отказавшихся и согласившихся

Пары объектов	Согласившиеся	Отказавшиеся
Закон–Справедливость	0,82	1,24
Закон–Правда	0,95	1,88
Закон–Власть	0,79	1,01
Справедливость–Правда	0,63	0,68
Справедливость–Власть	1,61	1,28
Правда–Власть	1,65	1,73

Далее рассмотрим результаты исследования связи вариантов правовых представлений личности со смысловыми ориентациями. Так как достоверных различий в группах по тесту СЖО обнаружено не было, то мы из-за неоднородности групп рассматривали их по группам *согласившихся* и *отказавшихся* (см. таблицу 2).

У *согласившихся* по шкалам «Цели» и «Результат» выявлены различия между «познавателями» и «борцами за справедливость» ($p < 0,001$); по шкалам «Процесс», «ЛК-Я», «ЛК-жизнь» (использовался t -критерий Стьюдента, $p < 0,05$). Выявлены различия между «борцами» и «активистами» по шкалам «Цели», «Процесс», «Результат», «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$), по шкале «ЛК-Я» ($p < 0,05$). Наблюдаются различия и между «познавателями» и «активистами» по шкале «Процесс» ($p < 0,05$), по «ЛК-жизнь» ($p < 0,001$). У *отказавшихся* по шкалам «Цели» и «Результат», «ЛК-жизнь» выявлены различия между «деловыми», «нигилистами», «эмоционально-тревожными» ($p < 0,05$).

На основе эмпирических данных можно сформулировать несколько типов обобщенных характеристик субъективно-смысловых

Таблица 2
СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЕСТА СЖО ПО ГРУППАМ УСТАНОВОК

Шкала	Группы					
	Согласившиеся			Отказавшиеся		
	борцы	соц. активисты	познавательные	нигилисты	деловые	эмоцион.-тревожные
Цели	↑ 42,4	↓ 35,8	↓ 37,2	↑ 39,1	↑ 39,1	↓ 35,6
Процесс	↑ 35,6	↓ 27,3	↓ 31,3	↓ 29,5	↑ 33,2	↓ 29,7
Результат	↑ 34,8	↓ 29,7	↓ 28,8	↑ 31,8	↑ 31,5	↓ 29,9
ЛК-Я	↑ 24,1	↓ 19,7	↑ 21,5	↓ 20,9	↓ 20,8	↓ 20,4
ЛК-Ж	↑ 34,3	↓ 27	↔ 30,9	↔ 30,8	↑ 31,6	↓ 27,9
ОЖ	↑ 117,4	↓ 95	↓ 105,1	↓ 105,8	↑ 107,8	↓ 98,8

Примечание. Знаки ↑, ↓ и ↔ – высокие, низкие, средние значения по методике СЖО.

оснований, определяющих готовность личности к участию в суде присяжных. В результате выделено 6 типов представления субъектов о ситуации выбора.

1 Лица, согласившиеся принять участие в суде присяжных:

«Борцы за справедливость» положительно воспринимают «справедливость» и отрицательно «власть», но, несмотря на негативное отношение, понятие «власть» оценивается как «сильный» и «активный» объект. Характеризуются высоким уровнем осмысленности жизни, умением ставить цели и ориентированностью на будущее, им свойственно планирование в соответствии с поставленными целями, проявление активности на основе опыта прошлого, настоящего и принятием ответственности за выбор.

«Социальные активисты», в отличие от других понятий, «власть» воспринимают негативно, но оценивают высоко факторами «Сила» и «Активность» в СД; закон ассоциируется с правосудием и справедливостью, но не с властью. Несмотря на наличие желания быть социально активным, группа отличается наличием низких показателей осмысленности прошлого, настоящего и будущего, они редко ощущают себя хозяевами жизни.

У «Познавателей» основной характеристикой по сравнению с другими группами является самая маленькая дистанция между изучаемыми понятиями (законом, справедливостью, властью, правдой), что свидетельствует о близости в сознании испытуемых правовых и моральных категорий. Испытуемым свойственна осмысленность настоящего, низкие показатели осмысленности прошлого и будущего, прошлым не удовлетворены, но настоящее воспринимается как богатое событиями, а планы на будущее плохо представляемы.

2 Лица, отказавшиеся принять участие в суде присяжных:

«Нигилистам» свойственна тенденция к противопоставлению моральных категорий правовым (значительное расстояние «закон» – «справедливость», и маленькая дистанция между «справедливостью» и «правдой», характерной чертой является низкая оценка объекта «закон» по фактору «Активность»). Отличаются смешанностью типов осмысленности жизни (низкие и высокие показатели шкал «Цели», «Процесс», «Результат»), но неудовлетворенностью жизнью в настоящем.

В группе «деловых» характерной особенностью является самая большая семантическая дистанция между понятиями «закон» и «правда», «правда» и «власть». Правовые объекты вызывают желание избегания, удаления. Характерен высокий уровень осмысленности жизни, умеют ставить цели и ориентироваться на будущее, умеют придавать значение осмысленности жизни, имеют свободу выбора и возможность свободно распоряжаться своей жизнью.

«Эмоционально-тревожные» категорию «закон» воспринимают нейтрально, «власть» в целом оценивают высоко и положительно по всем семантическим факторам. В отличие от других групп в сознании испытуемых правовые категории («закон» и «власть») между собой сильно различаются. Им присущи низкий уровень осмысленности жизни, низкая направленность на будущее и отсутствие представления о себе как о хозяине жизни, они отличаются низким уровнем самореализации.

Таким образом, полученные данные подтверждают мысль о характере установки личности по отношению к конкретной ситуации, которая определяется в соответствии с правовыми представлениями личности о правовой ситуации в целом.

Литература

- Абульханова К. А. Личностные особенности детерминанты социальных представлений // *Идея системности в современной психологии* / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Белобородов А. Г. Образ права как смысловой уровень правосознания и возможности его использования // *Мир психологии*. 2003. № 4. С. 92–105.
- Верстова М. В., Улько Е. В. Правовые представления личности с различной установкой к участию в суде присяжных // *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар, 2007. С. 64–81.
- Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // *Психологический журнал*. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–31.
- Гулевич О. А., Гольничик Е. О. Взаимосвязь представлений о справедливости с поведением в правовой сфере // *Правовед*. Великий Новгород: Изд-во Новгородского ун-та, 2004. № 5.

- Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М.: Юрист, 1996.
- Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1.
- Рапинов А. Р. Правовая психология и преступное поведение: Теория и методология исследования / А. Р. Рапинов, Г. Х. Ефремова. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988.
- Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.
- Янова Н. Г. Суд присяжных и государственный обвинитель // Социс. 1998. № 5. С. 83–87.

РОЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НРАВСТВЕННОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ

А. Е. Воробьева (Москва)

В трудах С. Л. Рубинштейна отмечалась и обосновывалась необходимость психологического изучения нравственных и духовных свойств личности, отдельных групп и всего человечества (Рубинштейн, 1973). В основу данного исследования положено представление о нравственном самоопределении как процессе ориентации личности в системе нравственных идеалов и ценностей, среди людей и социальных групп, являющихся их носителями, а также как осознанном процессе поиска, выбора и создания собственных нравственных эталонов и идеалов, а затем на их основе – принципов, ценностей, норм, правил и т. п. (Купрейченко, 2008).

Юношеский возраст выделяется как сенситивный этап нравственного развития личности. Поэтому одной из основных проблем, которые стоят перед исследователями в настоящее время, является анализ факторов, регуляторов и детерминант поиска молодыми людьми своего способа жизнедеятельности на основе воспринимаемых, принимаемых или формируемых ими во временной перспективе базовых отношений к миру, человеческому сообществу и самому себе (Журавлев, Купрейченко, 2006).

Многие авторы включают эмпатию в число факторов нравственности личности (Илюшин, 1980; Колесов, 2003; Корниенко, 1997; Попов, Кашин, Старшинова, 2000). Альтруистические проявления невозможны и без способности идентифицировать эмоции других людей (Гоулман, 2008). Таким образом, в связи с нравственным

самоопределением личности недостаточно рассматривать только способность к сопереживанию, необходим учет всех компонентов эмоционального интеллекта: понимания чужих эмоций, способности контролировать свои эмоции и т. д.

В процессе проведенного исследования было выдвинуто **предположение**, о том, что чем выше межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, тем более нормативно нравственное самоопределение личности и более негативно демонстрируемое ею отношение к неэтичным объектам, явлениям окружающего мира (например, к газетным заголовкам).

Объект: молодежь в возрасте 18–35 лет: мужчины – 47%, женщины – 53%, с различным семейным статусом и характером занятости. Общий объем выборки 170 чел.

Для сбора эмпирических данных применялись следующие **методики**: «Нравственное самоопределение личности» А. Е. Воробьевой и А. Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2007); авторская методика оценки психологических показателей эффективности газетных заголовков; методика измерения эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (Люсин, 2006). В качестве неэтичных объектов, явлений окружающего мира были использованы «вызывающе-сексуальные», «агрессивные», «циничные» заголовки статей из «желтой» прессы.

Результаты: Респондентов с более высоким межличностным эмоциональным интеллектом (МЭИ) отличает большая приверженность представлению о значимости морали для общества, об относительности нравственности, о существовании воздаяния за добро и зло, о нравственности личности, как показателе ее силы, о том, что каждый несет ответственность за свой моральный облик и этичность поведения. Также при сравнении респондентов с разным уровнем МЭИ при более высоких его значениях наблюдается переход от неответственности к ответственности соблюдения нравственных норм на когнитивном уровне, наблюдается большая активность в нравственном поведении на эмоциональном уровне, также увеличивается взаимность на когнитивном уровне. У респондентов со средним МЭИ наблюдается меньшая приверженность стратегии взаимности на эмоциональном уровне, чем у респондентов с высоким МЭИ. «Агрессивные» газетные заголовки в наибольшей мере раздражают респондентов с высоким МЭИ и не понравятся их референтной группе. Однако только респонденты с высоким МЭИ оценивают «циничные» заголовки как не противоречащие нравственным нормам. Возможно, это вызвано тем, что, с точки зрения респондентов с таким уровнем МЭИ, современные нормы очень расплывчаты и допускают многие ранее недопустимые формы поведения.

При сравнении респондентов с разным уровнем внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ) при более высоких его значениях наблюдается большая убежденность в том, что нравственность личности – проявление ее силы, что каждый несет ответственность за свой моральный облик и этичность поведения, наблюдается переход от необязательности к обязательности соблюдения нравственных норм на когнитивном уровне, от пассивности к активности нравственного поведения на конативном уровне, от невзаимности к взаимности на когнитивном и конативном уровне. Также при большем ВЭИ наблюдается приверженность на эмоциональном уровне стратегии обязательности соблюдения нравственных норм и стратегии активности нравственного поведения, наблюдается переход к отрицанию эгоцентрической ориентации, все меньшая приверженность группоцентрической ориентации, все большая приверженность миротворительной ориентации. У респондентов с высоким ВЭИ склонность к гуманистической ориентации меньше, чем у респондентов с более низким ВЭИ. «Вызывающе-сексуальные» заголовки в большей мере раздражают и отталкивают респондентов с более высоким ВЭИ, не побуждают познакомиться со статьей. «Агрессивные» заголовки в большей мере раздражают, не побуждают познакомиться со статьей, не понравятся референтной группе респондентов с более высоким ВЭИ.

Таким образом, респонденты с высоким межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом в своих нравственных представлениях, ориентациях, стратегиях более нормативны, чем респонденты с более низким эмоциональным интеллектом. Отношение к неэтичным объектам также более негативно у респондентов с более высоким межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом.

Литература

- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2008.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Самоопределение молодежи в экономической среде // Психологическая помощь учащейся молодежи в современном изменяющемся мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. А. С. Чернышева. Курск, 2006. С. 126–127.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Илюшин В. И. Совесть – самоконтроль выбора // Моральный выбор / Под ред. А. И. Титаренко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 194–209.
- Колесов Д. В. Общество (психология связей и отношений) // Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
- Корниенко Н. А. Психологические основы эмоционально-нравственного развития личности: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1997.

- Купрейченко А. Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи в период социально-экономической стабилизации России: Материалы второй Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Капцов. Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. С. 10–15.
- Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.
- Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А. Добро и зло в психологии человека. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

В. В. Гриценко, Т. Н. Молчанова (Смоленск)

Важным условием социально-психологической адаптации к постоянно меняющимся условиям социальной среды и одновременно показателем (критерием) ее успешности/неуспешности является субъективное благополучие личности. В условиях кардинальных изменений в социально-экономической и духовно-нравственной жизни российского общества проблема субъективного благополучия как отдельного индивида, так и целых групп приобретает особую актуальность.

Субъективное благополучие личности, являясь интегральным показателем адаптации человека, имеет сложную природу формирования и представляет собой многомерную, многоуровневую и динамичную систему субъективных отношений человека к условиям жизни (Шамионов, 2004). Эмпирическим референтом субъективного благополучия может выступать удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности.

В данной статье мы ограничимся анализом уровня удовлетворенности жизнью подростков в условиях нарушения структуры привычных детско-родительских отношений, обусловленных отъездом одного или обоих родителей на заработки. В исследовании приняли участие 45 подростков (19 мальчиков и 26 девочек) в возрасте от 11 до 15 лет, проживающих в поселках Кардымово и Красный Смоленской области. У 36 детей на заработки уезжает отец, у троих – мать, и у шестерых – оба родителя на срок от 2–3 недель до одного года.

Согласно эмпирическим данным, полученным с помощью модифицированного варианта методики «Уровень социальной фрустри-

рованности» (Вассерман, 1995), степень удовлетворенности многими сферами жизнедеятельности респонденты оценили в пределах 4 баллов (максимум 5 баллов), что свидетельствует о достаточно высоком уровне удовлетворенности ими жизнью. Так, подростки скорее довольны, чем недовольны *материальным положением семьи (4,0), вещами, которые у них есть (4,3), жилищно-бытовыми условиями (4,0), местом жительства (4,0), проведением досуга (4,1), своим образом жизни (4,1).*

Интересно отметить, что уровень удовлетворенности практически по всем шкалам (исключение составляет только шкала «*положение в классе*») выше у мальчиков, чем у девочек. На наш взгляд, это объясняется гендерными особенностями: более высоким уровнем сензитивности и эмоциональной восприимчивости представителей женского пола ко всему, что их окружает, более высоким уровнем требовательности и критичности их к условиям существования.

Самые низкие показатели удовлетворенности на всей выборке получены по шкалам «*отношения с учителями*» (3,5) и «*положение в классе*» (3,8), что лишний раз подтверждает положение о том, что данная сфера жизни вызывает у подростков больше всего проблем. Если подросток не может занять удовлетворяющего его места в системе общения в классе, он психологически «*уходит*» из школы. Данное положение объясняется особенностями подросткового возраста, проявляющимися в настойчивом стремлении ребенка к признанию своей личности взрослыми при отсутствии реальной возможности утвердить себя среди них. Отсюда и характерное для данного возраста дистанцирование и отчуждение от взрослых. В то же время современный подросток одновременно и настаивает на признании равенства прав со взрослым, хотя по-прежнему нуждается в его помощи, защите и поддержке, в его оценке (Шаповаленко, 2002).

Согласно данным опроса, степень удовлетворенности подростков *отношениями с родителями* несколько выше (3,9), чем степень удовлетворенности *отношениями с учителями* (3,5). Чаще всего подростки предъявляли к своим родителям те же требования, что и к учителям: перейти к отношениям, основанным на взаимном доверии, уважении и относительном, но неуклонно растущем равенстве. Заметим, что после отъезда отца ребенок остается с матерью, которая, принимая на себя весь груз заботы и ответственности за его воспитание, нередко прибегает к распространенным в практике традиционной системы воспитания «детским формам» контроля над поведением ребенка, требованиям от него послушания и подчинения, что и вызывает у исследуемых нами подростков протест и неудовлетворенность отношениями с матерью.

В то же время самые высокие баллы удовлетворенности подростков получены по шкале «*отношения с друзьями*» (4,5). Учитывая ведущую

роль в данном возрасте интимно-личного общения со сверстниками, определяющего многие стороны личностного развития подростка, полученные результаты позволяют утверждать, что главная потребность данного возрастного периода – найти свое место в обществе, быть «значимым» – реализуется в сообществе сверстников-друзей. Именно в общении с друзьями происходит проигрывание самых разных сторон человеческих отношений, построение отношений, основанных на «кодексе товарищества», реализуется стремление к глубокому взаимопониманию.

Подытоживая краткий анализ результатов исследования, мы можем сказать, что удовлетворенность жизнью и различными ее аспектами – когнитивная сторона благополучия – это оценка личностью своей жизни, отражающая то, насколько реальная жизнь человека близка к его представлению об идеале. Подчеркнем также, что субъективное благополучие зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внутренних и внешних составляющих: личностных, социальных, этнокультурных и т. п. Именно субъективное благополучие определяет качество жизнедеятельности человека и является тем необходимым компонентом (регулятором), без которого невозможно полноценное существование субъекта, эффективность его социальных взаимоотношений, а следовательно, и успешность его адаптации в условиях общественных перемен.

Литература

- Вассерман Л. И.* Психодиагностическая шкала для оценки уровня социальной фрустрированности // Обзорение Института психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 2. С. 73–79.
- Шамионов Р. М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
- Шаповаленко И. В.* Взаимоотношения поколений в семье // Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под ред. Е. Г. Силяевой. М., 2002. С. 65–120.

К ВОПРОСУ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. В. Дробышева (Москва)

Проблема изучения детерминации психики и поведения рассматривается в отечественной психологии достаточно широко: от самоопределения психологической науки в целом (Рубинштейн, 1957)

до понимания соотношения между спецификой психологической каузальности и выбором метода ее исследования (Корнилова, 2007 и др.). Глубокий анализ исторического развития детерминизма в психологии представлен в одной из работ Е. В. Шороховой (Шорохова, 1969), которая определяет вклад идей С. Л. Рубинштейна в развитие детерминистической теории через формулирование им методологического принципа, основное значение которого заключается в «правильной» организации психологических исследований, так как он выступает и как способ объяснения психических явлений, и как способ управления ими (Шорохова, 1969).

Вопрос «правильности» психологического, а также социально-психологического исследования напрямую связан с проблемой поиска объективности его результатов. На современном этапе развития социальной психологии данная проблема актуализирует развитие новых методологических подходов, методов, процедур, технологий и не решается через какое-либо противопоставление «внешнего» и «внутреннего» или «социального» и «психического». Наоборот, снятие конфликта указанной дихотомии в направлении выявления системы ее связей позволяет расширить спектр изучаемых социально-психологических явлений.

Так, Б. Ф. Ломов предложил рассматривать детерминацию как некую систему с определенным набором компонентов (Ломов, 1982, 1984, 1996). Их можно сформулировать следующим образом:

- 1) *система детерминант включает разные их типы.* Кроме причин, вызывающих эффекты (следствия), выделяются внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредствующие звенья, которые изменяют влияние причины и, соответственно, возникновение следствия;
- 2) *причина* – не отдельное событие, а их совокупность (ситуация), поэтому и *следствие* – есть результат накопления информации, порождаемой ситуацией; их отношения носят временной характер;
- 3) *все типы детерминант имеют разную функциональную направленность.* Они могут ускорять, замедлять возникновение следствия; усиливать, ослаблять каузальную связь и т. п.;
- 4) *внешние детерминанты* имеют социальную природу, уровневую структуру; взаимодействуют с внутренними факторами; их отношения влияют на силу, активность, направленность действия причины;
- 5) *внутренний фактор* – «события или феномены, органически включенные в изучаемые явления, имманентно присущие им»;

- 6) *предпосылки (общие и специальные)* – это своего рода «готовность или подготовленность к «восприятию» (не в психологическом смысле слова) действия причины и других детерминант». Они определяют успешность воздействия причины;
- 7) *опосредствующие звенья* – вспомогательные средства, так же косвенно влияющие на каузальную связь.

Рассмотрим действие этой системы применительно к феномену «экономическая социализация», который понимается как *процесс и результат включенности индивида в мир экономических отношений общества*, в котором он живет. Можно предположить, что *человек усваивает экономический опыт общества, систему социальных и экономических ценностей и, активно преобразуя его, становится экономическим субъектом* данного общества (Дробышева, Журавлев, 2004).

Основные характеристики первичной экономической социализации и система ее детерминации. В качестве *результативных* характеристик экономической социализации личности рассматривают: экономическую и экономико-психологическую адаптированность (Дейнека, 1999 и др.), экономическую идентичность (Хашченко, 2005), экономическую (Журавлев, 2007) и экономико-психологическую зрелость (Дробышева, 2008), экономическую компетентность, сформированность экономической культуры личности (Сухорукова, 2001 и др.) и т. п. Все они могут быть рассмотрены в рамках системной детерминации как «накопленные эффекты». Причем одни из них могут выступать по отношению к другим компонентами, предпосылками, факторами. Кроме того, одни и те же социально-психологические и психологические критерии могут присутствовать в разных феноменах, принимаемых как результат экономической социализации. Например, динамика социальных и экономических ценностей определяется как *психологический критерий* экономической социализированности и в то же время как *предпосылка и условие* существования экономической культуры. Другой пример – адаптированность в экономических ролях – рассматривается как *один из критериев* и экономической адаптированности, и экономической компетентности (в разных моделях, безусловно).

К процессуальным характеристикам экономической социализации, выделяемым исследователями, относятся ее этапы, факторы, условия, механизмы и средства. При этом существует общее понимание того, что *условия* создают возможности для реализации связи, но напрямую не воздействуют, *факторы* влияют, *причины* порождают следствие (Ломов, 1982, 1996), а механизмы и средства определяют специфику возникающих эффектов. Однако ограничение детерминации одними причинами и факторами не всегда корректно.

Итак, феномен «экономическая социализация» в большей степени изучается именно в контексте выявления каузальной связи экономических и психологических явлений и объектов. Такая специфика, как упоминалось ранее, определяется ее содержанием. Так, в качестве *причин* рассматриваются влияния установок семьи, образовательных институтов; информации СМИ; политики занятости госструктур; элементов экономической и общей культуры общества и т. п. *Эффектами* выступают изменения в: сберегательном, потребительском, инвестиционном поведении формирующейся личности; ее экономических представлениях, отношениях, установках и т. п. Кроме того, в качестве эффектов может приниматься и динамика экономических, социальных, волевых и др. ценностных ориентаций (Дробышева, Журавлев, 2004), а также трансформация общественных или групповых экономических представлений в сознании индивида и т. п. В качестве *факторов* первичной экономической социализации (т. е. детей, подростков, юношей) изучаются возраст, пол, регион проживания, национальная и конфессиональная принадлежность и т. п. Следует уточнить, что в большинстве работ, выполненных в этой области знания, авторы рассматривают фактор амбивалентно – то как нечто влияющее на каузальную связь, то как причину, порождающую следствие. Таким образом, в интерпретациях отмечается наличие/отсутствие различий в зависимости от выделенных факторов. При этом анализ их влияния на каузальную связь, т. е. выделение характера этого влияния, анализа отношений самих факторов и т. п., не осуществляется. Основной акцент делается на статистических различиях. Таким образом, можно говорить о подмене детерминационной системы статистическими факторами. С нашей точки зрения, социально-экономическое развитие личности не может строиться на таких принципах, поскольку и социальная среда, и психика – это сложные, определенным образом связанные, многоуровневые системы.

Проиллюстрируем вышеизложенные суждения на примере модели исследования экономического образования как фактора экономической социализации. Не уточняя основное содержание работы (она опубликована в нескольких изданиях), используем для анализа ее логику (Дробышева, Журавлев, 2004).

Модель системной детерминации первичной экономической социализации была построена с опорой на естественный формирующий социально-психологический эксперимент (Дробышева, Журавлев, 2004), включающий экспериментальный «план Соломона» для 4-х групп: двух контрольных (не обучавшиеся в ходе эксперимента испытуемые) и двух экспериментальных (обучавшиеся).

После обучения младших школьников по одной из программ раннего экономического образования были получены три вида результатов: отсутствие динамики, общая и парциальная динамики ценностных ориентаций (ЦО). При этом изменения в экспериментальных группах рассматривались как *эффект экономического образования*, а в контрольных, эквивалентных экспериментальным по значимым для оценки влияния параметрам, как *результат естественного развития*.

В контексте простого изложения «причина–следствие», измерив «до» и «после», можно сделать вывод о том, что обучение в школе приводит к изменению в сознании школьников значимости тех или иных ориентаций на ценности. Однако даже в условиях эксперимента выявленная связь не может трактоваться без учета всех возможных событий. А именно, того, что было «до» и «во время» обучения данному предмету. В нашем случае необходимо было учитывать влияние семейного экономического воспитания, содержание которого в социально-психологическом исследовании рассматривается как система экономических представлений, установок, ожиданий родителей, которая также детерминирована личностными характеристиками родителей, структурой семьи, субъективным экономическим статусом, показателями удовлетворенности уровнем материального благополучия и т. п.

В любом случае экономическое воспитание может быть рассмотрено как одно из событий, включенных в категорию «*причина*». Особый интерес в этом случае вызывает изучение характера отношений между двумя событиями причины (образование в школе и воспитание в семье), которые в одном случае могут определяться как доминирование и следование, в другом – взаимное дополнение, в третьем – параллельное, независимое друг от друга влияние.

Экономическое образование как одно из событий причины, кроме собственно знаний, умений и навыков включает и методы преподавания, которые могут опосредствовать действие причины. К *внешним факторам* в рассматриваемом случае можно отнести и межличностные отношения, сложившиеся в классе между учениками, между учениками и учителем, преподающим данный предмет, а также социально-психологический климат, атмосферу в учебной группе и т. п. Причем *сила и активность* данных факторов на разных этапах развития будет отличаться. Например, в случае с младшими школьниками взаимоотношения со сверстниками проявили себя как очень слабый внешний фактор, а их отношения с педагогом как более сильный. Поэтому если в исследовании, проведенном на младших школьниках, эти отношения носили опосредствующий характер, то в аналогичной

работе, выполненной на студентах финансово-экономического колледжа (Дробышева, 2007), отношения со сверстниками и педагогом играли роли то *внешнего фактора*, то *социально-психологической предпосылки* и имели сильное влияние на каузальную связь. Данный пример экспериментально подтверждает положение Б. Ф. Ломова о рекомбинации системы детерминант на разных этапах развития личности (Ломов, 1982, 1984, 1996).

Более подробно на примере результатов ранее опубликованного исследования, выполненного на младших школьников (Дробышева, Журавлев, 2004), можно проследить и за *характером действия детерминант*.

1. Эффект *«отсутствие динамики»* в данном исследовании был вызван сильным влиянием *внутренней детерминанты* одной из причин («экономическое воспитание в семье») – ориентациями родителей на базовые ценности (здоровье и т. п.), которые совпадали с аналогичными у детей. Они устойчивы во времени и определяют самое важное и самое неважное в жизни исследуемых школьников.

2. Эффект *«общая динамика»* обусловлен *внутренним фактором «возраст»*. Он характеризуется направленностью как на позитивные, так и на негативные изменения в ценностной структуре школьников. Это очень сильная и активная детерминанта, поскольку противостоит целенаправленному воздействию образования и воспитания как контролируемых воздействий. Конечно, кроме нее могут быть рассмотрены и другие факторы, но в данном исследовании эта работа не проводилась.

3. Эффект *«парциальная динамика» (контрольные группы)*. В данном случае рассматривались те изменения, которые были получены в группах «не обучавшихся» школьников. Результаты показали, что *внутренний фактор «возраст»* выступает здесь уже как одна из причин, вступая в связь с семейным экономическим воспитанием, которое ни по содержанию, ни по структуре детерминации в экспериментальных и контрольных группах не различалось. Можно предположить, что здесь наряду с вышеуказанными, присутствовали и другие причины, не изучаемые в нашей работе. Например, нравственное и гражданское воспитание в семье и т. п.

В качестве *внутренних факторов* рассматриваемой каузальной связи в данном случае были приняты половая принадлежность респондентов; показатели социальной активности, ценностные ориентации родителей (в контрольной группе сходства было больше, чем в экспериментальной). К данной категории факторов можно отнести и родительские установки, которые были присвоены школьниками и стали регуляторами их поведения и т. п.

Внутренней *предпосылкой* в рассматриваемом примере стал опыт школьников обращения с деньгами (планирование расходов карманных денег), который у всех детей (обучавшихся и не обучавшихся) до эксперимента был примерно одинаковый. Однако связь данной предпосылки с экономическим воспитанием была «подавлена» фактором-причиной «возраст», который продемонстрировал более сильное влияние, чем изучаемые *внешние факторы* и подчинил себе направленность воздействия. Именно этим фактом объясняется возрастание значимости соматических ЦО у не обучавшихся школьников в сравнении с обучавшимися (хорошо выглядеть, иметь красивую фигуру) и т. п.

4. Эффект *«парциальная динамика»* (экспериментальные группы) рассматривался как психологический критерий экономической социализированности школьников. При включении еще одной причины – экономическое образование – в модель, система детерминации усложнилась.

Знания и умения, которые накапливаются в сознании и реализуются в действиях в течение более длительного периода времени (в условиях семейного воспитания), составляют определенную *основу* для будущих изменений. Однако произойдут или нет эти изменения, а также направленность, характер этих изменений (динамика ЦО), зависит и от силы, целенаправленности второго события, т. е. обучения в школе. Если элементы экономического воспитания в семье будут противоречить тем знаниям экономики, которые преподаются в школе, эффект будет нивелирован, сглажен, ослаблен, а может быть, и изменен (например, вместо положительной направленности получим отрицательную динамику и т. д.). Тогда можно будет рассуждать о *конфликтных (либо противоречивых) отношениях* событий, составляющих изучаемую причину. Если же семейное экономическое воспитание усилит воздействие обучения и, соответственно, приведет к большей динамике, характеризующей эффект, то их отношения могут быть определены как *взаимодополняющие* друг друга. При этом оценка временных (длительность их существования) и других характеристик событий причины поможет выявить, что является основой изменений, а что «пусковым механизмом», являются ли они равными по силе и активности, либо одно из них занимает в иерархии более высокие позиции, в соответствии со своей значимостью.

В нашем случае стало очевидным, что экономическое воспитание в семье младших школьников подготавливает те изменения в их структуре ЦО, которые вызывает вторая причина – «экономическое образование». Поэтому можно сказать, что эти две причины связаны между собой отношениями, именуемыми как *дополнительные*. Экономическое воспитание усиливает влияние второй причи-

ны в направлении повышения значимости волевых, материальных ЦО и социальной активности как ценности. При этом возраст и пол здесь выступают как внутренние факторы, которые усиливают влияние экономического воспитания в отношении эмоциональных ЦО (как известно, с возрастом их значимость постепенно снижается). Но экономическое образование активизирует этот процесс.

Школьная успеваемость по базовому набору учебных дисциплин была представлена в работе как *общая предпосылка* к обучению основам экономических знаний. Ее влияние проявляется в интеллектуальной готовности к усвоению новой системы знаний. В качестве *специальной предпосылки* приняли жизненный опыт ребенка, включающий умения распоряжаться (планировать и тратить) карманными деньгами, бартерные отношения со сверстниками, навыки зарабатывания в семье (оплата за бытовой труд и учебную деятельность приветствуются до сих пор) и т. п.

В **заключение** следует добавить, что рассматриваемая система детерминации была бы неполной, если бы мы не сказали о том, что феномен, принимаемый как *эффект* в упомянутом исследовании, может стать в дальнейшем *причиной*, к примеру, поведения субъекта. Именно тогда мы можем утверждать, что восстанавливается двусторонняя связь между психическим и социальным миром. К примеру, изменившиеся в процессе экономического образования ценностные ориентации могут быть рассмотрены в качестве регуляторов экономического поведения или как внутренние факторы отношений субъектов в социальной среде.

Литература

- Дейнека О. С. Экономическая психология // Учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Исследование раннего экономического образования как фактора экономической социализации (на примере ценностных ориентаций) // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2004. Т. 1. С. 412–444.
- Дробышева Т. В. Экономическая социализация формирующейся личности // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития / Мат-лы межд. науч.-практ. конф. СПб., 2008. С. 116–121.
- Дробышева Т. В. Экономическое образование как фактор экономической социализации в раннем юношеском возрасте: ценностный аспект // Психология образования: подготовка кадров и просвещение / Матер. IV национальной науч.-практ. конф. М., 2007. С. 173–175.
- Журавлев А. Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 198–222.

- Корнилова Т.В.* Экспериментальная парадигма, или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 95–118.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Отв. ред. Ю. М. Забродин, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 18–30.
- Ломов Б. Ф.* Системность в психологии / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Сухорукова Н. Г.* Экономическое поведение. Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 2001.
- Хащенко В. А.* Социально-психологические детерминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 513–556.
- Шорохова Е. В.* Принцип детерминизма в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 9–56.

«ТЕЛЕАГРЕССИЯ» КАК ФАКТОР АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. С. Дронова (Киев, Украина)

Средства массовой информации на сегодняшний день выполняют не только информационные, но и педагогические функции. Но, к сожалению, учат они не только умному, доброму и вечному, часто можно отметить антигуманную направленность телепередач и радиопередач, которые пропагандируют вседозволенность, жестокость, распущенность, агрессивность. Жертвами таких программ в первую очередь становятся дети, несовершеннолетние, молодежь, чья психика еще не до конца сформировалась и является чувствительной для любого влияния извне, особенно со стороны телевидения. Например, многие телепрограммы несут в себе скрытое сообщение того, что насилие – это допустимое поведение, которое ведет к успеху и популярности. Некоторые несовершеннолетние «воспринимают» это сообщение как уменьшение сдержанности, которая препятствует выходу враждебных ощущений во внешнюю среду.

В США программы, которые подстрекают насилие, занимают приблизительно 200 телевизионных часов на неделю. 81% всех программ демонстрируют сцены насилия, которые часто далеки от реальности. Например, 73% телевизионных героев, которые практикуют насильственные действия, остаются ненаказанными, и 58% актов насилия ни-

кому не наносят страданий и увечий. Лишь 16% всех программ демонстрируют некоторые реальные долговременные последствия насилия.

Для детских программ этот показатель снижается до 5%. Как продемонстрировали исследования А. Бандуры, посвященные проблемам копирования и подражания: несовершеннолетние могут научиться новым для себя агрессивным действиям, наблюдая насилие и агрессивное поведение других. В любом случае они становятся более склонными действовать агрессивно. Дети не всегда могут разобраться в телевизионной интриге.

Проблеме влияния телевидения на агрессивность личности в настоящее время посвящено большое количество научных работ. На наш взгляд, представляют интерес эксперименты А. Бандуры.

Детям показывали фильм, герой которого проявлял вербальную (языковую) агрессию. Дальше в одном случае он был наказан, в другом – вознаграждался, в третьем – его поведение не вызывало никакой реакции. После этого детей ставили в ситуацию, которая предоставляла им возможность воспроизвести поведение, которое они наблюдали. В тех случаях, когда киногерой одобрялся, подражание имело место чаще, чем тогда, когда он наказывался. Потом увиденное в фильме поведение детям предложили воспроизвести как можно точнее и обещали вознаграждение за это. И дети, которые перед этим сдерживались от подражания агрессивному поведению образца (модели), в этом случае получили максимальные показатели. Это свидетельствует о достаточном усвоении и включении в репертуар потенциальных действий данной формы агрессивного поведения. Следует отметить, что мальчики проявляли большую готовность «наследовать» поведение агрессивного персонажа, чем девочки.

Любители агрессивного жанра телевидения на Украине составляют приблизительно 40%. Большую часть аудитории составляют несовершеннолетние и дети младшего школьного возраста. Такой высокий рейтинг фильмов ужасов и боевиков вызывает ярое сопротивление со стороны взрослых, но нельзя забывать, что именно взрослые подают пример подрастающему поколению.

Еще один эффект телевизионного насилия состоит в том, что оно уменьшает чувствительность к сценам насилия. Как скажет всякий, кто присутствовал при уличных беспорядках или нападениях, телевизионное насилие «стерилизованное» и нереалистичное, а реальное насилие очень грубое, жестокое и отвратительное. И даже когда оно демонстрируется достаточно правдоподобно, телевизионное насилие предстает перед нами на экране, когда мы находимся в спокойной домашней среде.

Для некоторых зрителей такие обстоятельства приводят к ослаблению эмоциональных реакций на сцены насилия. Когда В. Клайн и его

коллеги демонстрировали группе мальчиков записанную на пленку сцену кровавой драки, они выяснили, что «заядлые» телезрители (которые сидят перед телевизором в среднем 42 часа на неделю) проявляют меньше эмоций, чем те, кто редко смотрит телевизор, или совсем его не смотрит.

Согласно теории социального научения, «агрессия порождает агрессию». Другими словами, зрелище спортивного боя или телевизионного насилия может увеличивать склонность к агрессии, вместо того чтобы обеспечить отток для агрессивных склонностей. Этот факт подтверждается исследованиями психолога Л. Ерона, который проследил жизнь 600 чел. в течение 22 лет, с детства до зрелого возраста. Он отметил, что одним из наилучших показателей того, насколько агрессивным будет несовершеннолетний в возрасте 19 лет, оказался уровень насилия в телевизионных передачах, которые он любил смотреть в 8 лет.

Установлено, что зрители, которые смотрят передачи, содержащие насилие, выделяются более агрессивными мыслями, а агрессивные мысли предшествуют агрессивным действиям. Таким образом, раскручивание спирали агрессии можно остановить, если мы не будем так часто изображать, вознаграждать и воспевать агрессивное поведение.

Литература

- Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 1999.
- Берковиц Л. Агрессия: Причины, последствия, контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Влияние средств массовой коммуникации на интересы детей и молодежи // Сб. науч. трудов. М.: НИИОП, 1989.
- Кун Д. Все тайны поведения человека. СПб., 2003.
- Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование // Сб. науч. трудов. М., 1990.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. А. Журавлева (Москва)

В современном российском обществе большой научный интерес представляет изучение новых тенденций в ценностных ориентациях людей. Формирование различных подструктур сознания личнос-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00 530а.

ти, в том числе и ценностной, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых человек осуществляет свою жизнедеятельность. Поэтому, когда преобразуется общество, ценностные ориентации личности и различных социальных групп в целом закономерно трансформируются

С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что «объективные отношения, в которые включается человек, определяют его субъективное отношение к окружающему, выражающееся в его стремлениях, склонностях и т. д. Эти последние, сложившиеся под воздействием внешних условий, в свою очередь опосредствуют зависимость поведения, деятельность людей от внешних условий, от объективных отношений, в которых живет человек» (Рубинштейн, 1957, с. 227–228). «Объективные отношения обстоятельство раскрываются, преломляются через внутренние закономерности субъекта, через его способ видения, восприятия этих обстоятельств, через систему субъективных отношений человека» (Шорохова, 1976, с. 19). Как пишет Е. В. Шорохова, «основная задача психологической науки, основная линия психологического исследования заключается в раскрытии внутренних психологических условий, опосредствующих психологический эффект внешних воздействий на субъекта» (Шорохова, 1976, с. 17).

Когда трансформируются социально-экономические условия, то люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде. На основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей. В итоге в условиях преобразования общества появляются новые социальные нормы и ценности, правила и образцы социального поведения, изменяются социальные представления, отношения, ожидания и идеалы, на которые личность и разные социальные группы начинают ориентироваться, по-другому их оценивают.

Ценностное сознание молодежи, которое формировалось в условиях интенсивных социально-экономических преобразований в российском обществе, подвергалось радикальным изменениям (Козлов и др., 1993; Попова, 1994). Наиболее активно личностное самоопределение в различных жизненно важных сферах (образовании, будущей профессиональной деятельности, семейной жизни, культуре, политике и т. д.) начинается в старшем школьном возрасте и продолжается в период ранней зрелости (Бобнева, Дорофеев, 1997; Бубнова, 1998; Дырин, Чичаева, 1999; Леонтьев, 1998; Собкин, 1997). Именно на данном возрастном этапе развития происходит интенсивное формирование собственных взглядов, убеждений, системы идеалов, ценностей

и ориентаций в жизни каждого человека. В это время складывается система устойчивых взглядов на мир и свое место в нем – мировоззрение, осуществляется выбор жизненного пути, что в целом составляет основу направленности личности, ее ценностных ориентаций. В силу возрастных психологических особенностей развивающейся личности, данная система еще недостаточно стабильна, поэтому специфические условия социального бытия в период радикальных социально-экономических трансформаций в 1990-е годы за счет изменения социальной ситуации развития личности не могли не сказаться на формировании ценностной подструктуры сознания молодежи.

В нашем исследовании принимали участие школьники 10–11-х классов г. Москвы и студенты московских высших учебных заведений. На разных этапах исследование выполнялось на строго сопоставимых разнородных выборках, которые уравнивались по полу, возрасту, представительству от классов и курсов обучения, овладеваемым профессиям, числу учащихся от того или иного учебного заведения. Исследовательские «срезы» осуществлялись каждые 2–3 года в течение 12 лет: в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 гг. Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный В. А. Ядовым вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации».

Динамика ценностных ориентаций студентов в условиях социально-экономических изменений. По сравнению с серединой 1990-х годов (1994 г. и 1997 г.) в начале XXI в. (2006 г.) более выраженными стали ориентации студентов на социальную ответственность: более значимой с 2003 г. стала ценность семьи (с 4-го места она передвинулась на 2-ое) и с 2006 г. – собственно ответственность (с 10-го на 5-ое место). В структуре жизненных приоритетов студентов возросла значимость экономических и прагматических ценностей: материальной обеспеченности (с 7-го места она переместилась на 5-ое), предприимчивости (с 11-го на 3-ое место), эффективности в делах (с 13-го на 10-ое место), богатства (с 14-го на 9-ое место) и собственности (с 18-го на 17-ое место). Более низкие ранговые позиции в иерархии ценностных ориентаций студентов стали занимать этические ценности: честность (с 3-го на 4-ое место), самоконтроль (с 5-го на 8-ое место) и воспитанность (с 6-го на 12-ое место). Менее значимой, по сравнению с серединой 1990-х годов, для студентов стала творческая самореализация: ценность творчества с 8-го места переместилась на 13-ое, широта взглядов – с 9-го на 14-ое место. Снизился и ранговый «вес» ценностей самоутверждения: независимости (с 4-го на 6-ое место) и красоты (с 12-го на 14-ое место).

Таким образом, можно констатировать происшедшее за последнее десятилетие смещение акцентов в ценностном сознании студентов

с направленности на творческую самореализацию и этические ценности к ориентации на социальную ответственность, экономические и прагматические ценности.

Особое внимание привлекает тот факт, что в 2003–2006-х годах, по сравнению с 2001 г., впервые зафиксировано существенное снижение значимости группы ценностей, «вес» которых для студентов постоянно возрастал с 1994 по 2001 г. Так, в 2003 г. достоверно снизился ранговый «вес» ценности образованности, но сохранилось 1-е место, менее значимыми стали ценности социально-психологического комфорта: любовь, как и в 1997 г., вновь стала 3-й по значимости, уверенность в себе с 5–7-ых ранговых позиций переместилась на 8-ую, жизнерадостность – с 6–7-ых ранговых мест – на 11-е. В условиях экономического роста аналогичная тенденция характеризовала и ряд ценностей экономической активности, значимость которых для студентов до 2001 г. возрастала. К 2003–2006 гг. значимость эффективности в делах с высокого 5-го рангового места переместилась на 10–11-е, значимость инструментальных ценностей богатства и собственности снизилась соответственно с 9-го на 13-е и с 12-го на 18-е место. От «среза» к «срезу» все большую значимость для студентов продолжает приобретать терминальная ценность богатства. Высокое – 3-е ранговое место по-прежнему сохраняет значимость предприимчивости.

В свою очередь, в 2003 г. в ценностном сознании студентов возросла значимость целого ряда ценностей, которые в период 1994–2001 годов становились менее значимыми для них. К 2003 г. большую значимость приобрели ориентации студентов на честность (с 11-го на 4-е место), воспитанность (с 18-го на 12–13-е места) и активную жизнь (с 14-го на 9-е место). К 2006 г. вновь возрос приоритет ценности здоровья, достигнув уровня 1997 г., при этом сохранилось 1-ое ранговое место, и творчество с 15-го места переместилось вновь, как и в 2001 г., на 13-е. Относительно низкие ранговые места в иерархии ценностных ориентаций студентов по-прежнему сохраняют ценности широты взглядов и самоконтроля.

Обнаруженный в 2003–2006 гг. поворот в динамике ценностных ориентаций студентов, имевшей место с первой половины 1990-х годов и в начале XXI в., свидетельствует о некоторой переоценке системы ценностей, существовавшей на протяжении 8 лет. В результатах эмпирических «срезов» 2003–2006 гг. выявлена тенденция переосмысления (некоторого снижения) значимости прагматических ценностей и ценностей социально-психологического комфорта и возвращения к более выраженной ориентации личности на самореализацию (творчество), активный образ жизни (здоровье, активную жизнь) и этические ценности (честность, воспитанность, терпимость).

По результатам исследования, в периоды после острых социально-экономических кризисов (после 1992–1993 гг. – «срез» 1994 г. и после 1998 г. – «срез» 1999 г.), по сравнению с периодами относительной стабилизации социально-экономических условий жизнедеятельности (1997 и 2001–2006 гг.) структура ценностных ориентаций студентов меняется. В периоды смены относительно стабильных социально-экономических условий жизнедеятельности острым социально-экономическим кризисом возрастает значимость первого комплекса ценностей, в который входят ценности деловой и экономической активности: материальной обеспеченности (с 7-го места она перемещается на 5-е), работы (с 8-го на 6-е место), а также ценности, способствующие эффективному достижению жизненных целей: твердой воли (с 10-го на 3-е место) и мудрости (с 12-го на 9-е место). Полученные данные можно объяснить резким снижением уровня материального благосостояния студентов в условиях экономического кризиса в обществе, необходимостью совмещать учебу с работой.

В кризисных социально-экономических условиях в ценностном сознании студентов формируется и второй комплекс ценностей: снижается значимость ориентаций личности на активное проведение досуга: общение с друзьями (со 2-го на 4-е место) и развлечения (с 10-го на 16-е место), а также личную свободу и самоутверждение: независимость (со 2-го на 5-е место), свободу (с 5-го на 8-е место), смелость в отстаивании взглядов (с 8-го на 12-е место) и непримиримость к недостаткам в себе и других (19-е место). Соответственно, в условиях относительной социально-экономической стабилизации ранговый «вес» данных ценностей повышается. Этот факт, по-видимому, связан с увеличением свободного времени для досуга, общения с друзьями и развлечений, с одной стороны, и благоприятными условиями для самоутверждения, – с другой. В периоды радикального реформирования экономики резко снижается значимость для студентов группы этических ценностей: честности (с 3-го на 11-е место) и терпимости (с 5-го на 14-е место).

Таким образом, динамика ценностных приоритетов студентов в условиях экономической дестабилизации в обществе характеризуется переходом от направленности на этические ценности, общение, самоутверждение (типичной для данной возрастной и социальной группы) к направленности на экономическую и деловую активность, к твердости воли и мудрости в принятии решений (свойственным более старшим по возрасту и работающим социальным группам).

Динамика ценностных ориентаций старших школьников в условиях социально-экономических изменений. С 1997 г. от «среза» к «срезу» в ценностном сознании старших школьников продолжает повышаться ранговый «вес» смелости в отстаивании взглядов: с 9-го

до 2-го места. В 90-е годы динамикой возрастания значимости характеризовались ценности семьи (с 4-го на 2-е место) и материальной обеспеченности (с 8-го на 5-е место). Ценность семьи к 2006 г. осталась на 2-й ранговой позиции, а значимость материальной обеспеченности в 2003–2006 гг. несколько снизилась, хотя и сохранила 5-ую ранговую позицию. В период с 1994 по 2003 г. от «среза» к «срезу» все большую значимость для старших школьников приобретали ориентации на ценности ответственности (с 11-го на 3-е место) и предприимчивости (с 13-го на 9-ое место). В 2006 г. была выявлена выраженная тенденция снижения их значимости соответственно до 9-го и 12-го мест. Дважды – в 1997 г. и 2003 г. возрастанием своей значимости характеризовалась ценность работы. К 1997 г. в структуре жизненных целей старшеклассников она переместилась с 10-й ранговой позиции на 6-ю, а позднее – на 5-ю, но в 2006 г. ее значимость вновь снизилась до 8-й строчки в ряду терминальных ценностей. На протяжении 1994–2001 гг. приоритетное положение в иерархии ценностных ориентаций постепенно стала занимать ценность красоты (с 15-го места она передвинулась на 8-е), а в 2003 г. ее значимость вновь снизилась до 12-го рангового места. К 2003 г. большую значимость для старших школьников приобрела ценность эффективности в делах, став 10-й по рангу, а в 2006 г. вновь вернулась на 13-е ранговое место.

От «среза» к «срезу» в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижался вес группы альтруистических ценностей: любви (со 2-го на 4-е место) и чуткости (с 14-го на 18-е место). С 1997 г. менее значимыми для представителей данной социальной группы стали ценности независимости (она переместилась со 2-го рангового места на 4-е) и воспитанности (ее значимость снизилась с 6-го до 11-го места). Если к 2006 г. в структуре ценностных ориентаций старшеклассников ранг независимости не изменился, то ранговый «вес» воспитанности вновь вырос до 5-го места.

В период с 1994 по 2003 г. в структуре ценностных ориентаций этой возрастной группы от «среза» к «срезу» снижался ранг терминальных ценностей счастья других и мудрости. С 11-го места «счастье других» переместилось на 15-е место, а значимость мудрости с 6-ой ранговой позиции снизилась до 13-й. К 2006 г. в ценностном сознании старшеклассников был зафиксирован рост значимости этих ценностей – они переместились соответственно на 9-ю и 10-ю строчки в ряду терминальных ценностей. В период 1994–2001 гг. в иерархии ценностных приоритетов старшеклассников теряла приоритет и инструментальная ценность жизнерадостности, переместившись с 5-го на 10-е место, а в 2003 г. она вновь, как и в 1997 г., заняла достаточно высокое 6-е ранговое место. С 1994 по 1999 г. в ценностном сознании

старших школьников происходило снижение значимости ценности самоконтроля с 8-го до 12-го места, а в 2003–2006 гг. ее ранговый «вес» снова возрос до 10-го ранга.

Таким образом, за последнее десятилетие в структуре жизненных приоритетов старшеклассников произошел переход от направленности на самоутверждение (независимость, мудрость) и альтруистические ценности (любовь, чуткость) к направленности на социальную ответственность (семью и собственно ответственность), экономическую активность и прагматические ценности (материальную обеспеченность, предприимчивость, смелость в отстаивании взглядов).

Специально следует выделить те ценности, значимость которых однонаправленно изменялась для старших школьников в 1994–2001 гг., а в период экономического роста в 2003–2006 гг. стала возвращаться к степени значимости, характерной для середины 1990-х годов. В ценностном сознании старшеклассников зафиксировано возвращение более высокой значимости этических ценностей (счастья других, самоконтроля, воспитанности), мудрости и жизнерадостности. При этом несколько снизился приоритет ценностей деловой и экономической активности (работы, ответственности, материальной обеспеченности, эффективности в делах) и ценности красоты.

В условиях после острого социально-экономического кризиса (после 1992–93 гг. – «срез» 1994 г. и после 1998 г. – «срез» 1999 г.) в структуре ценностных ориентаций старших школьников, возрастает значимость первого комплекса ценностей, в который входит группа волевых ценностей: твердой воли (с 3-го места она переместилась на 2-е), терпимости (с 15-го на 4-е место) и уверенности в себе (с 9-го на 6-е место). Более значимым становится здоровье (1-е место). Кроме того, в условиях экономической дестабилизации более важную роль в иерархии ценностных приоритетов старших школьников приобретают познавательные ценности: образованность (1-е место) и собственно познание (с 18-го на 12-е место).

В периоды после острых социально-экономических кризисов в ценностном сознании старших школьников формируется и второй комплекс ценностей. Во-первых, снижается значимость ориентаций личности на самореализацию: свободу (с 4-го места она резко уходит на 9-е), активную жизнь (с 12-го на 15-е место), творчество (с 16-го места перемещается на 17-е) и широту взглядов (с 13-го на 16-е место). Во-вторых, теряет приоритет ценность активного проведения досуга: общения с друзьями (со 2-го места перемещается на 4-е) и развлечений (с 11-го на 15-е место). В-третьих, обнаруживается снижение рангового «веса» высокого материального благосостояния: богатство как терминальная ценность с 8-ой ранговой позиции передвигается

на 10-ю, как инструментальная ценность – с 5-й на 11-ю строчку, собственность как терминальная ценность с 17-го места перемещается на 18-е и как инструментальная ценность – с 15-го на 18-е место.

Оценивая в целом выявленные тенденции, можно говорить о том, что в условиях экономического кризиса в обществе происходит замещение характерной для данной возрастной группы направленности на общение, активную жизнь и самореализацию (свободу и творчество) ориентацией на получение образования, поддержание «жизненного тонуса» (здоровье, уверенность в себе) и волевую самоорганизацию, свойственной более старшим возрастным группам людей.

Следует отметить, что структура ценностных ориентаций студентов по сравнению со старшеклассниками в условиях экономической дестабилизации в обществе оказалась менее динамичной. Этот факт можно объяснить тем, что структура их ценностных приоритетов является в большей степени сформированной и, соответственно, более устойчивой, по сравнению с иерархией ценностных ориентаций учащихся старших классов.

Литература

- Бобнева М. И., Дорофеев Е. Д.* Изменение ценностных систем личности в период преобразования общества // Ценностное сознание личности в период преобразования общества. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Бубнова С. С.* Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Дырин С. П., Чичаева И. И.* Проблемы формирования профессиональных ценностей у студентов управленческих специальностей // Социально-психологические проблемы образования: ценностно-мотивационный аспект. Казань, 1999.
- Козлов А. А., Гришина Е. А., Ильинский И. М.* Ценностные ориентации молодежи // Молодежь России: тенденции, перспективы. М.: Молодая гвардия, 1993.
- Леонтьев Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
- Попова И. В.* Тенденции изменений ценностных ориентаций старшеклассников в условиях реформ 1990–1993 гг. (на примере Костром. обл.): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.
- Собкин В. С.* Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте: Автореф. докт. дис. в виде научн. докл. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Шорохова Е. В.* Социальная детерминация поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Н. В. Иванова (Курск)

Отечественные и зарубежные психологи изучали и продолжают активно изучать проблему целеполагания, функциональную роль этого явления в развитии личности, и его зависимость от внутренних и внешних факторов. Цели реализуются в деятельности и являются отражением внутреннего мира человека, но цели детерминированы и условиями самой жизнедеятельности общества.

Особая заслуга в разработке принципа детерминации в психологии принадлежит С.Л. Рубинштейну. Определяя суть детерминации психического через диалектику внешних и внутренних условий, С.Л. Рубинштейн делал акцент на внутреннем опосредовании внешних воздействий: «Результат любого воздействия на явление или предмет зависит не только от явления или тела, на него воздействующего, но и от природы, от собственных внутренних свойств того предмета или явления, на которое это воздействие оказывается» (Рубинштейн, 2000, с. 11).

Как отмечали К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский, при такой трактовке не только внешнее выступает в качестве определяющих причин, но и выявляется роль причин внутренних, а также роль самопричинения, самодвижения (Абульханова-Славская, 2001; Брушлинский, 1991).

С.Л. Рубинштейн не только разработал понятие внутреннего для психических явлений, но и выдвинул принцип детерминизма как принцип качественно усложняющихся зависимостей внешнего и внутреннего на разных уровнях бытия. Уточняя положения о диалектике внешнего и внутреннего, С.Л. Рубинштейн считал, что во всех случаях приходится иметь дело с единством или взаимосвязью внешних и внутренних условий, но роль как внутренних, так и внешних условий может быть различной. В одних случаях действующие причины лежат вовне: внутренние свойства явления или тела, на которое они воздействуют, образуют лишь условия, опосредующие действие внешних причин и модифицирующие эффект их воздействия в пределах, допускаемых этими причинами. В других случаях, наоборот, внешние причины являются лишь условиями изменений, происходящих в силу внутренних противоречий, заключенных в самих изменяющихся вещах или явлениях (Рубинштейн, 2000, с. 147).

Среди детерминант жизнедеятельности людей С.Л. Рубинштейн различает внешние обстоятельства, среду, в которой протекает их жизнь и деятельность, и собственно условия жизни. Активность,

избирательность человека как субъекта жизни объективно проявляется в выделении им из среды в качестве условий жизни того, что «отвечает требованиям, которые объективно предъявляет к условиям своей жизни человек в силу своей природы, своих свойств, уже сложившихся в ходе жизни» (Рубинштейн, 2000, с. 65).

Изменяются условия жизни человека, следовательно, изменяются потребности, интересы, желания человека, преобразуются ценностные и целевые ориентации, и как итог – поведение. В. Франкл рассматривал цели человека как врожденную мотивационную тенденцию, основной двигатель поведения и развития человека, путь к его самоактуализации и реализации себя (Франкл, 1990).

Поставленная и осознаваемая цель является ключом к пониманию направления деятельности личности, отражает ее внутренний мир и отношение к внешнему. Это особенно актуально в условиях современной нестабильной ситуации в стране и слабой социальной защищенности молодежи. Кризисные моменты, связанные со значительными изменениями во всех сферах современного общества, не могли не отразиться на ценностных ориентациях современной молодежи, в том числе и на ее элите – студенчестве. Исследования современных ученых свидетельствуют о значительной неустойчивости моральных критериев, неуверенности в завтрашнем дне, потере интереса к духовным ценностям у студентов, в то время как молодость – время построения глобальных жизненных планов и долгосрочных перспектив.

Данная работа является продолжением цикла исследований по данной тематике, и своей целью мы видим изучение характера приоритетных целей современной молодежи, их анализ по гендерному признаку и профессиональной принадлежности.

Исследование было проведено в 2008/2009 учебном году среди студентов факультета иностранных языков 3–5 курсов КГУ в составе 205 чел. (183 девушки и 22 юноши) и среди студентов машиностроительного факультета 4 курса КГТУ в составе 215 чел., из которых 14 девушек и 201 юноша. Для проведения исследования нами были выбраны студенты двух вузов, так как их состав полностью удовлетворяет цели нашей работы: дифференциации по половому признаку и профессиональной принадлежности. Была применена авторская методика, разработанная на основе опросника И. Г. Дубова по изучению целей больших социальных и половозрастных групп (Дубов, 2002). Методика направлена на выявление приоритетных целей молодежи, а также отношений между основными категориями ценностей: критерии удовлетворенностью рабочим местом (высокая заработная плата, личностный интерес, возможность карьерного роста), любовь

или материальная обеспеченность, приобретение статусной вещи или возможность получения 2-го образования, получение 2-го образования или создание семьи.

На первом этапе исследования студентам было предложено выбрать из 14 позиций наиболее приоритетные для них на данный момент (от 1 до 5 пунктов).

Результаты показали, что наиболее значимой целью большинства студентов является получение высшего образования (82%), так как учеба в вузе для них является основным видом деятельности, которая требует больших затрат сил и средств. Это подтверждает тенденцию к повышению ценности образования в современном обществе. Мы наблюдаем, что среди опрошенных представителей КГТУ большее количество тех, кто не считает получение высшего образования жизненной необходимостью (КГУ – 90%, КГТУ – 76%). Мы объясняем этот результат неудовлетворенностью выбранной профессией, неверием в возможности применения полученных в вузе знаний на рабочем месте. Многие студенты КГТУ уже имеют опыт работы и вполне удовлетворены ее результатами и рассматривают обучение скорее как препятствие, отнимающее массу времени и сил.

Второй целью является устройство на работу (76%). Юноши и девушки стремятся к самореализации, приобщению к миру взрослых, долгожданной независимости, проверке себя, применению накопленного ими опыта, приобретенных знаний, умений, навыков. Студенты КГУ в большей степени (87%) озабочены поисками рабочего места. Мы объясняем это нежеланием работать по специальности, но сфера применения полученных знаний не столь широка, насколько велики затраченные силы на ее получение. Кроме того, многие студенты КГТУ уже работали или сейчас продолжают работать и поэтому не видят трудности в поисках работы.

На третьем и четвертом местах оказались пункты «повысить свою конкурентоспособность» (54%) и «получить 2-е образование» (46%). Этот выбор также является характерной чертой данной возрастной категории и современного состояния общества. Юноши и девушки активно и сознательно заняты своим самообразованием, что свидетельствует о развитии личности, становлении индивидуальности. Данный факт отображает современную ситуацию на рынке труда: наличие одного лишь высшего образования сейчас не является редкостью, и кроме крепких специальных знаний необходимо обладать массой дополнительных умений, навыков, чтобы увеличить свою ценность как работника и обеспечить профессиональное продвижение. По этому пункту также опережают студенты факультета иностранных языков (60%). Мы это объясняем их неуверенностью в том, что по-

лучаемая специальность может принести весомый материальный доход. Кроме того, в настоящее время знание иностранного языка не является редкостью, а скорее рассматривается как немаловажное, престижное, но не основное условие удачного трудоустройства.

Пятое по значимости место занимает цель – «найти свою настоящую любовь» (43%). Молодость – время любви и наибольшей половой активности. Перед юношами и девушками стоит задача выбора спутника жизни и создания семьи.

На шестом и седьмом местах находятся цели «приобрести машину» (32%), «приобрести квартиру» (25%). Как уже было сказано выше, наличие автомобиля является нормой современной жизни, количество автолюбителей возрастает с каждым годом, а их возраст снижается. Приобретение машины и ее качество является критерием успешности и социального статуса. Наличие отдельной жилплощади отражает желание отделиться от родителей, построить собственную семью, войти в мир взрослых.

Восьмое место (17%) занимает цель «найти хороших верных друзей». Мы предполагаем, что опрошенные молодые люди в силу различных причин не удовлетворены качеством своего общения с окружающими.

9 место поделили цели «уехать работать за границу по контракту» (10%) и «стать знаменитым» (11%). Мы можем сделать выводы о личностных характеристиках данных юношей и девушек, таких как амбициозность, целеустремленность, высокая самооценка. Уехать работать за границу по контракту обозначают своей целью 27% студентов факультета иностранных языков и 8% – машиностроительного. Мы полагаем, что решающую роль в этом выборе сыграла специфика профессии. Изучение языка не могло не развить у студентов интерес к иностранной культуре. Кроме того, многие студенты КГУ в поездке за границу видят единственный шанс применить свои знания иностранного языка для заработка. Но, что примечательно, 10 место занимает цель «навсегда уехать за границу» (10%) и среди них нет ни одного студента факультета иностранных языков. Мы объясняем этот факт тем, что молодые люди за границей видят перспективу только кратковременной занятости, которая позволит им заработать значительную (по российским меркам) сумму денег. Студенты КГУ понимают, что они не обладают какими-либо уникальными или востребованными на рынке труда других стран знаниями, в то время как у студентов КГТУ есть повод позавидовать своим иностранным коллегам, престиж профессии инженера все возрастает.

На втором этапе нашего исследования студентам были предложены сравнительные ситуации с целью определения отношений

между приоритетными целями. В методике представлены 4 ситуации, каждая из которых предполагает осуществление выбора.

При выборе приоритетов между интересной, высокооплачиваемой работой или предполагающей карьерный рост, были получены следующие результаты: 43% студентов дадут согласие на высокооплачиваемую работу; 30% – выберут интересную работу; 27% – предпочтут работу, предполагающую карьерный рост. Можно сделать вывод об устойчивой тенденции к заинтересованности, прежде всего, оплатой труда, нежели моральным удовлетворением в процессе деятельности и перспективами карьерного роста. Но здесь мы не можем говорить о подавляющем большинстве, так как разница между лидером и двумя другими критериями находится в пределах 15%.

Таким образом, несмотря на тот факт, что цель «получить 2-е образование» занимает 4 позицию, а «приобретение машины» – 7, юноши и девушки не упустят возможности купить желанную вещь, пожертвовав возможностью получить дополнительное образование. Опрошенные стремятся к приобретению материальных предметов как доказательства своей обеспеченности и определенного статуса.

В ситуации выбора между созданием семьи и получением 2-го образования чуть больше половины (53%) юношей КГТУ и 73% девушек КГУ предпочтут первое.

Данный результат доказывает, что хотя и создание семьи и получение 2-го образования входит в число лидирующих целей, на данном отрезке жизни и по результатам первой части нашего исследования занимают 4 позицию, все же в ситуации выбора студенты скорее предпочтут создание семьи.

Таким образом, можно отметить у современных студентов устойчивую тенденцию к практичности жизненных целей: основная часть ориентирована на обретение материальных ценностей в качестве значимых атрибутов успеха. При этом получение профессии и дополнительных знаний, умений и навыков расценивается как необходимые условия для достижения материального благополучия. Эта тенденция прослеживается как среди юношей, так и среди девушек. У девушек обнаруживается устойчивое стремление к эмансипации; достижение собственной материальной независимости и достатка; более того, они готовы отказаться от сложившихся личных отношений в пользу перспектив заработка. Стремление к саморазвитию и поиску своего места в обществе является характерной чертой данной возрастной категории. Юноши и девушки активно участвуют в различных мероприятиях и общественной жизни учебного заведения и региона, заинтересованно относятся к политическим и экономическим преобразованиям общества, но стремления дружить, создавать семью обесцениваются.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Субъект действия, взаимодействия, познания // Психологические, философские, социокультурные аспекты. М.: Моск. психолого-социальный ин-тут, Воронеж: МОДЭК, 2001. С. 36–53.
- Брушлинский А. В. Проблема субъекта в психологической науке // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 6. С. 3–11.
- Дубов И. Г. Психология больших групп. М., 2002.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / Под. ред. Д. А. Леонтьева, Л. Я. Гозмана. М., 1990.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЗДОМНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. Ю. Клюева (Москва)

Существует достаточно большое количество исследований, посвященных проблемам бездомного человека, однако фактически все они сводятся к изучению детерминант данного феномена и носят больше социологический характер. Личность же бездомного почти не затронута исследованиями. Однако именно данной теме следовало бы уделять более пристальное внимание для более успешной реабилитации этой части населения.

Под *бездомным* понимается человек, потерявший жилье и находящийся во взаимодействии с такими же, как он, людьми. То есть это человек, переживший некоторый кризис в жизни, вследствие которого он потерял жилье или возможность проживания в нем, а также утративший прежние социальные связи, и который, попав на улицу, обрел новые. Попадая на улицу, теряя прежние социальные связи и обретая новые, бездомный человек как бы «рождается» в совершенно другом обществе, где контакты с «прежним» социумом минимальны. Он интериоризирует ценности, традиции и смыслы этого «нового» для него общества, приобщается к нему, вырабатывая определенное отношение к этому новому миру, формируя новое отношение к самому себе и другим людям. То есть человек вступает в новые взаимоотношения с новым социумом и по-новому определяет себя в нем. И все взаимодействие в *системе «человек – человеческий мир»* приобретает качества взаимных отношений людей друг к другу, отношения индивида к себе и его отношения к миру (Старовойтенко, 2007).

Анализ исследований, посвященных проблемам бездомных людей, позволил выделить два их класса. Это, во-первых, исследования, направленные на изучение того, как человек входит в социальную

среду бездомности, адаптируется к ней, интериоризирует ценности, смыслы и традиции данной субкультуры, принимает социальный статус «неприкасаемого» (например, работы Е. М. Бабосова, К. Муздыбаева, благотворительной организации «Ночлежка» (С.-Петербург)). Во-вторых, исследования, посвященные людям, уже попавшим на улицу и живущим на ней некоторое время (С. А. Стивенсон, Ш. Браун, И. Ю. Дьяконов, М. Л. Бутовская).

Исходя из вышесказанного, основной целью нашей работы явилось изучение личности бездомного человека в контексте отношения к себе, своей жизненной ситуации и другим людям. Изначально выдвинуто предположение о том, что существуют некоторые качества личности, присущие всем бездомным людям. В процессе исследования были поставлены задачи определения отношения бездомного человека к самому себе и своей жизненной ситуации, к другим людям и социуму в целом, а также выявления смысловых ориентаций и отношения бездомных людей к своему прошлому, настоящему и будущему.

Для характеристики выборки исследования важен тот факт, что бездомные – это, как правило, мужчины, женщин среди них лишь 12% (в данном исследовании женщины участия не принимали). Все они изначально имели жилье, однако вследствие какого-либо кризиса в жизни они его утратили.

В работе использовано четыре методики исследования:

- 1) тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева был применен с целью определения смысла жизни, как врожденной мотивационной тенденции личности (В. Франкл), а также для того, чтобы выявить отношение бездомных людей к обществу и к своему «авторству» над жизнью, к жизни как процессу, к ее результатам и перспективам;
- 2) методика неоконченных предложений В. Б. Ольшанского направлена на оценку различных сторон личности бездомного в контексте отношений: жизненные ориентации, отношение к обществу в целом и отношение к значимым другим;
- 3) методика «Оценивание пятилетних интервалов» А. Кроника позволила оценить отношение бездомного человека к своей жизни, к ее прошлому, настоящему и будущему, подсчитать коэффициент реализованности жизни и психологический возраст;
- 4) групповая и индивидуальная беседа с респондентами проводилась на заключительном этапе исследования с целью обсуждения полученных результатов, т. е. бездомные люди говорили о других бездомных людях.

Результаты исследования. С помощью *теста смысловых ориентаций* Д. А. Леонтьева обследован 21 бездомный человек. В целом установлены следующие общие моменты: бездомные не считают, что управляют своей жизнью; повседневные дела не приносят им удовольствия; 90% обследованных не удалось найти интересных целей и признания в жизни; только 15% считают себя целеустремленными; бездомные полагают, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор, однако не относят это к себе; чаще всего окружающий мир приводит их в растерянность и беспокойство; бездомные «построили бы свою жизнь иначе, если бы была возможность»; бездомным «не скучно, их жизнь волнующая и захватывающая»; большинство имеют некоторые цели и намерения, им жизнь представляется осмысленной, целеустремленной; «жизнь их не сложилась так, как они мечтали»; большинство признают, что не добились успехов в осуществлении своих жизненных планов.

По методике «Неоконченные предложения» было опрошено 34 чел. В первом блоке вопросов, связанных с жизненными ориентациями, каждый человек (без исключения) хоть в одном ответе упомянул деньги: «Главная проблема лично моей жизни... отсутствие необходимых финансовых возможностей»; «Мои повседневные проблемы... работа, деньги, сигареты»; «Мои повседневные проблемы... финансовые»...

Также были выделены такие проблемы, как алкоголь, игромания, отсутствие работы и документов – это и есть весь спектр целей, к которым стремится человек из этой среды. Некоторые (15%) из опрошенных также выделили как свои основные проблемы качества характера людей, такие как непонимание, либо свои личные качества.

Представление об обществе также показывает стремление бездомных к деньгам. Все, за исключением 8 чел., ответили, что люди делятся на «богатых и бедных», «плохих и хороших», «москвичей и приезжих». Отношения между людьми, по мнению бездомных, определяются как «натянутые, меркантильные, финансовые». Представляют, на наш взгляд, интерес несколько ответов, указывающих на стыд за собственный социальный статус, например: «Люди добры ко мне ... пока не узнают, что я бомж».

Методика «Оценивание пятилетних интервалов» проведена на 23 бездомных людях. Всем предлагалось заполнить таблицу, после чего рассчитывался психологический возраст и процент реализованности жизни. После этого совместно с бездомными были нарисованы графики жизни каждого присутствующего, проведен сравнительный анализ. После расчета показателя реализованности все респонденты были разделены на две группы. В первую группу вошли респонденты в возрасте 45–55 лет с высокими показателями реализованности – от 85

до 98%. Вторая группа с очень низким процентом реализованности (18–39%) – это люди в возрасте от 40 до 56 лет. 4 чел. имели средние значения (50–60%) показателя реализованности.

Анализ психологического возраста респондентов показал, что 10 чел. имеют психологический возраст на 10–13 лет меньше своего биологического, а 4 чел. на 6–8 лет больше. У остальных опрошенных значимых различий не выявлено.

В *индивидуальной беседе* приняли участие 4 бездомных человека, устроившихся работать в социальную гостиницу в качестве дворников, а также 2 человека, временно в ней проживающих, стаж бездомности которых более 1 года. Результаты беседы показали, что бездомные люди считают, что у них нет стимула вернуться обратно в общество и нет для этого социальных навыков. Существуют заметные различия между людьми, живущими на улице и проживающими в социальных учреждениях. Это проявляется в поведении, взаимодействии с другими людьми и ценностных ориентациях. Все опрошенные очень стыдятся своего социального статуса, однако было отмечено, что у совсем «опустившихся» стыд пропадает. Большинство бездомных утверждают, что сами виноваты в сложившейся ситуации, или, по крайней мере, виноваты частично.

Обсуждение результатов. Полученные результаты позволяют нам сформулировать ряд суждений об отношении бездомных людей к себе и своей жизни, а также об отношениях между людьми. Жизнь видится этим людям не вполне осмысленной, однако, скорее всего, люди редко задумываются о категориях смысла. Как было отмечено в беседе, бездомному каждый день нужно удовлетворять свои физиологические потребности, такие как еда, безопасность, а обращение к высшим ценностям происходит не часто.

Каждый день приносит этим людям что-то новое. Однако, что будет завтра, никто точно не знает. Конечно, повседневные дела не приносят удовлетворения, и людям часто скучно и однообразно. Однако это свойство не только этой категории граждан, таких большинство.

Общая осмысленность жизни у бездомных людей значительно ниже среднего уровня. Людям, живущим на улице, не удалось реализовать задуманные планы, жизнь сложилась не так, как они того хотели. Однако спектр целей бездомного человека весьма узок. Человеку хочется «получить документы» и «получить побольше денег». Что будет дальше, он не продумывает, не в силах абстрагироваться от своей конкретной ситуации.

Вопрос об отношении к себе – один из самых сложных в изучении данной категории людей. Они закрыты для других, однако из ответов индивидуальной и групповой беседы можно выделить, что бездом-

ные считают себя одинокими, брошенными людьми. Но бездомные не считают себя до конца заблудшими. «Если живут, значит, есть смысл» – так говорят они о себе в третьем лице. То есть они сохраняют еще в себе стремление к жизни, желание лучшего, свойственное всем людям. Они так же, как и все, расстраиваются, бывают растроганными, иногда плачут, сожалеют и в чем-то раскаиваются. Они почти все говорят, что, если бы была возможность, начали бы жизнь с того момента, как попали на улицу и прожили бы эту жизнь по-другому. Конечно, у них зачастую нет осознания того, что и сейчас они могут начать жить по-другому, с момента «здесь и сейчас».

Часто эти люди оправдывают себя, свой алкоголизм, свои упущенные возможности. Еще одной важной характеристикой отношения к себе является стыд. Человек, проживший на улице не так долго и еще имеющий желание вернуться в привычный для нас социум, испытывает очень сильное чувство стыда. Так как бездомные, как правило, попадают в эту ситуацию не по доброй воле, то чаще всего «мир» вызывает у них растерянность и беспокойство. Человек не знает, что ему делать: «земля уходит из под ног», «руки опускаются». То есть пропадает привычная точка опоры, мир резко меняется и человек зачастую не успевает перестроиться.

Бездомные не считают себя контролирующими собственную жизнь. Они признают, что не добились успехов в осуществлении планов, жизнь сложилась не так, и они построили бы свою жизнь иначе, если бы была возможность. Жизнью, по их мнению, управляют внешние обстоятельства.

Оценивая отношения между людьми, бездомные люди определяли их как «натянутые, меркантильные», что очень свойственно миру бездомных. Отношения строятся по принципу тюремных или стайных. Там каждый сам за себя, а вместе они собираются для того, чтобы выпить или пожаловаться друг другу на проблемы. Но в действительности, даже рассказывая о своих горестях, люди остаются не услышанными, так как каждый поглощен своими проблемами. Так как большинство бездомных людей хотя бы раз сидели в тюрьме и знают законы этих мест, то, выйдя на волю, они строят отношения с «коллегами» по тому же принципу, что и «на зоне». Данный факт является весьма значимым для формирования личности человека, попавшего в среду бездомных. Он понимает, что каждый сам за себя, каждый озлоблен и среди этих людей не найдешь настоящих друзей. Человек остается абсолютно одиноким.

Взаимоотношения между конкретными людьми нельзя охарактеризовать как близкие. По рассказам отдельных людей можно сделать выводы, что, собираясь вместе, они зачастую не говорят ни о чем зна-

чимом. Бездомные могут между собой обсудить какие-то мелкие события дня, женщин и вино, но о личностных переживаниях говорить в этой среде не принято. Так же, как не принято быть друзьями. Это является одной из традиций данной среды. Что, естественно, сказывается на личности бездомного человека. Он ожесточается, настраиваясь более негативно по отношению к другим людям. А это, в свою очередь, определяет законы взаимодействия в среде.

Таким образом, основными качествами бездомных людей являются: осознание отсутствия близких социальных связей (отсутствие друзей) и законов отношений в среде бездомных; низкий уровень ответственности (отсутствие готовности взять на себя ответственность за свою жизнь, непринятие контроля своей жизни); волевые нарушения (отсутствие активной позиции в жизни, признание изменения ситуации при отсутствии стимула); осознание отсутствия социальных навыков общения с обычными людьми; стыд за свой социальный статус; страх перед неизвестностью жизни; одиночество; оправдание своих пороков; осознание отсутствия долговременной жизненной перспективы; низкий уровень осмысленности жизни.

Литература

- Браун Ш.* Американские данные по бездомным. www.prosvetlenie.org.
- Муздыбаев К.* Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2000. № 3/4.
- Проблема бездомности в Петербурге // Исследовательская группа «ЭКПОРГ». 2004. www.homeless.ru.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. М., 1976.
- Старовойтенко Е. Б.* Культурная психология личности. М.: Академический проект, 2007.
- Стивенсон С. А.* О феномене бездомности // Социс. 1996. № 8. С. 26–33.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

А. Б. Купрейченко (Москва)

Феномен самоопределения личности, выделенный философами, главным образом экзистенциального направления, разрабатывался также выдающимися отечественными психологами (Л. И. Божович, С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова и др.) и изучается многими современными авторами. В их работах заложены отдельные ключевые

элементы и свойства самоопределения: нравственная (или этическая) основа, относительная автономность субъекта и связанная с ними активность и ответственность. С. Л. Рубинштейном описаны следующие основные характеристики самоопределения: самодетерминация, собственная активность, осознанное стремление занять определенную позицию, самопознание (осознание своих внутренних свойств, своих потребностей, определение жизненных целей, ценностей и идеалов) и верность себе (сохранение и по возможности отстаивание этих ценностей и идеалов).

Подход к исследованию с позиций самоопределения является перспективным для изучения комплексных феноменов и целостной системы нравственно-психологических факторов экономического сознания и поведения личности и группы. Анализ самоопределения, под которым понимается поиск субъектом своего способа жизнедеятельности, способен дать достаточно полное и глубокое понимание мотивов, целей и направлений движения личности или группы в экономической сфере, социуме и собственной жизни.

Предметом нашего исследования выступали нравственно-психологические компоненты экономического самоопределения субъекта (они могут быть также определены как компоненты нравственного самоопределения в экономической сфере). В их ряду можно выделить: 1) самоопределение в отношении морали и нравственности как части экономического сознания и социального института, регулирующего экономические отношения; 2) самоопределение в отношении экономических объектов и явлений, а также стратегии поведения в случаях столкновения эгоцентрических и просоциальных экономических мотивов субъекта и др.; 3) нравственное самоопределение в экономических отношениях с другими людьми, группами и обществом в целом, а также формирование стратегий поведения при взаимодействии с ними в различных ситуациях и др.; 4) самоопределение субъекта в отношении собственной нравственности в экономических отношениях, в том числе механизмы ее саморегуляции, в частности представления о нравственном идеале и эталоне, а также способах и критериях их достижения.

Выполненное с 1996 по 2009 годы эмпирическое исследование, в котором приняло участие в общей сложности более 3500 чел., показало, что для наших современников характерна противоречивость и неоднородность нравственно-психологической составляющей экономического самоопределения. Так у значительных групп населения имеет место негативная оценка денег, собственности, богатства. Почти для трети респондентов характерна амбивалентность нравственных оценок экономических благ. Это является результатом неоднократных радикальных изменений идеологии российского общества и соци-

альных норм, признаком несформированности этических кодексов экономического взаимодействия. Амбивалентность и несформированность нравственно-психологических компонентов экономического самоопределения определяют особенности экономической активности субъекта и ее динамики (нелинейность и колебательность).

Для разрешения нравственных противоречий субъекты экономической активности используют различные психологические механизмы, в т. ч. разные формы психологической защиты. Ключевым механизмом нравственно-психологической регуляции экономической активности является дифференциация соблюдения нравственных норм делового поведения в отношении представителей различных социальных категорий. Основаниями категоризации выступают принадлежность к различным группам социально-психологического пространства, психологическая дистанция, доверие и недоверие разной направленности. Эмпирические исследования показали, что существуют нравственные качества в большей или меньшей степени зависящие от этих факторов, в частности правдивость личности в наименьшей степени обусловлена ими.

В ходе исследования подтвердилось предположение, что субъект в разной степени соблюдает нормы деловой этики в отношении представителей отдельных категорий. Наиболее высокая степень нравственности характерна для деловых отношений с теми партнерами, в которых субъект заинтересован, которыми он дорожит и перед кем считает себя ответственным и т. д. (психологически близкие, «свои», оказывающие и вызывающие доверие, или, напротив, не доверяющие и контролирующие его). В отношении психологически далеких, безразличных, враждебных партнеров субъект может злоупотреблять доверием и отсутствием контроля ради собственной выгоды. Таким образом, соблюдение нравственных норм выступает регулятором взаимоотношений с различными категориями людей, способствует поддержанию сложившихся отношений, преодолению недоверия, формированию доверия и т. д. Соблюдая или не соблюдая нравственные нормы делового поведения, субъект самоопределяется в социально-психологическом пространстве и опосредствованно – в экономической активности.

Результаты выполненных эмпирических исследований подтвердили предположение о тесной взаимосвязи нравственно-психологических составляющих экономического самоопределения. В частности, на выборке руководителей малых и средних предприятий различной формы собственности установлены взаимосвязи отношения к деньгам, представлениями о мире бизнеса, отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения и другими показателями экономического самоопределения. На основании самооценок воз-

можностей в повышении дохода, уровня экономической активности, его тенденций, собственных перспектив выделены психологические типы экономической активности руководителей и сопоставлены показатели их отношения к деньгам и к соблюдению нравственных норм делового поведения, представления о мире бизнеса и другие показатели экономического самоопределения, а также использование ими психологических защит. Так низкий уровень экономической активности характерен для руководителей удовлетворенных имеющимся уровнем благосостояния, а также неудовлетворенных им, но не видящих возможностей его повышения. Для обоих типов характерно отсутствие внутриличностного нравственного конфликта – они оценивают собственный уровень соблюдения нравственных норм близко к идеалу. Выявлено три типа руководителей с высокими оценками уровня экономической активности. В их числе молодые, с небольшим стажем деятельности, неудовлетворенные своим материальным благосостоянием – для них внутриличностный нравственный конфликт не характерен. Однако этот конфликт (различие уровня собственного отношения к соблюдению нравственных норм делового поведения, а также уровней отношения идеального и типичного современного руководителя) существует в сознании другого типа высокоактивных руководителей – имеющих значительный стаж и поддерживающих экономическую активность на высоком уровне скорее по инерции, а также во избежание снижения доходов. Анализ показывает, что внутриличностный нравственный конфликт является как следствием разинтеграции личности, так и закономерным этапом ее экономического самоопределения.

Полученные результаты демонстрируют, что нравственно-психологические факторы экономического самоопределения регулируют экономическое поведение как непосредственно – ограничивая выбор допустимых форм экономической активности, так и опосредствованно – оказывая влияние на уровень притязаний, цели и условия экономической деятельности, в частности на отношения с деловыми партнерами.

МНОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАСРЕДЫ

О. В. Петрунько (Киев, Украина)

Постановка проблемы и ее актуальность. В современных информационных (постиндустриальных, поствиртуальных) обществах традиционная психосоциальная система «социум – личность» приоб-

ретает принципиально новое содержание, новые акценты и смыслы. В нее активно, настойчиво и даже агрессивно включается влиятельный посредник – масс-медиа, и, таким образом, диада «личность–социум» превращается в триаду «личность–масс-медиа–социум», и процесс социализации, соответственно, осуществляется и происходит как медиасоциализация. Это особенно ярко проявляется во времена нестабильности, когда сила и влияние традиционных институтов социализации (семьи, образовательно-воспитательной системы, референтных социальных групп, государства, церкви) оказываются существенно ослабленными и главным агентом социализации становятся масс-медиа.

Ныне достаточно распространенным является мнение, что наибольшая проблема и потенциальная опасность для социализации детей и молодежи состоит в том, что медиаобщества неосмотрительно делегировали масс-медиа образовательно-воспитательную функцию и функцию социализации подрастающего поколения, которые всегда выполняли традиционные социализационные институты. Это достаточно серьезная проблема современности, и сегодня мало кто решается прогнозировать, как она может сказаться на новых поколениях и отразиться на судьбах обществ и социумов. Данная проблема существенно обостряется в связи с ослаблением социальных функций и роли семьи как главного института социализации, кризисом современной семьи в постсоветских обществах, а во-вторых, в связи с чрезмерным доверием родителей и лиц, ответственных за социализацию детей, к масс-медиа (особенно к Интернету) и допущением их в жизнь детей в излишне больших количествах. В результате этого большинство детей оказываются «незащищенными социализацией» и отягощенными отрицательным социальным опытом.

Хорошо известно, что появление в социуме любого нового медиума всегда вызывает страх, напряжение, беспокойство, протест. В этом есть часть здравого смысла, но также есть и немало безосновательных предубеждений. В связи с этим **целью нашей статьи** является попытка оценить размеры потенциальных рисков для социализации детей и молодежи, которые содержит медиасреда, а также защитного потенциала (защитных ресурсов) социализации.

Исследование проблемы. Определение социализации, на наш взгляд, следует начать с дифференциации понятий «социализация» и «социальная адаптация», поскольку от этого зависит: 1) выбор критериев «правильной» социализации; 2) выбор пути исследования процесса ее осуществления и вызванных нею эффектов в условиях медиасреды (в сфере медиавлияния).

Под **социализацией** мы понимаем 1) мета-программу (универсальный мета-проект); 2) универсальный мета-механизм (систему механизмов, алгоритм) и 3) онтологический процесс включения индивидов в социум, осуществляемый на всех уровнях функционирования социальной системы. Мета-проект социализации выработан многовековым опытом развития человеческого общества и закреплён в архетипах коллективного бессознательного (К. Г. Юнг), социальном (или социетальном) психофрактале (Е. А. Донченко). Процесс социализации, как множество разворачивающихся индивидуальных историй вхождения индивидов в социум, не имеет окончательной формы и длится в течение всей жизни человека, однако он тоже достаточно предначертан. Сначала социализация осуществляется как процесс принудительный, детерминированный и жестко контролируемый социумом, а потом, после того как состоялось приучение ребенка к социуму, включение его в социальные сети, этот процесс детерминируется самим индивидом, т. е. осуществляется как самосоциализация. Главные задания социализации – передача новым поколениям культурных универсалий, социального опыта, материальных и духовных ценностей конкретного общества и человечества в целом – это, прежде всего, задания общества (Розум, 2006). Их реализация является функцией, потребностью и необходимостью общества, поскольку гарантирует его самосохранение, воссоздание его как немного другого, несколько обновленного, но непременно узнаваемого, тождественного самому себе. И каждое общество должно об этом позаботиться, создав собственные проекты социализации, системы социализационных институтов, систему надежного социального контроля и т. п.

В отличие от социализации **социальная адаптация** является феноменом мезо- и, прежде всего, микроуровня. Она заключается в формировании конкретных («здесь и теперь») индивидуальных программ взаимодействия индивида с действительностью для успешного и по возможности комфортного взаимодействия с ней, а чтобы это стало возможным – усвоения культурных универсалий, социального опыта, материальных и духовных ценностей «своего» общества (Розум, 2006). Главные задания социальной адаптации – индивидуальное самосохранение, приспособление к конкретным условиям существования, относительно беспроблемные (оптимальные) жизнедеятельность и развитие в этих условиях – это, прежде всего, индивидуальные, «эгоистические» задания каждого отдельного индивида.

Анализ множества представленных в психологической и философской литературе концепций и моделей социализации дает основания утверждать, что разница между ними заключается не только

во взглядах их авторов, как представителей той или иной сферы знания или определенной научной школы, и не только в большем или меньшем объяснительном их потенциале. Вопрос не в том, что одни модели – «хорошие», «удачные», потому что они, например, гуманистически ориентированы (субъект-центрированы), а другие модели – «плохие», «неудачные», потому что они социоцентрированы, игнорируют значение личности и базируются на представлениях о целесообразности социализационного диктата. Вопрос в том, что каждая из известных моделей, во-первых, эффективна и целесообразна только на определенном этапе социализации, а во-вторых, каждая из них явно или имплицитно содержит коннотацию формирующего, просоциального влияния на тех, кто подлежит социализации, и вместе с тем коннотацию защиты их от случайных, незапланированных, несанкционированных социумом влияний и/или воздействий, к которым мы относим и медиавоздействия. Таким образом, большинство известных концепций и моделей не противоречат одна другой и даже не являются альтернативными, как это может показаться на первый взгляд, а скорее дополняют одна другую и все вместе создают единую картину социализации.

На наш взгляд, социализацию, как универсальный процесс и механизм специальной подготовки нужного количества индивидов для сохранения и возобновления социумов, можно представить как взаимное согласование и реализацию трех базовых ее моделей.

Первой такой моделью является фрактальная модель социализации, представляющая собой «идеальную» матрицу, или мета-проект социализации, в соответствии с которым социумы очерчивают, репрезентируют себя, а также самовоссоздаются, самовозобновляются и эволюционируют, оставаясь при этом тождественными самим себе. Концептуальные основы данной модели сформулированы украинской исследовательницей Е. А. Донченко в созданной ею фрактальной психологии (Донченко, 2005). Согласно Е. А. Донченко, программа (изначальный и вечный проект) социализации заложена и на уровне социального (социетального) психофрактала, и благодаря этому эта программа действует безупречно и всегда. Даже если социум пребывает в состоянии нестабильности и кризиса, соответствующий психофрактал постоянно сохраняет его память о себе и всегда готов развернуть нужную в данный момент «антикризисную программу» (Донченко, 1994, 2005). Таким образом, можно утверждать наличие особенной универсальной формы защиты – защиты мета-уровня – индивидуальных и коллективных субъектов социализации от асоциальных и потенциально деструктивных влияний факторов среды (в том числе и манипулятивного воздействия СМИ) – «защиты социетальным психофракталом».

Вторая модель – кратологическая (или властно-подвластная) идеально репрезентирует процесс социализации на ранних ее этапах – этапе предсоциализации и этапе первичной социализации, которые согласовываются с ранним и дошкольным детством и с младшим школьным возрастом ребенка. Концептуальная база данной модели создана украинским исследователем В. А. Васютинським и представлена в его интерактивной психологии власти (Васютинський, 2005). Данная модель основывается исключительно на **внешней детерминации** процесса социализации и жестком внешнем (социальном) контроле социальной жизни ребенка, который достаточно длительный период своей жизни рассматривается исключительно как **объект социализации**. Такая модель направлена на удержание ребенка в сфере социализационного воздействия. Результатом реализации этой модели является «первичное приручение ребенка», его «порабощение социализацией», заранее спланированное «включение его в социализационную паутину» (в «паутину социальных связей») и вместе (параллельно) с этим – создание, активизация и укрепление базовой системы социализационной защиты, выстроенной для него социумом, в котором он родился, живет и развивается. Таким образом, можно утверждать существование еще одной формы защиты от внешних асоциальных, потенциально деструктивных влияний (в том числе и со стороны масс-медиа) – «защиты системой социального контроля».

Третья – «ориентированная на поступок» модель – является оптимальной, «идеальной» моделью этапа вторичной социализации, который условно начинается в подростковом возрасте и длится всю сознательную жизнь человека. Основу этой модели преимущественно составляет **внутренняя детерминация** (самодетерминация) социальной жизни индивида как сознательного **субъекта социализации**. Результатами реализации этой модели является самопотенцирование индивида, инициация и управление им процессом собственной социализации, его готовность и активное взаимодействие с социумом в данном направлении. Таким образом, социализация имеет признаки самосоциализации и проявляется как цепь поступков – просоциальных рефлексивных действий, основанных на ответственности и направленных на реализацию взрослеющим человеком своей человеческой сущности. Концептуальные основы этой, онтологической по своей сути, модели вхождения в социум заложены К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинским, С. Л. Рубинштейном, В. А. Татенко и другими выдающимися исследователями. Рассматривая психосоциальную систему «личность–социум», данная модель постулирует «присутствие человека» в мире (т. е. приоритет человека в его отношениях с социумом). Реализация этой модели возможна при доста-

точно высоком уровне развития индивида, когда должным образом развита его субъектность (С. Л. Рубинштейн), когда «развернуты», актуализированы все субстанциональные интуиции субъектного ядра его личности (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Татенко, 1996). При таком уровне развития личности можно утверждать наличие еще одной формы защиты от потенциально деструктивных воздействий внешней среды (в том числе и медиасреды), идущих вразрез с задачами социализации – «защиты поступком».

Центральной категорией психологии поступка является категория субъектности как системного качества личности, которое формируется в процессе ее социализации и проявляется на определенном этапе ее развития. Анализ природы человека, осуществленный в научной школе С. Л. Рубинштейна, привел к пониманию субъектности как способности человека осуществлять взаимообусловленные изменения в мире и в себе самом, принимать на себя ответственность за последствия этих изменений и в соответствии с этим строить свою жизнь (Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989; Татенко, 1996).

Таким образом, на наш взгляд, есть достаточно причин считать, что медиавоздействие на процесс социализации существенно ограничивается, по крайней мере, тремя системами социально-психологических защит.

Первая – исторически-культурно-социальная система защиты – предоставляется **социализацией**, как универсальным механизмом самосохранения, самовоссоздания и позитивного развития обществ и социумов. Мощный защитный ее потенциал (психофрactal как метапроект социализации, система социального контроля, способность субъектов социализации к поступку как ответственному и основанному на моральных ценностях социальному действию) позволяет сохранить отдельных индивидов для социума, не позволяет им сбиться с предначертанного социализацией курса, спрятаться в виртуальном мире, который придумали и создали масс-медиа взамен мира реального.

Вторая, также универсальная система защиты, – субъектно-индивидуальная – предоставляется **личностью**, являющей собой уникальную и самодостаточную психосоциальную систему, наделенную необходимыми «субъектными интуициями», позволяющими ей разумно выбирать и присваивать «надлежащий» социальный опыт (что делает возможным эффективное включение индивида в социум, его самореализацию в нем) и отклонять «ненадлежащее» (то, что делает ее отношения с социумом затруднительными и некомфортными).

Третья система защиты заложена в медиасреде: в самих масс-медиа и в особенностях когнитивного и психологического взаимо-

действия индивида с ними. Масс-медиа (телевидение, Интернет) не так автономны и самостоятельны, как это провозглашает «миф о четвертой власти». С одной стороны, масс-медиа являются активным актором медиаобщества, формирующим индивидуальное, групповое, общественное сознание (общественное мнение), а с другой стороны – всего лишь одним из его элементов, его инструментом, который без участия человека остается бездейственным и никому не нужным. Созданные обществом и людьми для себя самих, масс-медиа более или менее успешно выполняют предписанные им функции и, в сущности, поддерживают существующий социальный порядок и заказанные обществом социальные нормы и ценности.

Литература

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.
- Васютинський В. О.* Інтеракційна психологія влади. К.: КСУ, 2005.
- Донченко Е. А.* Социетальная психика. К.: Наукова думка, 1994.
- Донченко Е. А.* Фрактальная психология (доглубинные основы индивидуальной и социетальной жизни). К.: Знание, 2005.
- Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб.: Речь, 2006.
- Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении. К.: Просвіта, 1996.

АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКУРСНИКОВ К СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. И. Протасова (Нижний Новгород)

Результаты демографических, социологических и психологических исследований последних лет убедительно свидетельствуют о существенном нарастании негативных тенденций в социальных и индивидуально-психологических характеристиках, а также ухудшении состояния здоровья молодого поколения нашей страны. Так, на первых курсах обучения до 30% студентов вузов испытывают серьезные затруднения в процессе адаптации к учебной деятельности в высшей школе, приводящие к снижению успеваемости, различным функциональным расстройствам и заболеваниям и в конечном итоге к отчислению. Значительный вклад в изменение функционального состояния обучаемых вносят постоянно увеличивающиеся информационные нагрузки и необходимость работы в свободное от учебы

время (и не только) для обеспечения своего более приемлемого материального положения.

При работе со студентами особое внимание должно уделяться лицам со сниженной успеваемостью, плохой учебной дисциплиной и высокой заболеваемостью, т. е. имеющим признаки *затрудненной профессиональной адаптации к учебной деятельности*. Представляется, что в данных случаях наиболее заинтересованными будут представители администрации вуза и родители студентов. Кроме того, затруднения адаптации могут проявляться эмоциональными срывами, межличностными конфликтами, неадекватным поведением. Низкая переносимость значительных (особенно на первом курсе обучения) умственных, эмоциональных и физических нагрузок может быть обусловлена:

- недостаточной мотивацией к обучению, в том числе и в конкретном вузе;
- слабо сформированными интеллектуальными, личностными и физическими ПВК, обеспечивающими обучение;
- наличием хронического утомления из-за неоптимального режима труда, отдыха и питания;
- межличностными конфликтами в группе;
- недостаточной гибкостью эмоционально-волевой сферы;
- незнанием способов сохранения и восстановления работоспособности.

Адаптация к вузовским условиям образа жизни, учебы, досуга связана с резким изменением социального положения личности. Исходя из важных сфер становления личности, основное содержание процесса адаптации студентов в вузе можно определить как приспособление к новому типу учебного коллектива, его обычаям и традициям.

Среди факторов, определяющих эффективность процесса адаптации, важнейшим является удовлетворение и развитие коммуникативных потребностей личности студента. Именно характер отношений, складывающихся между обучающимися в процессе совместной деятельности, определяет условия, которые или стимулируют процесс вхождения в студенческую жизнь, или, наоборот, сковывают активность, препятствуют адаптации в вузе. Иначе говоря, важным условием успешности адаптации является психологическая комфортность каждого члена учебной группы, удовлетворенность от пребывания в данном коллективе, чувство «защищенности». В психолого-педагогической литературе широко обсуждается проблема адаптации первокурсников к системе высшего образования, и не случайно: от успешности этого процесса во многом зависят дальнейшие профес-

сиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста. Деадаптация студентов может приводить не только к хроническому отставанию в усвоении знаний, но и к вторичным нарушениям психосоциального развития, к различным формам отклоняющегося поведения. Не менее остро эта проблема сказывается и на качестве учебно-воспитательного процесса, дестабилизируя учебную деятельность других студентов, отвлекая на себя значительную часть усилий педагогов.

Проблему вузовской адаптации следует отнести к одной из социальных проблем современного образования, требующей уже не столько углубленного изучения, сколько поисков продуктивного решения на практическом уровне: с серьезными научно-методическими разработками, направленными на создание профилактических программ, включающих приемы психологической коррекции нарушений личностного развития студентов, на поиски эффективных средств психолого-педагогической поддержки педагогов и родителей студентов.

Решение данной проблемы современного образования лежит на пути как углубленного исследования причин, так и разработки и оценки продуктивности программ адаптации первокурсников на практическом уровне с передачей ее заинтересованным пользователям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что успешная реализация Программы возможна лишь при достаточной готовности членов педагогического коллектива к восприятию всех вероятных аспектов и факторов адаптации студентов к условиям вуза (включая их собственные педагогические ошибки) и к сотрудничеству с психологом, который, в свою очередь, должен иметь высокий уровень как профессиональной, так и социальной компетенции.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СОСТОЯНИЯ ПСИХИКИ ДЕТЕЙ, РОДИВШИХСЯ И ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕГИОНЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ (В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ)

Н. М. Сараева (Чита)

Регions экологического неблагополучия нашей и других стран специфичны во многих отношениях: географическом, социально-экономическом, демографическом и т. д., но все они имеют деформи-

* Работа выполняется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-06-00 064а «Психологическая адаптация человека в осложненных условиях жизненной среды (на примере детского юношеского населения Забайкальского края)».

рованную «загрязнениями» физическую среду, составляющую часть жизненной среды человека. Понятие «жизненная среда» обозначает совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики людей (Ковалев, 1993; Панов, 2004; Ясвин, 1997). Она становится неадекватной генофенотипическим свойствам человека (Казначеев, 1980), негативно влияет на его физическое здоровье и через иммунную, эндокринную, нервную и другие системы организма обуславливает изменения психической активности человека. Направленность этих изменений и их причины нуждаются в специальном рассмотрении.

В течение нескольких лет анализ упомянутых изменений проводится сотрудниками лаборатории региональных исследований психики ЗаБГПУ. Изучается состояние психики детского населения, проживающего на экологически неблагополучных территориях Забайкальского края.

Забайкальский край по своим природно-климатическим особенностям и преобладающему профилю хозяйственной деятельности может быть отнесен к регионам, в которых проживание и деятельность человека требует серьезных энергозатрат, напряжения адаптивных систем человека. По уровню *индекса потенциальной жизнеспособности* Забайкалье относят к регионам с наиболее низким показателем. Специалисты в области медицины и те, кто занимается вопросами адаптации человека, указывают на ее неустойчивость у населения Забайкальского края (Агаджанян, Гомбоева, 2005). Большая часть территорий этого среднегорного региона, экономика которого связана с добычей и переработкой полезных ископаемых, может быть названа экологически неблагополучной. Деформация физической среды здесь заключается не просто в присутствии каких-то отдельных «загрязнителей», а в комплексных негативных геофизических и геохимических параметрах естественного и производственного генеза, которыми среда характеризуется в целом. Диапазон их достаточно широк: от недостаточности кислородной и микроэлементов до наличия тяжелых металлов и повышенной радиации. Биологическая и психологическая адаптация человека к такой среде имеет свою специфику.

По мнению многих исследователей, при всем многообразии ответных реакций в организме, имеется универсальный принцип возникновения адаптивных сдвигов для различных по качеству раздражителей. Эти универсальные соматические и вегетативные приспособительные реакции основаны на константных уровнях метаболизма тканей, обеспечивающих *общую энергетику* целостного организма (Агаджанян и др., 1998; Селье, 1960). У населения Забайкалья в первую

очередь страдают жизненно важные, энергозависимые функции. Медицинские исследования фиксируют, что в условиях экологического неблагополучия происходит нарушение энергетического метаболизма, падение энергообразования, которое влечет за собой изменения в основных системах организма человека: кардиореспираторной, иммунной, эндокринной и нервной (Сердцев, 1996).

Поскольку зафиксировано изменение (снижение) параметров функционирования организма человека под влиянием физической среды территорий экологического неблагополучия Забайкальского края, следует ожидать закономерного изменения состояния его психики.

Доказательство этой гипотезы потребовало реализации *«целостного»* (по сравнению с имеющимся) *варианта экпсихологического подхода* к изучению последствий длительного влияния экологически неблагополучной среды на психику человека. Отличие названного подхода от имеющихся в психологической экологии *локальных* вариантов заключается в рассмотрении психики в системном единстве с жизненной средой человека, т. е. как подсистемы организации целостного человека (Леонтьев, 1977), и далее, как компонента системы *«человек – жизненная среда (природная и социальная)»*.

Только анализ системных связей психики со средой позволяет выявить возникающие под влиянием экологического неблагополучия изменения в ее состоянии. Поскольку единственная форма ее актуального существования – психическая активность, невозможная без взаимодействия со средой, то и исследовать надо психическую активность. Это и есть состояние психики во взаимодействии с жизненной средой.

Сравнительное изучение психической активности 3133 детей, родившихся и проживающих на отличающихся по условиям физической и социальной среды территориях Забайкальского края, было проведено по параметрам *психологического статуса*, под которым понимается системная характеристика структуры *«человек – жизненная среда»*, интегральный показатель уровня психической активности человека (состояния его психики во взаимодействии с конкретными факторами среды).

В качестве *параметров психологического статуса* были выделены умственная работоспособность, развитие интеллекта, некоторые эмоционально-личностные свойства. Анализ их показателей позволил обнаружить тенденцию к изменению состояния психики – общему снижению уровня психической активности детей, родившихся и живущих в условиях экологического неблагополучия. Эти показатели смещены с границ так называемой *«средней»* нормы в нижненор-

мативные диапазоны (в границы показателей «сниженной нормы», «ниже среднего уровня», «слабые», «пограничные»).

Наиболее отчетливо данная тенденция проявляется в *снижении показателей умственной работоспособности детей*. По характеристикам памяти, внимания, утомляемости и другим установлено, что почти все изучаемые показатели ниже у детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях, чем у их сверстников из экологически «чистых» районов. Данная тенденция проявляется в истощаемости психической активности, сужении и значительных колебаниях объема перерабатываемой информации, трудностях включения в деятельность, снижении скорости и точности выполнения заданий.

Подобная тенденция проявляется и в таком интегральном параметре психологического статуса, как *развитие интеллекта*. Детей с нижними нормативными показателями развития всех видов интеллекта (по Д. Векслеру) на «загрязненных» территориях, особенно в кризисной ситуации, значительно больше, чем на территориях «чистых».

Системный характер психики человека и системный характер его отношений с жизненной средой позволил обнаружить проявление названной выше тенденции в некоторых эмоционально-личностных свойствах детей, живущих в условиях экологического неблагополучия. Установлена (по тесту Р. Кэттелла) асимметрия в показателях усредненных личностных профилей детей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Часть значений профилей жителей «загрязненных» территорий смещены вниз относительно аналогичных характеристик населения «чистых» территорий. Изучаемые показатели остаются в нормативных границах, но смещаются к ее нижним значениям. В усредненном личностном профиле детей, проживающих в условиях экологического неблагополучия, выделен комплекс черт, который свидетельствует об изменении состояния психики – снижении психической активности на этом уровне психологического статуса.

Ответ на вопрос, каковы возможные механизмы изменения состояния психики (общего снижения психической активности) детского населения, проживающего на территории экологического неблагополучия, по нашему мнению, следует искать в двух направлениях.

Первое направление – это анализ *уровня общей активации психической деятельности* людей, проживающих на экологически неблагополучных территориях. Выше отмечалось, что процессы энергогенеза в организмах данной категории жителей ослаблены. Небольшое количество энергии, получаемой человеком в качестве открытой само-

организуемой системы, к тому же неравным образом, «распределяется» между уровнями его системной организации. При одновременном выполнении биологических и психических функций возникает конкуренция за энергию. В условиях экологического «загрязнения» природной (физической) среды адаптация к ней затруднена и требует большего энергетического обеспечения, больших энергетических затрат. Прежде всего, на биологическом уровне системной организации человека для поддержания физических, физиологических оснований его жизнедеятельности. Это влечет за собой недостаток энергетического обеспечения на других уровнях – психологическом и социальном (личностном). Нейропсихологи называют это явление «энергетическим обкрадыванием» психической деятельности (Семенович, 2005, с. 45). В силу названных выше причин снижается уровень ее активации, что и составляет реальную основу негативного изменения параметров психологического статуса человека.

Второе направление поиска ответа на вопрос о механизмах общего снижения уровня психической активности людей, которые проживают в условиях экологически неблагоприятной жизненной среды – это анализ *общих законов и механизмов адаптации*. Эти механизмы известны и достаточно подробно изучены в биологии и медицине, например, в применении к патогенезу, в психологии же – только в отношении отдельных экстремальных воздействий. Мы полагаем, что те же самые адаптационные механизмы и процессы реализуются и на территориях экологического неблагополучия, в условиях не экстремального, но хронического воздействия экологически деформированной жизненной среды на психику людей. В данном контексте указанные процессы и механизмы до сих пор не рассматривались и нуждаются в самостоятельном анализе.

Возможны два основных варианта условий воздействия на человека неадекватной природной (физической) среды и, соответственно, последствий такого влияния. В первом случае, когда он родился и живет в экологически неблагоприятных условиях. Во втором, когда он рождается и вырастает на «чистой» территории, но затем оказывается в условиях длительного воздействия факторов экологического неблагополучия. Эти варианты установлены главным образом для биологического уровня системной организации человека (Давыдовский, 1962; Короленко, 1978; Саркисов и др., 1997). Причем в большей мере известен второй вариант. Но те же направления средового влияния описываются и тогда, когда речь идет о психологическом уровне (Дзятковская, 1993). По сути, оба варианта характеризуют два механизма участия психики в жизнеобеспечении человека, проживающего на территории экологического неблагополучия.

Остановимся в рамках данной статьи на первом варианте. Он соответствует ситуации, когда человек родился и живет в условиях значительного экологического неблагополучия, т. е. когда негативное влияние среды человек испытывает с момента зачатия и далее весь перинатальный период. В этом случае возникает дефицитарность, слабость филогенетических программ гомеостатирования. Вследствие этого организм человека в целом, его нервная система, в частности, исходно развиваются в направлении снижения уровня функционирования. Однако благодаря пластичности филогенетических программ они в большинстве случаев не достигают границ патологии.

Поскольку биологические программы и основы жизнеобеспечения человека исходно ослаблены, то, соответственно, функционирование и развитие двух других уровней системной организации человека – психологического и социального – также будет измененным (сниженным) в силу влияния на них биологических детерминант нижнего уровня системной организации человека. Причем степень снижения зависит от силы повреждающего средового фактора.

Известно, что при достаточном функциональном резерве кратковременное умеренное напряжение адаптивных систем в пределах физиологических реакций ведет к росту уровня функционирования, и лишь с дальнейшим повышением степени напряжения адаптивных систем снижается уровень функционирования организма (Баевский, 1993). В этом случае преобладает *мобилизационная* стратегия адаптации.

В нашем случае речь идет об ином варианте влияния на человека неадекватной природной (физической) среды. То есть не о разовом «адаптационном ударе» (В. И. Медведев), а о длительном, малыми дозами негативном воздействии на организм и психику значительно «загрязненной» среды. В этих условиях возможна первичная слабость адаптационных ресурсов человека (и первичная слабость биологического «компенсаторного фонда» (Выготский, 1983). Если воздействия повреждающих средовых агентов длительны и/или попадают на ранние этапы онтогенеза, то возможно ослабление напряженных адаптивных систем и снижение параметров психической активности. В. П. Казначеев (1980) отмечает слабость механизмов биологической адаптации человека к длительным негативным средовым влияниям как источник возникновения хронических патологических процессов. Добавим, что закономерным следствием сниженного функционирования биологического уровня системной организации человека является столь же закономерно сниженное функционирование психологического и социального уровней.

Из-за нагрузки, связанной с длительным негативным влиянием экологически неблагоприятной среды, и напряжением изначально менее сильных адаптивных систем люди, родившиеся и постоянно проживающие на соответствующих территориях, по состоянию своего организма и психики находятся ближе к нижней границе адаптационной нормы популяции, чем те, кто проживает на экологически благополучных территориях. Они ближе к истощению своих возможностей. Между тем известно, что в этих случаях организм переходит на режим минимизации функций (Казначеев, 1980). В ситуации превращения любого стресса в хронический *энергозатратная* стратегия становится весьма расточительной и уступает место *трофотропной*, энергосберегающей. Это своего рода щадящий режим, реализующий принцип минимизации потерь. Он и является реальной биологической основой общего снижения психической активности (по параметрам психологического статуса) человека в условиях экологического неблагоприятия.

Можно сказать, что это особая форма адаптации человека к условиям длительного экологического неблагоприятия с вынужденной высокой ценой за сохранение жизнедеятельности. Организм и психика в результате достигают относительного динамического равновесия с экологически неблагоприятной средой, но на более низком уровне функционирования.

Таким образом, еще одно объяснение возникновения тенденции к снижению параметров психологического статуса людей, родившихся и живущих на территориях экологического неблагоприятия, заключается в необходимости соблюдения принципа энергосбережения и *минимизирующей* стратегии адаптации.

В сниженных показателях, составляющих параметры психологического статуса коренных жителей территорий экологического неблагоприятия, необходимо видеть позитивное проявление адаптационных процессов. Эти показатели есть вариант региональной нормы, позволяющей людям пусть и не в самых оптимальных пределах, но адаптироваться к исходно неадекватным условиям среды и, реализуя свою сущность, проявлять все необходимые виды психической активности.

Литература

- Агаджанян Н. А. Адаптация, экология и здоровье населения различных этнических групп Восточного Забайкалья: научное издание / Под ред. Н. А. Агаджанян, Н. Г. Гомбоева. Новосибирск: Изд-во СО РАН; Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005.
- Агаджанян Н. А. Экологическая физиология человека / Под ред. Н. А. Агаджанян, А. Г. Марачева, Г. А. Бобкова. М.: Издательская фирма «КРУК», 1998.

- Баевский Р. М.* Донозологическая диагностика в оценке состояния здоровья // Валеология: диагностика, средства и практика обеспечения здоровья / Под ред. Р. М. Баевского, А. П. Берсенева. СПб.: Наука, 1993. С. 33–48.
- Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии // Собр. соч. В 6-ти т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5.
- Давыдовский И. В.* Приспособительные процессы в патологии // Вестник АМН СССР / Под ред. И. В. Давыдовского. 1962. № 4. С. 27–37.
- Дзятковская Е. Н.* Экология и здоровье: монография. Иркутск: ИЧП Арком, 1993. Т. 1, 2.
- Казначеев В. П.* Современные аспекты адаптации. Новосибирск: Наука, 1980.
- Ковалев Г. А.* Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 14–23.
- Короленко Ц. П.* Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977.
- Панов В. И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.
- Саркисов Д. С.* Общая патология человека / Под ред. Д. С. Саркисова, М. А. Пальцева, Н. К. Хитрова. М.: Медицина, 1997. *Селье Г.* Очерки об адапционном синдроме. М.: Медгиз, 1960.
- Семенович А. В.* Введение в нейропсихологию детского возраста // Учеб. пособие. / Под ред. А. В. Семенович. М.: Генезис, 2005.
- Сердцев М. И.* Экология, метаболизм, здоровье. Чита: Изд-во Читинского педин-та, 1996. 161 с.
- Черноушек М.* Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989.
- Ясвин В. А.* Проектирование и моделирование образовательной среды / Под ред. В. П. Лебедева, В. И. Панова. М., 1997.

ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОГОВОРЯЩИХ ДИАСПОРАХ

Ю. В. Ставропольский (Саратов)

Социальные психологи мало-помалу начинают открывать те способы, которыми происходит структурирование «Я» со стороны культуры. Г. Триандис разработал несколько ключевых понятий (Triandis, 1989, p. 510). Во-первых, он разграничил общественный, частный и коллективный аспекты «Я». Частное «Я» – это то, как человек понимает себя, включая интроспекцию, самоуважение, самовосприятие и принятие решений. Общественное «Я» включает в себя то, как человек воспринимается другими людьми: репутация, производимое впечатление на конкретных людей и т. п. Наконец,

коллективное «Я» отражает принадлежность человека к социальным группам, например, этническая идентичность и семейные узы.

Далее, Г. Триандис предложил объяснение того, как различаются культуры с точки зрения того, какие аспекты идентичности в них акцентируются. В коллективистских обществах акцентируются публичный и коллективный аспекты «Я» в ущерб частному «Я», тогда как в индивидуалистских обществах акцент делается на формирование публичного «Я». Аналогичным образом, в «сплоченных» обществах – в тех, которые особенно требовательны к тому, чтобы соблюдалась конформность в отношении внутригрупповых норм, ролей и ценностей – у людей формируется сильно развитое публичное «Я» и коллективное «Я», и в меньшей степени – «Я» частное. В «комплексных» культурах люди могут принадлежать ко многим различным группам, соответственно, у них менее сильна потребность в поддержании хороших отношений с любой из них. По этой причине коллективное «Я» может быть развито слабее, но публичное «Я» остается довольно важным, поскольку человек проносит свое общественное «Я» через все взаимоотношения и взаимодействия. Кроме того, люди могут позволить себе уделять больше внимания собственному частному «Я». Проводимые различными исследователями независимо друг от друга эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в сложных культурах возрастают проблемы, связанные с идентичностью. Культурные различия распространяются на все три аспекта «Я». Так, американцы отдают предпочтение искренности в отношениях, что предполагает конгруэнтность общественного и частного «Я». Культурно-релятивный характер идентичности можно увидеть в тех изменениях, которые претерпевает идентичность в условиях смены культурного окружения.

Культурный и политический контекст, в котором формируется и существует личность, способен стать существенным фактором, детерминирующим различные проявления этнокультурного поведения, включая этническую идентичность личности. Кросскультурная психология большую часть своих усилий направляет на получение представления о том, каким образом осуществляется дифференцированное личностное развитие внутри различных культурных контекстов. С позиций экологической парадигмы кросскультурных исследований, предполагается, что личность испытывает воздействие множества факторов, включая длительную культурную и биологическую адаптацию группы к окружающим условиям, а также аккультурационное влияние, являющееся следствием контакта с другими группами общества. В последние годы все большее внимание уделяется феномену культурной *трансмиссии*.

При рассмотрении культурной *трансмиссии* интерес представляют, в первую очередь, процессы инкультурации и социализации, посредством которых индивиды приобретают множество культурных и психологических качеств, необходимых для функционирования в роли членов ингруппы. Д. Берри различает вертикальную, горизонтальную и косвенную передачу культурных и психологических качеств. В отличие от процессов формирования личности в этнокультурном гомогенном обществе, процессы, протекающие под влиянием взаимодействия с другими культурами, являются менее изученными и требуют отдельного рассмотрения.

Поскольку процесс аккультурации активизирует две культурные традиции, в психологическом исследовании и в психологической практике необходимо принимать во внимание влияние на личность со стороны двух комплексов факторов. При этом также необходимо учитывать коллективную ориентацию обеих контактных групп, а также установки индивидуальных членов каждой контактной группы. Индивидуальные представления социально-доминантной группы включают в себя, в том числе сформулированную национальную политику и общие демографические установки, определяющие широкий контекст повседневной жизни представителей групп, переживающих аккультурацию, в экономической, политической, правовой и образовательной сферах.

На уровне группы можно рассматривать национальную политику, проводимую доминантной группой, и цели, которых придерживаются конкретные группы, переживающие процесс аккультурации в этнически гетерогенном обществе. На личностном уровне можно исследовать общую идеологию доминантного населения и установки представителей групп, вовлеченных в аккультурационный процесс.

Русскоговорящая диаспора в США может быть отнесена к «классическим» диаспорам, которые возникли в результате добровольной либо вынужденной миграции. С конца 1970-х годов в США в значительном количестве прибывали иммигранты из Советского Союза. С 1991–1993 гг. количество иммигрантов из бывшего СССР, принятых Соединенными Штатами, достигло 159200 чел., каждый последующий год добавлялось от 50–65 тыс. чел. Русскоговорящие иммигранты прибывали в США со своей уникальной культурой. Исследования американских психологов показали, что русскоговорящие иммигранты характеризуются высокой урбанизированностью, высоким уровнем образованности (около 85% прибывали в США, имея высшее образование или ученую степень) и высоким процентом тех, чей доход ниже уровня бедности.

Русскоговорящие иммигранты сталкиваются в США с серьезными трудностями в адаптации, которые на психологическом уровне проявляются в высоком уровне деморализации и депрессивных симптомов, как по данным самоотчетов, так и по данным стандартизированных диагностических шкал, а также демонстрируют значимую тенденцию к соматизации, и в самоотчетах заниженно оценивают состояние своего здоровья. Эрозия традиционных семейных ролей и ценностей (включая многопоколенное совместное проживание), языковой барьер значительно усиливают чувство социальной изоляции и одиночества (около 50% русскоговорящих иммигрантов в самоотчетах сообщили о том, что плохо говорят по-английски). Были установлены высокие значения депрессии, деморализации и соматизации среди русскоговорящих иммигрантов в США по сравнению с генеральной популяцией (Tran, Khatutsky, Aroian, Balsam, Conway, 2000, p. 67).

Широко признано, что многие группы иммигрантов прибывают из стран с культурами, для которых характерна высокая степень семейственности (*familism*). Исследование, которое провели в России и в Израиле Р. Катц и А. Лёвештайн, показало, что в бывшем СССР 40% опрошенных россиян жили совместно со своими взрослыми детьми. Однако процент совместных домашних хозяйств в той же популяции возрастал до 70% после переезда семьи в Израиль по причине экономических ограничений и необходимости во взаимопомощи. Изучение отношения к совместному проживанию в многопоколенной семье в диадах родители – дети позволило установить интересное противоречие. Дети проявляли толерантность к многопоколенному проживанию, потому что оно обеспечивало определенные экономические преимущества, но предпочитали отдельную жилплощадь. Пожилые люди отдавали предпочтение совместному проживанию, а межпоколенную солидарность называли среди наиболее важных ценностей (Katz, Lowenstein 1999, p. 48).

Традиционные американские ценности – самостоятельность, единенность и независимость – не обязательно разделяются другими культурами. В результате различные этнические группы обладают разными ожиданиями и по-разному оценивают совместное проживание с другими членами своей семьи, это особенно верно в отношении детей. Совместное проживание многопоколенных иммигрантских семей не только вызывается экономической необходимостью, но также является способом увеличить социальную адаптацию и уменьшить социальную изоляцию.

Стимул к изменению ситуации с условиями проживания часто исходит не от пожилых людей, сохраняющих традиционные наклонности, а от их взрослых детей, установки которых в отношении

совместного проживания нескольких поколений часто претерпевают трансформацию после того, как они обретают экономическую стабильность и ассимилируются в направлении американских ценностей. По мере того как происходит ассимиляция, нереализовавшиеся экспектации способны ухудшить процесс адаптации для пожилых и породить дополнительный эмоциональный стресс и напряженность в семье. Раздельное проживание поколений одной семьи может символизировать экономический успех, но оно также может быть связано с трудным эмоциональным переходом.

За последние пятьдесят лет экономические трудности и дефицит жилья в бывшем Советском Союзе сформировали культурную среду, в которой совместное проживание многопоколенной семьи является нормой. Многопоколенное проживание формирует культурный контекст, в котором пожилые пользуются привилегированным статусом в семье и относительным престижем, но оно формирует и нездоровую взаимозависимость между поколениями. Процесс ассимиляции к американской культуре делает напряженными традиционно тесные узы в российских семьях. В то время когда взрослые дети перемещаются в предместья, где не существует общественного транспорта и разветвленной социальной инфраструктуры, многие пожилые предпочитают оставаться в границах привычного этнического анклава.

Проведенное в 1997 г. исследование состояния здоровья и потребностей в услугах здравоохранения русскоязычных пожилых иммигрантов (Tran, Khatutsky, Aroian, Balsam, Conway, 2000, p. 70) показало, что владение разговорным английским языком имеет статистически значимое соотношение с субъективно оцениваемым состоянием своего здоровья ($\beta = -0,279, p < 0,001$), с хроническими состояниями ($\beta = -0,280, p < 0,001$) и с функциональными ограничениями ($\beta = -0,274, p < 0,001$). Русскоговорящие иммигранты, обладающие лучшими коммуникативными навыками в английском языке, субъективно лучше оценивают состояние своего здоровья, следовательно, имеют меньшую вероятность страдать от депрессии. Однако количество лет пребывания в США имеет статистически значимое негативное соотношение с хроническими состояниями ($\beta = 0,200, p < 0,001$) и с функциональными ограничениями ($\beta = 0,183, p < 0,001$). Иными словами, чем дольше иммигрант прожил в США, тем выше риск того, что у него разовьются проблемы со здоровьем. Гендер также имеет статистически значимое соотношение с хроническими состояниями ($\beta = 0,170, p < 0,001$) и функциональными ограничениями ($\beta = 0,261, p < 0,001$). Пожилые иммигранты женского пола испытывают больше проблем со здоровьем, чем мужчины, и характеризуются вероятностью более высокого риска развития депрессии. Показатели здоровья

оказывают косвенное влияние на эмоциональное состояние пожилых людей и поэтому служат промежуточным фактором между блоком демографических переменных и депрессией. Факторы, оказывающие прямое и косвенное влияние на формирование депрессии: возраст, образование, владение разговорным английским, количество лет пребывания в США и гендер.

В случае русскоговорящих иммигрантов существуют трудности в оказании им психологических услуг, поскольку они сторонятся психологов и психиатров. Русскоязычные иммигранты в США часто соматизируют свои эмоциональные проблемы и вследствие этого обращаются за эмоциональной поддержкой к терапевтам, а не к профессиональным психологам. Представляется, что существует реальная связь между ощущением благополучия и близостью к этническому анклаву. Нахождение в знакомой языковой среде способно облегчить эффекты изоляции и одиночества, часто возникающие у иммигрантов.

Неклассический случай диаспоры представляют собой 25 миллионов русских в бывших советских республиках. Она является переходной между двумя категориями полнокровных этнонациональных диаспор, которые Г. Шеффер обозначил терминами «классическая» и «современная» (Sheffer, 1995, p. 11). Г. Шеффером были выделены следующие компоненты профиля современных диаспор: они возникли в результате либо вынужденной, либо добровольной миграции. Они осознанно сохраняют собственную этнонациональную идентичность, они создают собственные этнонациональные организации, либо находятся на пути к их созданию, они поддерживают эксплицитные и имплицитные связи с родиной, они формируют трансгосударственную инфраструктуру, они стоят перед лицом серьезной дилеммы, вызванной проблемой лояльности в отношении к родине и к стране проживания.

Неклассическая русскоговорящая диаспора, возникшая в результате распада Советского Союза, стала не результатом миграции, вынужденной или добровольной, не следствием «экспансии родины». Она возникла из унижительного для этой диаспоры сокращения Родины. Несмотря на то, что Россия сохраняет статус полугегемонии (*semihegemonic status*) в регионе, в который входят в основном бывшие советские республики, она сталкивается с проблемами при защите интересов русских в новых этнонациональных республиках, в которых русские превратились в меньшинство.

Несмотря на то, что акты открытой агрессии против русских немногочисленны, в целом ситуация является тревожной. Поскольку русские олицетворяют собой советский строй, они вызывают сильное

чувство негодования и обиды у титульного населения в республиках. Поэтому не удивительно, что в некоторых новых независимых государствах они переведены на положение граждан второго сорта.

О безопасности и статусе русских в новых независимых государствах много и часто говорят, однако существует важный аспект, о котором почти никто не упоминает – индивидуальное и коллективное психологическое состояние этих людей. Резкий переход от доминирующего положения на положение в лучшем случае равных, а в большинстве случаев – граждан второго сорта, оказался психологически травмирующим. Такую психологическую травму вполне можно сравнить с травмой, вызываемой миграцией в другую страну. Стресс аккультурации – это серьезная проблема, связанная с трансформацией устоявшейся личной и этнокультурной идентичности. Значительные сегменты русскоговорящей диаспоры в ближнем зарубежье близки к состоянию ассимиляции и могут оказаться потерянными для русской нации (например, русские на Украине). Не дождавшись поддержки и помощи от России, русские в ближнем зарубежье организуют самостоятельные объединения в различных формах, которые могли бы улучшить их положение, но сталкиваются с вынужденностью выбора – как быть лояльными в новом обществе и поддерживать связи с родиной (т. е. формировать бикультурную идентичность)? В связи с этим возникает проблема сохранения культурной идентичности, которая не статична и представляет собой «становление» не в меньшей мере, чем «бытие», то, «чем мы являемся».

Культурная идентичность – принадлежность в равной мере и будущего, и прошлого. Она трансцендирует место, время, историю и культуру; это способ определения нашего местоположения в нарративах прошлого. Изменение политической ситуации привело к необходимости изменения способов саморепрезентации русских в ближнем зарубежье. Процесс герметизации границ этнокультурных групп вследствие интенсификации этнического самосознания и складывания этногрупповой идентичности на пространстве бывшего СССР начиная с конца 1980-х годов в слабой степени затронул русский этнос, практически не обособленный от остальных этнокультурных групп российского общества какими-либо этнокультурными границами. У русских в ближнем зарубежье происходит постепенное смещение фокуса мировосприятия и самоотношения, критическое переосмысление элементов доминантной культуры бывшего СССР и доминантных культур тех новых независимых государств, в которых они оказались. На базе элементов этих двух культур будет формироваться идентичность, которая будет характеризоваться синкретической динамикой, синергетическим сочетанием культурных кодов.

Литература

- Katz R., Lowenstein A. Adjustment of Older Soviet Immigrant Parents and Their Adult Children Residing in Shared Households: A Comparison // *Family Relations*. 1999. № 48. P. 43–50.
- Sheffer G. The Emergence of New Ethno-National Diasporas // *Migration*. 1995. № 28. P. 5–28.
- Tran V., Khatutsky G., Aroian K., Balsam A., Conway K. Living Arrangements, Depression, and Health Status Among Elderly Russian-Speaking Immigrants // *Journal of Gerontological Social Work*. 2000. Vol. 33 (2). P. 63–77.
- Triandis H. C. The Self and Social Behavior in Differing Cultural Contexts // *Psychological Review*. 1989. № 96. P. 506–520.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ ОСУЖДЕННЫХ

Н. И. Стасюк (Минск, Беларусь)

Многочисленные исследования, наблюдения, эксперименты не только не исчерпали проблему смысла жизни, а, напротив, показали ее глубину и многомерность. В последнее время предметом исследования психологов все чаще становится проблема изучения личности в экстремальных и постэкстремальных условиях. Это вызвано острой для психологической науки и практики необходимостью в определении того, что служит основанием для внутренней устойчивости личности в экстремальных ситуациях, с одной стороны, и преобразований, детерминированных экстремальной ситуацией, с другой.

Для изучения особенностей мотивационно-смысловой сферы личности важным принципом является принцип детерминизма, выдвинутый С. Л. Рубинштейном, согласно которому восприятие и переживание личностью психотравмирующих событий зависит от ее внутренних свойств («ядра»). В свою очередь, внутренние свойства формируются в зависимости от предшествующих внешних воздействий. Принцип детерминизма С. Л. Рубинштейна был дополнен А. Н. Леонтьевым, подчеркнувшим, что внутренние свойства, действуя через внешние воздействия, тем самым изменяют себя. Характеристики мотивационно-смысловой сферы личности свидетельствуют не столько о воздействии экстремальных событий, сколько о явлении переработки психической травмы, куда входят переоценка прежних ценностей, изменение отношения к себе, к окружающим и к миру.

В нашем исследовании приняли участие 1000 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях открытого типа.

Использовалась методика исследования системы жизненных смыслов (авт. В. Ю. Котляков), которая позволила определить категории данных смыслов, их соотношение в жизни испытуемого. Полученные результаты свидетельствуют о значимости экзистенциальных и семейных жизненных смыслов. Лица, находящиеся в исправительных учреждениях открытого типа, видят смысл собственной жизни в том, чтобы быть свободными, чтобы жить и любить. Большое значение для них имеет стремление передать все лучшее своим детям, жить ради семьи. Так, 14% мужчин и 18% женщин ориентированы на то, чтобы быть с близким человеком, чувствовать, что они кому-то нужны, радоваться общению с другими. При этом 11% мужчин и 9% женщин направлены на помощь другим людям. Они указывают на свое стремление делать добро, хотят улучшить мир. Смысл жизни 7% осужденных мужчин заключается в том, чтобы совершенствоваться, реализовывать свои возможности. Данное стремление характерно и для 3% женщин-осужденных. Для респондентов свойственно выделение таких наиболее значимых потребностей, как материальный комфорт, стремление быть понятым другими, возможность заниматься делом, требующим полной отдачи, обеспечение положения влияния, а также возможность зарабатывать себе на жизнь. В современном обществе с ярко выраженной стратификацией по экономическому признаку и фактическим отсутствием так называемого «среднего класса» можно принадлежать или к богатой, или к бедной части населения, что, естественно, вызывает у населения напряжение и тревогу. Отсутствие у большинства осужденных к ограничению свободы обеспеченных родственников, которые могли бы им помочь, и осознание ими своего профессионального и личностного несоответствия жестким требованиям социума, ориентированного на высокое материальное благополучие, вызывает у респондентов сильные переживания, внутренние конфликты и чувство психологической неготовности к жизни. Таким образом, материальные потребности оцениваются заключенными как наиболее значимые. Условия же изоляции определяются ими как движущая сила, которая приводит к необходимости совершенствоваться, раскрывает творческий потенциал личности. Респонденты указывают на свои желания добиваться успеха, сделать хорошую карьеру, занимать достойное положение в обществе (9% мужчин, 10% женщин). Многие из них добились признания и уважения в прошлом, определенного положения в преступном обществе. Они не хотят развивать свои силы и способности. В среде организованной преступности более высоко ценится расчет, решительность и многоопытность. Наименее значимыми категориями жизненных смыслов для мужчин являются когнитивные (5%), для женщин – ге-

донистические (2%). Для мужчин также не характерно стремление понять себя самого, Бога, жизнь в целом. Женщины при этом не видят смысла жизни в получении удовольствия, переживаний, счастья. Для осужденных наиболее значимо умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманное, рациональные решения, чем удовлетворять познавательные потребности.

Исследуя динамику проявления жизненных смыслов, очевидно, нельзя обойти вниманием следующий феномен. Полученные нами данные указывают, что пенитенциарная система способствует утрате смысла жизни. Так, подобное явление наблюдается у 12% мужчин и 6% женщин. Снижение жизненных смыслов заключается в переживании бесцельности и бессмысленности собственной жизни. Смысловая регуляция жизненного пути личности осужденного сформирована в недостаточной мере и деформирована под влиянием отклоняющегося образа жизни. Отсутствие смысла жизни, так называемый экзистенциальный вакуум, ведет к развитию невроза, делает человека беспомощным перед лицом трудностей.

Специфика мотивационно-смысловой сферы личности респондентов способствует либо адаптации к реальности жизни, либо углублению состояния дезадаптации. Можно предположить, что, в первую очередь, смысловой и ценностный компоненты мотивационной сферы, т. е. утрата смысла, потеря ориентации на будущее, сужение жизненных смыслов, деформация жизненных ценностей связаны с состоянием дезадаптации личности.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РАЗЛИЧНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н. Н. Хащенко (Москва)

Понятие «жизнедеятельность» тесно связано с такими терминами, как «жизнь», «жизнь и деятельность». Близость этих понятий закономерна, так как слово «жизнь» в ряде его значений согласно Толковому словарю русского языка понимается как реальная действительность; деятельность человека и общества в тех или иных ее проявлениях, а также оживление, проявление деятельности, энергии. В исследованиях, посвященных различным аспектам жизнедеятельности личности, проживающей в различных экологических

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №07-06-00 295а.

условиях (например, на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы и др.), понятие *жизнедеятельность* позволяет более адекватно и полно отразить реальные социально-психологические явления и процессы, сопровождающие человека как их субъекта в ходе повседневной жизни. Под *жизнедеятельностью* мы понимаем различные формы и виды активности (деятельности, общения, отдельных действий и поступков) личности как субъекта, а также включенность человека в межличностное и межгрупповое взаимодействие. Это понятие, по мнению А. Л. Журавлева, включает социальные, экономические, политические, этнические, экологические, социально-психологические аспекты жизнедеятельности личности (Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций, 2001).

Важность для психологической науки проблемы психологии субъекта, неоднократно подчеркнутая Б. Ф. Ломовым, А. В. Брушлинским и другими учеными, определяет и значимость изучения его жизнедеятельности. Б. Ф. Ломов, развивая проблему «субъекта» в психологии, говорил о том, что если отвечать на вопрос «субъект чего?» изучается в психологии, то в отечественной науке «речь идет о субъекте жизнедеятельности. Именно в жизнедеятельности человек формируется и развивается как субъект» (Ломов, 1984, с. 144). Мотивы, цели, задачи, установки, субъектно-личностные отношения, эмоциональные состояния и т. д., как системообразующий фактор поведения человека, формируются и развиваются в процессе жизни индивида в обществе. Для их изучения недостаточно анализа отдельных поведенческих актов, а необходимо рассмотрение жизнедеятельности человека в контексте развития общества (Ломов, 1984). Жизнь человека в обществе вырабатывает у него не только адаптивные формы, но и формы активного участия в общественных процессах, что приводит к его развитию. Развивающаяся личность выступает не как замкнутая структура, а как включенная в общественную жизнедеятельность (Абульханова-Славская, 1981; 1987).

К. А. Абульханова-Славская определяет жизнедеятельность человека как предмет изучения психологии личности, что позволяет преодолеть ограниченность абстрактного изучения личности, ее свойств и структур (Абульханова-Славская, 1987). При этом «индивидуальная жизнедеятельность – это не самодостаточная структура, а включенная в общественную жизнедеятельность, определяемая общественным способом материального и духовного производства, а также характерным для данного этапа общественного развития способом воспроизводства человека, личности» (Абульханова-Славская, 1981, с. 23). Автором предлагается в продолжение намеченного

С. Л. Рубинштейном процессуального, динамического подхода к исследованию личности (Рубинштейн, 1957; 1998) использовать понятие «жизнедеятельность» с целью раскрытия специфики развития личности в отличие от простого изменения, т. е. анализировать «движение» личности в жизнедеятельности. При этом жизнедеятельность рассматривается как «„пространство“ и... масштаб анализа личности, в котором собственно улавливается ее развитие; жизнедеятельность есть также и то „время“, в котором осуществляются изменения личности, происходит деление на „настоящее“, „прошлое“ и „будущее“» (Абулханова-Славская, 1981, с. 20).

Б. Ф. Ломов, описывая основания, на которых формируются те или иные свойства личности, подчеркивает, что для того чтобы их понять, «нужно рассмотреть ее (личности) жизнь в обществе, ее «движение» в системе общественных отношений» (Ломов, 1981, с. 7). Включенность индивида в те или иные общности определяет содержание и характер выполняемых им деятельностей, круг и способы общения с другими людьми, т. е. его социального бытия, его образ жизни, определяет содержание жизнедеятельности личности, т. е. в одном ряду с понятием жизнедеятельности будут стоять социальное бытие, образ жизни.

Понятие «жизнедеятельность» используется в социальной психологии, а также смежных с ней науках – социологии, психологии личности, и при анализе проблемы образа жизни личности. Исследователи связывают образ жизни с понятием «жизнедеятельность», определяя образ жизни как систему устойчивых способов организации людьми своей жизнедеятельности, а одним из существенных показателей образа жизни выделяя «удовлетворенность личности результатами своей жизнедеятельности» (Психология личности и образ жизни, 1987, с. 177). В. А. Ядов, рассматривая социологический и социально-психологический подходы к исследованию образа жизни, сопоставляет условия жизнедеятельности субъекта с соответствующими особенностями его образа жизни. А. А. Русалинова предлагает использование термина «сфера жизнедеятельности» как более адекватного для характеристики образа жизни человека, коллектива, социальной группы и общества в целом.

Социально-психологические исследования жизнедеятельности личности и группы в экстремальных условиях являются еще одной из сфер приложения понятия «жизнедеятельность» в социальной психологии. Экстремальными условиями, по определению многих авторов, являются те, которые создают опасность здоровью и жизни человека – это условия природных и техногенных катастроф; деятельности в воздухе, под водой, под землей, в космосе. Экстремальные

ситуации для жизнедеятельности человека часто рассматривались в связи с климатическими условиями, природными катастрофами, так как работа в данных условиях, несмотря на возможную опасность для здоровья и жизненного уклада, носит добровольный характер, у человека есть возможность выбора. На современном этапе развития технической цивилизации все чаще возникают ситуации, когда экстремальные условия, крайне опасные для жизни человека, возникают в результате технических аварий, техногенных катастроф, экологического загрязнения окружающей среды. Например, экологическая катастрофа Приаралья, радиоактивное загрязнение Челябинского региона, авария на Чернобыльской АЭС, районы, прилегающие к атомным полигонам и т. п. Как следствие, миллионы людей оказываются в экстремальных условиях из-за некомпетентности, социальной безответственности руководителей и специалистов, несовершенства технических систем, экологических просчетов, т. е. люди становятся «заложниками» обстоятельств и условий. Влияние радиации является экологически неблагоприятной, экологически вредной формой воздействия на человека. Исходя из вышесказанного, можно определить экологически неблагоприятные условия как экстремальные, а жизнедеятельность в данных условиях как жизнедеятельность в экстремальных условиях.

Важным аспектом изучения жизнедеятельности человека в психологии личности, социальной психологии выступает проблема адаптации личности, группы и общности в целом, к тем или иным изменяющимся условиям. Так, социальной адаптацией называют процесс (или результат этого процесса) активного приспособления человека к условиям новой социальной среды и изменившимся возможностям жизнедеятельности (Чернобыльский след..., 1992). А под социально-психологической адаптацией личности подразумевается не столько приспособление к стабильным характеристикам жизнедеятельности, сколько усвоение динамических особенностей образа жизни современного человека, которые являются основой его эмоционального благополучия и прогрессивного развития (Кряжева, 1980).

Вместе с тем необходимо отметить, что использование понятия «адаптация», на наш взгляд, не полностью описывает социально-психологические процессы и феномены, происходящие в изменяющихся экологических условиях длительного (а в большинстве случаев постоянного) проживания человека. Границы понятия «адаптация» становятся узкими, прежде всего, из-за «временной ограниченности», кратковременности его ведущей роли.

Основываясь на существующих подходах в изучении экологического сознания личности, опыте, накопленном в психологии по изу-

чению роли экологических условий жизнедеятельности человека, социально-психологических механизмов его адаптации к условиям длительного проживания на радиоактивно загрязненных территориях, мы считаем психологическим регулятором поведения и жизнедеятельности человека *экологическое сознание*. В качестве этого регулятора экологическое сознание «опосредствует и трансформирует систему отношений человека к себе и другим людям, их поступкам и деятельности». При наличии объективных, либо ожидаемых признаков изменения экологической ситуации происходит актуализация элементов экологического сознания. Под *актуальным экологическим сознанием* мы понимаем совокупность элементов экологического сознания, которые становятся ведущими, значимыми и определяют жизнедеятельность личности.

В работе мы опирались на теоретико-эмпирический опыт, накопленный в социальной и экологической психологии при изучении психологических проблем взаимодействия человека с природой (А. А. Алдашева, С. Д. Дерябо, В. И. Медведев, В. И. Панов, В. А. Ясвин и др.), психологических и социально-психологических последствий экологических катастроф (М. И. Бобнева, А. И. Валитова, Т. В. Власова, Г. М. Денисовский, А. Л. Журавлев, А. В. Мозговая, В. И. Панов, В. А. Сумарокова и др.). Важное теоретико-методическое значение имеют многолетние специальные исследования, выполненные в 90-е годы, по изучению социально-психологических последствий радиационного воздействия, особенностей взаимодействия населения радиоактивно загрязненных территорий с местными органами власти, социально-психологических процессов адаптации к условиям проживания в регионах, пострадавшей в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

В проводимом нами исследовании предполагается изучение следующих психологических феноменов актуального экологического сознания: мера и характер значимости экологических проблем; отношение к экологической ситуации в стране и регионе проживания и его динамика; психологическое состояние напряженности в связи с экологической ситуацией (чувства удовлетворенности – неудовлетворенности, неуверенности, беспокойства, тревоги и переживания опасности – безопасности проживания для своего здоровья и семьи); тип ценностного отношения к природе и его влияние на характер оценки экологической ситуации; место отношения человека к природе в системе его основных жизненных ценностей; готовность человека к определенным действиям, ограничениям и препятствиям в жизнедеятельности, вызванными ситуацией в районе проживания; оценка себя как субъекта экологического сознания и поведения (отношение к себе и т. п.).

В качестве референтов актуального экологического сознания изучаются следующие: 1) представления о причинах изменения экологической ситуации в стране, в регионе проживания и их субъективная значимость – общая оценка значимости экологических факторов для жизнедеятельности человека среди других (политических, экономических, правовых и т. д.); оценка значения экологических проблем для страны; представление о степени своей (населения) информированности об экологической ситуации в стране и в районе проживания; оценка источников информации об экологической обстановке в стране и в районе проживания; оценка уровня экологических знаний и культуры поведения – своего и окружающих; оценка успешности проводимой экологической политики в стране, в регионе, действий различных организаций; частота обсуждения экологических вопросов с членами семьи (родственниками), друзьями, соседями, коллегами по работе и учебе; 2) отношение к экологической обстановке в стране и регионе: динамика личностной оценки «благоприятности – неблагоприятности» экологической ситуации в стране и районе проживания (оценка экологической обстановки в настоящее время, ретроспективная оценка и оценка перспектив изменения экологических условий); оценка направленности (вектора) изменения экологической ситуации в регионе; причины ухудшения или улучшения экологической ситуации в районе проживания; влияние экологических катастроф на отношение к экологическим проблемам; экологические темы, вызывающие эмоциональные переживания, и их субъективная значимость; идентификация с категорией населения по отношению к природе; признаки-ориентиры в оценке изменения экологической обстановки и климата в районе проживания; 3) оценка психологического состояния напряженности в связи с экологической ситуацией: общая удовлетворенность – неудовлетворенность экологической обстановкой в регионе проживания; общая оценка экологической ситуации в регионе с точки зрения ее опасности – безопасности для здоровья; оценка степени опасности – безопасности отдельных компонентов окружающей природной среды в регионе проживания; оценка степени тревоги за здоровье свое и семьи в связи с экологической обстановкой в регионе; переживание чувства безнадежности в связи с экологическими условиями жизни; соблюдение конкретных мер предосторожности, снижающих опасность негативного воздействия среды или направленных на профилактику такого воздействия; оценка личного эмоционального состояния в связи с экологической обстановкой; 4) ценностные установки на отношения человека с природой и их типы (социоцентрический, антропоцентрический, эоцентрический и др.): оценка потребительского, духовного, гуман-

ного и других типов отношения к природе; оценка психологической готовности к изменению собственного экологического поведения; оценка психологической готовности к активному изменению экологической среды жизнедеятельности; 5) система основных ценностных ориентаций человека (терминальных и инструментальных) и место природы в их иерархии; оценка ранга Природы как ценности в системе жизненных ценностей человека; 6) отношение личности к себе как субъекту экологического поведения: оценка уровня собственной активности по разрешению экологических проблем; предпочитаемые действия под влиянием информации об экологической обстановке; степень принятия личной ответственности и оценка ответственности других субъектов (государственных и общественных) за состояние экологической ситуации в районе проживания.

В исследовании проводится опрос молодых людей в возрасте 17–30 лет, проживающих в городах с различными экологическими условиями. В анализе будут приниматься во внимание следующие характеристики респондентов: пол, возраст, образование, сфера деятельности и род занятий, семейный статус, регион проживания, экономический статус и др. Сбор эмпирических данных осуществляется методом персонального формализованного интервью в технике «лицом к лицу».

Обобщение результатов исследования позволит определить структуру актуального экологического сознания личности и выделить те его элементы, которые наиболее характерны для молодежи в современных условиях, а также могут влиять на ее социальную активность в целом.

Литература

- Абульханова-Славская К. А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 137–145.
- Абульханова-Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 19–44.
- Кряжева И. К. Социально-психологические факторы адаптированности личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1980.
- Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 3–17.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Психология личности и образ жизни / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.

- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум, Изд-во ИП РАН, 2001.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во «Академия наук СССР», 1957.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.
- Чернобыльский след: Социальная и правовая защита детей и подростков, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы (Психолого-правовые исследования). М.: Изд-во ИП РАН, 1992.

ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Н. Н. Чавчавадзе (Тбилиси, Грузия)

Человек – социальное существо, и потому становление его личности и, следовательно, формирование его основных характеристик происходит в обществе, в окружении людей. Из этого следует, что изучать человека следует именно с учетом его связи с социальной средой.

Изучая воздействие социальной среды на человека, исследователи размежевали между собой формы *одностороннего социального влияния* и *двустороннего социального взаимодействия*. Они характеризуются различной психологической природой и содержанием. К одностороннему социальному влиянию причисляют виды воздействия, при которых психическая активность человека претерпевает изменения под влиянием другого. При двустороннем же воздействии имеем формы взаимовлияния, являющиеся результатом межличностного отношения.

Одной из форм одностороннего социального влияния является *социальное подкрепление* – определенное воздействие на поведение положительного или отрицательного отношения к нему, выраженного другим человеком. Положительное или отрицательное отношение к поведению индивида дает ему определенное направление: усиливает или ослабляет его.

Гринспун (Greenspoon, 1955), Адамс и Хофман (Adams, Hoffman, 1960), Стивенсон, Кин, Найт и другие (Stevenson, Keen, Knights, 1963) показали, что выраженное другим человеком отношение к определенному поведению может изменить, повлиять на такие личностные характеристики и состояния, как формально-грамматическая сторона речи, позиция говорящего субъекта, формирование и выработка аттитюда. Экспериментально было подтверждено, что изменение активности человека, его социальное формирование и обучение часто достигаются путем таких едва заметных социальных воздействий, как реакции, выражающие согласие – кивок головы,

улыбка, жесты согласия и т. д. Было установлено, что реакции, выражающие согласие, на самом деле усиливают тенденцию репродукции действий, выполненных индивидом, тогда как реакции, выражающие несогласие, наоборот, ослабляют ее.

Как и следовало ожидать, после обнаружения и признания факта социального подкрепления встал вопрос: является ли социальное подкрепление условным сигналом для того поведения, с которым оно связывается, или имеет какое-либо другое значение? Тефель и Нутмен независимо друг от друга провели эксперименты и пришли к выводу, что для хода поведения высказанные другим человеком слова имеют психологическую ценность лишь постольку, поскольку выражают отношение к данному поведению, что еще раз подтверждает зависимость человека от общества, психологическое значение и ценность его социальности (Taffel, 1955; Nuthmann, 1957). С одной стороны, полученные результаты, разумеется, чрезвычайно интересны и важны, но, с другой стороны, несомненно, возникает вопрос: разве человек осуществляет лишь такое поведение, которое нравится присутствующим, и всегда останавливается, когда другие выражают недовольство? Не говоря уже о взрослых, дети часто демонстрируют противоречивое поведение, за которое их даже наказывают.

Если подробно рассмотреть все эксперименты, проведенные с целью изучения феномена социального подкрепления, то можно убедиться в том, что были изучены лишь эффекты воздействия социального подкрепления на социальное поведение. Проведенный Гринспуном (Greenspoon, 1955) эксперимент, ставивший целью выявление эффекта социального влияния на формально-грамматическую сторону речи, в сущности, подтверждает факт воздействия социального подкрепления на социальное поведение: задача испытуемого состояла в произнесении на протяжении 50 мин. определенных слов по типу так называемой «цепной реакции». Вследствие возникновения определенной потребности испытуемые последовательно произносили слова, стоящие то в единственном, то во множественном числе. Сама по себе форма множественного или единственного числа не имела какого-либо особого значения для испытуемого. Значимым для личности фактом могло быть лишь присутствие экспериментатора, и поскольку испытуемые, хотя и по разным мотивам, принимали участие в опыте, у них могла возникнуть единственная потребность высшего порядка – потребность сотрудничества с экспериментатором. Поведение же, ориентированное на такую потребность, как известно, является социальным. Именно в силу существования потребности в сотрудничестве испытуемые в соответствии с реакцией экспериментатора так изменяли свой ответ, чтобы руководитель опыта остался доволен.

В исследованиях, проведенных Адамсом и Хофманом (Adams, Hoffman, 1960), была установлена роль социального подкрепления при выявлении позиции говорящего субъекта. Выражение собственного отношения, несомненно, также представляет собой социальную активность, поскольку служит показателем отношения субъекта к тем или иным объектам. Эксперименты Хильдума и Брауна (Hildum, Brown, 1956) показали, что посредством социального подкрепления возможна выработка определенного взгляда или позиции. Здесь, как видим, также идет речь о взаимосвязи социальной активности и социального подкрепления.

При рассмотрении указанных вопросов стало очевидным, что несмотря на многочисленные исследования точная характеристика феномена социального подкрепления все еще нуждается в решении целого ряда проблем. В частности, необходимо уточнить: 1) влияет ли социальное подкрепление на поведение любого типа или же оно оказывает воздействие лишь на определенное поведение; 2) везде ли одинаковы эффекты влияния; 3) почему социальное подкрепление дает поведению четкое направление; 4) каков механизм влияния на поведение человека реакций согласия или несогласия, выраженных другими людьми.

Решение указанных вопросов, несомненно, поможет лучшему пониманию механизма человеческого поведения, выявит те условия, которые необходимы для нормального протекания разных типов поведения, в случае же необходимости позволит регулировать действия личности.

На современном этапе развития социальной психологии широко используется понятие «установка», поскольку для многих исследователей становится ясно, что без его помощи невозможно решение многих проблем социальной психологии. Понятие установки наиболее плодотворно для описания связи между человеком и обществом, личностью и социальной средой, поскольку оно лучше других терминов показывает, как отражается в каждом конкретном случае среда в психике личности и как реагирует человек на это отражение. Согласно теории установки Д. Узнадзе, целесообразное протекание человеческой деятельности, ее направленность определяются той установкой, на основе которой осуществляется активность. Исходя из этого нами была выдвинута гипотеза о том, что в процессе социального подкрепления в первую очередь изменяются и реорганизируются установки личности под влиянием других людей. В частности, социальное подкрепление является одним из факторов формирования установки, и оно, изменяя установку, вызывает изменение поведения.

Цель исследования состояла в экспериментальной проверке выдвинутой гипотезы, для чего были изучены роль и значение соци-

ального подкрепления в формировании установки поведения всех типов. Согласно теории установки, любому поведению соответствует установка определенного вида, реализации которой и служит данное поведение. Поскольку между установкой и поведением существует такая прямая связь, классификация поведения возможна и на основе установки. Известно, что для формирования установки необходимо существование двух различных факторов – *внутреннего* и *внешнего*. Внутренним фактором установки служит потребность человека. Поэтому при классификации поведения по внутреннему фактору установки можно выделить два вида поведения: *экстерогенное* и *интрогенное* (Узнадзе, 1940).

Учет предметного, внешнего, фактора установки позволяет выделить три формы установки экстерогенного поведения: 1) установка практического поведения – ориентированного на конкретные предметы; 2) установка теоретического, познавательного поведения – ориентированного на абстрактно общие объекты; 3) установка социального поведения – ориентированного на социальные объекты.

Установки интрогенного поведения бывают двух видов: 1) установка реализации психофизических сил, вызванная импульсом самоактивности органов чувств и познания и лежащая в основе физических или умственных игр, спортивной активности; 2) установка к творчеству, служащая для выражения личностных ценностей и определяющая творческую активность.

Изучая взаимодействие социального подкрепления и поведения различного типа, мы опирались на предложенную Ш. Надирашвили классификацию форм поведения в зависимости от внутреннего и внешнего фактора определяющей их установки (Надирашвили, 1975). По отдельности была изучена роль социального подкрепления при реализации установки: 1) практического поведения; 2) теоретического, познавательного поведения; 3) социального поведения; 4) реализации психофизических сил; 5) творческого поведения.

Первые три вида поведения относятся к числу экстерогенных, а это означает, что подобного рода поведение определяется субстанциональной потребностью, для удовлетворения которой необходим объективно данный, существующий во внешней действительности предмет. Реализация психофизических сил и творчество суть интрогенного поведения. Потребность, определяющую их, следует искать в самом индивиде. Для ее удовлетворения необходимо не наличие предмета, существующего вне субъекта, а приведение в действие тех сил индивида, которые в данный момент не участвуют в процессе удовлетворения практических потребностей.

Каждое поведение имеет свою цель, которая состоит в удовлетворении соответствующей конкретной потребности. Цель поведения, несомненно, имеет для личности определенную ценность. Под *личностной ценностью цели поведения* мы подразумеваем то большее или меньшее значение, которое придается личностью достижению или недостижению цели. Достижение цели в ряде случаев имеет для человека большое личностное значение, а порой оно не столь уж значимо. Целью поведения голодного человека является утоление голода, но достижение этой цели не всегда имеет одинаковое значение для субъекта. В силу потребностей более высокого ранга недостижимая цель может не считаться большой неудачей, и человек даже изменит поведение. Например, если очень голодный человек прекратит принимать пищу ради неожиданно пришедшего к нему друга, которому по болезни эта пища противопоказана, то он фактически останется неудовлетворенным, цель поведения – недостижимой, но, тем не менее, человек не расстроится, поскольку для него встреча с другом более важна, чем утоление голода. Фактически личностная ценность цели поведения определяется личностной ценностью потребности, вызывающей поведение. Обычно чем выше потребность, удовлетворению которой служит поведение, тем большее личностное значение имеет это поведение для человека. При объяснении поведения для установления личностного значения его цели весьма важно учитывать те общие ценностные ориентации, attitudes и личностные свойства, которыми характеризуется тот или иной человек. Чрезвычайно важно учитывать также мотив поведения, поскольку разные мотивы придают одному и тому же поведению разный смысл.

Поскольку согласно теории установки целесообразное протекание человеческого поведения, его направление существенным образом определяется установкой, вызывающей это поведение, следует предположить, что в процессе социального подкрепления, в первую очередь, имеет место реорганизация установки личности под влиянием других людей. Вследствие чего выявленные во всех наших экспериментах эффекты воздействия социального подкрепления были рассмотрены и проанализированы с позиции теории установки.

В результате нашего экспериментального исследования (Чавчавадзе, 1987) было выявлено, что одна из форм социального влияния – социальное подкрепление – играет важную роль в формировании установки поведения всех типов. Оно выступает внешним, социальным фактором формирования установки и в какой-то мере определяет результаты ее реализации. Для большинства экстерогенных типов поведения большое значение имеет положительное

подкрепление. В частности, оказалось, что на установочную сенсомоторную активность человека, в которой ничто не зависит от воли личности и в течение которой она почти не может оказать воздействие, что выражается в усилении эффекта установки, отрицательное социальное подкрепление приводит к гораздо более сильному эффекту, о чем свидетельствует величина возникающих иллюзий. Реализация установки теоретического поведения, познания также в определенной степени оказалась зависимой от положительного подкрепления, поскольку для «среднего» ученика она играет в процессе познания роль стимула, отрицательное же подкрепление вообще не оказывает влияния на поведения подобного типа. Лишь для установки экстерогенного поведения третьего вида – социального поведения – имеют значение оба типа социального подкрепления, как положительное, так и отрицательное. Социальное подкрепление может создать условия для выявления фиксированной социальной установки. В зависимости от типа подкрепления формируется различная актуально-моментальная установка, которая либо способствует фиксированной социальной установке, либо препятствует ей, а то и изменяет ее. Следует отметить, что результаты нашего эксперимента, проведенного в сфере социального поведения, совпадают с данными Гринспуна, Адамса и Хофмана, и потому фактически нами были сделаны аналогичные выводы. Выяснилось также, что под воздействием фактора социального подкрепления человек может изменить свое отрицательное отношение к какому-либо объекту, тогда как положительное отношение подвергается изменению с большим трудом. Социально-психологическое объяснение данного факта, по нашему мнению, может быть таким: если дело касается отрицательного отношения не к негативному явлению (как это было в проведенном нами эксперименте), человек может изменить свое отрицательное мнение из стремления устранить дисгармонию, возникающую в обществе из-за разногласия во мнениях, а также под влиянием авторитета подкрепляющего или в случае, если он считает себя некомпетентным и т. д. Разумеется, иначе будет обстоять дело, если вопрос касается негативных явлений в общественной жизни. Исходя из тех же принципов испытываемые в этом случае, видимо, выработают отрицательное отношение. Однако данное суждение – предмет отдельного исследования, и можно лишь предположить конкретные результаты.

Весьма интересные результаты, по нашему мнению, были получены при изучении воздействия социального подкрепления на виды интрогенного поведения. Оказалось, что на установку поведения указанного типа действует лишь отрицательное подкрепление. Положительное социальное подкрепление не играет никакой роли при осу-

щественности подобного поведения – положительное подкрепление не может внести изменения в интрогенное поведение.

Чем вызвано влияние отрицательного социального подкрепления на установку интрогенного поведения? Дело в том, что интрогенное поведение в наибольшей мере переживается личностью в качестве «собственного» поведения. Это на самом деле так, и человек знает, что, осуществляя поведение подобного типа, он выносит свое собственное «я» вовне – на обозрение общества, социальной среды. Именно через такое поведение человек выявляет себя. Хотя субъектом любого поведения является сам человек, однако при экстерогенном поведении причину неудачи всегда можно усмотреть в каком-нибудь объективном обстоятельстве, тогда как причину и автора успеха или неудачи интрогенного поведения следует искать в человеке, его реализующем. Все это осознается человеком, и потому он с особой «ответственностью» берется за интрогенное поведение. В случае отрицательного социального подкрепления нарушается гармония между личностью и обществом, а человек в силу своей социальной природы, под влиянием общества или среды приводит в исполнение компенсационное поведение для восстановления равновесия между «я» и обществом.

Таким образом, посредством понятия установки объяснен психологический механизм социального подкрепления. Экспериментально показано, что социальное подкрепление является внешним, социальным, фактором установки и вызывает изменение активности личности путем реорганизации установки, лежащей в основе данного поведения. Полагаем, что, опираясь на полученные экспериментальные данные, можно дать определенные рекомендации и указания в различных сферах взаимоотношений между людьми.

Полученные результаты позволяют заключить, что характер каждого осуществленного человеком конкретного поведения зависит и от позиции окружающих людей. Этот факт необходимо принимать во внимание в связи с правильной оценкой правонарушений. Помимо того, мы нравственно ответственны за поступки друг друга.

Литература

- Надирашвили Ш. А.* Социальная психология личности. Тбилиси, 1975. С. 62–110 (на груз. яз.).
- Узнадзе Д. Н.* Формы поведения человека // Труды Тбилисского гос. ун-та. Тбилиси, 1940. Т. 17. С. 1–39 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе Н. Н.* Социальное подкрепление как один из факторов формирования установки: Автореф. дис....канд. психол. наук. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

- Adams Y. S., Hoffman D.* The frequency of self reference statements as a function of generalized reinforcement // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1960. № 60. P. 384–389.
- Greenspoon T.* The reinforcing effect of two spoken sounds on the frequency of two responses // *American Journal of Psychol.* 1955. № 68. P. 400–416.
- Hildum D. C., Brown R. W.* Verbal reinforcement and interviewer bias // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1956. № 58. P. 108–111.
- Nuthmann A. M.* Conditioning of a response class on a personality test // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1957. № 54. P. 10–23.
- Stevenson H. W., Keen R., Knights R. M.* Parents and strangers as reinforcing agents for children's performance // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1963. № 67. P. 183–186.
- Taffel C.* Anxiety and conditioning of verbal behavior // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1955. № 51. P. 496–501.

МИР ВЗРОСЛЫХ И МИР ДЕТСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

С. Л. Шалаева (Йошкар-Ола)

В современном обществе резко возрастает актуальность исследования различных проблем детства, что непосредственно связано с четким осознанием его роли в существовании и воспроизводстве на содержательном и функциональном уровнях социума и природы человека. Продолжает увеличиваться поток исследований в этой сфере – от культурно- исторической психологии развития, этнографии детства и истории детства – к социологии детства, экологической психологии развития ребенка, социально-генетической психологии, социальной психологии детства, экологии детства и, в соответствии с духом времени, – виртуальной психологии детства. Большой эвристичностью в рассмотрении этих проблем обладает предложенная в культурно-историческом подходе идея связи ребенка со взрослым.

Детство – это период становления ребенка полноценным членом человеческого общества, это время самого бурного развития человека, которое невозможно без посреднической роли взрослого. Именно взрослый выступает посредником между ребенком и совокупностью социокультурных ценностей, установок, норм, которые определяют условия жизни данного общества и возможность нормально жить в нем. С этой точки зрения отношения взрослых и детей уместнее называть диадой, психологическим симбиозом, так как это – целостная

система, форма организации совместной жизни и деятельности, которая и обеспечивает обеим сторонам процесс взаимной социализации.

Существование такого рода психологического симбиоза неоднократно подмечалось отечественными психологами. Так, Л. С. Выготский подчеркивал, что развивается не сам по себе изолированно взятый ребенок, а целостная система взаимодействия «ребенок–взрослый». Д. Б. Эльконин отмечал, что ребенок познает окружающий мир, строя его образ не своими руками, а руками и ногами взрослого человека. Он говорил также о том, что нет системы «дети и общество» – в этом словосочетании союз «и» выполняет не только соединительную, но и разделительную функцию, а потому теоретически правильным будет выражение «дети в обществе».

Можно сказать, что окружающий мир – это большое общество, состоящее из двух диалектически взаимосвязанных, влияющих друг на друга структур – Мира взрослых и Мира детства. Они взаимодополняют друг друга, не могут существовать друг без друга, помогая друг другу в социализации, обеспечивая своим присутствием и функционированием процесс наследования, передачи социально-исторической памяти, опираясь на которое общество и развивается как целостная структура. Но они и отрицают друг друга, и это отрицание заложено с самого начала противопоставления этих двух структур общества и объясняется их содержательным разнообразием. Отсюда всегда присущий межпоколенному общению «конфликт отцов и детей».

Взаимоотношения Мира взрослых и Мира детства – проблема столь же вечная, как и общество, эти отношения имманентно присущи любому «живому» социуму и они небеспроблемны – сложны и противоречивы, доходя порой до явной парадоксальности (Шалаева, 2006, с. 175–177).

Современное измерение диалектики этих отношений многие исследователи склонны во все большей степени видеть как нарастание конфликтности и кризисности, все более непредсказуемых по своим последствиям. Тяжесть проблемы «отцов и детей» сегодня нарастает и начинает принимать превращенные формы. Сложность и противоречивость этих взаимоотношений в современном обществе начинает осознаваться и обозначается как «уникальная социальная ситуация развития современного детства» (В. В. Абраменкова), «технологизация мира детства» (С. Л. Шалаева) и т. д.

По нашему мнению, существует целый комплекс причин, вызывающих эти последствия, к основным из которых, стоит отнести следующие:

1. В прошлом новое поколение было по численности всегда больше предыдущего. Сегодня наблюдается обратная тенденция – меняется

возрастная структура общества. Уменьшается доля детей и молодежи, увеличивается доля пожилых людей. По сообщению министра образования РФ А. Фурсенко, если в 2000 г. в России было около 21 миллиона школьников, то в 2006 г. их уже всего 16 миллионов. Доля детей в возрасте до 15 лет в общем количестве россиян сократилось с 23% в 1990 г. до 15% в 2005 г. (Селезнев, 2006). Старение населения, меньший динамизм более старших возрастных групп будет порождать существенные расхождения между поколениями в вопросах общественных и культурных нововведений и подталкивать молодое поколение к выбору более экстремальных форм убеждения становящегося все более консервативным мира взрослых. Проявление этого феномена мы уже наблюдаем в росте неонацизма в России и Европе, росте радикализма молодежи во Франции, бунтах «гарлемной» молодежи во Франции, Германии, Голландии и т. д. В ряду этих процессов – серия «цветных» революций на постсоветском пространстве на Украине, в Молдове, Киргизии и вновь очень ярко – в Молдове, а еще раньше в Болгарии, Сербии и других странах Восточной Европы, главным инструментом, движущей силой которых стали протестные настроения молодых поколений.

2. Системный кризис, охвативший общество, не может не затронуть и семью как важнейший социальный институт. Кризис традиционной формы семьи проявляется в структурном и функциональном аспектах:

- Растет число разводов (распадается более 50% браков).
- В российском обществе сегодня более 30% неполных семей.
- Увеличивается количество незарегистрированных браков. По статистике незарегистрированным в России является каждый второй-третий брак людей в возрасте до 20 лет, каждый пятый – в возрасте до 24-х. Среди тех, кто старше 25 лет каждый десятый не намерен зарегистрировать свой брак. 80% таких браков распадается (Иванова, 2008).
- Около половины российских женщин рожают своего первого ребенка не вовремя. А. П. Милованов (2006), доктор медицинских наук, член-корреспондент РАЕН, зав. лабораторией патологии женской репродуктивной системы ГУ НИИ АМН России, подчеркивает: «Сейчас среди женщин репродуктивного возраста сложилась парадоксальная ситуация. Возникли своего рода два полюса: рожают либо до наступления необходимой зрелости, либо на границе репродуктивного возраста. В 20 лет женщина либо учится, либо ищет работу. Семью и более или менее устойчивое положение женщина обретает

к 25–26 годам. К этому времени у большинства за спиной оказываются 2–3, а то и более аборт. Из 40 миллионов женщин репродуктивного возраста бесплодны более 6 миллионов, т. е. каждая пятая женщина не способна стать матерью» (Букин, 2006, с. 5).

- Растет бездетность семьи по объективным причинам, в связи с ухудшением репродуктивного здоровья населения (сегодня в России 15% семейных пар, т. е. 5 миллионов семей бесплодные) (Бирючева, 2007), а также субъективным, когда пара делает сознательный выбор в пользу бездетности и подводит под это глобальную теоретическую базу (течение *childfree*).
- Сокращается число детей в семьях. Половина семей в стране не имеет детей, 34% имеют одного ребенка, 15% – двоих детей (Азарина, 2008). По мнению специалистов, появление ребенка в семье автоматически понижает ее материальный статус. В нашей стране каждая вторая семья с одним ребенком живет ниже прожиточного минимума, среди семей с двумя детьми таких уже 65%, с тремя – 85% (Шило, 2006). Происходящий сегодня мировой финансовый кризис наверняка увеличит эти показатели.
- Резким изменениям подвергается процесс общения родителей и детей. И здесь тоже видны два полюса, с одной стороны, недостаток внимания, равнодушие, приводящие к депривации, с другой, нарастающая волна насилия. По данным Генпрокуратуры в России ежегодно от рук родителей погибают до двух с половиной тысяч детей (Доклад Совета Федерации «О положении детей...», 2006). Особые грани этой проблемы можно зафиксировать в современном западном обществе. Здесь особо обращает на себя внимание политика двойных стандартов, развитая в американском обществе, в отношении контроля и наказания преступлений родителей против приемных детей, например, детей из России и стран третьего мира. Усыновленный ребенок все чаще рассматривается приемными родителями в качестве семейной игрушки, средства государственных субсидий и подъема своего статуса в обществе.

Даже психологическое насилие, когда ребенок жертвует своими насущными потребностями и чувствами в угоду ожиданиям или страхам родителей, известный психолог Дж. Боулби называет «патогенным родительским воспитанием» и подчеркивает, что мир для таких детей становится двусмысленным, неопределенным и всегда опасным, а ребенок, обойденный вниманием родителей, постоянно ищет острых

ощущений. Не отсюда ли нарастающий вал интереса современной молодежи к экстремальным видам развлечений – дайвинг, рафтинг, парасалинг, параглайдинг, геокэшинг (поиски кладов), уличные или ночные гонки, паркур и др.? Очевидно, именно поэтому линейка туристических предложений включает в себя услугу «Активный, экстремальный отдых», пользующуюся сегодня немалой популярностью.

Случаи прямого насилия заставляют ребенка либо жить в ожидании очередного насилия, становясь жертвой и провоцируя на агрессивность по отношению к нему, либо в самом ребенке накапливается внутреннее напряжение, озлобленность, грубость и уже собственная агрессивность. И возникает то, что специалисты называют «кольцом насилия». Не здесь ли истоки роста моды на хеппи-слэппинг (видеосъемка избиения сверстников и размещения их в Интернете) и растущая преступность в детской среде? По данным министра внутренних дел Р. Нургалиева, за 11 месяцев 2006 г. в России совершили преступления 135 тысяч несовершеннолетних, тем самым подводя нас к выводу: каждый десятый преступник в России – подросток (Селезнев, 2007).

Выделенные нами причины объясняют изменяющиеся взаимоотношения Мира взрослых и Мира детей и указывают на наличие и отчасти причинную обусловленность взаимоотноуждения детей и родителей, разрушения этого многими веками существующего симбиоза.

В рейтинге социальных институтов, на фоне кризиса семьи и распада детского сообщества, на 1 место выходят средства масс-медиа, которые активно вторгаются в интимный мир личности и пропагандируют гедонистическое отношение к жизни, закрепляют состояние бездумного потребительского отношения к искусству, потреблению вещей (Шалаев, 2005; Шалаев, Шалаева, 2007). Масс-медиа принадлежит особая роль в мистификации массового сознания, манипулировании им, порождении мифов и иллюзий, симуляторов – всего того, что определяется как «ложное сознание». В этих условиях передача социокультурного опыта идет уже не от старших поколений к младшим, «из рук в руки», а опосредуется информационной средой, прежде всего, через экранную плоскость.

Дети отражают, повторяют и воспроизводят в себе общую атмосферу становящейся глобальной цивилизации потребления, устремленной к индивидуальному успеху, культу телесного над духовным, кристаллизуя в своем воспитании ценности потребительства, индивидуализма, прагматизма, эгоизма, доминирующих над способностью к суждению, альтруизмом, обществом как ценностью, творчеством, традиционной моралью в целом. Дети во все большей степени становятся плацдармом победы технологизма и инструментализма над гуманитарностью и духовностью (Шалаева, 2005).

Либерализация отношений взрослых и детей, а также идеи детоцентризма, широко распространившиеся в XX в., ослабили контакты между поколениями, возвели детство и его черты на пьедестал референтности. Психологи заговорили о синдроме Питера Пена у взрослых людей, а в Мире взрослых распространяется джейнизм как социальная установка на высокую оценку молодости, моду «быть молодым» и дискриминацию пожилых людей. Начинает распространяться модная техника движений – метод Фельденкрайза (фельденкрайз), предназначенная для восстановления взрослым человеком естественной грации и свободы движений, которой обладают все маленькие дети, чтобы двигаться с минимумом усилий и максимумом эффективности.

В 1988 г., когда впервые была переведена на русский язык и издана работа «Культура и преемственность» Маргарет Мид, с трудом верилось в возможность прихода префигуративной культуры взаимоотношений взрослых и детей. Сейчас ее слова, написанные еще в 60-х годах XX в., поражают гениальностью предвидения: «Сегодня же вдруг во всех частях мира, где все народы объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого никогда не было и не будет у старших. И наоборот, старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен, сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ.

Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так и будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно» (Мид, 1988, с. 361).

Жутковатое предсказание сбывается? Феномен детства, определяющий будущее любого общества, становится ноуменом современной эпохи глобализации и постмодернизма. Социальный субъект детства в этой ситуации становится субъектом без социокультурной почвы, приобретая характер ризомы, явно неопределенной в своих внешних границах и совершенно непонятной по своей сущности.

К сожалению, конфликтность отношений двух социокультурных миров в одном обществе продолжает нарастать. Специфика этой конфликтности в том, что ситуация становится все более неконтролируемой и непредсказуемой по своим последствиям. В ней особое место и все усиливающуюся роль приобретают процессы хаотического и случайного характера. Их конкретное воплощение чрезвычайно трудно описать в общепринятых понятиях, на основе сложившихся научных парадигм описания социальной реальности и управления ею.

Тем самым к числу наиболее существенных и фундаментальных вызовов человечеству в ближайшую глобальную эпоху можно отнести проблему гармонизации межпоколенных отношений. В противном случае порожденная человечеством в эпоху глобального общества и высокого материального потребления глобализационная форма детства и связанные с ней социальные последствия (технологизация мира детства, индивидуализация поколений и индивидов, их нарастающий эгоизм и, как следствие, рост социокультурных дистанций, потребительство поколений, дозированное родительство и т. д.), могут стать фатальными для порождаемой глобализацией формы культуры и цивилизации.

Детство, рожденное цивилизованным человечеством на вершине его глобального развития, принимая превращенные формы, способно при определенных условиях выступить решающим фактором завершения человеческой истории. Любая малая флуктуация в ситуации внутренне неустойчивого, нестабильного общества может стать решающей для продления человечества. Данный вызов тождествен вопросу сохранения человеческой цивилизации в ее состоявшейся форме, а потому одной из центральных задач активно развивающегося научного знания становится фиксация проблемы межпоколенных отношений и ее практического освоения на основе принципа гармонизации.

Литература

- Абраменкова В. В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.-Воронеж: МОДЭК, 2000.
- Азарина Н.* Подвиг, которого не заметили // *Семья*. 2008. № 36. С. 11.
- Бирючева О.* «Он снится мне каждую ночь...» // *Марийская правда*. 20 ноября 2007. С. 9.
- Букин А.* Рожать надо вовремя // *Семья*. 2006. № 24. С. 4–5.
- Доклад Совета Федерации «О положении детей в Российской Федерации»* (в изложении) // *Парламентская газета*. 2006. 2 июня. С. 1–2.
- Иванова Н.* Гражданский брак не сдает позиции // *Семья*. 2008. № 20. С. 7.
- Мид М.* Культура и мир детства // *Избр. произведения*. М.: Наука, 1988.
- Селезнев В.* Детей в России стало меньше // *Семья*. 2006. № 10. С. 1.
- Селезнев В.* Нищие дети // *Семья*. 2007. № 6. С. 2.
- Шалаев В. П.* Синергетика социального управления. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005.
- Шалаева С. Л.* Детство в ситуации постмодерна // *Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. Кн. 1. Казань, 2006. Т. 148. С. 169–182.
- Шалаева С. Л.* Социально-онтологический статус в системе общества // Йошкар-Ола: МГПИ, 2005.

Шалаев В. П., Шалаева С. Л. Феномен детства в контексте бифуркационной природы социальных революций (синергетический аспект) // *Детство в глобальном информационном пространстве // Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации».* СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. С. 383–388.

Шило О. Катастрофа в «стране детства» // *Семья.* 2006. № 22. С. 4–5.

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ К УСЛОВИЯМ АРМИИ

Т. Н. Шорохова (Курск)

Молодой человек в условиях прохождения срочной службы, попадая в негативную обстановку, сталкиваясь с неуставными отношениями, не может полноценно адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности. Постоянное нахождение в стрессовых ситуациях формирует у него устойчивое отрицательное отношение к воинской службе, которое может распространиться на Вооруженные Силы в целом. Подобная ситуация, порождающая социальные представления об армии, приводит к тому, что у достаточно большого числа молодежи формируется неприятие воинской службы.

Относительно термина «социально-психологическая адаптация» существует множество точек зрения. В своем исследовании будем придерживаться следующего наиболее полного, развернутого определения. Социальная адаптация – «интегративный показатель состояния человека, отражающий его возможности выполнять определенные биосоциальные функции: адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма; адекватная система отношений и общения с окружающими; способность к труду, обучению, к организации досуга и отдыха; способность к самообслуживанию и взаимобслуживанию в семье и коллективе; изменчивость (адаптивность) поведения в соответствии с ролевыми ожиданиями других» (Большой психологический словарь, 2006, с. 22).

Специфика социально-психологической адаптации военнослужащих, а именно, новобранцев, определяется тем, что они находятся в ситуации двойных изменений: как граждане РФ (непрекращающаяся модернизация общества и отдельных его социальных институтов) и как военнослужащие (в условиях непрерывного реформирования Вооруженных Сил).

Молодые люди, призванные на службу, – это та молодежь, которая еще вчера сидела за школьными партами, в профессиональных училищах, средних специальных и высших учебных заведениях. В период их обучения многие (педагоги, психологи, родители и др. социальные агенты) оказывали им социальную и психологическую поддержку и помощь. Однако данная работа, ориентированная, в первую очередь, на адаптацию к новым условиям в процессе прохождения воинской службы, в условиях армии не проводится.

Призывники в условиях прохождения срочной службы находятся в условиях относительной изоляции от социума. Поэтому процесс адаптации к новой для них социальной среде протекает особым образом. В первую очередь, молодой человек сталкивается с рядом сложных ситуаций, которые до этого времени не являлись для него актуальными. К числу таких проблем можно отнести: необходимость взаимодействия с другими людьми в рамках воинского Устава; специфика трудовой и учебной деятельности; регламентированность жизнедеятельности в период прохождения воинской службы; статусно-ролевая субординация; повышенная требовательность (со стороны старших по званию) к морально-психическим качествам; стрессогенные факторы, влияющие на функциональные состояния (работоспособность, утомление, монотонию и т. д.) молодых людей при выполнении боевых задач; однообразии, инвариативность ежедневной деятельности.

Термин «*социальный оазис*», предложенный А. С. Чернышевым и широко используемый его учениками и последователями, на наш взгляд, является продуктивным для осмысления тех изменений, которым подвержены молодые люди в условиях Вооруженных Сил. Так, А. С. Чернышев полагает, что в «социальных оазисах» целесообразно наряду с существующими направлениями психолого-педагогической практики выделить новое направление – «социальное обучение», которое он понимает как формирование знаний, умений и навыков конструктивного взаимодействия с людьми на межличностном и социальном уровнях, направленного на достижение разнообразных, общественно значимых целей» (Чернышев, 2008, с. 67). По его мнению, актуальность «социального обучения» обусловлена, прежде всего, крайне неразвитыми социальными умениями современных юношей. «Неспособность конструктивно вступить в контакт, наладить гибкий диалог со сверстниками и особенно старшими, определить свою личностную позицию в социуме, отсутствие элементарных представлений о способах эмоциональной саморегуляции – все это порождает неадекватные защитные реакции молодых людей. Проблемы усугубляются при включении в новую социальную среду» (Чернышев, 2008, с. 67).

В течение последних полутора лет осуществляется планомерная диагностика молодого пополнения на базе войсковой части Курского гарнизона. В декабре 2008 г. проведено очередное исследование с целью изучения особенностей адаптации солдат срочной службы (призыв II-08) к условиям армии. Всего было опрошено 42 военнослужащих в возрасте от 18 до 26 лет.

В результате исследования было выявлено, что 52,4% солдат-респондентов испытывают трудности в армии. Из них 45,2% военнослужащих испытывают трудности, но стараются справляться с ними самостоятельно и 7,2% – в большинстве случаев не справляются и никак не могут адаптироваться к условиям службы в своей части. Кроме того, 42,9% из числа опрошенных солдат срочной службы сообщили, что чувствуют себя в армии подавленными и одинокими. Данный показатель может свидетельствовать как о наличии внутреннего эмоционального напряжения в коллективе военнослужащих (что, в свою очередь, не может не сказаться на психологическом состоянии каждого военнослужащего в отдельности), так и о наличии трудностей, с которыми столкнулись молодые люди при прохождении службы в армии: не хватает общения и поддержки родственников (40,5%); новый рацион питания (35,7%); не могут привыкнуть к новому распорядку дня (23,8%); унижение личного достоинства (16,7%); конфликты между солдатами (14,3%); большой объем требований (7,1%); слишком большие физические нагрузки (4,8%); жесткие правила поведения и дисциплины (4,8%); условия проживания (4,8%). При более подробном анализе выявлено, что не испытывают трудностей в армии только 9 солдат из числа опрошенных, что составляет 21,4%.

На общее самочувствие солдат в воинской части влияет осложненная адаптация в новом коллективе, взаимодействие с офицерами и сослуживцами. Как показывают результаты анкетирования, в большинстве случаев, у 76,2% солдат отношения с офицерами нейтральные, бесконфликтные; у 14,3% – хорошие, основанные на взаимопонимании и только у 7,1% – отличные отношения, позволяющие им быстро найти общий язык с офицерами. Однако у 2,4% служащих отношения с другими солдатами и офицерами сложные и напряженные. Как и любой процесс, адаптация имеет свою динамику, поэтому периодически между солдатами срочной службы и офицерами все же возникают предконфликтные ситуации, которые не обязательно перерастают в открытый конфликт. Среди основных причин таких предконфликтных ситуаций с офицерами 11,9% военнослужащих называют индивидуальные психологические особенности офицера (характер, манера общения, привычки и т. п.); 7,1% – непонимание друг друга и 4,8% – большой объем требований со стороны офицера.

Несколько иначе складываются отношения с сослуживцами. Так, 42,9% солдат считают свои отношения отличными и говорят, что нашли много друзей; 35,7% респондентов оценивают данные отношения как нейтральные, бесконфликтные; 19% – отмечают их как хорошие, основанные на взаимопонимании и 2,4% – сложные, напряженные. Причинами возникновения конфликтных ситуаций с сослуживцами считают: 19% – индивидуальные особенности сослуживца (характер, манера общения, привычки); 14,3% – самоутверждение, желание доказать свое «лидерство»; 11,9% – непонимание друг друга; 4,8% – эмоциональное напряжение в коллективе.

Каждый второй опрошенный военнослужащий (50%) считает, что введение дополнительных занятий спортом, свободный доступ в спортзал могли бы улучшить их пребывание в армии; 31% солдат считают необходимым условием улучшения обстановки в воинских коллективах организацию досуга и проведение мероприятий, способствующих сплочению солдат (16,7%).

Немаловажный фактор адаптации в новом коллективе – это умение налаживать психологический контакт и строить доброжелательные взаимоотношения с учетом индивидуальных особенностей другого человека. На вопрос о том, насколько легко они умеют это делать, 35,7% опрошенных солдат ответили, что им необходимо время, чтобы привыкнуть к человеку, прежде чем они смогут полноценно общаться. При этом 33,3% военнослужащих считают себя достаточно общительными людьми, а 26,2% отмечают, что очень легко сходятся с окружающими.

С учетом полученных результатов диагностики солдат срочной службы войсковой части Курского гарнизона, рекомендованы мероприятия по улучшению социально-психологического климата в воинских коллективах, снятию эмоционального напряжения у военнослужащих и профилактике негативных явлений в воинских коллективах.

С этой целью была создана специальная социально-психологическая программа «Навыки общения в мире людей», основными задачами которой стали меры, ориентированные на помощь молодым людям-военнослужащим: в решении проблем адаптации к новым условиям, налаживании взаимоотношений с окружающими людьми, профилактике конфликтов, обучении приемам снятия эмоционального напряжения и др. Программа реализуется в три этапа: диагностический – определение круга вопросов для дальнейшей психологической работы; лекционный – обсуждение актуальных проблем, возникших при прохождении воинской службы; практический – обучение приемам разрешения возникших проблем.

Планомерная и целенаправленная социально-психологическая работа (в соответствии с Руководством по психологической работе в Вооруженных Силах РФ) по данной программе осуществляется с ноября 2007 г. на территории войсковой части Курского гарнизона. За период с ноября 2007 г. по декабрь 2008 г. проведено 28 занятий, их участниками стали 264 военнослужащих в возрасте от 18 до 26 лет. С помощью приемов наблюдения, анкетирования и опроса личного состава удалось выявить, что первостепенное значение как для солдат срочной службы, так и для офицерского состава имеют: поддержание здорового и управляемого морально-психологического состояния личного состава войск; укрепление дисциплины, организованности и сохранение работоспособности воинов; снижение числа негативных явлений в период прохождения воинской службы (неуставных взаимоотношений, самовольного оставления части, суицидальных действий, наркомании и алкоголизма военнослужащих).

Таким образом, в рамках реализации программы было выявлено, что адаптация молодежи к особым условиям жизнедеятельности является актуальным, насущным вопросом, требующим дальнейшего исследования и поиска оптимальных путей, способствующих решению возникающих проблем.

Литература

- Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология // Учеб. пособие. М.: Форум; ИНФРА-М, 2006.
- Чернышев А. С. Реализация лидерского потенциала социально-одаренных детей (экспериментальный подход) // Вестник практической психологии образования. 2008. № 2 (15). С. 64–69.

Часть 3

ПСИХОЛОГИЯ ГРУППОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ КОНФЛИКТНОСТИ О РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ СО СТУДЕНТАМИ

Ю. Л. Астраханцева, Н. И. Леонов (Ижевск)

Преподавателю вуза в своей педагогической деятельности приходится часто сталкиваться с конфликтами разного характера, что ставит его перед необходимостью выбора стратегии поведения в разрешении конфликтной ситуации со студентами. В социальной психологии и педагогической конфликтологии накоплен большой объем теоретических и эмпирических данных о поведении в конфликте и способах его разрешения. Многие отечественные и зарубежные исследователи (А. Я. Анцупов, Х. С. Гуцериев, В. Зигерт, С. И. Ерина, М. М. Кашапов, В. С. Мерлин, Л. А. Петровская, В. П. Сальников, А. Л. Свенцицкий, В. И. Хальзов, Ю. А. Шаранов, А. И. Шипилов, В. Шутц и др.) разрешение конфликтов относят к элементам управления.

Концептуальной базой нашего исследования служат теории социальных представлений С. Московичи, социального мышления К. А. Абульхановой-Славской и онтологический подход к изучению конфликта и конфликтного поведения Н. И. Леонова. В логике проанализированных идей социальные представления преподавателей о разрешении конфликта рассматриваются как способ интерпретации и осмысления конфликта в вузе, предполагающий когнитивную активность преподавателей по его разрешению и позволяющий фиксировать свою позицию по отношению к ситуации разрешения конфликта.

При изучении социальных представлений преподавателей о разрешении конфликтов в вузе принимался во внимание, прежде всего, присущий им баланс устойчивости и изменчивости. Как часть образа мира, социальные представления образуют динамическую систему с достаточно устойчивой структурой. Следует учесть, что преподаватель как субъект, управляющий процессом обучения, развивается

в процессе его деятельности, приобретая опыт управления конфликтными ситуациями в вузе. В соответствии с целью исследования мы предполагаем, что образы конфликтной ситуации, формирующиеся на основе социальной категоризации, имеют свои особенности и обеспечивают личность системой ориентации в ситуации конфликта.

В результате исследования мы разделили выборку преподавателей на группы с высоким, средним и низким уровнем конфликтности. При таком разделении в группу преподавателей с высоким уровнем конфликтности попадают около 26,6% всех испытуемых, в группу со средним уровнем конфликтности – около 49,05% и в группу с низким уровнем конфликтности – 28,3% испытуемых.

Далее были определены типы когнитивной решетки у преподавателей. Под когнитивной решеткой мы понимаем модельное представление категориальных структур индивидуального сознания. В процессе анализа нами были выявлены три типа когнитивных решеток: артикулированная решетка – целостность, согласованность и взаимосвязанность когнитивных компонентов (2 или 3 кластера, хорошо разделенных и взаимосвязанных между собой); фрагментарная решетка – автономность, независимость и изолированность когнитивных компонентов (несколько кластеров, не связанных между собой); монолитная решетка – жесткая ригидная когнитивная структура (1 центральный кластер, связи между элементами которого очень прочные).

Следующим этапом исследования было сравнение особенностей образов конфликтной ситуации преподавателей с разным уровнем конфликтности. Рассмотрим полученные данные на примере преподавателей с высоким уровнем конфликтности. Преподаватели данной группы имеют монолитную решетку. Можно сказать, что эти преподаватели изначально воспринимают студента, как амбициозного, неподчиняющегося, агрессивного, непонятного для них. Когда студент сопротивляется, а для данной группы преподавателей эта ситуация постоянна, они находятся в состоянии конфликта и видят успешное его разрешение лишь в том случае, когда полностью или частично удовлетворяются их интересы.

В идеале преподаватели высокого уровня конфликтности хотели бы избегать конфликта, так как для них успешный человек в разрешении конфликта – это человек, который избегает конфликта. В действительности же преподаватели этой группы постоянно конфликтуют со студентами, так как у них студент не включен в ситуацию конструктивного разрешения конфликта.

Проанализировав особенность образа конфликтной ситуации преподавателей высокого уровня конфликтности, мы пришли к нижеприведенным выводам.

- 1 Образ имеет тенденцию к целостности, включает в себя расположенные в одном семантическом облаке два элемента: представление о ситуации реального конфликтного взаимодействия и идеальное представление, что характеризует данных преподавателей как уверенных в своей правоте и постоянном соперничестве с окружающим миром.
- 2 Образ имеет динамичный характер, который зависит от оценочных категорий.
- 3 Типичной характеристикой образа конфликтной ситуации преподавателей с высоким уровнем конфликтности является оценка, а затем и выстраивание отношений с окружающими людьми на основе каузальной атрибуции. Индивидуальным элементом образа является соответствие идеального и реального в ситуации конфликта. Эти преподаватели испытывают восторг от ситуации конфликта, так как им изначально свойственен конфликтный тип поведения.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Е. В. Бакиштова (Самара)

В 2009 г. исполняется 100 лет со времени выхода книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», авторами которой были семь широко известных в общественно-политических кругах России начала XX в. философов, экономистов, юристов, литераторов и публицистов правокадетского толка: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, А. С. Изгоев, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский и М. О. Гершензон. В. Шелохаев пишет, что итоги полемики вокруг «Вех» оказались для авторов сборника обескураживающими. В поддержку их идей выступил идеолог черносотенства Антоний Вольтинский, на их защиту встали газеты «Новое время» и «Слово». Напротив, либеральная и революционно-демократическая интеллигенция подвергла сборник критике (Вехи, 1991, с. 6).

За прошедшие сто лет при общем признании интеллигенции исключительно российским феноменом все еще окончательно не выявлены факторы принадлежности этой группе. И, прежде всего, для самой интеллигенции. Одни люди считают, что быть интеллигентом – это большая честь, другие – великий позор. Собственно говоря, поисками идентификационных факторов занята, прежде всего, сама интеллигенция. И, очевидно, что данное обстоятельство не последнее

в ряду характеристик этой социальной общности, потому как если другие социальные группы «оформляются» внешними, объективными факторами – общностью территории, отношением к средствам производства, полом, этносом и т. п., то для интеллигенции условием принадлежности выступает именно участие в обсуждении условий принадлежности к интеллигенции.

Интеллигентская психография, изложенная на страницах «Вех», в качестве главных характеристик интеллигенции выделяет безрелигиозность, противогосударственность и антинародность. Такое представление о себе сформировалось не сразу и не прямолинейно. Интеллигентский дискурс самоопределения разворачивался в конце XIX–начале XX вв. на страницах литературно-политических изданий, ведущим из которых был журнал «Русская мысль». И здесь на протяжении трех периодов (ранее об этом говорилось) мы наблюдаем, как формируется некая «генеральная» характеристика (психография) интеллигенции, и рядом с ней – противоположная, которая становится основной уже в следующий период.

Главные характеристики интеллигенции 1880–1890 гг.: *тоскующая; скучающая; в самом нелепом положении; романтически настроенная душа; главнейшая вина русской интеллигенции; замирание сердечное; совершенные иностранцы в родной земле; чуткая душа; запросы совести; форма свободной человечности*, и связаны они с именами Г. И. Успенского и Н. В. Шелгунова, которые были психографами интеллигенции в 80–90-е годы. В целом в первый период создания психографии интеллигенции выдвигаются такие ее черты, как страдательность и маргинальность, ненужность, неукорененность в обществе. Альтернативные представления об интеллигенции в этот период: *страстная любовь к делу; энтузиазм; терпение; глубоко-радостное чувство; потребность в творчестве оригинальных либеральных идей; самое заботливое внимание* (В. А. Гольцев, Д. Н. Сибиряк, А. И. Эртель, П. Д. Боборыкин, Л. А. Камаровский). Именно эти авторы становятся психографами в 1891–1905 годы: *интеллигенция – самая образованная и лучшая часть общества; духовная интимность; молодежь бодрее и сознательнее смотрит на жизнь; умственный и нравственный подъем; образованная женщина всего скорее оздоровит и облагородит нашу семейную и общественную жизнь; уверенность русских в своем превосходстве* (П. Д. Боборыкин, В. А. Гольцев). Боборыкину удается создать литературный психотип интеллигенции «как самой образованной и лучшей части общества», что находит отклик и в публицистике 1891–1905 гг.

Параллельно с оптимистическим образом интеллигенции в журнале зарождается другая тенденция, которая станет определяющей

в «веховский» период, и здесь формулируется в таких высказываниях: *упадок нравов в творчестве; необходимость общей нервно-психической гигиены; аскетические недуги нашей интеллигенции; дилетанты, любители; общество точно одичало*. Эта линия связана с творчеством А. П. Чехова.

Писатель не стремился к выделению интеллигенции из общества и не считал интеллигенцию лучшей его частью. Чехов оказался предвестником «Вех», канонической фигурой для III-го периода, где в критике интеллигенции и призыве к рефлексии формируется канонический образ интеллигенции, отбираются и входят в этот канон наиболее значимые в художественном, публицистическом, идейном смысле тексты журнала. В период 1906–1918 гг. определяется представление об интеллигенции начала XX в.: *в интеллигентском познании поиск истины замещен отстаиванием социальной справедливости; героизм русской интеллигенции демонстративный, поверхностный; ее самосознание сужено набором стереотипизированных социальных идеалов; русская интеллигенция недостаточно рефлексивна; русская интеллигенция недисциплинирована, незаконопослушна, не уважает права личности; отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему* (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве, А. С. Изгоев).

Все это составляет основу представлений интеллигенции о себе, ее классической психографии, представленной статьями сборника «Вехи» (1909–1910 гг.). Сутью этой канонической психографии становится самообвинение, самоотрицание интеллигенции, признание нелигитимности всей своей деятельности и отщепенства от народа и государственной власти.

Интеллигентский дискурс утратил свою остроту и пространность после революции 1917 года и особенно в последующие годы, поскольку «ум, честь и совесть» эпохи и народа были закреплены уже не за трудно определяемой социальной группой, а за вполне четко организованной политической структурой – КПСС, но он не прекратил своего развития, при этом сохранив свою амбивалентность в пространстве антиномий свобода – несвобода, антинародность – народопоклонство, противогосударственность – служение Родине и др. При этом голос «интеллигентской самокритики резонирует, но не сливается с антиинтеллигентскими высказываниями враждебных интеллигенции общественных структур и группировок» (Лотман, 1999, с. 121). Анализ дискурса показывает, что если в XIX–начале XX вв. (т. е. до «Вех» и некоторое время после, до октябрьского переворота) интеллигенция даже в самообвинениях не отказывалась от своего звания и призвания – быть интеллигенцией, сохраняла свою идентичность,

то советская эпоха и особенно постсоветская перестройка приводят к отрицательным описаниям интеллигенции и к невозможности идентифицировать представителей этой группы.

Письменные источники позволяют не только выявить содержание представлений об интеллигенции, но и их динамику. К сожалению, мы не можем узнать представлений об интеллигенции у рабочих, крестьян и других слоев населения, живших в конце XIX–начале XX вв., поскольку они были неграмотны. Однако мы можем это сделать в современной реальности.

С этой целью нами составлена анкета, включающая четыре вопроса: *пожалуйста, приведите суждения, которые приходят Вам в голову об интеллигенции; пожалуйста, назовите характеристики интеллигентного человека; опишите, пожалуйста, хорошо Вам известного интеллигентного человека; относите ли Вы себя к интеллигенции?* Полученные данные послужат для создания шкалы, описывающей семантическое пространство концепта «интеллигенция», которая, возможно, позволит выявить идентификационные «интеллигентские» признаки. В исследовании участвуют представители групп, потенциально предполагающих интеллигентскую идентичность: студенты, преподаватели вузов, сотрудники библиотек, ученые, представители творческих профессий; а также люди, занятые в производстве, сфере обслуживания и коммерции – как с высшим образованием, так и без него. В настоящее время на уровне результатов пилотажного исследования, не подвергавшихся еще статистической обработке, мы можем оперировать только непосредственно высказываниями и сделать предварительные выводы.

Понятия «интеллигенция» и «интеллигент» не всегда четко разделяются в представлении общества. Среди студентов 5 курса (средний возраст 21 год) механико-математического факультета (специальность «Компьютерная безопасность и защита информации») 77% опрошиваемых смогли сформулировать определение интеллигенции и интеллигентного человека по отдельности; среди студентов 5 курса (средний возраст 21 год) факультета психологии (специальность «Педагогика и психология») – 50%; служащие организации «ОО Газпром Трансгаз Самара» (средний возраст 54 года) в большинстве своем определили обе категории – 86%; и самый высокий уровень дифференциации этих понятий обнаружен у людей без высшего образования – 91% (средний возраст 36 лет).

При этом высказывания не однородны по объему и содержанию. Самые сложные и пространные представления у студентов мехмата. Часть из них констатирует скорее отсутствие интеллигенции в современной России: *«Я думаю, что интеллигенция умерла в каких-ни-*

будь древних временах. Но и в наше время встречаются исключения». «Я считаю, что интеллигенция – нужный и важный слой общества, но по сути своей крикливый и бездейственный». «Я не считаю, что интеллигенция нуждается в том, чтобы о ней думали».

Но большинство высказываний вполне «рифмуется» с «до-веховским» пониманием интеллигенции: «Мне кажется, что интеллигенция – это один из важных отличительных признаков русскоязычного населения от других, так как понятие интеллигенции в понимании не только ум, но и духовность, существует только в России. И поэтому интеллигенция является одним из ключей к пониманию русского менталитета. В России интеллигенция – это важная прослойка общества, формирующая критичный взгляд на политические события, вносящая инновационные идеи и мысли» и с представлением об интеллигенции, сложившимся в советские годы: «Интеллигенция – слой, занимающийся умственным и творческим трудом, развитием образования, культуры и духовности в обществе. К интеллигенции относятся актеры, учителя, врачи, ученые», но более иронично: «Каждый кошерный интеллигент должен прожить жизнь так, чтобы соответствовать самому точному из определений, данных интеллигенции ее благодарным народом – совесть нации».

Студенты психологического факультета не выдвигают содержательных суждений и в понятие «интеллигенция» включают в основном перечень профессий: «врачи, учителя»; «профессор, ученый, литературный кружок» и негативные социальные характеристики: «интеллигенция – невысокого материального уровня; не особо ценится в обществе»; «в недалеком прошлом такого рода люди высмеивались из-за некоторых особенностей, например, излишней скромности, чопорности, странного внешнего вида...».

Работники «Газпрома» также приводят противоречивые характеристики, зачастую просто умозрительные: «Гнилая интеллигенция. И до и после 1917 года». «Интеллигенция в том масштабе, в котором она существует в России – исключительно российское явление», и в целом – отрицательное: «Те, кто продолжают себя считать интеллигентами, глубоко ошибаются (заблуждение или, скорее, лукавство)». Только одно высказывание, положительно описывающее интеллигенцию: «Основной класс общества, от которого зависит состояние политики, экономики и культуры государства».

Наиболее позитивные представления об интеллигенции высказывают люди без высшего образования: «Интеллигенция – это люди интеллектуального труда, имеющие высокие моральные принципы» (49 лет, рабочий). «Без данного слоя общества мы не можем существовать» (29 лет, медсестра). «Интеллигенция – это определенная

прослойка общества, которая наиболее образована и зарабатывает на жизнь собственным умом. Это люди не богатые, целеустремленные, постоянно развивающие свой интеллект, с хорошими манерами поведения в обществе» (28 лет, командир взвода). «Интеллигенция – это в первую очередь то общество, в котором все антиморальные устои не признаются» (23 года, заведующая складом). Кроме социальных характеристик, здесь выделяются и психологические: «Интеллигенция – это внутреннее состояние человека (а соответственно, проявляется и внешне). Это некое состояние духовной чистоты, доброты и образованности» (21 год, работник почты). Однако в этой группе понятия «интеллигент» и «интеллигенция» мало разделяемы.

Если говорить о характеристиках интеллигентного человека, то они представлены компонентами: интеллект, духовность и нравственность, гражданская позиция, воля, внешний вид, поведение в обычной жизни и в конфликтах, общительность, недостатки. Не будем рассматривать эти характеристики подробно, но отметим, что во всех группах выделяется, что интеллигент – прекрасный собеседник, сдержан, умеет вести себя в конфликте, умеет выслушать.

Для трех групп (кроме служащих «Газпрома») интеллигентный человек обязательно опрятно одет, иногда упоминается, что еще и со вкусом: «Интеллигентный человек выглядит примерно так: он всегда выглажен, причесан, побрит и пострижен. Если ему на работу, он с вечера приготовит, что ему нужно одеть, постирает, погладит. Если на его брюках вдруг сядет пылинка, он будет ее бережно убирать своими лощеными ручками и снова станет как с иголочки!» (студентка механико-математического факультета). Для представителей группы лиц без высшего образования важным маркером интеллигента выступает отношение к женщине: «Будь это девочка, девушка, жена или знакомая, коллега по работе. Даже в обыкновенном, обыденном разговоре он ведет себя галантно и, общаясь с женщиной, старается превознести ее. Так как воспринимает ее подобно божеству, дающему жизнь» (39 лет, зубной техник).

Что касается последнего вопроса: относите ли Вы себя к интеллигенции, то среди студентов мехмата к таковым себя напрямую никто не относит, но встречаются ответы: «будущее покажет» или «когда я вырасту, то постараюсь быть интеллигентом» (60% ответов); студенты психологического факультета – 8% – относят себя к интеллигенции; служащие Газпрома – 43% осознают себя интеллигентами и 33% – «в некоторой мере». Разнообразные ответы у лиц без высшего образования: 23% считают себя интеллигентами, 14% – «частично»; «стремление высоко» у 14% и «пока нет» тоже у 14% опрошиваемых, но тенденция к тому, чтобы признать себя интеллигентами существует.

Очевидно, что сегодня мы имеем дело с представлениями об интеллигенции двух порядков – традиционно книжными, в рамках интеллигентского дискурса, и обыденными – действительно, представлениями людей об интеллигенции. И если первые, как в похвалах, так и обвинениях апеллируют к духовным и нравственным характеристикам интеллигенции, то последние скорее напоминают описания просто вежливого и социально адаптированного человека.

Литература

- Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910 гг. / С предисловием В. Шелохаева. М.: «Молодая гвардия», 1991.
- Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции, Неаполь, май 1997. Россия / Russia. Новая серия под ред. Н. Г. Охотина. Вып 2. М.: О. Г. И., 1999. С. 121–149.
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, Изд-во ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

МУЖЧИНА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МУЖСКОЙ СУЩНОСТИ

Ю. В. Бражник (Смоленск)

В последнее десятилетие в научной литературе появляется немало монографий и статей, посвященных трансформации образа мужчины в современном обществе, кризисе маскулинности, изменению традиционной роли мужчины в семейной жизни. Предположительно, трансформация мужского гендерного конструкта связана с попыткой женщин уравнивать свои права с мужчинами, получить независимость во всех сферах общественной и семейной жизни. В настоящее время женщины наравне с мужчинами занимают руководящие посты в правительстве, в структурах власти, в силовых ведомствах, в профессиональном спорте, охоте, т. е. женщины вторглись в истинно мужские сферы деятельности. Соответственно, существенно понизился статус мужчин в обществе. Таким образом, можно говорить о кризисе мужественности и трансформации образа мужчины в современной культуре.

Наиболее полно охарактеризовала уже ранее происходившие кризисы мужественности Э. Бадинтер. Она считает, что все кризисы возникали в странах с утонченной культурой, где женщины пользовались большей свободой (Бадинтер, 1995, с. 25). Бадинтер выделяет два периода кризиса мужественности: первый – в XVII и XVIII вв.

во Франции и Англии; второй – кризис мужественности на рубеже XIX и XX вв. в Соединенных Штатах Америки и странах Европы. Кризис мужественности в XVII и XVIII вв. во Франции и Англии возник в связи с пересмотром роли мужчин и понятия мужской сущности французскими жеманницами. Жеманницы полностью отрицают власть отца и мужа, они осуждают брак по сговору и материнство. Любовь, по их мнению, это чувство, которое испытывает именно мужчина к женщине, а не наоборот. Эти правила приняли не все мужчины, а только жеманники, их было очень мало, но, тем не менее, они оказали очень большое влияние на феминизацию мужчин этого периода. В Англии спор о мужской сущности принял значительно более яркий характер. По Бадинтер, «Феминизированный мужчина, усвоивший женскую манеру поведения, вызывает сомнения, не гомосексуалист ли он. Подобная мысль, однако, не приходит в голову французу, когда он видит перед собой того же жеманника. «Новый» мужчина в эпоху английской Реставрации предстает в образе гомосексуалиста, такого же пустого, болтливового и очаровательного, как женщина» (Бадинтер, 1995, с. 29).

Кризис мужественности на рубеже XIX–XX-го столетий затронул страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Все эти страны пережили похожие экономические и социальные потрясения, в основе которых лежали новые реалии, связанные с индустриализацией и становлением демократии. Кроме того, женщины требовали предоставления им прав наравне с мужчинами, работы вне дома, получения высшего образования. В связи с этим у мужчин возник страх перед феминизацией, перед тем, что им придется выполнять женскую работу. В этот период времени женщины становятся мужеподобными, они утрачивают свою женственность, нежность, мягкость, а у мужчин же, наоборот, эти качества начинают ярко проявляться.

Единственным выходом из этого кризиса могло стать разделение границ и обязанностей мужчин и женщин, выполнение их первоначальных, традиционных качеств, функций и ролей. «Для того чтобы мужчины смогли вновь обрести мужественность, необходимо, считает Бадинтер, чтобы женщины вернулись на свое природой уготовленное им место. Лишь восстановление границ между полами излечит мужчин от их тревог, связанных с определением своей сущности». Ложное предположение о том, что равенство тождественно идентичности, является одной из причин специфического явления в нашей культуре – уменьшения, стирания различий между полами. «Женщины пытаются вести себя, как мужчины, а мужчины, соответственно, – как женщины, и различие между мужским и женским, между мужчиной и женщиной постепенно исчезает» (Фромм, 1998, с. 118)

В России проявления кризиса мужественности можно отнести ко второй половине XX в. По мнению Е. А. Здравомысловой, «в позднесоветском дискурсе «кризис маскулинности» – это метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества. Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанная с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести), имплицитно считается причиной разрушения истиной мужественности» (Здравомылова, Темкина, 2002, с. 343). Здравомылова считает, что последствия кризиса маскулинности развиваются в двух направлениях: экономическом и социальном. В настоящее время, по мнению С. А. Орлянского, выделяется еще один кризис мужественности, который можно отнести к концу XX–началу XXI вв. (Орлянский, 2004) Здесь можно выделить три основных причины трансформации образа мужчины в современной культуре: биологические, социокультурные, психологические.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего развития человечества в отдельные кризисные периоды происходит трансформация традиционного образа мужчины в обществе, семье и культуре. Это связано с тем, что женщины, переосмысливая свою сущность, пытаются заниматься мужскими профессиями, выполнять мужские функции, следствием чего является маскулинизация образа женщины. Мужчины утрачивают свою традиционную идентичность и не пытаются ее вернуть. Происходит трансформация мужских гендерных ценностей. Постепенно появляются новые образы и субкультуры.

Литература

- Бадинтер Э. Мужская сущность. М., 1995.
- Здравомылова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже (N) ственности: сборник статей / Сост. С. Ушакин. М., 2002.
- Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
- Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФИЛЕЙ ЛИЧНОСТИ СПОРТИВНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ФАНАТОВ

Е. А. Гагарина (Казань)

Актуальность исследования темы фанатизма как отдельной стороны аддиктивного поведения заключается в том, что в XXI в. число разрушительных аддикций увеличивается с каждым днем. Они ведут

к изоляции и социальной дезадаптации, последствиями которых являются различной степени психопатологии, присоединение и развитие химической зависимости (Куница, 2006, с. 1).

Объектом нашего исследования стал музыкальный и спортивный фанатизм, а предметом – профили личностей музыкальных и спортивных фанатов. Целью настоящей работы было изучение личностных особенностей спортивных и музыкальных фанатов, а также выявление сходств и различий в их личностных профилях.

Выявление сходств и различий в профилях личности спортивных и музыкальных фанатов имеет большую практическую значимость и состоит в возможности дифференцировки их личностных черт для дальнейшей работы с ними, так как данные явления, кажущиеся, на первый взгляд, очень похожими, все же различны, а следовательно, и работа с музыкальными и спортивными фанатами должна проводиться с учетом присущих конкретному виду фанатизма особенностей.

Особой разновидностью аддиктивного типа девиантного поведения является создание кумира. Увлечение какой-либо деятельностью, достигающее крайней степени выраженности с формированием культа и создания идолов с полным подчинением человека и «растворением» индивидуальности, носит название *фанатизма* (Менделевич, 2005, с. 120). *Существует несколько критериев отнесения болельщика к числу спортивных фанатов*: активное посещение домашних матчей спортивной команды; ежегодное совершение нескольких выездов в другие города на гостевые матчи спортивной команды; знание и принятие субкультуры спортивных фанатов. *Музыкальный фанатизм* становится все более опасным. В сознании нормального здравомыслящего человека не укладывается, почему человек может настолько боготворить другого человека, вплоть до самопожертвования и суицида. Многие поклонники, особенно в юном возрасте, проходят стадию фанатизма по отношению к любимому исполнителю. Обычно целью музыкальных фанатов является физическая близость к своему кумиру: дружба, общение, любовь. Музыкальный фанатизм начинается со стирания границ между творчеством исполнителя и его личностью.

В настоящем исследовании приняли участие 60 чел.: 1 выборка – 30 чел., официально состоящих в музыкальных фан-клубах (музыкальные фанаты; средний возраст – 17 лет); 2 выборка – 30 чел., официально состоящих в спортивных фан-клубах (спортивные фанаты; средний возраст – 26 лет).

В результате исследования были получены следующие результаты.

Спортивные и музыкальные фанаты сходны по следующим параметрам: «ритуальное» поведение; ведомое поведение, следование

лидеру; боязнь перемен или возврата в реальность; потребность в признании, проявляющаяся через эксцентричность внешности, поведения и высказываний, которые, в свою очередь, часто ведут к внутреннему дискомфорту; экстрапунитивная направленность реагирования; фанатизм как образ жизни; неуверенность в себе; поверхностность контактов; замкнутость, отгороженность от окружающего мира, эмоциональная холодность; жизнь одним днем.

Музыкальные фанаты имеют в своем профиле выраженность следующих параметров: сильная выраженность аддиктивного поведения предполагает умение преодолевать препятствия на пути достижения цели; боязнь быть отвергнутым в фан-группе; демонстративность внешнего благополучия вкупе с наличным состоянием внутреннего одиночества порождают трудности переживания и осознания влечений и побуждений; трудности преодоления препятствий и выбора между значимыми целями выступают как следствие неуверенности в себе, инфантилизма; трудности регуляции панических реакций тревожности; соблюдение «ритуалов» во избежание возникновения тревожных состояний, «ритуальное» поведение как внушенное; трудности регуляции эксцентричного поведения, а также повышенной эмоциональности; неспособность сделать окончательный выбор между реальностью и «бегством» от нее.

Музыкальные фанаты более, чем спортивные фанаты, тревожно-мнительны по типу характера, им свойственны боязливость, нерешительность, постоянные сомнения. А также музыкальные фанаты тяжелее, чем спортивные фанаты, переживают влечения и побуждения, осознают их, у них возникают затруднения с субъективным восприятием свободы волевого акта.

Спортивные фанаты имеют в своем профиле выраженность следующих параметров: риск присоединения другого вида аддикции; приподнятое настроение как сопутствующий фактор спортивного фанатизма; четкое знание и осознание целей и желаний; отсутствует осознание того, что демонстративное поведение идет вразрез с социальными нормами и может быть наказано; неустойчивость настроения сочетается с безволием; отсутствие сомнений порождает активную деятельность; разделение социальных норм; неуверенность в себе проявляется в закрытости; трудности прогнозирования, которые ведут к нереализованности волевых действий.

Таким образом, данное исследование показало, что такие социальные явления, как спортивный и музыкальный фанатизм, имеют и общие, и различные черты и их нельзя рассматривать, как один и тот же феномен.

Литература

Куница М. Ю. Аддиктивные расстройства личности // Доклад. 2006, август.
Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения // Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2005.

УГРОЗА ЗДОРОВЬЮ В ОБЫДЕННОМ ВОСПРИЯТИИ: СЛУЧАЙ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАНИЯ И СПИДА

Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко (Москва)

Проблема восприятия угрозы здоровью образует особую и недостаточно исследованную область в психологии. Трудность ее изучения связана, с одной стороны, со сложностью анализа обыденного сознания, его механизмов и факторов, а с другой, с самим предметом восприятия – угрозой здоровью, как эмоционально заряженным феноменом.

Ситуация в стране усугубляет эту проблему. Мониторинг показателей заболеваемости и средней продолжительности жизни обнаруживает резкое ухудшение этих параметров в последние годы. С 1988 г. регистрировался рост хронических заболеваний у населения, а также возникновение у пациентов сразу нескольких заболеваний, эпидемиологические заболевания переместились на более высокие места в общей структуре заболеваемости. С 1988 г. началось снижение ожидаемой продолжительности жизни, и к 1994 г. она достигла 63,88 года, что является самым низким значением среди экономически развитых стран. ВИЧ-инфицирование вносит в эту статистику свой вклад. При этом темп снижения продолжительности жизни был катастрофически высок: за 5 лет падение составило 5,84 года. В наибольшей степени пострадали мужчины трудоспособного возраста (Шилова, 1999, с. 85). Эти негативные изменения произошли за годы перестройки в связи с постоянным психоэмоциональным перенапряжением населения. Как таковая ценность здоровья упала, особенно у людей трудоспособного возраста.

Многие исследования свидетельствуют о наличии страхов у населения. Очень распространенным является страх потери работы. По данным В. А. Аникина (2006, с. 15), такой страх в разной мере испытывает 55% работающего населения. Как правило, этот страх связан с опасностью ухудшения материального положения. Эти страхи россиян являются следствием существования объективных барьеров, которые они не способны преодолеть, а в их числе плохое здоровье, наличие в семье иждивенцев и другие причины. Типичным видом

страха является страх утраты здоровья, потеря которого может привести к снижению уровня и качества жизни, к хронической бедности (Горшков, 2006, с. 6).

Помимо страхов россияне, по данным на 2006 г., испытывают и другие деструктивные чувства: чувство беспомощности (80%), ощущение несправедливости (90%), опасения относительно невозможности получить медицинскую помощь (29%), чувство отчаяния (17%) особенно часто фиксируется у пожилых людей и части населения с низким ресурсом образования, здоровья и условий жизни (Аникин, 2006, с. 17). Характерно, что доля россиян, никогда не испытывавших ни одного из этих деструктивных чувств, составляет всего 5%. На фоне подобного эмоционального неблагополучия особенно актуальным представляется изучение субъективно воспринимаемой угрозы здоровью. ВИЧ-инфицирование и заболевание СПИДом составляют один из реальных предметов такой угрозы для любого человека по причине возможности непредвиденного заражения (переливание крови, необработанные медицинские инструменты и т. п.). Другими причинами страха перед заражением является отсутствие надежных средств профилактики и лечения, дороговизна лечебных препаратов, слабость системы социальной поддержки заболевших.

Для проверки этих предположений и построения программы эмпирического изучения проблемы восприятия угрозы заражения ВИЧ-инфекцией было проведено пилотажное исследование, осуществленное с помощью метода полуструктурированного письменного опроса. Респондентами выступили студенты старших курсов гуманитарных факультетов очного и второго высшего образования. В результате предварительного анализа данных было изучено несколько аспектов проблемы: являются ли ВИЧ-инфицирование и заболевание СПИДом серьезными проблемами нашего времени; считают ли респонденты, что эта проблема касается их лично; что должен предпринимать человек, чтобы обезопасить себя от возможного инфицирования; какие чувства вызвало бы у респондентов сообщение о заболевании СПИДом кого-то из числа их близких знакомых; и, наконец, как общество должно относиться к ВИЧ-инфицированным.

Полученные данные были подвергнуты тематическому контент-анализу, в итоге которого выделились несколько наиболее часто используемых респондентами интерпретаций проблемы. По теме серьезности и остроты затронутой проблемы большая часть респондентов высказалась положительно, особо подчеркнув негативное отношение общества к больным и инфицированным, угрозу, которую представляет собой заболевание для всех слоев населения, эпидемический характер распространения инфекции, недостаток бдитель-

ности и предосторожности со стороны населения. Тема отношения проблемы ВИЧ и СПИДа к себе лично респондентами трактовалась в напряженно-эмоциональном ключе. Часто звучали тревожные высказывания о возможности случайного заражения, неэффективности лечения, недостатка средств на него. Обезопасить себя, по мнению респондентов, можно правильным образом жизни, разборчивостью в связях, предохранением при сексуальных контактах, повышением своей информированности относительно поднимаемой проблемы. Тема возможности заболевания СПИДом кого-то из числа близких знакомых респондентов вызвала эмоциональный ответ в виде шока, страха, ужаса, а также вероятной жалости, сочувствия, попыток помочь. Тема того, как общество должно относиться к ВИЧ-инфицированным, однозначно трактовалась как необходимость большей терпимости, реальной социальной помощи и психологической поддержки.

Таким образом, предварительный анализ проблемы позволяет предполагать, что социально-психологическая модель угрозы здоровью с необходимостью должна базироваться на изучении социальных эмоций, связанных с этой проблемой, и особенностей представлений о ВИЧ-инфицировании и СПИДе, сути болезни, особенностях физического и психологического состояния больных и отношения к ним общества.

Литература

- Аникин В. А.* Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социс. 2006. № 12 (272). С. 15–21.
- Горшков М. К.* Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социс. 2006. № 12 (272). С. 3–8.
- Шилова Л. С.* Трансформация самосохранительного поведения // Социс. 1999. № 5. С. 102–112.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ СТУДЕНТОВ

М. И. Дрепа (Ставрополь)

В связи с возрастающей компьютеризацией и «интернетизацией» российского общества стала актуальной проблема патологического использования Интернета, обозначенная в зарубежной литературе в конце 80-х годов прошлого столетия. В период с 2002–2008 гг. число Интернет-пользователей в России выросло с 8% (8,7 млн чел.) до 30% (34,4 млн чел.), а уровень суточной аудиторией – с 2% (2,1 млн

чел.) до 16% (17,7 млн чел.). Основными пользователями Интернета в России на сегодняшний день являются молодые люди в возрасте от 18–24 лет. Вместе с увеличением количества пользователей Интернета в мире растет уровень интернет-зависимости.

Основными направлениями в изучении интернет-зависимости в современной науке являются: разработка ее диагностических критериев; изучение влияния виртуальных взаимоотношений на личность пользователя Интернета; исследование идентичности пользователей Интернета и процессов их самопрезентации в сети; изучение психологических аспектов коммуникативных процессов, реализуемых посредством сети Интернет.

На сегодняшний день выявлены основные причины и механизмы развития зависимости от Интернета. Американским психологом К. Янг были выделены основные предпосылки и стадии развития данного вида зависимости. В созданном ей «Центре он-лайн зависимости» разработана трехуровневая модель, объясняющая приверженность к применению Интернета. Р. Дэвисом предложена когнитивно-поведенческая модель патологического использования Интернета. Доктором М. Орзак была проведена систематизация критериев интернет-зависимости с выделением психологических и физических симптомов данной зависимости.

В России проблема интернет-зависимости начала изучаться только в последнее десятилетие. А. Е. Войскунским и А. В. Котляровым разработаны критерии данного вида зависимости. В. Д. Менделевич выделил типы интернет-зависимых личностей. А. Е. Жичкиной, Н. В. Чудовой, Л. Н. Юрьевой, Т. Ю. Ботьбот исследованы особенности личности интернет-зависимых подростков.

Несмотря на рост количества исследований данного вида зависимости, проблема влияния интернет-зависимости на личностные характеристики современного студенчества остается малоизученной. Так, возрастает количество пользователей Интернета в возрастной группе от 18–24 лет, но выявление среди них интернет-зависимых пользователей, диагностика степени их интернет-зависимости, исследование их личностных особенностей и оценка динамики личностных характеристик зависимых пользователей в данной возрастной группе в настоящее время не проводится.

Принимая во внимание прогнозы темпов роста распространенности Интернета в России, рост удельного веса молодежи среди пользователей Интернета, формирование интернет-зависимости у четверти пользователей в первые полгода после начала работы в Интернете, можно заключить, что изучение влияния интернет-зависимости на личностные характеристики современной молодежи является

актуальной проблемой современной психологии. Изучение данной проблемы позволит разработать профилактическую и психокоррекционную программу для предупреждения изменений личности интернет-зависимых пользователей. С учетом актуальности данной темы, целью нашего исследования стало изучение эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер личности интернет-зависимых студентов.

Исходя из цели исследования, в качестве его объекта выступили личностные характеристики интернет-зависимых студентов, а предметом исследования явились особенности эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер их личности.

Основными задачами проводимого нами исследования были: диагностика уровня интернет-зависимости среди современных студентов; выявление интернет-зависимых студентов; изучение особенностей эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер их личности; изучение динамики личностных характеристик данной группы студентов в зависимости от степени интернет-зависимости и сравнение психологических характеристик личности интернет-зависимых студентов с данными характеристиками студентов, не имеющих интернет-зависимости.

Для решения поставленных задач в ходе исследования использовался комплекс методик, включающий: тест на интернет-зависимость К. Янг в трактовке В. А. Буровой и опросник «Восприятие Интернета» Е. А. Щипилиной, используемые для изучения роли глобальной сети Интернет в жизни студента и диагностики у них уровня интернет-зависимости; шкала реактивной тревожности Ч. Д. Спилберга–Ю. Л. Ханина, тест «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова, тест на стрессоустойчивость, методика самооценки личности Будасси, тест уверенности в себе Райдаса, опросник депрессии Бека и опросник Басса–Дарки – для изучения эмоционально-волевой сферы личности; методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и тест «Самооценка конфликтности» С. М. Емельянова – для диагностики коммуникативной сферы личности и методика диагностики мотивации успеха и боязни неудачи Т. Элерса – с целью изучения направленности мотивационной сферы личности.

Исследование проводилось на базе ГОУ ВПО «Ставропольская государственная медицинская академия». В ходе проводимого исследования приняли участие 287 студентов в возрасте от 18–25 лет.

На основании теста на интернет-зависимость К. Янг все испытуемые были разделены на 2 группы. В контрольную группу (КГ) вошли 137 чел. (47,7%), не имеющие интернет-зависимости, в эксперимен-

тальную – 150 чел. (52,3%), имеющие интернет-зависимость различной степени. Согласно тесту К. Янг, все опрошенные, имеющие интернет-зависимость, были разделены на 3 группы: лица с низкой степенью интернет-зависимости (НСт ИЗ) составили 30%, лица со средней степенью (СрСт ИЗ) – 55% и лица с высокой степенью (ВСт ИЗ) – 15%.

Для изучения роли глобальной сети Интернет в жизни современных студентов анализировались основная цель, стаж, частота и длительность использования Интернета; частота превышения запланированного времени пребывания в Интернете; частота пренебрежения личными делами в связи с пребыванием в Интернете и частота недовольства окружающих виртуальной жизнью студента.

Анализ эмпирических данных позволил заключить, что на сегодняшний день Интернет играет важную роль в жизни современной молодежи. Это подтверждается каждодневным посещением ими глобальной сети Интернет, очень частым превышением времени пребывания в Интернете (в среднем 10–20 часов в неделю), пренебрежением личными делами в связи с пребыванием в Интернете, частыми жалобами окружающих на проведение студентом слишком большого количества времени в Интернете. Тот факт, что основной целью использования современной молодежью Интернет-среды является общение, свидетельствует о наличии у интернет-зависимых студентов трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного общения в реальной жизни.

При изучении эмоционально-волевой сферы личности интернет-зависимых студентов исследовались: уровни личностной тревожности, депрессии, агрессивности и враждебности, воли, стрессоустойчивости, уверенности в себе и самооценки личности.

Для студентов контрольной группы был характерен низкий уровень личностной тревожности, а при возрастании степени интернет-зависимости данный показатель повышался, и лица с высоким уровнем интернет-зависимости характеризовались высоким уровнем личностной тревожности. Увеличение уровня тревожности у интернет-зависимых студентов свидетельствует о склонности данной группы студентов воспринимать все более расширяющийся круг ситуаций как угрожающий, что выражается в постоянном общем чувстве напряженности; представлениях о своей социальной неспособности, личностной непривлекательности и приниженности по отношению к другим; повышенной озабоченности критикой в свой адрес; нежеланием вступать во взаимоотношения без гарантий понравиться; ограниченности жизненного уклада.

Студенты контрольной группы характеризовались низким уровнем депрессии, по мере увеличения степени интернет-зависимости

уровень депрессии возрастал и у студентов с высокой степенью интернет-зависимости отмечался высокий уровень депрессии, что выражалось в подавленном настроении, не зависящем от обстоятельств; потере интереса или удовольствия от ранее приятной деятельности; выраженной утомляемости и пессимизме; чувстве вины, бесполезности, тревоги и страха; неспособности концентрироваться и принимать решения.

Повышение уровня агрессивности и враждебности по мере увеличения степени интернет-зависимости свидетельствует о повышенной готовности этих студентов к агрессии, склонности воспринимать и интерпретировать поведение других людей как враждебное, что приводит к формированию потенциально агрессивного восприятия как устойчивой особенности мировосприятия и миропонимания данной группы студентов. Повышенная агрессивность интернет-зависимых студентов формируется как форма протеста против непонимания общества и в связи с неудовлетворенностью своим положением в обществе.

При исследовании силы воли интернет-зависимых студентов было установлено, что для студентов контрольной группы характерен высокий показатель волевой характеристики. При увеличении степени интернет-зависимости происходило снижение данного показателя, и для студентов с высоким уровнем интернет-зависимости был характерен низкий уровень силы воли. Снижение показателей силы воли у интернет-зависимых студентов проявлялось в неумении сдерживать свои чувства, в импульсивных и необдуманных действиях, в неумении владеть собой и заставлять себя выполнять задуманное действие и свидетельствует о нарушении способности преодолевать трудности на пути к цели в реальной жизни, что способствует прогрессированию зависимости от Интернета за счет возможности переноса цели из реальной жизни в виртуальную.

В результате изучения уровня стрессоустойчивости интернет-зависимых студентов было выявлено снижение данного показателя по мере повышения степени интернет-зависимости, что свидетельствует о нарушении способности интернет-зависимых студентов переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья. Низкая степень уверенности в себе у большинства интернет-зависимых студентов возникает как следствие негативных оценок собственных достижений и своего образа и характеризуется недостаточно ясными формулировками намерений; неполными планами действий; негативной оценкой результатов действий, приводящих к возникновению дефицитных стереотипов поведения. Неуверенность в себе свидетельствует о том, что данная категория

студентов зависит от мнения окружающих, что приводит к их несамостоятельности, неспособности принимать ответственные решения и брать на себя обязательства, что формирует у данных студентов пассивную позицию, что приводит к снижению уровня самооценки, отчуждению от окружающих и погружению в депрессию.

Исследование уровня самооценки показало, что в контрольной группе отмечается высокий уровень самооценки, по мере же нарастания степени интернет-зависимости уровень самооценки снижается. Так, лица с низкой степенью зависимости характеризовались нормальным уровнем самооценки, а лица со средней и высокой степенью – низким уровнем. Снижение уровня самооценки при увеличении степени интернет-зависимости вызывает у данной группы студентов чувство неуверенности в себе, робость, невозможность реализовать свои способности. Интернет-зависимые студенты, имея низкую самооценку, чувствуют себя слабыми и недостойными успеха. Отсутствие веры в себя накладывает ограничения на их цели и планы: интернет-зависимые студенты не ставят перед собой труднодостижимых целей, ограничиваются решением обыденных задач; прилагаемые ими усилия меньше потенциально возможных. Низкая самооценка нарушает у этих студентов процесс самоуправления и повышает их конфликтность. Помимо вышесказанного, данная группа студентов за счет низкого уровня самооценки и недостатка необходимых навыков испытывает социальную неуверенность, менее склонна к установлению новых взаимоотношений или углублению существующих, что в свою очередь увеличивает риск одиночества среди интернет-зависимых студентов в реальной жизни и компенсаторный поиск ими альтернативных методов реализации потребности во взаимоотношениях.

Для характеристики направленности мотивационной сферы личности интернет-зависимых студентов изучались уровни мотивации достижения успеха и избегания неудач. При анализе полученных результатов было установлено, что в контрольной группе преобладала мотивация достижения успеха, а уровень мотивации избегания неудач оказался низким, по мере возрастания степени интернет-зависимости уровень мотивации достижения успеха снижался, а уровень мотивации избегания неудач возрастал и у студентов с высокой степенью интернет-зависимости данный уровень оказался завышен. Преобладание мотивации избегания неудач при увеличении степени интернет-зависимости свидетельствует о том, что цель интернет-зависимых студентов заключается в том, чтобы избежать неудачи, что выражается в предпочтении интернет-зависимыми студентами наиболее легких или наиболее трудных задач. Проявлениями домини-

нирования мотивации избегания неудач у интернет-зависимых студентов является также неуверенность в себе, заниженная самооценка и нереалистичный уровень притязаний.

Для характеристики коммуникативной сферы личности интернет-зависимых студентов в ходе нашего исследования оценивались уровни конфликтности и одиночества. Анализ полученных результатов показал, что у студентов контрольной группы были выявлены низкий уровень конфликтности и степень одиночества, в то время как по мере возрастания степени интернет-зависимости данные показатели увеличивались. Высокий уровень одиночества у интернет-зависимых студентов свидетельствует о межличностном обеднении реальной жизни данной группы студентов и о компенсаторном развитии зависимости вследствие недостатка вербального общения, что обуславливается недостатком необходимых навыков для установления новых и укрепления существующих взаимоотношений и наличием трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного взаимодействия за счет высокого уровня конфликтности у интернет-зависимых студентов. Конфликты в данном случае возникают из-за чрезмерной критичности и требовательности данных студентов к себе и к окружающим.

Анализируя результаты, полученные в ходе исследования, можно сделать следующие выводы:

- 1 На сегодняшний день 70% пользователей Интернета имеют средний и высокий уровень интернет-зависимости, что выражается в каждодневном посещении большинством опрошенных глобальной сети Интернет, превышении запланированного времени посещения Интернета (в среднем 10–20 часов в неделю), пренебрежении личными делами в связи с пребыванием в Интернете, в частых жалобах окружающих по данному поводу.
- 2 Для интернет-зависимых личностей характерны: «предвкушение» аддиктивной реализации, проблема контроля, низкая критика к собственному состоянию и нарушения социальной адаптации в реальной жизни.
- 3 Интернет-зависимые студенты характеризуются такими показателями эмоционально-волевой сферы их личности, как высокие уровни личностной тревожности, депрессии, агрессивности и враждебности. При увеличении степени интернет-зависимости происходит дальнейшее повышение этих характеристик. Помимо этого, для интернет-зависимых студентов характерны низкие показатели силы воли, стрессоустойчивости, самооценки и уверенности в себе. При увеличении степени зависимости наблюдается снижение этих показателей.

- 4 Выявленные особенности эмоционально-волевой сферы интернет-зависимых студентов предрасполагают их к увеличению использования интернет-среды за счет возможности конструирования в ней новой виртуальной личности, получения эмоциональной поддержки и признания в Интернете, а также за счет возможности достижения целей не путем развития собственных необходимых качеств, а путем смещения самих целей в виртуальную реальность.
- 5 Интернет-зависимые студенты характеризуются такими показателями коммуникативной сферы, как высокая степень одиночества и конфликтности, что свидетельствует о наличии у интернет-зависимых студентов трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного общения и о преодолении данных трудностей межличностного взаимодействия в реальности путем замещения этого общения на виртуальное за счет возможности конструирования в рамках общения посредством сети Интернет новой виртуальной личности. Наличие трудностей в межличностном общении у интернет-зависимых студентов подтверждается использованием большинством опрошенной молодежи Интернет-среды с целью общения.
- 6 Для мотивационной сферы интернет-зависимых студентов характерно преобладание мотивации избегания неудач над мотивацией достижения успеха, что обуславливает наличие у этих студентов трудностей в процессе социальной адаптации.
- 7 При увеличении степени интернет-зависимости происходит усугубление изменения личностных характеристик интернет-зависимых студентов, что приводит к углублению социальной их дезадаптации и прогрессированию интернет-зависимости.
- 8 Своевременное выявление интернет-зависимых студентов позволит предупредить изменения их личностных характеристик и своевременно провести профилактическую и психокоррекционную работу.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Т. П. Емельянова (Москва)

Проблему репрезентации гражданской ответственности в обыденном сознании нельзя считать досконально разработанной в социально-психологической науке. Эта проблема приобрела акту-

альность в отечественной науке последнего времени благодаря своей социальной остроте в период формирования гражданского общества в России. Понятие гражданской ответственности используется в научной литературе не столько в плане изучения данного феномена как такового, сколько для анализа смежных явлений. Так, в работах Т. В. Водолажской оно упоминается в связи с гражданской идентичностью, А. А. Грицановым при анализе феномена гражданского общества и т. п. Понятие ответственности зарубежными учеными связывается с изучением локуса контроля личности (интернальность-экстернальность), начиная с исследований Д. Роттера. Накоплен огромный эмпирический материал по коррелятам локуса контроля с личностными характеристиками и рядом социально-психологических феноменов (см., например, работы К. Муздыбаева, Е. Д. Дорофеева). Большое внимание проблеме ответственности уделяют российские ученые, такие как К. А. Абульханова-Славская, К. Муздыбаев, Л. И. Диментий и др. Главной особенностью в подходах отечественных авторов является то, что понятие ответственности изучается в контексте социальных явлений. Что касается изучения социальных представлений о значимых феноменах общественной жизни, опыт их исследования в России достаточно обширен. Традиция анализа социальных представлений, сложившаяся во Франции благодаря новаторским работам С. Московичи, Д. Жодле, Ж.-К. Абрика, К. Фламана, М.-Л. Рукетта и их западноевропейских коллег – В. Вагнера, У. Дуаза, Р. Фарра, И. Марковой и др., была творчески осмыслена и воспринята в России. Работы К. А. Абульхановой, Г. М. Андреевой, М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, Т. В. Фоломеевой, П. Н. Шихирева, Е. В. Якимовой и других создали отечественную традицию изучения социальных представлений.

Опыт анализа социальных представлений об ответственности ограничивается небольшим числом работ. В частности, они представлены исследованиями Е. В. Пашенко, которая сравнивала в кросскультурном плане социальные представления о различных видах ответственности у российских и французских студентов. Наши исследования, проведенные по ее методике, касались социальных представлений о социальной ответственности у российских студентов (Емельянова, 2006).

В отечественной социальной психологии существует определенный опыт изучения феномена ответственности как личностной черты. Между тем социально-психологический подход к гражданской ответственности как к культурному явлению, рассмотренной на социетальном уровне, требует сравнительного исследования представленности этого явления в обыденном сознании групп населения. Опыт

изучения социальных представлений населения России указывает на то, что гражданская ответственность должна являться предметом социальных репрезентаций в силу общественной актуальности и неоднозначности этого явления. Согласно положениям теории социальных представлений, объект представления – это всегда социокогнитивно «выпуклый» объект (Moliner, 2001), являющийся предметом дискурса на различных уровнях (межличностном, уровне публичных дебатов, в СМИ, а также культурной коммуникации). В случае гражданской ответственности можно наблюдать присутствие (хотя и неравномерное) всех четырех видов дискурса в российском обществе.

Содержание коммуникации по вопросам гражданской ответственности достаточно многообразно, но при этом одной из наиболее активно обсуждаемых является тема позиции человека-гражданина, который должен или не должен сотрудничать с органами государственной власти, если он обладает информацией о нарушениях правопорядка со стороны других лиц. Согласно анализу материалов СМИ и проведенным нами интервью с респондентами разной профессиональной принадлежности, наиболее частыми являются суждения о том, что негативный оттенок факта сотрудничества граждан с государственными органами сохраняется со времен советского прошлого. Если зрелая демократия стимулирует проявление субъектных свойств граждан, создает условия и предпосылки для их актуализации, то авторитарный и тоталитарный режим «глушил» такую спонтанную активность. В обыденном сознании она до сих пор связывается с доношением.

Помимо этого, активное вмешательство граждан в происходящее вокруг них, будь то асоциальное поведение соседей, прохожих на улице, или неудовлетворительная работа коммунальных служб, блокируется боязнью стать жертвой мести, осознанием своей незащищенности перед виновником. Так, Ю. А. Красин (2003, с. 126) справедливо говорит о подрыве веры в сильное государство, в возможность защитить свои права и, вместе с тем, утрате коллективистской солидарности, которые в советское время в какой-то мере компенсировали неразвитость гражданского общества и личностного начала. Г. Г. Дилигенский (2000) раскрывает механизм зарождения агрессивного индивидуализма на этой почве. Автор, на наш взгляд, правомерно подвергает сомнению идею изначальной общинности, соборности и коллективности российского менталитета, во всяком случае, в его советском варианте. В условиях советской тоталитарной системы коллектив, по определению Г. Г. Дилигенского, – это «горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями» (там же, с. 412). Психологичес-

кая интеграция в таких условиях возможна, но она осуществляется не на основе солидарности, общности целей и ценностей, а на основе общей «крыши», гарантирующей социальную защищенность. То есть социалистический коллектив представлял собой эффективное средство контроля.

Выйдя из атмосферы господствовавшего в советской системе псевдоколлективизма, человек оказался один на один с государственной машиной, где господствовали лидеры, отличающиеся агрессивным индивидуализмом, «умеющие жить», сколачивающие огромные состояния помимо и вопреки интересам основной массы населения. Тяготы жизни и необходимость выжить толкали людей к индивидуалистическим стратегиям поведения, при которых «каждый за себя». Г.Г. Дилигенский называет эту стратегию адаптационным индивидуализмом слабого человека (там же, с. 412). Будучи принужденным рассчитывать исключительно на свои силы, человек не просто ощущает себя автономным по отношению к социуму и социальным институтам, но и воспринимает все социальное как враждебную ему среду. В интервью, проводимых автором, эта асоциальная позиция выступала как осознанная установка (там же, с. 414).

Подобные установки «подпитываются» ослаблением моральных норм и, соответственно, нравственного сознания. Нельзя не согласиться с мнением А.Г. Здравомыслова (Здравомыслов, 2005) о том, что общечеловеческая мораль, которая еще во времена горбачевской перестройки играла важную роль, в 1990-х годах начинает исчезать из массового сознания, заменяясь нравственным релятивизмом. Кроме того, исследования гражданской идентичности, являющейся одним из факторов гражданской ответственности, показывают, что этот род идентичности оказывается более слабо выраженным у российских респондентов, чем идентичность профессиональная, семейная, дружеская (Иванова, 2004). Эта закономерность действует не только в отношении социальной идентичности отдельных граждан, но и присутствует в действиях представителей бизнеса современной России, где, по мнению политологов, «налицо явный приоритет групповых и клановых интересов над интересами гражданскими, общенациональными» (Красин, 2003, с. 131).

Как было показано (Лебедева, 1999), идентичности «узкого круга» являются буфером, который может смягчить жесткие воздействия неблагоприятных внешних факторов, в частности, радикальных общественных изменений. Именно этими свойствами обладают семейная, профессиональная идентичности, идентификация с неформальными группами. Примечательно, что, по данным Е. Н. Даниловой и К. Козел, в России мы-идентичность как общность повседневного межличност-

ного общения (семья, друзья, товарищи по работе) оказывается приоритетной в сравнении с Польшей, где ведущими являются мы-идентичности «поляки» и «католики» (Ядов, 2000, с. 387). Преобладание такого типа идентичности напрямую связано с социальной разобщенностью и дезинтегрированностью общественного сознания в России.

Говоря о гражданской идентичности, необходимо вспомнить об универсальном механизме актуализации внешних воздействий через внутренние условия активности субъекта. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинский указывал на активную роль внутренних условий в детерминации активности субъекта. В книге «Психология субъекта» он писал: «Итак, отчетливо выступает активная роль внутренних условий, опосредствующих все внешние воздействия и тем самым определяющих, какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации жизни субъекта» (Брушлинский, 2003, с. 69–70).

Социальные представления о гражданской ответственности по содержанию пересекаются с представлениями о том, какова роль человека-гражданина в построении демократического строя в России. Исследование М. К. Блок, посвященное выявлению содержания и структуры социальных представлений о демократии (Блок, 2005), позволяет сделать выводы о том, что репрезентациям представителей пяти исследованных социальных групп свойственна амбивалентность оценок, когнитивная бедность и внутренняя противоречивость содержания, а также подмена политического смысла категории «демократия» экономическим на уровне ядра социального представления. В результате кросскультурного анализа социальных представлений о демократии, состоявшего в сравнении наших данных с данными, полученными И. Марковой с коллегами (Markova et al., 1998) в странах Центральной и Западной Европы, установлены существенные различия в содержании представлений о демократии. По сравнению с респондентами из Центральной и Западной Европы российские респонденты атрибутируют ответственность за проведение демократических преобразований властям, не признавая за гражданами какой-либо ответственности за состояние дел в обществе и не включая в представление о демократии категории, связанные со свободой и ответственностью личности.

Изучение именно социальных представлений различных групп населения о гражданской ответственности решает как концептуальную проблему подхода к данному явлению, так и открывает пути для ее эмпирического решения. Изучение закономерностей функционирования обыденного сознания граждан в период общественных трансформаций становится актуальным в силу преходящего харак-

тера сложившихся условий. Описание и объяснение выделенных феноменов с социально-психологических позиций позволит расширить рамки научного понимания происходящих процессов, обогатит науку новыми фактами, расширит ее концептуальный аппарат в плане дальнейшего развития, как теории социальных представлений, так и анализа феномена гражданской ответственности.

Важным является проведение теоретического анализа феномена гражданской ответственности, а также эмпирического изучения особенностей содержания и структуры социальных представлений о гражданской ответственности в различных группах российского общества. С помощью эмпирического исследования должны быть проанализированы связи между содержательными компонентами социального представления и такими феноменами, как гражданская идентичность, особенности политических установок, ценностные ориентации, потребность в аффилиации и др.

Мы исходим из того, что конструирование социальных представлений в условиях общественной трансформации осуществляется посредством ряда механизмов. Это, с одной стороны, механизмы эмоциональной регуляции, объединяемые категорией коллективного коупинга, которые позволяют справляться с фрустрирующими социальными ситуациями. С другой стороны, существуют когнитивные механизмы, обеспечивающие конструирование социальных представлений в условиях ментального диссонанса, порожденного общественными изменениями. К ним относится, в частности, ментальное расщепление категорий, представляющих какое-либо новое общественное явление в обыденном сознании групп (например, демократию, предпринимательство или богатство) на их идеальный и реальный образы. Все исследованные нами ранее социальные представления содержат нравственный компонент (нравственный модус репрезентаций), который связан с идеей социальной справедливости. Согласно нашему подходу, социальные представления выполняют, помимо универсальных функций адаптации к ситуации, познания, ориентации поведения, также специфическую в условиях социальной нестабильности, порожденной трансформацией общества, функцию стабилизации эмоционального состояния членов отдельных социальных групп. Предполагаемая система связей между содержательными компонентами социального представления о гражданской ответственности и такими феноменами, как гражданская идентичность, особенности политических установок, ценностные ориентации, потребность в аффилиации и др., даст возможность объяснить социально-психологические особенности обыденного сознания в области гражданской ответственности. Кроме того, это даст возможность

обнаружить комплексы взаимосвязанных феноменов, образовавшиеся в социально-психологическом пространстве групп в условиях современного этапа развития гражданского общества в России.

В современных условиях исследование конструирования социальных представлений о гражданской ответственности позволяет лучше понять механизмы функционирования обыденного сознания в этой важнейшей сфере общественной жизни. Это особенно актуально в нынешней политической ситуации, когда состояние гражданского общества в России пока не может оцениваться как удовлетворительное. Согласно данным, приведенным в докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, подготовленном Общественной палатой РФ, существует ряд серьезных пробелов в этой сфере. Так, указывается, что «с одной стороны, участие граждан в общественной жизни остается низким и пока не является нормой жизни, а с другой – даже добровольчество и личная благотворительность не рассматриваются россиянами как гражданская активность» (Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2008, с. 11). В качестве препятствий для проявления гражданской активности называются «безразличие к общим делам», «привычка надеяться на готовое», «отсутствие организации», «индивидуализм – каждый за себя», «недостаток времени, чрезмерная занятость», «недостаток знаний, некомпетентность», «неверие в возможность оказывать влияние на принимаемые решения» (там же, с. 10). Общий вывод выглядит противоречиво: «...налицо заинтересованность в общественной активности и личное позитивное отношение к общественно активным людям и одновременно уверенность, что условий проявить свою активность для граждан нет» (там же, с. 7). Более пессимистично звучит мнение Л. Гудкова (Левада-Центр), содержащее «выводы о слабости и зачаточности гражданского общества, о механизмах его подавления» (Комментарии, с. 1).

В связи с этими выводами возникают вопросы: какими факторами определяется подобное противоречие? Какие социально-психологические механизмы и закономерности лежат в его основе? Какие социально-психологические ресурсы могут быть привлечены для его разрешения? Здесь содержится проблема, имеющая как практический, так и научный смысл, обуславливающий ее актуальность. Изучение социальных представлений о гражданской ответственности может дать ответы на эти животрепещущие вопросы.

Литература

Блок М. К. Социальные представления о демократии: комплексное исследование: Автореф. дис...канд. психол. наук. Курск, 2005.

- Брушлинский А. В.* Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Дилигенский Г. Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2000. С. 410–418.
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации // 2008. <http://www.oprf.ru/final.pdf>.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Здравомыслов А. Г.* Ответственность экономической элиты: мнения россиян // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 45–58.
- Иванова Н. Л.* Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65–75.
- Красин Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 124–133.
- Комментарии к Докладу о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. <http://www.demos-center.ru/comments/16517.html>.
- Лебедева Н. М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.
- Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? ... Власть, общество, личность. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 383–391.
- Markova I., Moodie E., Farr R., Drozda-Senkowska E., Eros F., Plichtova J., Gervais M., Hoffmannova J., Millerova O.* Social representations of the individual: a post-communist perspective // European journal of social psychology. 1998. V. 28. № 5. P. 797–827.
- Moliner P.* Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. P. Moliner. Grenoble: PUG, 2001. P. 245–268.

СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДУШЕВНОБОЛЬНОМ В РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ ОБЩЕСТВА

Т. П. Емельянова, А. В. Кузнецова (Москва)

Жизнь в современном обществе изобилует стрессогенными ситуациями, возрастающий ритм жизни, постоянное психоэмоциональное перенапряжение неблагоприятно сказывается на состоянии здоровья людей. Наряду с соматическими заболеваниями учащаются

и психические расстройства. Количество людей, страдающих пограничными психическими заболеваниями, ежегодно увеличивается, что связано с большим количеством страхов, нарастанием чувств беспомощности, несправедливости и прочими деструктивными чувствами, которые, по статистическим данным, преобладают у подавляющего большинства населения России (В. А. Аникин, М. К. Горшков). Таким образом, пополняется особая группа социального меньшинства, статус которой неоднозначен, и проблема их положения в обществе остается актуальной в течение столетий. Данное исследование посвящено изучению социальных представлений о душевнобольных. Респондентами выступили жители г. Москвы и г. Коврова в возрасте от 18 до 70 лет, имеющие различное семейное положение, уровень образования, профессию. В качестве методических приемов использовались методика анализа ассоциаций П. Вержеса, контент-анализ, экспертные оценки, методика «Рисунок человека», методы математической статистики с помощью программы SPSS (описательная статистика, критерии выявления различий Манна–Уитни и Крускала–Уоллиса, факторный анализ), фоносемантический анализ с помощью программы ВААЛ – мини.

Показательно, что при изучении структуры социального представления (СП) в ядре представлений о душевнобольных не было обнаружено понятий, связанных с агрессией или опасностью душевнобольного в большинстве групп респондентов. Можно предположить, что причина стигматизации кроется не в опасности душевнобольного, а именно в его «инакости», неоднократно описываемой специалистами.

Отметим различия в структуре СП между мужской и женской частями выборки. В ядре представлений женщин прежде всего присутствует понятие *жалость*, отражающее сочувствующее отношение к больному. В то же время ядро СП мужской части выборки содержит понятие *неуравновешенный*, что может быть истолковано как оценка его в качестве партнера по деятельности. Фоносемантический анализ при помощи программы ВААЛ показал, что полученные ассоциации на слово «душевнобольной» характеризуются преимущественно негативным эмоциональным фоном. Сконструированная на основе анализа результатов рисунков и интервью шкала содержала три группы утверждений, которые оценивались по степени согласия: в отношении определения душевнобольного, возможных причин психического заболевания, возможных способов поведения относительно душевнобольного. При помощи факторного анализа оценок респондентов были выделены следующие компоненты содержания СП о душевнобольном. В первый фактор, названный нами «*Опасный другой*», попали определения, в которых выражается неприятие,

непонимание, ожидание агрессии и неприятностей от душевнобольного, его «инакость» по отношению к респонденту. Во втором факторе, обозначенном как «Счастливый гений», значим вес суждений, отражающих позитивное СП о душевнобольном, как о творческом и счастливом человеке.

Анализ оценок респондентами утверждений, касающихся возможных вариантов поведения относительно душевнобольного, позволил выделить три основных фактора. Первый фактор, обозначенный как «Помощь и приятие» состоит из суждений, отражающих готовность респондентов участвовать в судьбе душевнобольного, всячески поддерживать его на пути к выздоровлению. Второй фактор, названный «Отвержение», отражает нежелание респондентов как-либо контактировать с психически больными, настроенное отношение к ним. Третий фактор, обозначенный нами как «Эмпатия на расстоянии», характеризует предрасположенность искренне сочувствовать и жалеть душевнобольных, предпочитая при этом, чтобы непосредственную помощь больным оказывали медицинские работники. Три полученных фактора значительно различаются по весу. Фактор «Помощь и приятие» на первом месте, далее утверждения по фактору «Эмпатия на расстоянии» и, наконец, утверждения по фактору «Отвержение». Интересно, что при достаточно негативном образе душевнобольного, большинство респондентов заявляют не об отвержении, а о готовности помогать и взаимодействовать с душевнобольным. В этом проявляется противоречивость структурных компонентов СП – когнитивного и установочного.

Подводя итог проделанной работе, можно сделать следующие выводы:

- 1 Социальные представления о душевнобольных характеризуются выраженным эмоциональным компонентом, в большей степени негативным.
- 2 Эмоциональные характеристики социального представления носят амбивалентный характер – позитивные эмоциональные оценки присутствуют наряду с негативными.
- 3 Когнитивный компонент социального представления противоречив по содержанию (наличие образов «Счастливого гения» и «Опасного другого»).
- 4 Установочный компонент социального представления о душевнобольных характеризуется внутренней противоречивостью: присутствуют как готовность проявлять внимание и заботу, так и полный отказ взаимодействовать с человеком, страдающим психическим заболеванием.

- 5 Результаты говорят о сложности объекта представлений, неоднозначности его позиции в структуре обыденного сознания, борьбе стремления к самосохранению с морально-нравственными предписаниями у членов общества.
- 6 Представления о душевнобольных у женщин отличается наличием сочувственных, эмоциональных категорий, мужчины же имеют тенденцию оценивать душевнобольного в понятиях, связанных с прогнозированием потенциального взаимодействия.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО РИСУНКА В ИССЛЕДОВАНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ У ЧЕХОВ

Т. П. Емельянова, А. Тимофеева (Москва)

В настоящий момент наша страна проходит стадию активной интеграции в мировое пространство. Для успешного течения этого процесса, необходимо изучать процессы и механизмы, лежащие в основе кросскультурного восприятия представителей России и граждан Чехии. В нашем исследовании мы поставили своей задачей изучить социальные представления о русских в иной этнической группе и понять особенности их формирования в зависимости от влияния различных факторов, одним из которых является коллективная память. Коллективная память обладает такими свойствами, как «поддержание групповой идентичности средствами «позитивного отклонения» в реконструкции событий в пользу своей группы, включением механизма копинга в случае травмирующих группу воспоминаний, цикличность в актуализации «следов памяти»; преимущественное запечатление эпохальных, поворотных событий истории; более глубокое запечатление прошлого при попытках «стереть» их из памяти (Емельянова, 2002).

Для изучения коллективной памяти мы исследовали коллективные воспоминания чехов об историческом событии, носящем травмирующий характер и связанном с Россией (Пражская весна 1968 г.). Для проведения исследования мы использовали несколько методов, таких как незаконченные предложения, неструктурированное интервью и метод экспрессивного рисунка. Последний метод представляет особый интерес с точки зрения расширения методической базы для изучения феномена коллективной памяти в целом. Уникальность данного метода в том, что респондент не может контролировать процесс своего самовыражения так, как он бы контролировал свои вербальные реакции (Мельникова, 2007). Этот метод, таким образом, позволяет изучить аффективные и эмоциональные компоненты, лежащие в основе

изучаемого феномена. В процессе анализа рисунков мы использовали энциклопедию признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии Л. Д. Лебедевой. Ю. В. Никонорова и Н. А. Таракановой, а также другие источники, содержащие объяснения тех или иных графических признаков. Необходимо отметить, что для получения независимой интерпретации, мы прибегли к помощи семи экспертов, принадлежащих к разным национальностям и возрастным группам. Интерпретация рисунков включала в себя несколько этапов. Вначале экспертов просили оценить общий эмоциональный тон рисунка. Затем эксперты производили интерпретацию его формальных характеристик (цвет, преобладающий образ, занятое пространство, расположение рисунка на листе бумаги, линии, штриховка, детали рисунка) и эмоциональных характеристик (агрессивность – дружелюбие, эмоциональное – нейтральное отношение, положительные – отрицательные составляющие и др.). Мы произвели попытку привести все полученные оценки к общему основанию. В рисунках группы респондентов-чехов в возрасте 40–70 лет преобладают два образа. Основным элементом первого образа – русский танк, расположенный в центре листа. Преимущественно используемые цвета – серый, красный, и зеленый. Сочетание данных цветов указывает на стремление респондента спрятаться в защитную оболочку и отражает попытку компенсировать беспокойство при помощи своей отстраненности, а также скрыть импульсивную реакцию. Центральное расположение рисунка говорит о большой личной значимости предмета исследования для респондентов. Линии нарисованы с большим нажимом, что говорит о тревожном отношении респондентов к исследуемой проблеме. Штриховка в большинстве рисунков достаточно интенсивная, что также указывает на силу эмоций. Вторую преобладающую тематику в рисунках чехов от 40–70 лет можно описать как различные варианты желания чехов немедленно покинуть страну или спрятаться в момент появления русских солдат на территории Чешской Республики в 1968 г. По комментариям самих респондентов можно судить не столько о страхе, возникшем в момент вторжения, сколько о несогласии и конфронтации, выраженных в попытке убежать от навязанного советского режима. Используемые цвета и характер линий, преобладающие в данной категории рисунков, указывают на отсутствие агрессии и сильной эмоциональной напряженности. В группе от 20–40 лет люди наиболее часто рисуют целую панораму, на которой, как правило, разворачиваются активные военные действия между русскими на танках и безоружными чехами, атакованными советскими солдатами. Преимущественно используемые цвета – черный, коричневый и красный. Сочетание данных цветов говорит о бунте против происходящего и драматизации

реальности. Линии в большинстве своем слабые, что символизирует определенную степень тревожности. Нажим увеличивается только при изображении танков и самолетов, что указывает на враждебность по отношению к тому, что они символизируют. Сравнивая рисунки респондентов двух возрастных групп, мы заметили, что чехи, которые сами были свидетелями событий 1968 г., в основном фиксируют свои воспоминания на идеологическом противостоянии, в то время как коллективные воспоминания молодого поколения имеют в своей основе сильно преувеличенную кровавую расправу и насилие. По словам самих чехов, воспоминания о событиях 1968 г. для многих являются более травмирующими, нежели воспоминания о Второй мировой войне. Респонденты объясняют это тем, что немцы признали свою вину, извинились и в какой-то мере компенсировали свою вину различными способами, в то время как русские не признали своих ошибок и не принесли извинений. Также чехи подчеркивают, что русских они воспринимали как близких друзей, поэтому их вторжение и диктатура нового режима воспринимались как предательство. Следует заметить, что в Чехии тема Пражской весны с каждым годом поднимается все более часто. Все чаще устраиваются выставки, посвященные данной тематике и напоминающие людям о русском вторжении (например, выставка советских танков и фотографий на главной площади в Праге), тем самым снова и снова пробуждая агрессию у молодого поколения чехов. Это трансформирует коллективные воспоминания идеологического противостояния в кровавую расправу над беззащитным чешским народом. При подобной динамике вполне возможно, что следующее поколение чехов будет расти с идеей о Пражской весне, как о геноциде чешского народа. Коллективные воспоминания о Пражской весне имеют не только специфическую динамику, описанную выше. Они в своем роде являются стеной, препятствующей успешному политическому и культурному взаимодействию между русскими и чехами, и оказывают негативное влияние на конструирование социальных представлений о русских.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. П. Емельянова, А. В. Шустова (Москва)

Новый этап социальных трансформаций, начавшийся в России в начале 90-х годов прошлого столетия, вызвал ряд оживленных дискуссий и научных исследований, в частности – в области изучения

гражданского общества. И это закономерно, так как формирование любой демократической системы необходимым образом предполагает создание одной из ее базовых составляющих – гражданского общества.

Проблема гражданского общества, безусловно, принадлежит к числу фундаментальных научных проблем, интересующих научное сообщество на протяжении многих столетий. На современном этапе развития науки по-прежнему не существует единого понимания понятия «гражданское общество», его истоков, путей формирования и функций. Высказывается даже мнение, что гражданское общество есть изменяющееся в своей сути понятие, которое по мере развития человеческого общества, приобретает новые сущностные количественные и качественные характеристики.

Несмотря на разнообразие трактовок понятия, гражданское общество можно определить как неполитические отношения в обществе, проявляющиеся через ассоциации и организации граждан, законодательно огражденные от прямого вмешательства государства. Понятие «гражданское общество» означает такое состояние социума, при котором создаются условия для соблюдения прав и свобод, для построения диалога между гражданами и властью, для развития гражданской самодетельности и политической активности, реального участия граждан в политике.

Гражданское общество вырастает из чувства социальной ответственности – стремления гражданина самостоятельно, либо в кооперации с другими гражданами брать на себя решение своих и общих проблем, не перекладывая их на государство. Социальный прогресс в России невозможен без ответственного гражданского общества, умеющего критиковать и контролировать власть, заставляющего работать ее в своих интересах.

Российские социологи и политологи констатируют, что гражданское общество в России не состоялось, если говорить о массовой привлеченности граждан к социальным и политическим процессам. Согласно данным, приведенным в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, подготовленном Общественной палатой РФ, существует ряд серьезных пробелов в этой сфере.

Очевидно, что успех социальных трансформаций в современной России напрямую зависит от адекватности представления об этих трансформациях в социуме: создание гражданского общества невозможно без понимания его сути самими гражданами. В настоящее время в России существует множество трактовок гражданского общества, и, по оценке различных авторов, в общественном сознании не существует целостного представления о нем (так же, как и о социальной ответственности).

В последние несколько лет тема гражданского общества приобретает особую значимость в силу обращения к ней президента РФ Д. А. Медведева. В ходе своей предвыборной кампании и в первом послании Федеральному Собранию РФ Д. А. Медведев сделал акцент на построении гражданского общества в России. С точки зрения Медведева, национальная идея в России должна основываться на трех основополагающих принципах: справедливом государстве, сильном гражданском обществе, благополучии людей. По словам Медведева, наше гражданское общество рождалось в противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня является элементом политической жизни – это неоспоримый факт.

Учитывая важность происходящего, нехватка ясного понимания сути гражданского общества оборачивается искаженным взглядом на реальность и невозможностью изменения социальных практик. В различных дискуссиях о гражданском обществе, разворачивающихся в СМИ, обнаруживаются разные и иногда даже диаметрально противоположные трактовки относительно его природы, структуры и путей создания. Данная тема неизбежно становится предметом анализа и обсуждения в различных социальных группах, которые конструируют свое понимание гражданского общества. Именно такие обыденные трактовки гражданского общества и представляют для нас особый исследовательский интерес. Исследование социальных представлений, а также особенностей их конструирования дает возможность изучить обыденное знание в данной области и определить пути информационной поддержки изменений.

Литература

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации // 2008.
<http://www.oprf.ru/final.pdf>.

Комментарии к Докладу о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. <http://www.demos-center.ru/comments/16517.html>.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАЧНОМ ПАРТНЕРЕ

Е. Д. Ефремова, П. Н. Степанова (Чебоксары)

Семья как устойчивая социальная общность людей существует уже в течение многих столетий. Она является необходимым элементом социальной структуры человеческого общества, выполняя чрезвычайно важную задачу воспроизводства населения. Семья – древнейший социальный институт; она изменяется по мере развития общества –

возникают новые нормы, ценности и образцы поведения в области семейно-брачных отношений (Здравомылова, 1992). Как общественный институт, семья выполняет воспитательную, экономическую функции, функцию передачи социального статуса детям, поддержания благосостояния членов семьи.

Многие исследователи утверждают, что в настоящее время семья утратила эти функции в связи с переходом развитых стран в фазу постиндустриального общества, и существенной функцией семьи осталась социализация детей (Голод, 1998).

В то же время семья – малая группа, в которой с наибольшей естественностью удовлетворяются многие важнейшие личностные потребности человека. Здесь он приобретает необходимые социальные навыки, осваивает базовые стереотипы поведения и культурные нормы, реализует свои эмоциональные предпочтения, получает психологическую поддержку и защиту, спасается от стрессов и перегрузок, возникающих при контактах с внешним миром. В удовлетворении таких потребностей и заключается смысл психологических и социально-культурных функций семьи (Калмыкова, 1983).

Повышение значения именно этих двух групп функций вызывает кардинальные перемены в образе жизни семей, их потребностях, характере взаимодействия с внешним миром, типе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т. д., что в конечном счете приводит к фундаментальным сдвигам в системе взаимодействия цепочки «личность–семья–общество». Соответственно изменяются психологические и социально-культурные функции семьи (Дружинин, 1996).

Социологические исследования показывают, что традиционный институт семьи переживает сейчас некоторый кризис, связанный с изменением содержания брачно-семейных отношений. Кризис выражается в том, что, с одной стороны, идет поиск каких-то новых форм семьи, которые лучше соответствовали бы современному содержанию отношений; с другой стороны, непрерывно растет число разводов.

Брачно-семейные отношения отражают как положительные, так и отрицательные моменты состояния общества. Социальные условия усугубляют или смягчают историческое наследие семьи как социального института.

По мере развития общества меняются требования, предъявляемые к семье как социальному институту. В последние годы произошла трансформация как содержания, так и социальных функций семьи. Современная семья выполняет следующие функции: репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую, рекреативную (взаимопомощь, организация досуга и отдыха), коммуникативную

и регулятивную (включающую первичный социальный контроль и реализацию власти и авторитета в семье).

Для семьи в современном обществе характерна ориентация на личностные, эмоциональные, а не на экономические или статусные характеристики индивидов в ситуации брачного выбора (Обозов, Обозова, 1981).

Исследование по определению семейных ценностей, предпринятое в 2007 г. А. Р. Тиводар среди молодых супружеских пар, выявило показатели выраженности ценностей среди молодых мужей и молодых жен. Сравнение ранговых последовательностей показало, что первое по значимости место принадлежит эмоционально-психотерапевтической ценности. Создается впечатление, что, принимая решение о супружестве, молодые люди, прежде всего, ищут «психологическое убежище», возможность упрочить чувство личной идентичности, опираясь на брачного партнера, подтверждающего их личность в диадных отношениях и создающих тем самым большую уверенность в широком круге социальных отношений (Тиводар, 2007).

Установлено, что фундаментальной потребностью личности является ее стремление получать от других людей подтверждение тем преобразованиям, которые она осуществляет в своих бытийных пространствах.

В современных условиях пространство, в котором происходят основные процессы формирования личной идентичности, часто сужается до брачных партнеров, семьи, круга близких знакомых, сотрудников по работе, составляющих микросоциальное окружение, доступное для преобразовательной активности.

В условиях изменяющегося общества становится трудно найти устойчивые внешние ориентиры для позитивной группы, с которой можно было бы идентифицироваться. Семья, родственники, близкое контактное окружение могут быть выделены человеком в качестве групп, к которым он определен. Уделяя вновь внимание относительно автономному миру семьи, человек приобретает своего рода «психологическую защиту» от происходящих в социуме изменений (Тиводар, 2008).

Многие авторы рассматривают семью как относительно закрытую систему, имеющую слабую связь с окружающими институтами, организациями и группами. Семья выступает как культурная общность людей, которых связывает определенное единство жизненных ценностей, представлений, единство позиций во взаимоотношениях с обществом.

По мнению исследователей, ничто так не изменилось в мире, как представления женщин о том, каким должен быть брак, что свидетельствует о том, что ранее требования к индивидуальным особенностям

тям будущего супруга и супруги были минимальными: однородность социально-экономического положения, этнических и религиозных характеристик, при выборе учитывалась репутация семьи и самого избранника (избранницы).

В настоящее время выросли требования именно к личностным особенностям партнера. Проведенное Т. В. Андреевой в 1998–2001 гг. исследование предбрачных предпочтений студентов и студенток университета показало следующую картину.

Открытая форма опроса (формулировки предлагались самими респондентами) выявила, что в образе предпочитаемой партнерши по общению у студентов должны быть такие качества, как (в порядке убывания): внешние данные, положительные черты характера (доброта, верность, порядочность, воспитанность, трудолюбие и т. д.), ум, коммуникативные данные, чувство юмора, веселость, женственность, сексуальность, терпеливое отношение к самому отвечающему, общее развитие (духовное, кругозор, профессионализм), трудолюбие, уравновешенность, спокойствие, здоровье, материальная обеспеченность.

Образ будущей супруги включает в себя: нравственные качества (честность, порядочность, верность, доброта и т. д.), ум, внешность, культурное развитие, отношение к самому опрашиваемому (любящая, терпеливая, уступающая), свойства темперамента (уравновешенность и импульсивность), чувство юмора, щедрость, гостеприимство, коммуникативные качества, женственность.

Таким образом, выявилось некоторое рассогласование образов партнерши, с которой хотелось бы общаться, и будущей женой. Качества последней оказались для юношей менее определенными, что, вероятно, связано с общей неопределенностью их семейного будущего.

Анализ предбрачных представлений девушек-студенток показал большее, чем у юношей, рассогласование между качествами предпочитаемого партнера по общению и характеристиками будущего (желаемого) супруга. Так, если для привлекательности партнера важны его внешность или особенности телосложения (спортивная форма и т. д.), а также чувство юмора и ум, то среди качеств, предпочтительных для семейной жизни, важнее оказываются отношение к самой опрашиваемой (любящий, выполняющий желания и т. д.), зрелость, ответственность и ум. Внешность и чувство юмора теряют свои лидирующие позиции, а коммуникативные качества из средних рангов перемещаются на последние. Зато половина опрошенных девушек ждет от своего будущего избранника способности обеспечить семью, а одна четвертая часть – защиты.

Наблюдается также и другая опасная тенденция – чрезмерность требований к партнеру и супругу: это касается в основном девушек.

У части студенток выявлен практически полный перечень требований к молодым людям из всех теоретически возможных – он достигает 20 качеств. Здесь оказываются: ум, красота, чуткость, лидерские качества, обеспеченность, помощь по дому, честность, образованность, коммуникабельность, чувство юмора. Если при этом требования будут ригидны, вероятность построения успешных отношений снижается до минимума.

Вместе с тем выяснилось, что молодые люди, начинающие совместную жизнь, плохо знают характеры друг друга: оценки, присваиваемые спутнику жизни, весьма существенно расходятся с его/ее самооценкой (Андреева, 2007).

Происходящие в культуре изменения знаменуют возрастание внимания к единичному, приоритет личного, индивидуального, ценность каждого человека во всем его своеобразии. Все это, декларируемое современной культурой, не может не сказаться на взглядах человека на семью и ее ценности. Социальные, социокультурные процессы в обществе обуславливают возрастающие субъектность отдельного индивида в семье, личностную обусловленность, индивидуализированность принимаемых решений (Тиводар, 2008).

Таким образом, для молодых людей характерны потребительские брачно-семейные представления и деформация «Мы» – семьи в «Я+Ты» – семью.

Исследование, проведенное среди студенческой молодежи в период 2007–2009 гг., было предпринято в целях изучения влияния социально-экономических изменений в обществе на представления о будущем брачном партнере.

Респондентам была предложена открытая форма опроса, им предлагалось указать три основных качества, обязательных в будущем брачном партнере. Данные, полученные в ходе опроса, обрабатывались следующим образом: подсчитывалась частота встречаемости каждого качества вне зависимости от ранговой значимости у юношей и девушек.

Представления *юношей* о качествах предполагаемой брачной партнерши характеризуют следующие изменения.

Данные, полученные в 2007 г., свидетельствуют о приоритетности следующих качеств в образе предполагаемой супруги (в порядке убывания): внешние данные и хороший характер, любовь и ум, доброта и понимание, верность, порядочность и честность, другие качества.

Данные, полученные в 2009 г., свидетельствуют о некотором изменении в приоритетности качеств в образе предполагаемой супруги (в порядке убывания): верность, ум и доброта, честность и понимание, внимательность, аккуратность, трудолюбие и чувство юмора, другие качества.

Сравнение представленных выше данных позволяет отметить, что среди опрошенных юношей произошли изменения в образе предполагаемой супруги. Если ранее считались важными внешние данные и любовь предполагаемого партнера к опрашиваемому, то в настоящее время важными являются положительные черты характера. Возможно, ситуация связана не столько с переменами в обществе, сколько в самой личности. Полученные результаты аналогичны результатам исследования Т. В. Андреевой в отношении образа будущей супруги.

Изменения, отражающие представления девушек о качествах предполагаемого брачного партнера, характеризуются следующими закономерностями. Результаты, полученные в 2007 г., свидетельствуют о приоритетности следующих качеств в образе предполагаемого супруга: внешние данные, материальная обеспеченность, доброта, ум, любовь, мужественность, верность, ответственность, доверие, другие качества.

Данные, полученные в 2009 г., свидетельствуют об изменении предпочитаемых качеств в образе предполагаемого супруга (в порядке убывания): доброта, любовь, ум, понимание, ответственность, чувство юмора, уважение, забота, мужественность, надежность, трудолюбие, внимательность, уверенность в себе, материальная обеспеченность, целеустремленность, поддержка и другие качества.

Сравнение изложенных выше фактов позволяет отметить, что среди опрошенных девушек произошли выраженные изменения в образе предполагаемого супруга. Если ранее считались важными внешние данные и материальная обеспеченность предполагаемого партнера, то в настоящее время важными являются положительные черты характера, любовь и ум. Необходимо отметить возрастание значимости любви к опрашиваемой со стороны предполагаемого будущего супруга.

Полученные данные частично соответствуют данным исследования С. В. Ковалева, который подчеркивает, что в настоящее время представления о браке у молодежи имеют ряд негативных особенностей:

- в возрасте 13–15 лет происходит прогрессирующее разделение и противопоставление понятий любви и брака;
- у студенческой молодежи значимость любви при выборе спутника жизни оказалась на четвертом месте после качеств «уважение», «доверие», «взаимопонимание».

Происходит явное «оттеснение» любви в браке на фоне ее предшествующего всевластия. То есть юноши и девушки могут воспринимать семью как помеху своим чувствам и лишь впоследствии, мучительным

путем проб и ошибок, прийти к постижению нравственно-психологической ценности брака.

Итак, развитие брачно-семейных представлений юношей и девушек включает в себя формирование у них правильных воззрений о соотношении любви и брака, преодоление потребительских тенденций в отношении семьи и спутника жизни, воспитание реалистичности и цельности в восприятии себя и других (Андреева, 2007).

Литература

- Андреева Т. В. Психология семьи. СПб., 2007.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. М., 1996.
- Здравомыслова О. М. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992.
- Калмыкова Е. С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни // Вопросы психологии. 1983. № 2.
- Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. 1981. № 6.
- Тиводар А. Р. Личностная идентичность супружеской пары в пространстве события // СОТИС. 2008. № 6.
- Тиводар А. Р. Личность в брачном партнерстве: поиск идентичности // Высшее образование сегодня. 2007. № 12.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗНЫХ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА

А. Л. Журавлев (Москва)

Введение

Современные представления о психологии коллективного субъекта складывались постепенно и прежде всего на основе философско-психологических идей С. Л. Рубинштейна, представляющих собой целостную систему. В связи с поставленным здесь вопросом, элементами его системы целесообразно выделить несколько важных теоретических положений.

Во-первых, это понимание С. Л. Рубинштейном *социальной сущности человека* и выполняемой им деятельности, сформулированное в одной из его ранних работ, посвященной анализу философской системы Г. Когена (Рубинштейн, 1994). Делая акцент на этическом аспекте, он писал: «...этическое деяние человека предполагает другого человека... Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности... Деяние есть лишь в отношении человека к человеку,

и в отношении человека к человеку есть только деяние... Я не существую без другого; я и другой сопринадежат...» (там же, с. 252). Таким образом, социальная сущность человека, в понимании С. Л. Рубинштейна, заключена в его *постоянной обращенности к другому человеку*, другим людям, через взаимодействие, «сопринадлежность», «деяния», с которыми человек существует и самоосуществляется. Такая обращенность является атрибутивным признаком человека.

Во-вторых, это теоретическое положение о *деятельностной природе психики, сознания человека*, сформулированное через единство сознания и деятельности: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Несколько позднее, передавая фактически тот же смысл, С. Л. Рубинштейн использовал другие, более широко известные термины, сжато передающие, по мнению А. В. Брушлинского, содержание теоретических взглядов С. Л. Рубинштейна: «Главная идея этой теории состоит в том, что человек и его психика формируются, развиваются и проявляются в деятельности» (там же, с. 465). Второе положение хорошо объясняет природу, прежде всего, коллективного субъекта деятельности, имея, безусловно, отношение и к другим формам проявления коллективной субъектности.

В-третьих, характеризуя *деятельность субъекта*, С. Л. Рубинштейн выделяет некоторые ее особенности, главной из которых он называет *осуществление совместной деятельности субъектов* (там же, с. 106). Пожалуй, данное положение является наиболее принципиальным для современного понимания психологической природы коллективного субъекта, суть которой состоит в способности группы к совершению совместных действий, совместной деятельности и другим многообразным форм совместной активности.

Концентрированное изложение представленных выше теоретических оснований современной разработки проблемы коллективного субъекта, конечно, должно дополняться и конкретизироваться по мере необходимости обращением ко многим другим отдельным теоретическим положениям С. Л. Рубинштейна.

Основные теоретические схемы анализа коллективного субъекта

Коллективный субъект характеризуется *множественностью* своих проявлений (процессов, состояний, свойств), которые зафиксированы в целом ряде понятий, используемых в социальной психологии

и психологии в целом, например: коллективный субъект поведения, жизнедеятельности, деятельности, общения, отношения, рефлексии, познания, творчества, управления (и самоуправления) и т. д. Сходная картина обнаруживается и на индивидуально-личностном уровне, например, с множественностью феномена «Я» и т. п. Так и здесь, можно говорить о множественности проявлений феномена «Мы (совместности)». Однако именно здесь необходимо напомнить принципиальное теоретическое положение А. В. Брушлинского о том, что «субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные его психические свойства, виды активности и т. д., а сам человек – деятельный, общающийся и др.» (Брушлинский, 1996, с. 15).

Но, с другой стороны, это положение не следует понимать так, что субъект полностью отождествляется с человеком, иначе и потребность в таком понятии исчезает. Скорее, «человек как субъект» понимается в качестве *носителя, обладателя субъектных свойств, характеристик*, которые в совокупности составляют этот феномен человека, однако, естественно, они не могут существовать вне человека, неразрывны с ним. Некоторая опасность заключается в том, что часть приведенного выше теоретического положения, а именно: «субъектом является не психика человека», можно изъять из контекста и истолковать в крайней форме так, что субъект – это вообще не психическое образование и является предметом исследования не психологической, а лишь философской науки. А именно с таким представлением о субъекте все еще приходится сталкиваться в среде психологов.

Можно дать аналогичную формулировку и по отношению к коллективному (групповому) субъекту, изучая его различные формы проявления, но, сколь многочисленными, сложными и интегральными они бы ни были, их невозможно называть коллективным (групповым) субъектом, которым может быть только *коллектив (группа)*, совместно действующий, общающийся, относящийся к различным социальным объектам, включая самого себя и т. д.

Феномены коллективного субъекта проявляются через различные формы совместной активности группы (или ее совместной жизнедеятельности), которые, к сожалению, не систематизированы в социальной психологии из-за сложностей, связанных с их множественностью и высокой степенью разнородности. Из наиболее известных *форм совместной активности* можно выделить следующие (они же, по-видимому, и являются основными феноменами):

- *совместная деятельность* во всем многообразии ее видов: трудовая, учебная, познавательная, игровая и т. д.;

- *внутригрупповое взаимодействие* в любых его формах, включая социально-перцептивные, интерактивные и т. д., направленные на формирование или реализацию межличностных и других (между личностью и группой или ее частью, между микрогруппами или группировками и т. п.) отношений, на установление коммуникаций, общение и т. п.
- *групповое поведение* (совместные действия, выражение групповых мнений, оценок, отношений к социальным и другим объектам и т. д.);
- *групповое самопознание* (саморефлексия) с целью, например: установления групповых норм, правил поведения, их самокоррекции, оценки способностей группы, потенциальных ее возможностей и т. п.;
- *межгрупповое взаимодействие* по самому широкому спектру вопросов, связанных с активностью своей и чужих групп, направленной как на установление взаимных связей, определение взаимных оценок, т. е. межгрупповых отношений, так и на реальное межгрупповое общение.

Несмотря на предложенное *группирование* форм совместной активности группы, их систематизация представляется нам относительно самостоятельной задачей, решение которой требует специальных теоретических исследований. Дело в том, что вся история социальной психологии есть история исследований, прежде всего, различных форм активности личности и группы или разных индивидов в группе, между группами и т. д., т. е. таких форм, которые характеризуются разным качеством совместности. В этом легко можно убедиться, если познакомиться с результатами историко-теоретического анализа исследований по проблемам личности в группе и совместной деятельности в отечественной социальной психологии, выполненного сотрудниками лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН (Совместная деятельность в условиях..., 1997, с. 7–34). Такого рода анализ, безусловно, должен быть продолжен не только по названному, но и по целому ряду других социально-психологических проблем.

Практически каждое из перечисленных выше проявлений коллективного субъекта представляет собой то или иное направление исследований в социальной психологии, которое в разной степени разработано. В последние два десятилетия преимущественно изучается «коллективный субъект деятельности», «субъект коллективной деятельности», «коллектив как субъект деятельности», «групповой субъект деятельности» или «субъект совместной деятельности» (Донцов, 1979; Журавлев, 2002; Индивидуальный и групповой субъект

екты, 1999; Ломов, 1984; Психология индивидуального..., 2002; Совместная деятельность в условиях..., 1997; Совместная деятельность: Методология..., 1988; Чернышев, 1981; Чернышев и др., 1990). При этом используется и ряд других понятий, близких к перечисленным.

Сложившиеся на сегодняшний день теоретические социально-психологические подходы к исследованию коллективного субъекта принципиально отличаются друг от друга тем, какой психологический феномен или психологическое образование принимается за «единицу», исходную «клеточку» анализа коллективного субъекта. Основные из них схематично можно представить следующим образом:

1. Индивидуальная деятельность рассматривается инвариантом совместной деятельности, поэтому из индивидуальной деятельности можно вывести все элементы деятельности совместной, а уже от нее перейти к анализу коллективного субъекта, выполняющего совместную деятельность. В данном случае *индивидуальная деятельность* и есть та «клеточка» («единица»), опираясь на которую, можно описать и совместную деятельность, и коллективный ее субъект.

Совершенно очевидным основанием использования данной схемы является то *общее* (а оно действительно существует), что имеется в *структурах, динамике* (процессах) и *содержании* индивидуальной и совместной деятельности. При этом последняя может рассматриваться как более усложненная форма, некоторая совокупность индивидуальных деятельностей включенных в нее лиц. Все это вместе объясняет и распространенность подобных представлений, и их устойчивость по отношению к критике.

Подробный критический анализ таких представлений о «психологии коллектива», «коллективной деятельности» и «коллективном сознании», выводимых из индивидуальной деятельности и сознания, выполнен А. И. Донцовым (1979).

2. Коллективный субъект (коллектив) представляет собой некоторую совокупность индивидов (личностей), находящихся в межличностных отношениях, опосредствованных деятельностью или отдельными ее элементами (например, целями и т. д.). То есть основной «единицей» анализа коллективного субъекта являются *деятельностно опосредствованные межличностные отношения*, описание которых фактически есть описание коллективного субъекта (коллектива).

Следовательно, центральным психологическим феноменом, в отличие от первой схемы анализа, фактически рассматривается «не деятельностный» феномен, хотя и деятельностно опосредствованный. Межличностные отношения в группе (коллективе), а именно: процессы их зарождения и становления, трансформации и развития, формирования и управления ими, их влияния на другие групповые

явления – все это совершенно правомерно может рассматриваться одной из важнейших форм совместной активности группы (коллектива), характерной для коллективного субъекта. Не рассмотренными являются вопросы о том, насколько полно данная схема анализа (исследования) позволяет вывести или привести к коллективному субъекту, в какой степени допускает описание многообразия феноменов коллективного субъекта, в том числе и вышеназванных форм совместной активности и т. д. Однако они сложны для краткого ответа и, безусловно, требуют специального и подробного исследования.

3. Основной «единицей» анализа совместной деятельности и ее коллективного субъекта является *взаимодействие участников совместной деятельности* (или членов коллектива, выполняющего совместную деятельность), однако не всякое взаимодействие, а именно, *предметно-направленное*, т. е. ориентированное на предмет совместной деятельности (Журавлев, 2005). Аналогичная схема анализа (от предметно-направленного взаимодействия к совместной деятельности и ее коллективному субъекту) может быть использована для изучения и других вышеперечисленных проявлений коллективного субъекта. Главное при этом – идти от анализа феномена взаимодействия составляющих элементов (членов) коллективного субъекта, направленного на познание, общение, управление, отношение к другим социальным объектам и т. п., или же анализировать его поведение, жизнедеятельность в целом. То или иное качество (свойство, состояние) проявления коллективного субъекта определяется взаимодействием составляющих элементов коллективного субъекта, которыми могут выступать как индивиды, так и общности разного количественного состава.

Формально-структурные характеристики коллективного субъекта

Если отталкиваться от последнего из вышеназванных и наиболее широко трактуемых подходов к пониманию «коллективного субъекта», то необходимо выделить принципиально различные формы его существования, описываемые формальными (не содержательными) характеристиками, начиная с *первой* – **количественного состава** той общности людей, которая обозначается коллективным субъектом. В результате такой систематизации коллективный субъект может быть представлен в следующих *основных формах*:

- *диада*: супруги, родитель–ребенок, учитель–ученик, преподаватель–студент, руководитель–исполнитель, врач–больной, консультант–клиент, командир–рядовой, друзья–подруги

и т. д. и т. п. (Бехтерев, 1994; Совместная деятельность: Методология..., 1988);

- *малая группа*: семья, учебная группа, первичный трудовой коллектив (бригада), кафедра, научная лаборатория, группа друзей, кружки различных хобби и т. д. (Гайдар, 2006; Коргова, 2000; Куценко, 1990; Осипова, 1992; Чернышев, 1981; Чернышев, Сурьянинова, 1990);
- *группа средних размеров*: малое и среднее предприятие, цех крупного предприятия, типичные НИИ и КБ, вузы, организованные собрания, митинги и т. п. (Гиркало, 1992; Дежникова, 1989; Иванов, 1980; Кирьянов, 1992; Трудовой коллектив как объект..., 1980);
- *большие социальные группы*: классы и социальные слои, этнические группы, войска, крупные политические партии, общественные движения, крупные толпы, сборища, шествия, территориальные группы и т. п. (Левин, 1992; Новожилов, 2002; Позняков, 2000; Сайко, 2006);
- *общество* в целом как организованная совокупность взаимопересекающихся и включенных друг в друга (в соответствии с принципом «матрешки») индивидов, малых, средних и больших социальных групп.

Вторым принципиально важным формальным признаком коллективного субъекта, наряду с количественным составом, являются **формы его организации**, т. е. структуры связей между составляющими субъект-элементами (компонентами, частями). Их многообразие в настоящее время не поддается какой-то систематизации и группированию, кроме как упрощенному делению коллективного субъекта на следующие формы в зависимости от особенностей *структуры связей*:

- с внешне и внутренне задаваемой организацией (внешнеорганизованные и самоорганизованные);
- жестко, умеренно и слабо регламентированные (организованные);
- иерархически и рядоположенно организованные;
- организованные на формальных (деловых, функциональных, официальных) и неформальных (неофициальных, личных) связях и зависимостях и др.

Третьей формально-структурной характеристикой коллективного субъекта является степень его **однородности (гомогенности) – разнородности (гетерогенности)** по различным признакам, характеризующим включенные в него элементы. Чаще всего имеются в виду индивиды, входящие в коллектив (группу). Степень однородности/

разнородности оценивается, например, по социально-демографическим признакам (половозрастному, образовательному, семейному статусу и т. п.), социальным (имущественному статусу, политическим ориентациям, этническому признаку и т. д.). Результатом анализа однородности/разнородности различных характеристик коллективного субъекта является его «композиция».

Формально-структурные характеристики, конечно, не ограничиваются выделенными тремя, однако именно они составляют группу основных, которых вполне достаточно для первоначального анализа коллективного субъекта.

Заключение

Различные проявления коллективного субъекта представляют собой психологические феномены разной степени обобщенности или частности. В этой связи наиболее обобщенным проявлением коллективного субъекта может быть групповое *поведение*, в котором интегрируются частные его формы: общение, отношение, управление, саморефлексия группы и т. п.

Другими обобщенными формами активности коллективного субъекта являются также *взаимодействие* и широко понимаемая *совместная жизнедеятельность*. Такие, например, социально-психологические свойства, как «активность–пассивность», «удовлетворенность–неудовлетворенность», «устойчивость–изменчивость» и некоторые другие имеют отношение к любым проявлениям коллективного субъекта и тем самым могут быть отнесены к группе наиболее *общих* его свойств.

Остается проблемным важный вопрос о *специфике* субъектных качеств групп разного размера (численности), например: малых и больших социальных, которые, безусловно, имеют как сходные, так и различные субъектные свойства. Более того, пока еще в достаточно острой форме сохраняется дискуссионность вопроса о возможности рассматривать большие социальные группы как субъекты (Митькин, 2002) однако, по нашему мнению, это имеет лишь временный характер. Такие социальные группы, как различные этносы, некоторые политические партии, российские предприниматели, пенсионеры, разные общественные движения в 90-е годы XX в.–начале XXI в. убедительно показали свою способность к совместным активным действиям, которые оказывали влияние на общественные явления, т. е. проявляли себя в качестве коллективных субъектов в современном российском обществе. Крупные задачи состоят в том, чтобы на эмпирическом уровне глубоко проанализировать возможности измерения субъектных свойств, а на теоретическом уровне – осмыслить эти явления именно в соответствии с субъектным подходом.

Сохраняются пока и многие методические сложности в изучении разных групп как коллективных субъектов: использование имеющегося инструментария для исследования групповой психологии возможно лишь в ограниченных рамках, а разработка новых методик, приемов, различных техник и т. п. всегда требует большого времени и учета конкретной специфики изучаемых явлений. Однако все это предстоит разрабатывать в ближайшей перспективе.

Для разрешения отмеченных и других сложностей большое значение имеют теоретические разработки К. А. Абульхановой, выполненные за последние годы (2005). *Во-первых*, психологической категории «субъект» ею обоснованно придан научный статус *методологического принципа*, который, как и другие известные принципы в психологии, служит «соотнесению теории, знаний и эмпирического исследования», является ориентиром «для выбора стратегии всего исследования, проверки и подтверждения гипотез», содействует «установлению самых различных соотношений предмета и объекта познания», выполняет «не только науковедческую, но и научно-практическую роль» (Абульханова, 2005, с. 19). *Во-вторых*, через теоретическую трактовку объекта психологического исследования, в качестве которого рассматривается субъект, а само исследование наделяется характером взаимодействия исследователя с объектом его познания, К. А. Абульханова соотносит и реально показывает *взаимное дополнение субъектного и психосоциального подходов в психологии*, которые в настоящее время развиваются фактически единым крупным направлением, особенно в рамках научных программ лабораторий психологии личности, социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Это позволяет не только развиваться каждому из данных подходов, но и укреплять методологические основания психологии в целом. *В-третьих*, одной из характерных особенностей современного состояния психологической науки, по мнению К. А. Абульхановой, является распространение нового методологического принципа субъекта и даже более того – *новой субъектной парадигмы* (там же). Такое распространение имеет непосредственное отношение к изучению рассмотренного здесь феномена коллективного субъекта.

Отмеченные тенденции, безусловно, имеют хорошие перспективы в исследовании жизнедеятельности самых разных групп как коллективных субъектов.

Литература

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
- Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: ВГУ, 2006.
- Гиркало В. П.* Трудовой коллектив как субъект общественно-политической деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992.
- Дежникова Н. С.* Педагогический коллектив средней образовательной школы как субъект воспитания: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1989.
- Донцов А. И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. №3. С. 25–34.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Иванов В. Н.* Трудовой коллектив – субъект социального управления. М.: Мысль, 1980.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докл. к Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
- Кирьянов В. И.* Трудовой коллектив как субъект самоуправления: Опыт социологического анализа: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. СПб., 1992.
- Коргова М. А.* Формирование команд – субъектов управленческой деятельности. М.-Пятигорск: РАГС, 2000.
- Куценко О. Д.* Производственный коллектив как субъект формирования политической культуры личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Харьков, 1990.
- Левин В. М.* Становление клубной аудитории как коллективного субъекта социально-культурной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Митькин А. А.* Групповой субъект: реальность или метафора? // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 53–70.
- Новожилов А. М.* Социальные группы как объекты и субъекты политики // Учеб. пособие. М.: МИИТ, 2002.
- Осипова Н. Ф.* Первичный студенческий коллектив как субъект формирования личности специалиста: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Харьков, 1992.
- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психологический журнал. Т. 21. 2000. №6. С. 38–50.

- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник 92. М., 1994.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. №4.
- Сайко Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Трудовой коллектив как объект и субъект управления / Отв. ред. А. С. Пашков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Чернышев А. С. Социально-психологические свойства коллектива как субъекта деятельности // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов. Курск, 1981. С. 3–16.
- Чернышев А. С., Сурьянинова Т. И. Генезис группового субъекта деятельности // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №2. С. 7–15.

ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ ПАРТНЕРОВ В БРАК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

В. П. Левкович (Москва)

Семейная проблематика занимает все более значительное место и в отечественной, и в зарубежной психологии. Неуклонное повышение интереса к семье как социальному институту и как к малой группе, объясняется, прежде всего, тем, что многие социальные и личностные проблемы, такие, например, как увеличение числа разводов, сокращение прироста населения, девиантное поведение части молодежи, рост алкоголизма, наркомании и других негативных явлений, прямо или косвенно связаны с семьей.

Важнейшая проблема, которая стоит в настоящее время перед психологами – это выяснение причин дестабилизации семьи в современном обществе. Поскольку в России по данным статистики распадается каждый второй заключенный брак, изучение социально-психологических факторов, дестабилизирующих молодые семьи, и разработка эффективных методов их устранения является исклю-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант №09-06-00 908.

чительно важной задачей. Большую роль в стабилизации и дестабилизации молодых семей играют не только факторы, формирующиеся в процессе семейной жизни брачных партнеров, но и возникающие в добрачный период взаимодействия жениха и невесты, так называемые «добрачные факторы», которые могут создать риск дестабилизации и распада молодых семей. К числу таких факторов зарубежные и отечественные психологи относят: конфликты и развод супругов в родительской семье, добрачную беременность, непродолжительный срок добрачного знакомства партнеров, ранний возраст вступления юношей и девушек в брак. Однако именно добрачный период жизни молодежи является наименее изученным как теоретически, так и эмпирически. Чешский психолог Карел Витек на основе проведенных исследований пришел к выводу о том, что возраст вступления в брак является одним из существенных факторов стабилизации или дестабилизации молодых семей. Он утверждал, что браки, заключенные до двадцати лет, часто дестабилизируются, а оптимальный возраст вступления молодых людей в брак после двадцати лет (Витек, 1988). Аналогичной точки зрения придерживались американские психологи Б. Торнд и Д. Коллард (Thorned, Collard, 1979).

Цель данного исследования – изучение роли возраста вступления юношей и девушек в брак в стабилизации и дестабилизации их семей.

Объект исследования: супружеские пары в возрасте от 16 до 30 лет со стажем брака от 3-х месяцев до 4-х лет. Обследовалась случайная выборка, 40 супружеских пар, состоящих в первом браке. Данная выборка была разделена на 4 группы по возрастным характеристикам вступления партнеров в брак. Так, группа № 1 включала супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 16 до 18 лет (10 пар). Группу № 2 составляли супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 18 до 20 лет (10 пар). Группу № 3 – супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 20 до 25 лет (10 пар). Группу № 4 составляли супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 25 до 30 лет (10 пар).

Были сформулированы следующие *гипотезы*:

- 1 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 16 до 18 лет, имеет место рассогласованность у партнеров семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний, что влечет за собой высокий уровень их неудовлетворенности браком. Семьи относятся к категории проблемных или нестабильных.
- 2 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 18 до 20 лет, имеет место рассогласованность семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний супругов, что влечет за собой высокий уровень конфликтности партнеров и низкий уровень их удовле-

творенности браком. Семьи относятся к категории проблемных или нестабильных.

- 3 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 20 до 25 лет, имеет место высокий уровень согласованности у супругов семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний, что влечет за собой более низкий уровень конфликтности супругов и более высокий уровень их удовлетворенности браком, чем в группах № 1 и № 2. Семьи, вошедшие в группу № 2, будут относиться к категории стабильных или проблемных семей.
- 4 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 25 до 30 лет, имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний супругов, что влечет за собой низкий уровень конфликтности и высокий уровень удовлетворенности партнеров браком. Семьи относятся к категории стабильных.

В исследовании применялись следующие методики:

- 1 «Ролевые ожидания и притязания» (А. Н. Волковой), которая позволяет определить: а) представления супругов о значимости в совместной жизни таких семейных ценностей, как сексуальные отношения, личностная идентификация с супругом, хозяйственно-бытовая сфера, родительские обязанности, социальная активность, эмоционально-психотерапевтическая, внешняя привлекательность; б) степень ролевой адекватности супружеской пары (РА) в сферах межличностного взаимодействия.
- 2 Авторская методика диагностики супружеских конфликтов в однонациональных семьях (разработана В. П. Левкович), позволяющая измерить уровень конфликтности каждого супруга и семьи в целом в десяти сферах взаимодействия партнеров. Данная методика позволяет провести категоризацию супружеской пары, отнеся семью к одному из трех типов: 1) стабильные – пары с низким уровнем конфликтности и позитивной семейной мотивацией, конструктивно решающие возникающие в семье проблемы; 2) проблемные – пары со средним уровнем конфликтности, которые при наличии позитивной семейной мотивации не могут в большинстве случаев конструктивно решать конфликты; 3) нестабильные – пары с высоким уровнем конфликтности, деструктивно решающие конфликты при наличии негативной семейной мотивации, готовые принять решение о расторжении брака или уже принявшие такое решение.
- 3 Тест на удовлетворенность браком (разработан Л. Я. Гозманом, Ю. Е. Алешиной, Е. М. Дубовской) представляет собой опросник

из 16 пунктов. Удовлетворенность браком соотносится с согласованностью супругов в решении важных для них вопросов совместной жизни.

- 4 Опросник «Стратегии поведения супругов в конфликтных ситуациях» (разработан В.П. Левкович). Опросник состоит из 12 вариантов стратегий поведения супругов в конфликтных ситуациях, которые делятся на конструктивные и деструктивные.

Результаты эмпирического исследования

Полученные в исследовании эмпирические данные позволяют сделать вывод о частичном подтверждении первой гипотезы. В группе № 1 рассогласованность семейных ценностей у супругов имела место только у трех семей (№№ 3, 5, 9), где допустимая разность баллов по шкале семейных ценностей мужа и жены превышала 3 балла (норму). В остальных семьях данной группы общий показатель согласованности семейных ценностей супругов был не выше допустимой нормы. Наибольшая рассогласованность семейных ценностей супругов имела место в интимно-сексуальной сфере. У супругов данной группы семей имеет место расхождение ролевых ожиданий и ролевых притязаний супругов. Ролевые ожидания одного супруга не соответствовали ролевым притязаниям партнера. Общая ролевая адекватность мужей (Рам) = 9,7 балла, ролевая адекватность жен (Раж) = 16,3 балла. В семьях данной группы имеет место и высокий уровень конфликтности по группе (Ук = 47,8 балла). Пять из них относятся к категории нестабильных (№ 1: Ук = 66,8 балла; № 3: Ук = 57,6 балла; № 9: Ук = 59 баллов; № 10: Ук = 65,4 балла; № 8: Ук = 57 баллов). В указанных семьях имела место предразводная ситуация. Однако две семьи этой группы (№ 1: Ук = 40,4 балла; № 5: Ук = 50,2 балла) относятся к категории проблемных семей, которые сохраняют позитивную семейную мотивацию при высоком уровне конфликтности в семье. Только три семьи в группе № 1 (№ 2: Ук = 25,8 балла; № 6: Ук = 20,4 балла и № 4: Ук = 36,2 балла) можно отнести к категории стабильных семей.

У супругов из семей этой группы имеет место низкий уровень удовлетворенности партнеров браком (средний уровень удовлетворенности браком по группе = -1балл). В нестабильных семьях группы № 1 супруги использовали в основном деструктивные стратегии в урегулировании супружеских конфликтов: бойкотирование партнера, обман, принуждение, давление на партнера с целью решить спор в свою пользу, обвинение супруга, грубость во взаимоотношениях с ним (угрозы, оскорбления, применение силы). В результате конфликты между супругами носили деструктивный характер, так

как не формировали у них единой точки зрения на спорную проблему и не приводили к ее разрешению. В проблемных семьях группы № 1 супруги использовали в решении спорных проблем, наряду с деструктивными, и конструктивные стратегии: принятие одним из партнеров вины на себя, согласие с позицией партнера.

Тем не менее, в двух стабильных семьях (№ 2 и № 6) данной группы супруги использовали исключительно конструктивные способы решения семейных конфликтов: деловое обсуждение возникающих проблем, признание правоты партнера в споре, взаимные обещания не повторять ошибок, принятие одним из супругов вины на себя и др.

В исследовании частично подтвердилась вторая гипотеза. В группе № 2 во всех семьях имела место согласованность у супругов представлений о семейных ценностях. Общий показатель согласованности семейных ценностей супругов не превышал допустимой нормы (3 баллов). У супругов группы № 2, так же как и у супругов группы № 1, имеет место рассогласованность ролевых ожиданий и ролевых притязаний партнеров. Общая ролевая адекватность мужа $R_{ам} = 9,7$ балла, ролевая адекватность жены $R_{аж} = 13,6$ балла.

Полученные в исследовании эмпирические данные подтверждают выдвинутое во второй гипотезе положение о том, что у супругов группы № 2 имеет место высокий уровень конфликтности при решении спорных проблем. Пять семей данной группы были отнесены к категории нестабильных (семьи № 1: $Ук = 53,4$ балла; № 4: $Ук = 52,4$ балла; № 5: $Ук = 60,4$ балла; № 10: $Ук = 61$ балл, № 9: $Ук = 51$ балл). В указанных семьях имела место предразводная ситуация. При этом супруги использовали исключительно деструктивные способы решения проблем в конфликтных ситуациях с преобладанием таких методов в отношениях с партнерами, как жестокость, грубость, принуждение, отстаивание своей правоты в споре, стремление унижить партнера. Конструктивные стратегии в решении спорных проблем использовались крайне редко и наблюдались в основном у женщин.

Три семьи группы № 2 были отнесены к категории проблемных семей (№ 2: $Ук = 39$ баллов; № 6: $Ук = 33$ балла; № 8: $Ук = 37,6$ балла). В проблемных семьях группы № 2 супруги использовали как деструктивные, так и конструктивные способы решения спорных проблем, причем конструктивные способы часто преобладали над деструктивными, что свидетельствует о стремлении супругов сохранить семью.

К стабильным семьям в группе № 2 были отнесены две семьи: № 7: $Ук = 18,8$ балла и № 3: $Ук = 28,4$ балла. В указанных семьях супруги использовали исключительно конструктивные способы решения конфликтов, в них не было зафиксировано ни одного случая грубости, жестокости, применения силы во взаимоотношениях супругов в про-

цессе решения спорных проблем, что способствовало конструктивно-му решению противоречий между ними на основе взаимопонимания и сотрудничества.

Поскольку в группе № 2 большинство семей вошли в категории проблемных и нестабильных, и только две – в категорию стабильных, средний по группе уровень удовлетворенности супругов браком оказался низким и составил 3 балла (при максимуме +24 и минимуме –24 балла).

Проверка статистической значимости различий уровня конфликтности между группами № 1 и № 2, проведенная с помощью *U*-критерия Манна–Уитни, не выявила статистически значимых различий в уровне конфликтности между этими группами ($U_{Эмр} = 41,5000$ при $p = 0,45629$).

Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод о подтверждении третьей гипотезы. В семьях группы № 3 имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей супругов. Общий показатель согласованности семейных ценностей мужа и жены по группе не превышает допустимой нормы (3 балла). В группе № 3, в отличие от групп № 1 и № 2, наблюдался высокий уровень согласованности ролевых ожиданий и ролевых притязаний супругов. Общая ролевая адекватность по группе у мужа ($R_{ам}$) = 8,3 балла, у жены ($R_{аж}$) = 10,8 балла.

В семьях группы № 3 имеет место низкий уровень конфликтности супругов ($Ук = 28,1$ балла по группе). Семь семей, вошедших в данную группу, относятся к категории стабильных (№ 1: $Ук = 16,2$ балла; № 2: $Ук = 34,2$ балла; № 3: $Ук = 11,8$ балла; № 4: $Ук = 23,4$ балла; № 5: $Ук = 214$ баллов; № 6: $Ук = 15,6$ балла; № 8: $Ук = 19,2$ балла). Три семье вошли в категорию проблемных (№ 7: $Ук = 35,4$ балла; № 9: $Ук = 49,4$ балла; № 10: $Ук = 54,4$ балла). Нестабильных семей в группе № 3 не было зафиксировано. У супругов же данной группы семей имеет место более высокий уровень удовлетворенности супругов браком, чем в группах семей № 1 и № 2. Средний уровень удовлетворенности браком у супругов группы № 3 = 9 баллов (при максимуме +24 балла и минимуме –24 балла). При этом в стабильных семьях группы № 3 оба супруга используют только конструктивные стратегии в урегулировании супружеских конфликтов: деловое обсуждение возникших проблем, принятие одним из супругов точки зрения другого, признание правоты партнера в споре. В то время как в проблемных семьях данной группы в решении спорных проблем супруги использовали как конструктивные, так и деструктивные способы решения конфликтов, причем деструктивные стратегии часто преобладали над конструктивными у обоих партнеров. Также была подтверждена

статистическая значимость различий показателей уровня конфликтности в группах № 1 и № 3: ($U_{эмр} = 15,000$ при $p = 0,00815$).

В исследовании подтвердилась четвертая гипотеза. В семьях группы № 4 имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей супругов. Общий показатель согласованности семейных ценностей мужа и жены по группе № 4 не превышал допустимой нормы (3 балла). В семьях четвертой группы наблюдается высокий уровень ролевой адекватности супругов. Общая ролевая адекватность мужа ($R_{ам} = 6,8$ балла), ролевая адекватность жены ($R_{аж} = 9$ баллов). Полученные в исследовании данные подтвердили низкий уровень конфликтности супругов в семьях группы № 4 $U_{к} = 19,8$ баллов. Девять семей данной группы относятся к категории стабильных (№ 1: $U_{к} = 17,2$; № 2: $U_{к} = 15,6$ баллов; № 3: $U_{к} = 14,2$ балла; № 4: $U_{к} = 17,8$ баллов; № 5: $U_{к} = 27$ баллов; № 6: $U_{к} = 18$ баллов; № 7: $U_{к} = 22,6$ балла; № 8: $U_{к} = 16,2$ балла; № 10: $U_{к} = 12,4$ балла). В этих семьях группы супруги используют только конструктивные стратегии в решении спорных проблем: деловое обсуждение возникших проблем, подчеркивание правоты партнера, принятие одним из партнеров вины на себя и др. В проблемной же семье (№ 9) оба супруга используют деструктивные стратегии в решении спорных проблем: отставание обоими партнерами своей правоты, бойкотирование партнера и др. В целом в группе № 4 имеет место высокий уровень удовлетворенности супругов браком. Причем средний уровень удовлетворенности браком по группе значительно выше, чем в группе № 3 и составляет 16 баллов.

Была подтверждена статистическая значимость различий показателей уровня конфликтности супругов в группах № 1 и № 4, а также в группах № 2 и № 4: в группах № 1 и № 4 ($U_{эмр} = 6,00000$ при $p = 0,00088$); в группах № 2 и № 4 ($U_{эмр} = 6,00000$ при $p = 0,00067$).

Вместо заключения

Исследование показало, что возраст вступления юношей и девушек в брак является одним из существенных факторов, определяющих стабильность или нестабильность семьи. Полученные в исследовании данные позволяют сделать вывод, что ранний возраст вступления молодых людей в брак (до 20 лет) является серьезным «фактором риска» для стабильности их семей. Кроме того, было выявлено, что в группах семей, где возраст вступления партнеров в брак от 16 до 20 лет, было значительно больше нестабильных и проблемных семей и меньше стабильных, чем в группах, где браки между партнерами были заключены в возрасте от 20 до 30 лет. Супруги первой (возраст вступления в брак 16–18 лет) и второй (18–20 лет) возрастных групп более

конфликтны и меньше удовлетворены браком, чем супруги третьей (20–25 лет) и четвертой групп (25–30 лет) (см. таблицу 1).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО СТАБИЛЬНЫХ, ПРОБЛЕМНЫХ И НЕСТАБИЛЬНЫХ СЕМЕЙ,
УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ
В ЧЕТЫРЕХ ГРУППАХ РЕСПОНДЕНТОВ

Категория семей	Группа № 1 Возраст 16–20 лет	Группа № 2 Возраст 18–20 лет	Группа № 3 Возраст 20–25 лет	Группа № 4 Возраст 25–30 лет
Нестабильные	5	5	–	–
Проблемные	2	3	3	1
Стабильные	3	2	7	9
Уровень конфликтности (Ук)	47,8	43,5	28,1	19,8
Удовлетворенность браком (Уб)	–1	3	9	16

Приведенные данные свидетельствуют о том, что браки, заключенные в возрасте до 20 лет, значительно чаще дестабилизируются и распадаются, чем браки, заключенные в возрасте 20–30 лет. Молодые люди, вступившие в брак в возрасте 16–20 лет, не обладают достаточным жизненным опытом для правильного выбора брачного партнера. Выбирая спутника жизни, они чаще обращают внимание не на его личностные, в том числе и нравственные характеристики, а на внешнюю привлекательность (красивую внешность, умение ярко и модно одеваться, наличие высокого статуса в компании друзей и т. д.). Часто юноши и девушки, вступающие в брак в возрасте 16–20 лет, не обращают внимания на отсутствие у партнеров сходства во взглядах, как на общечеловеческие, так и внутрисемейные проблемы. Нередко в юношеском возрасте формируются романтические представления о браке, когда партнеры ожидают друг от друга полной гармонии. При столкновении с реальной брачной ситуацией нереализованные ожидания могут провоцировать возникновение конфликтов между супругами.

В возрасте 18–20 лет молодые люди часто бывают не готовы как к самостоятельной, так и к совместной жизни в браке, что выражается в неспособности материально обеспечить семью, принимать самостоятельные решения, в зависимости от родителей. В этом возрасте у молодых супругов наблюдается психологическая незрелость, которая проявляется в эгоизме, в неумении уступить друг другу, считаться с потребностями и интересами партнера. В результате у супругов не формируется установка на сотрудничество, что затрудняет их взаимную адаптацию.

Исследование показало, что наиболее стабильными являются браки, заключенные в возрасте от 25–30 лет, что объясняется большим жизненным опытом супругов, их социальной и психологической зрелостью в этом возрасте.

Литература

- Алёшина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии. М., 1987.
- Витек К. Проблемы супружеского благополучия. М., 1988.
- Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. №3.
- Левкович В. П. Социально-психологическая диагностика супружеских отношений. М., 2002.
- Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии // Под ред. А. А. Крылова и С. А. Маничева. СПб., 2002.
- Thorned B., Collard J. Who divorces? L., 1979.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И КАРЬЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. Б. Лисовская (Санкт-Петербург)

В последнее время произошли значительные изменения в картине занятости населения, одно из них – увеличение как абсолютного числа, так и доли работающих женщин. Статистика свидетельствует, что увеличение числа работающих женщин приходится на начало 60-х годов прошлого века. Женщины продолжают завоевывать для себя новые позиции, по мере того как все большее число их вливается в ряды трудящихся. И если раньше женщины занимали позиции преимущественно рабочих и служащих, то сегодня все больше женщин пополняют ряды сотрудников высшего управленческого звена.

Статистические данные показывают, что карьерный рост специалиста может произойти за 5–6 лет, что указывает в первую очередь на заинтересованность в этом самого работника и не связано с половыми различиями. Однако большинство людей связывают личный успех не только с профессиональными достижениями, но и с семьей.

В проведенном исследовании В. В. Бодровой, где респондентам – мужчинам и женщинам предлагалось расположить по степени значимости для них слагаемые счастья, из 28 «слагаемых счастья» первые три места для женщин заняли «дети», «семья», «устроенный быт, жильё». Дальше следовали «любовь», «муж», «любимый человек»,

«уверенность в себе», «любимая работа». «Высокая зарплата» оказалась на тринадцатом месте, а «карьера» – на последнем, двадцать восьмом. Эта иерархия показывает не только то, насколько в реальности различен ценностный вес «женского» и профессионального успеха для респонденток, но и то, насколько большее значение имеет для женщин семейный статус. Но на деле эта тенденция наблюдается не у всех женщин (Бодрова, 1998, с. 35–38).

Женщины, как и мужчины, участвуют в трудовой деятельности по многим причинам. Основной причиной может быть элементарная экономическая необходимость. Но подобно мужчинам, многие женщины находят в профессиональной деятельности удовлетворение и реализуют себя. В ходе опросов женщины называют многие из тех факторов, которые делают работу значимой и для мужчин: они считают работу интересным и творческим делом, они видят в ней возможность проявить себя и раскрыть свои способности, она приносит им материальную обеспеченность и уверенность в завтрашнем дне, дает им шанс сделать карьеру, добиться успеха в профессиональной сфере.

Однако, несмотря на все эти сходства, между работающими женщинами и мужчинами имеется и ряд отличий, как и между мужчиной и женщиной в принципе. Согласно данным нескольких исследований, женщины чаще сообщали о возможности работать с людьми – клиентами, сослуживцами или даже начальниками – как об особо важном аспекте своей работы. Для части женщин межличностные отношения потому особенно значимы, что помогают в определении своей профессиональной Я-концепции. Кроме того, социальная поддержка на работе связана с меньшим процентом депрессий и физических недомоганий у женщин. Факт важности для женщин социальных контактов подтвердился и в исследовании А. В. Визгиной и С. Р. Пантелеева, которое было направлено на выявление личностных особенностей мужчин и женщин в самоописаниях. А для мужчин важно «ощущение субъектности собственной роли в достижении успеха» (Визгина, Пантелеев, 2001, с. 91–100).

Исследования показывают, что профессиональный цикл женщины строится иначе, чем профессиональный цикл мужчины. У мужчин наиболее интенсивный профессиональный рост наблюдается в первые 5 лет после вступления в брак (у рабочих) или во вторые 5 лет (у служащих). У женщин более высокие темпы профессионального роста приходятся на второе десятилетие после вступления в брак (Женщина в меняющемся мире, 1992, с. 74–84).

Но в протекании карьерного цикла и у женщин, и у мужчин можно предположить, что существует некоторая закономерность, которая заключается в прохождении ими некоторых последовательных

стадий. К первой стадии относятся завершение профессиональной подготовки, вхождение в профессию, минимальный практический опыт, минимальная социализация в организации; ко второй – период включения менеджера в структуру интерперсональных отношений в организации. Поведенческие проявления этой карьерной линии обеспечиваются сочетанием коммуникативных и мотивационных качеств менеджера. Третья стадия карьеры – становление менеджера как специалиста в некоторой предметной области – характеризует способность и степень его участия в решении конкретных профессиональных проблем. Развитие менеджера на этой стадии карьеры определяется в основном уровнем его интеллектуальных качеств (Карпов, 1999, с. 235–243).

Различия мужчин и женщин изучались и в руководстве. Так в исследовании А. Е. Чириковой было выявлено, что есть много общего и различного в личностных характеристиках успешных в профессиональной деятельности мужчин и женщин-бизнесменов (Чирикова, 1997, с. 57). Общее – выраженная ценность «видеть конкретные и осязаемые результаты своего труда», а также «избегание давления и достижение независимости», «повышение престижа». Ни у карьерно-успешных мужчин, ни у карьерно-успешных женщин не обнаружилось «страха успеха». Отличительные черты: женщины преимущественно сохраняют позиции «умеренного консерватизма», ориентированы на устойчивые деловые стратегии, ведут свой бизнес более ответственно и осторожно; для мужчины бизнес – большая игра. Для женщин профессиональная карьера – это возможность самореализации, для мужчин – возможность самоутвердиться и приобрести свободу (Кричевский, 1998, с. 91). О том, что женщины-руководители более осторожны, указывают исследования Маргарет Хеннинг и Анн Жарден. Они утверждают, что женщины иначе относятся к риску, чем мужчины. Для женщин риск – это потеря, опасность, боль, отрицательный момент, для мужчин риск означает потерю или прибыль, победу или поражение, опасность или шанс (Хеннинг, Жарден, 2001, с. 17)

Интересны исследования С. А. Алифанова, Е. В. Егоровой, Р. Л. Кричевского, А. Н. Eagty, В. Т. Jotmson в области гендерных различий в лидерстве. Нужно оговориться, что под лидерством здесь понимается раскрытие особенностей менеджеров. А. Н. Eagty, В. Т. Jotmson, Е. Е. Массобу, С. N. Jacklin, G. N. Powell были получены три типа эмпирических данных:

- 1) лидеры-женщины не отличались от лидеров-мужчин ни по лидерскому стилю, ни по эффективности своей деятельности, ни по вербальному поведению;

- 2) отличия лидеров разного пола были отражением общих гендерных различий, т. е. лидеры имели больше сходства с рядовыми участниками своего пола, чем с лидерами противоположного пола;
- 3) лидеры-женщины отличались от мужчин, но в сторону, противоположную ожидаемым гендерным различиям; так, по мотивации достижения и стремлению к лидерству женщины не только не уступали мужчинам, но даже превосходили их (Maccoby, Jacklin, 1978, с. 27).

Исследователи гендерных проблем лидерства указывают на такую проблему, как препятствия, которые общество выставляет перед женщинами на пути к лидерству.

Очень популярна метафора о «стеклянном потолке» («*glass ceiling*»): невидимой, но реальной преграде, на которую наталкивается женщина-лидер, когда пытается достичь вершин успеха; для мужчин такой преграды не существует.

Главное препятствие заключается в отношении окружающих. Несмотря на то, что по ряду качеств женщины-лидеры не отличаются от своих коллег-мужчин, представление об их непригодности для лидерской роли является устойчивым. Оно проявляется в осуждении близких и друзей, в предпочтении подчиненными мужчины в роли босса и в скептицизме мужчин-администраторов по отношению к женщинам-лидерам. Причем в большей психологической изоляции оказываются успешные женщины-менеджеры.

Недостаток власти, дефицит лидерства заставляют женщин прибегать к защитным стратегиям (названным «гендерным менеджментом»):

- а) сверхфункционированию на работе (по времени и усилиям);
- б) использованию специфически женских способов деловых переговоров с мужчинами (коккетства, принижения своих способностей);
- в) применению «маски» – стремлению скрыть свою эмоциональную и личную жизнь, чтобы не получить ярлык неэффективных работников и т. п., что может составлять угрозу их психическому здоровью.

Но у женщины есть ряд преимуществ, реализовав которые, она может стать успешным руководителем. Женщина-лидер обладает более тонким социальным интеллектom, она тоньше ощущает нюансы отношений, в том числе и отношение к себе. Она умеет оценивать и прогнозировать поведение других людей. Правда, ее больше, чем мужчин, подстерегает опасность пойти на поводу у своих эмоций. А истеричность и лидерство – есть вещи несовместимые.

Женщина обладает большей контактностью и практичностью мышления. Если мужчина склонен строить долгосрочные планы, рассчитывать на долгосрочную перспективу, то женщина предпочитает конкретно гарантированный результат «здесь и сейчас». Женщина лучше мужчины контролирует свои и чужие ошибки; она, как правило, лучше формулирует свои мысли и выражает идеи. Замечено, что она меньше, чем мужчина реагирует на ухаживания и сексуальные притязания в деловых отношениях. Она четко различает дело и развлечение.

Один из способов, которым советское общество, семья и сама женщина пытались разрешить конфликт: семья – работа, был связан с возникновением особого типа «женщины-работника», которая существует в условиях заниженных профессиональных критериев и не ориентирована на профессионализм, достижения и успех. К карьерному росту стремятся как мужчины, так и женщины, независимо от семейного положения. Поэтому для женщины восхождение по лестнице успеха оказалось делом тяжелым и небезопасным. Деловая женщина должна постоянно доказывать себе и окружающим, что занимается именно своим делом. Примерно 1/3 всех нервных расстройств у бизнес-леди происходит от столкновения их роли руководителя в работе и исполнителя дома.

В советские времена желание делать карьеру связывалось с «мужским» самоутверждением в обществе и «допускалось» для незамужних женщин, как бы оправданное тем, что они не достигли «главного» в своей жизни – семейного счастья. Таким образом, негласно утверждалась идея двух женских карьер, одна из которых – семейная – связывалась со статусом замужней женщины. Другая карьера – профессиональная – связывалась со статусом незамужней женщины.

По мнению В. В. Бодровой, более вероятно, что, хотя именно незамужние женщины чаще демонстрируют профессиональную ориентацию и желание делать карьеру, среди них же больше тех, которые просто не могут сделать иного – более приемлемого и желаемого – выбора в пользу семьи. Общественное мнение все еще репрессивно по отношению к незамужним женщинам и склонно поддерживать единственную «нормальную» форму образа жизни. Как замужним, так и незамужним женщинам приходится преодолевать сопротивление общества идее личной карьеры вообще и женской карьеры в частности. Статус незамужней женщины является при этом «отягчающим обстоятельством» (Бодрова, 1998, с. 35–38).

Что касается желаний делать карьеру и отсутствия такой возможности на данном рабочем месте, в России это чаще связывается с некими внутренними, личностными ограничениями, а не с полом.

Исследования в США показали, что, в то время как часть женщин находит удовлетворение в роли домохозяйек, в целом удовлетворенность жизнью, включая самооценку и чувство собственной компенсации, выше у работающих женщин. Те же женщины, которые видят себя только в роли жены и матери, чаще всего испытывают так называемый синдром домохозяйки. Он проявляется в чувстве беспомощности и безнадежности, в частых депрессиях, низкой самооценке.

Профессионально-ориентированные женщины, несомненно, лучше справляются с «этой жизнью», но ощущают постоянный дискомфорт в материнской роли, как будто расплачиваясь таким образом за свой профессиональный выбор. Они как будто разделяют предубеждение по поводу своего семейного статуса, переживая его как постоянное чувство вины перед ребенком.

Таким образом, отсюда следует вывод, что трудовая сфера жизни важна и для женщин, и для мужчин. Достижение успеха в профессиональной деятельности зависит от личностных особенностей индивида, семейного положения и его желания добиваться успеха в данной области, а не от половых различий. Женщины больше, чем мужчины ориентированы на семью.

Целью нашего исследования было изучение особенностей в представлениях образа семьи и успешности карьеры у руководителей – мужчин и женщин.

В исследовании приняли участие 60 чел., средний возраст – 37 лет. В первую группу вошли мужчины-руководители в количестве 30 чел., возраст которых от 24 до 60 лет. Во вторую группу вошли женщины-руководители в количестве 30 чел., возраст – от 25 до 55.

Качественный и количественный анализ полученных данных показал, что представления мужчин- и женщин-руководителей об успешности карьеры и образе семьи отличаются по содержанию. Женщины-руководители в отличие от мужчин-руководителей считают свою карьеру более успешной. Карьера для женщин – это возможность, прежде всего, реализовать свой личностный потенциал, для мужчин – в первую очередь, это возможность материально лучше обеспечить семью. Помимо направленности личности успешность карьерного роста у женщин-руководителей определяется через внешние условия труда. Чем благоприятнее рабочая обстановка для женщины, тем у нее больше шансов строить карьеру.

У мужчин-руководителей карьерный рост также определяется направленностью личности, т. е. ориентацией на работу, а не на себя или на общение с другими. Но еще опосредуется смыслом, который мужчина-руководитель вкладывает в свою работу, пониманием, для чего ему нужна карьера, какова истинная мотивация.

Специфика особенностей в представлениях об успешности карьеры у мужчин- и женщин-руководителей определяется преимущественно гендерными различиями.

Образ семьи для женщин-руководителей складывается из представлений о том, что главную роль в семье выполняет жена. Женщине-руководителю хотелось бы в семейной жизни быть более автономной, распоряжаться самостоятельно своим свободным временем для общения с друзьями и родственниками. Удовлетворенность женщины-руководителя семейными отношениями складывается из понимания того, какая сфера семейной жизни для нее наиболее важна или актуальна. Если отношения с супругом в актуальной сфере семейной жизни приносят удовлетворение женщине, то брак она считает удачным.

Для мужчин-руководителей брак строится, прежде всего, через официальные зарегистрированные отношения с супругой. А после – определяется разграничением обязанностей между мужем и женой. Удовлетворенность супружескими отношениями у мужчин-руководителей зависит от разрешения важных для них проблем семьи, – разумно ли тратит материальные блага супруга или нет, и соответствует ли ее ролевое поведение тому, какое ожидает видеть от нее супруг? По мнению мужчины-руководителя, жена должна больше внимания уделять родительско-воспитательской функции.

Семьи мужчин-руководителей представляют собой более традиционный семейный уклад, где женщина – хранительница очага, а мужчина – добытчик и кормилец семьи, и, соответственно, где женщина должна подчиняться мужу.

В семьях женщин-руководителей картина немного иная – женщины не противятся выполнять традиционные семейные функции, но они конфликтуют с мужем по поводу отстаивания большей свободы для себя и независимости в семье.

Таким образом, специфика особенностей образа семьи у мужчин- и женщин-руководителей объясняется разностью в переменных, характеризующих распределение ролей в семье, удовлетворенности семейными отношениями и показателями конфликтности в семье. Также следует отметить, что особенности в представлениях образа семьи и успешности карьеры у руководителей определяется возрастными и гендерными различиями.

Литература

Бодрова В. В. Отношение к занятости женщин в период перехода к рыночной экономике // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены / ВЦИОМ. М., 1998. № 1. С. 35–38.

Визгина А. В., Пантелеев С. Р. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 91–100.

Женщина в меняющемся мире / Отв. ред. Н. М. Римашевская. М.: Наука, 1992.

Карпов А. В. Психология менеджмента // Учеб. пособие. М.: Гардарики, 1999.

Кричевский Р. Л. Если Вы – руководитель. М.: Дело, 1998.

Хеннинг М., Жарден А. Женщины и мужчины руководители СПб.: Питер, 2001.

Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997.

Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1978. V. 1, 2.

СПЕЦИФИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Н. А. Лукина (Самара)

Психологические отношения человека в развитом виде представляют собой целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Психологический смысл отношения состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающего. Изучая человека с позиции его отношений, мы устанавливаем его содержательные связи с социальным окружением (Мясищев, 1998, с. 36).

Межличностные отношения характеризуются как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения (Психологическая энциклопедия, 2006, с. 367). Содержанием межличностных отношений чаще всего становятся интересы, склонности, потребности людей. Развитие и становление данных отношений играет важную роль в процессе формирования личности, а полем их построения могут служить какие-либо совместные увлечения, занятия и иные формы человеческой активности.

Общение является одним из основных инструментов выстраивания межличностных отношений, средством презентации уровня и качества взаимодействия, а также способом самораскрытия личности общающихся. Согласно В. Н. Кунициной, основной структурной единицей анализа межличностного взаимодействия является не отдельный человек, а взаимосвязь, взаимодействие вступивших в общение людей. Обмениваясь сообщениями, собеседники приспособливают их к конкретной ситуации общения, содержание полученной информации

в значительной мере перерабатывается в зависимости от оценки самих себя и окружающей обстановки (Куницына, Казаринова, Погольша, 2003, с. 37). Таким образом, процесс межличностного общения неизбежно преломляется через призму межличностных отношений, способов общения и особенности ситуации общения. Изучая процесс общения в русле межличностных отношений, необходимо остановить внимание на следующих основных моментах: анализ условий, при которых происходит процесс общения, содержательное описание процесса общения, содержательное описание способов, позволяющих или препятствующих достижению определенного уровня взаимности.

В данной статье мы рассмотрим особенности проявления межличностных отношений в процессе общения студентов в Интернет-среде. Популярность Интернета уже давно позволяет рассматривать его в качестве новой социальной среды, которая означает принципиально новый способ построения отношений. Специфика этой среды активно изучается многими зарубежными и отечественными психологами (Дж. Барлоу, Д. Фостер, С. Джонс, К. Янг, П. Хиллс, М. Аргайл, А. Е. Войскунский, Ю. Д. Бабаева, О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин). Интернет-среда обладает качественным своеобразием, а следовательно, имеет особенности в плане построения межличностных отношений. В процессе построения межличностных отношений субъект изучает объект и ситуацию, в которой осуществляется воздействие, выбирает стратегию, тактику и средства воздействия, анализирует поступающие от объекта сигналы. Специфика общения, опосредованного Интернетом, может проявиться в использовании иных, по сравнению с реальными, стратегий взаимодействия в процессе построения межличностных отношений.

В нашем исследовании приняли участие 127 студентов II и III курса психологического и исторического факультетов Самарского филиала Московского городского педагогического университета, регулярно использующих интернет-пространство для общения.

Анализ целей общения в интернет-среде выявил следующее: 32% студентов общаются для приобретения новых знакомств, 23% – ради самого процесса общения, 17% – с целью «убить время», 14% – для получения новой информации, 6% – ради развлечения, 4% – в поиске помощи, 4% – используют общение в рабочих целях.

Для изучения межличностных отношений (МЛО) в процессе общения в интернет-среде была выбрана методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Данная методика предназначена для исследования представлений субъекта о себе «реальном» и «идеальном», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С помощью методики выявляется преобладающий тип отношений

к людям в самооценке и взаимооценке (Бурлачук, Морозов, 1999, с. 180). Согласно Т. Лири, в процессе построения МЛО существует четыре основных ориентации: доминирование, подчинение, дружелюбие, враждебность. Данные ориентации создают основу типологии МЛО, которая включает, соответственно, следующие типы: I – авторитарный, II – эгоистический, III – агрессивный, IV – подозрительный, V – подчиняемый, VI – зависимый, VII – дружелюбный, VIII – альтруистический. Каждый тип МЛО имеет несколько степеней выраженности – минимальную (1), среднюю (2) и максимальную (3). Данные типы наиболее полно отражают спектр возможных позиций, занимаемых при построении МЛО в процессе общения.

В проведенном нами исследовании каждый выявленный нами тип МЛО проанализирован по степени выраженности черт, его составляющих. В соответствии с целями нашего исследования перед испытуемыми ставилась задача оценить себя в процессе реального общения и в процессе общения, опосредованного интернет-средой. Гипотеза исследования состояла в том, что *степени выраженности* типов межличностных отношений, проявляемых субъектом в процессе реального общения и общения в интернет-среде, не совпадают. Полученные результаты, характеризующие каждый тип отношений в процессе реального общения и в процессе общения, опосредованного Интернет-средой, изложены ниже. Проанализируем каждый тип МЛО.

I – Авторитарный тип отношений. В процессе межличностного общения, как в Интернет-среде, так и в реальной жизни, авторитарность проявляется преимущественно в минимальной степени выраженности – диапазон от 0–8 баллов. Это означает, что в своем поведении испытуемые демонстрируют уверенность, настойчивость, упорство. Степень проявления этих качеств в процессе интернет-общения выше, чем в реальном на 18%, что свидетельствует о специфических возможностях Интернета при построении межличностных отношений. В силу ряда факторов, таких как анонимность, свобода в выражении чувств, отсутствие страха перед выявлением тех или иных ошибок, пользователь занимает более уверенную позицию в интернет-среде по сравнению с реальной ситуацией и не стесняется в самовыражении. Данные свидетельствуют, что средняя и максимальная степени выраженности авторитарного типа в интернет-среде выше, чем в реальной. Студентов, проявляющих властные диктаторские черты, в Интернете больше на 8%, авторитетных, компетентных и успешных на 10%.

II – Эгоистичный тип отношений в процессе межличностного общения у испытуемых также наиболее полно представлен в оптимально-минимальной степени от 0–12 баллов: 96% испытуемых обла-

дают эгоистическими чертами, т. е. ориентацией на себя, склонностью к соперничеству, «здоровым, разумным» эгоизмом, необходимым для осуществления своих целей, ощущения своей значимости и самодостаточности, и в конечном итоге для построения конструктивных взаимоотношений. Эгоизм в крайней степени обнаружен только у 4% испытуемых. Значимых различий между реальным и Интернет-общением по данному параметру не обнаружено.

III – Агрессивный тип отношений в своем максимальном проявлении, при котором демонстрируется резкость и жесткость к окружающим, доходящая до асоциального поведения, не проявляется ни в одной из исследуемых сфер общения. Агрессивность как настойчивость, энергия, упорство (по Т. Лири, это минимальная степени выраженности) свойственна большинству тестируемых: 84% студентов проявляют это качество в реальном общении и 90% – в интернет-среде. Агрессивная стратегия взаимодействия у подавляющего большинства испытуемых не превышает степени «здорового упрямства». Тем не менее, в интернет-общении данный показатель выше на 6%, чем в реальном. Строгость, резкость, прямолинейность и требовательность крайней степени в реальном общении свойственны только 6% испытуемым.

IV – Подозрительный тип отношений у большинства студентов (76% в реальном общении и 84% в интернет-общении) представлен также в минимальной степени, что можно интерпретировать как объективное самостоятельное критичное отношение к обсуждаемым темам, предметам и явлениям. Причем в интернет-среде данный показатель выше, чем в реальном общении на 8%. Подозрительность, скептичность и замкнутость, мешающая устанавливать межличностные контакты, наблюдается у 21% испытуемых в реальном общении и у 16% в интернет-среде. Данные показатели свидетельствуют о неуверенности в себе, коммуникативных трудностях, боязни плохого отношения со стороны окружающих. Отчужденность, враждебность как крайняя форма проявления подозрительности выявлена только в процессе реального общения и представлена у 3% испытуемых.

V – Подчиняемый тип отношений, выраженный в минимальной степени, характеризуемый как скромный, робкий, эмоционально сдержанный, склонный к добросовестному выполнению своих обязанностей, но, тем не менее, достаточно самостоятельный, в интернет-среде выявлен у 94%, в реальном общении – 91%. Эти же качества, выражаемые в средней степени, диагностированы у 6% и 9% соответственно. Степени покорности, граничащей с самоуничижением, стремлением найти опору в ком-то другом, не обнаружено.

VI – Зависимый тип отношений. Анализ диагностических данных показал, что и в процессе реального общения, и в интернет-среде большинству испытуемых зависимость присуща в минимальной степени, что выражается в конформности, мягкости, доверчивости. В интернет-среде данные качества проявляются несколько выше, чем в реальном общении (94% и 90% соответственно). Средняя степень качества зависимого типа в реальном общении проявляются у 10%, в интернет-общении у 6% испытуемых. Зависимого типа поведения в максимальной степени своего проявления (резкой неуверенности в себе, наличия навязчивых страхов, опасений) не выявлено.

VII – Дружелюбный тип отношений. Как и при анализе предыдущих типов отношений, дружелюбие проявляется преимущественно в оптимальной степени выраженности (до 8 баллов): у 88% испытуемых в интернет-среде и у 84% – в реальном общении. Большинство испытуемых проявили склонность к сотрудничеству, кооперации, гибкий компромисс, общительность, доброжелательность и инициативность в отношениях. Дружелюбие в крайней степени выраженности, по Т. Лири (до 12 баллов), ориентированное на всеобщее принятие и социальное одобрение, стремление к удовлетворению требования быть для всех «хорошим» без учета ситуации, показали 16% в реальном общении и 12% в интернет-среде, которая, как уже отмечалось, в большей степени способствует проявлению истинных намерений, без оглядки на окружающих и страха осуждения.

VIII – Альтруистический тип отношений в оптимально-минимальной степени с такими чертами, как ответственность, деликатность, доброта, мягкость, эмпатийность, бескорыстие и отзывчивость, в интернет-общении представлен показателем 90%, что превышает на 12% этот же показатель в реальном общении. Максимальная степень проявления этого типа, при котором человек приносит в жертву свои интересы, стремится помочь и сострадать всем, навязчив в своей помощи, слишком активен по отношению к окружающим, сознательно конформен, принимает на себя ответственность за всех, выявлен у 22% испытуемых в реальном общении и у 10% в интернет-среде (отметим, разница составляет 12%).

Анализ средних значений по всем исследуемым типам межличностных отношений выявил, что средние показатели, как в реальном общении, так и в интернет-среде, находятся в диапазоне минимальных и средних значений (от 0–10 баллов), причем в интернет-среде все типы межличностных отношений, кроме эгоистического, выражены меньше. Обработка данных при помощи статистического критерия

Манна–Уитни также позволила обнаружить значимые различия во всех типах межличностного взаимодействия, за исключением эгоистического.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

- 1 Все студенты, принявшие участие в исследовании, обладают стратегиями межличностного взаимодействия в диапазоне оптимальных значений. Авторитарный, эгоистический, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический типы межличностных отношений присущи испытуемым настолько, насколько это необходимо для формирования зрелой личности и конструктивного взаимодействия с окружающими.
- 2 Отчетливо прослеживается тенденция: в интернет-среде большее количество общающихся отличается оптимальной степенью выраженности всех типов, что позволяет говорить о благоприятном влиянии межличностного взаимодействия в интернет-среде на общающихся и расценить его как более адекватное, психологически здоровое и полноценное, сводящее к минимуму отрицательные эмоции и воздействия.

Мы не считаем настоящее исследование завершенным, а выводы бесспорными, но наша гипотеза о том, что степени выраженности типов межличностных отношений, проявляемых субъектом в процессе реального общения и общения в интернет-среде, не совпадают, в основном подтверждается. В данной статье мы осветили лишь отдельные вопросы, касающиеся межличностного взаимодействия студентов в интернет-среде. В ходе следующего этапа исследования предстоит ответить на вопросы, касающиеся специфических возможностей интернет-среды, которая прочно вошла во все сферы человеческой жизни и представляет собой абсолютно новую форму построения межличностных отношений. Изучение ее позволяет обозначить новые аспекты личностного развития в рамках новой интернет-действительности.

Литература

- Бурлачук Л., Морозов С. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 1999.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение // Учебн. для вузов. СПб.: Питер, 2003.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.-Воронеж, 1998.
- Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсин, А. Ауэрбах. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖГРУППОВОЙ ПРЕДУБЕЖДЕННОСТИ

Н. В. Мешкова (Москва)

Проявления предубежденности обнаруживаются в широком спектре социально-психологических явлений: прежде всего, в межгрупповых и межличностных конфликтах, стигматизации, агрессии против аут-групп, в дискриминации и остракизме. Объектом внимания психологов эта проблема стала в 20-х годах прошлого века, когда американские исследователи пытались объяснить причины депривации и стигматизации в межрасовых отношениях. Далее интерес зарубежных исследователей к проблеме предубежденности постоянно подогревался событиями, происходящими в социальной жизни. На современном этапе следствием миграционных процессов стало расширение спектра мишеней предубежденности.

Несмотря на множество работ в области этнической предубежденности и расизма, на текущий момент исследователи не пришли к единой точке зрения по многим вопросам. В частности, нет единого понимания в толковании самого термина «предубежденность», а также генеза и связи предубежденности с поведением. Одной из причин такого положения нам видится изолированное изучение предубежденности к определенному типу мишеней. Например, расизм, этническая и сексуальная предубежденности выделены в отдельные направления исследования в западной психологии. В отечественной науке исследования предубежденности осуществляются в рамках этнопсихологии.

Между тем, зарубежные авторы приходят к выводу, что предубежденность к различным группам может являться следствием общего психологического явления, затрагивающего личность. Корнем такого явления нам представляются психологические характеристики личности.

Следует отметить, что проблемы предубежденности чрезвычайно актуальны для современной России в связи с ростом «преступлений ненависти», жертвами которых становятся люди, принадлежащие к группам этнических меньшинств, мигранты и гомосексуалисты.

Анализ работ зарубежных и отечественных авторов позволил выделить два принципиально разных типа предубежденности: зависящая от ситуационного контекста предубежденность, возникающая в новых ситуациях, и не зависящее от ситуации негативное отношение к группе. Эмпирическое исследование показало, что каждый из типов предубежденности обусловлен определенными индивидуально-психологическими особенностями испытуемых, в числе которых были скинхеды/РНЕ, учителя-женщины, а также мужчины и женщины

групп сравнения. Использовалась батарея из 7 методик. По результатам предварительного исследования испытуемые были разделены на две группы, при этом критерием деления стало количество объектов, к которым была выявлена предубежденность.

У скинхедов были обнаружены следующие психологические особенности: 1) предубежденность ко всем предложенным для шкалирования объектам; 2) инверсированные в негативную сторону базовые убеждения о доброжелательности окружающего мира; 3) высокая враждебность, качественно выраженная настороженностью; 4) гипермаскулинизация в полоролевой идентичности; 5) высокие значения физической агрессии, коррелирующие с маскулинностью Я-актуального и полоролевым поведением; 6) высокий поиск новизны, характеризующий экстремальный показатель темперамента и склонность к антисоциальному поведению.

К особенностям второй группы испытуемых относятся: 1) предубежденность лишь к некоторым объектам, предложенным для шкалирования; 2) базовая не-враждебность; 3) низкий поиск новизны; 4) низкая гендерная самооценка. Под гендерной самооценкой понимается уровень выраженности фемининных качеств у женщин и маскулинных качеств у мужчин. В исследовании низкая самооценка определялась соотношениями между компонентами полоролевой идентичности: культуральным стереотипом, идеалом и самооценкой испытуемых.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

- 1) Враждебность, генерализованная в негативных базовых убеждениях о мире, формирует враждебную картину мира и задает пристрастность в оценке любого объекта независимо от ситуации. Это позволяет рассматривать этническую предубежденность, расизм и предубежденность к гомосексуалистам не как особые виды предубежденности, а как частный «продукт» более общего явления. При таком подходе предубежденность понимается как опредмеченная враждебность.
- 2) Связь предубежденности и агрессивного поведения у скинхедов обусловлена высоким поиском новизны и гипермаскулинностью полоролевой идентичности. Особенностью гипермаскулинной полоролевой идентичности является встроенная в нее агрессия. Для людей, обладающих таким набором характеристик, любой объект является потенциальной мишенью для агрессии.
- 3) Парциальная предубежденность обнаруживается при «базовой не-враждебности» картины мира. Особенности индивидуально-психологических характеристик в этом случае являются низкий поиск новизны и низкая самооценка маскулинности полоролевой

идентичности. Выделенные характеристики являются косвенными показателями страха новизны.

Таким образом, психологическими источниками межгрупповой предубежденности являются: картина мира, темперамент и полоролевая идентичность. Коррекционная и профилактическая работа по предотвращению реализации предубежденности в агрессивном поведении может состоять в разработке психологических тренингов, формирующих положительный взгляд на окружающий мир и адекватную полоролевою идентичность.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И. М. Пивоварчик, Е. А. Дудкина (Украина)

«Человек не изолированное, в себе замкнутое существо, которое жило бы и развивалось из самого себя. Он связан с окружающим его миром и нуждается в нем», – эта мысль с особой глубиной выражена у С.Л. Рубинштейна в его последней, посмертно (в 1973 г.) опубликованной работе «Человек и мир». Первое, на что специально обращает внимание С.Л. Рубинштейн, приступая к характеристике личности, это то, что личностная зависимость психических процессов выражается в том, что сам ход их развития определяется общим становлением личности. Смена жизненных эпох, через которые проходит каждый человек, приводит не только к смене чувств, но и к смене жизненных установок, интересов, ценностных ориентаций (Рубинштейн, 1959, с. 156).

Традиционно к ценностным ориентациям, значимым для женщин, можно отнести любовь, семейное благополучие, интерес к своей внешности, потребность в защите, для мужчин – успех в карьере, самореализацию, возможность доминировать. Однако современный этап развития общества характеризуется качественно новым состоянием всех сфер общественной жизни. Глубокому переосмыслению в общественном сознании подвергается система ценностей. Происходит трансформация ценностных ориентаций и представлений мужчин и женщин в массовом сознании.

В связи с подтверждением этого явления в феврале 2009 г. нами было проведено исследование на базе Южноукраинского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, направленное на изучение системы ценностных ориентаций мужчин и женщин в современном обществе. Выборка составила 90 испытуемых: 45 юношей и 45 девушек в возрасте 19–22 года. Для реализации цели

исследования нами была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списков ценностей двух классов: терминальных и инструментальных; а также для более подробной информации нами был специально разработан опросник, содержащий 32 вопроса открытого типа, на которые предлагалось ответить испытуемым.

При анализе полученных данных мы провели сравнительную характеристику ценностных ориентаций мужчин и женщин, руководствуясь уровнем выраженности той или иной тенденции у обоих полов. В результате доминирующую позицию среди инструментальных ценностей у мужчин заняли: воспитанность, жизнерадостность, ответственность; у женщин: воспитанность, жизнерадостность, независимость, самоконтроль. Вторую позицию у мужчин разделили: независимость, терпимость, честность, аккуратность, исполнительность; у женщин: честность, смелость в отстаивании своего мнения. На третьей позиции у мужчин были зафиксированы такие ценности, как: самоконтроль, широта взглядов, непримиримость к недостаткам, чуткость, рационализм, образованность, смелость в отстаивании своего мнения; у женщин: широта взглядов, чуткость, аккуратность, образованность. В то же время последнюю позицию среди ценностей у мужчин занимают: высокие запросы; у женщин: ответственность и непримиримость к недостаткам. На основе полученных данных можно предположить, что у мужчин преобладают этические ценности, ценности общения, конформистские и альтруистические ценности, ценности принятия других людей; у женщин наиболее выражены этические ценности, ценности дела, самоутверждения, индивидуалистические ценности.

При анализе результатов опросника наиболее существенными оказались ответы на вопросы о создании, планировании семьи и карьеры. Так, в качестве идеального возраста для создания семьи мужчины отметили период 25–27 лет, мотивируя это проблемой выбора партнера, уверенностью в нем, а также наличием материальных возможностей. При этом четкой расстановки приоритетов на семью либо карьеру не было выявлено, обе перспективы назывались взаимодополняющими. В то же время женщины идеальным возрастом для создания семьи обозначили период 23–25 лет, что объяснялось окончанием учебы, началом собственной карьеры.

Так, на основании всего вышесказанного, можно констатировать, что в современном обществе с ценностными ориентациями мужчин и женщин произошли существенные изменения. Женщины становятся все более самостоятельными, стремятся к независимости, самодостаточности, но и не теряют своих «женственных» представлений о жиз-

ни. Мужчины же стремятся развивать себя в духовном, творческом плане. Для тех и других ценности, связываемые с их биологическим полом, отходят на второй план, а первые позиции занимают ценности, ранее характерные для противоположного пола. По нашему мнению, все это может быть связано с наличием существенных изменений в представлениях об образе мужчин и женщин в массовом сознании, и их борьбе за социальную, экономическую независимость. Мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом не в вакууме, а в конкретных социальных ролях, причем особенности гендерной дифференциации в разных сферах деятельности, например, на производстве и в семье, часто не совпадают. К примеру, если раньше честолюбивая женщина могла сделать карьеру только опосредствованно, за счет социально и экономически успешного мужа или, наоборот, организовав социальное продвижение последнего, то сегодня эти ограничения отпали. Современная женщина может сама, без мужского посредничества, добиться высокого социального статуса и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках и различиях. Таким образом, данная работа дает перспективы для изучения ценностных ориентаций мужчин и женщин в современном обществе в соответствии с гендерными ролями и на основе гендерных стереотипов.

Литература

- Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании... // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
- Мартынюк И. О. Проблема жизненного самоопределения молодежи // Опыт прикладного исследования. Киев: Наукова думка, 1993.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Учпедгиз, 1959.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1976.
- Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕНТАЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

В. И. Пищик (Ростов-на-Дону)

В быстроизменяющемся мире стоит особо актуально проблема трансформации ментальности поколений. Из отношения человека к миру и к человечеству, писал С. Л. Рубинштейн, «вытекает

и отношение человека к жизни и смерти, как бытию и небытию, отношение к прошлому и будущему, и конкретно – к переходу от одного общественного строя к другому» (Рубинштейн, 2003, с. 360). А отсюда автор делал вывод, что со сменой общественного строя новый человек порождается не автоматически, но благодаря включению человека в новые человеческие отношения, в которых он «передельвается». С. Л. Рубинштейн выводил один из параметров человеческого бытия – отношение к другому человеку. Он считал, что не ценности первичны у человека, а отношения мира и человека. Изменение, перестройка взаимоотношений человека с миром, с другими людьми, обществом ведет к переоценке ценностей – таков результат диалектики жизни. Поскольку ментальность выражается в социально-психологических феноменах, то за проблемой трансформации ментальности открывается проблема отношения к миру и к другому человеку, к обществу.

Были выделены факторы, влияющие на качество и определенность ментальности в культуре. На ментальность оказывают взаимовлияние все сферы общества (политика, экономика, религия, социальная сфера и др.), цивилизационные движения (переход к глобализации, рост техногенности, информационные, экологические факторы и т. д.), распространенные виды и типы культуры, типы личности. В различных культурно-исторических ситуациях эти системы факторов могут приобретать решающее значение. Следовательно, ментальность выступает как продукт совокупного действия всех системных факторов.

С позиции системного подхода нами было выявлено, что архетипы, образ мира, образ жизни, стиль мышления, особенности коммуникации у поколений имеют общие тенденции, которые можно привести к соответствию определенной ментальности. При этом ментальность проходит этапы в своем развитии – от традиционной к инновационной ментальности (Пищик, 2006). На этом пути происходят рассогласования/согласования ценностей, смыслов и значений в ядре ментальности поколений, приводящие к изменению параметров ее периферии – социально-психологических характеристик. Это происходит под воздействием определенной системы факторов. Отношение коллективного субъекта к своему образу жизни и образу мира является устойчивым. Оно распространяется среди субъектов по законам социального влияния, посредством дискурса. Процесс системообразования инновационной ментальности начинается с противоречия в отношениях коллективного субъекта к традиционному образу жизни и образу мира. Так социалистический образ жизни и образ мира потерял в глазах субъектов позитивное значение, смысл. Что способствовало тому, что среди людей распространились иные инновационные представления, идеалы образа мира и образа

жизни. Это привело в движение их ценностно-смысловое, традиционное единство. Формировались новые значения, подкрепляемые новыми контекстами, рождались новые смыслы, перестраивающие ценностную систему, что вело к новым действиям, к которым у коллективного субъекта образовалось особое отношение. Зародившись, новые отношения развивались в целостность, в систему и приводили к функциональной перестройке ментальности. Формировались иные интерпретационные схемы, с помощью которых поколения могли оценивать социальную ситуацию и новые программы поведения. В результате изменилась направленность социально-психологических характеристик ментальности поколений: от взаимозависимости к независимости в отношениях, от стабильного образа мира к нестабильному, от консерватизма к готовности к изменениям, от дискурсивной гомогенности к гетерогенности, от коллективизма к индивидуализму в ценностных ориентациях.

Эмпирическим путем нами было проведено сравнение составляющих ментальности постсоветских поколений начала XXI в. Южного региона России и советских поколений 70–80-х годов XX в. (Пищик, 2007). Исследовательская гипотеза была построена на том, что ментальность поколений, как коллективных субъектов, подверглась воздействию конкретной культурно-исторической ситуации – перестройке. Поэтому, вступая в новую историческую эпоху, поколения воспринимают актуальные воздействия, новые дискурсы в соответствии со своими ранее приобретенными интерпретационными схемами, а именно в соответствии с образом мира, образом жизни, доминирующими стилями мышления и особенностями коммуникации, в системной организации которых задана особая согласованность содержания их ценностей, смыслов и значений. Что вызывает в них рассогласования, отраженные в дискурсах поколений.

В различные исторические эпохи ведущим фактором развития ментальности коллективного субъекта были следующие: в развитии дописьменной ментальности – телесность, предметность; в развитии письменной ментальности – знаковость, письменность; в развитии медиаментальности – информационная коммуникация, визуальные образы (Шкуратов, 2006). С позиции рассмотрения видов ментальности ведущими факторами ее развития выступают: в развитии традиционной ментальности – традиции; в развитии переходной ментальности – разрушение традиций; в инновационной ментальности – индивидуальность; в развитии постинновационной ментальности – разрушение индивидуальности, переход к коллективности.

Ментальность развивается в зависимости от условий психологической системы, к которой она принадлежит, и от взаимоотношений

с другими явлениями. Как отмечает В. А. Шкуратов, необходимо иметь «предположение о характере связи человека и культуры (опосредования) в данном ментальном порядке» (Шкуратов, 2006, с. 91), тогда можно будет определить вид ментальности. Особенности опосредования в психологической системе определяют порядок, системную организацию ментальности в определенный исторический период развития коллективного субъекта. При социализме человек и культура были опосредованы идеологизированными знаковыми системами, следовательно, господствовала письменная, традиционная ментальность. В эпоху социализма была достигнута ценностно-смысловая близость ментальности, опирающаяся на производственно-экономическую, социальную, политическую и духовную общность поколений. В современном капиталистическом российском обществе преобладает медиаментальность, которая находится на этапе перехода от традиционной к инновационной ментальности. Причем, как показали исследования (Пищик, 2007), преобладает традиционная ментальность, но наблюдаются и большие показатели по инновационной ментальности в группе переходных поколений. Поколения сегодня живут в условиях господства частнособственнических экономических отношений, опирающихся на социальное неравенство и разность интересов людей. Средства массовой информации в руках государства и частных собственников. Это способствует тому, что нет единой традиционной линии, которая бы определяла направленность передаваемой информации. Поколения выбирают свой канал информационной коммуникации, который опирался бы на определенные ценности, смыслы и значения. Поэтому наблюдается разрыв между поколениями на уровне ценностно-смыслового рассогласования в их ментальности.

На основании эмпирического исследования ценностно-смысловых составляющих российской ментальности (Пищик, 2007) можно предположить, что в условиях социокультурных изменений происходит процесс частичной ее трансформации. Социокультурный кризис, приводящий к смене форм собственности, реструктуризации социальной системы, высокому динамизму в политической системе, способствует тому, что общество предъявляет новые требования к социальной компетентности человека и его общественному образу. Это сказывается на том, что человек сознательно и бессознательно вносит коррективы в формы своей субъектности (самореализацию, самодетерминацию, самопрезентацию, саморазвитие, самопредъявление). Фактически начинает изменяться «представленность» субъекта в мире. Человек, коллективный субъект по-иному «продляется» в мир. Определяя новые возможные, реализуемые проекты жизнедеятель-

ности в мире, человек и коллективный субъект выбирают новые социальные категории для самоопределения, социальные роли, позиции для идентификации, акцентируются на новых социально-психологических качествах, востребованных в инновационном обществе. Этому во многом способствуют трансформационные процессы в системе ментальности человека и коллективного субъекта. Происходит согласование/рассогласование между элементами ментальности, соответствующими традиционным нормам и правилам, изменяются их функциональные связи.

В современном российском социуме представлено несколько систем ценностей: традиционные, переходные, инновационные и постинновационные. Между данными системами существуют непреодолимые противоречия в силу того, что одни направлены на общинные, коллективистские формы жизнедеятельности (традиционная ментальность), а другие – на обособленные, индивидуалистические (переходная, инновационная ментальности). Традиционные ценностные системы жестко регламентированы, а инновационные ценности допускают больше степеней свободы в жизни коллективных субъектов, но при этом субъекты традиционной ментальности открыты миру, а субъекты инновационной ментальности закрыты, центрированы на себе. Коллективные субъекты отторгают традиционные ценности. Это было эмпирически зафиксировано даже в группе пенсионеров.

Как установлено в исследовании переходных поколений Южного региона России, женская группа характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску, которые характеризуют индивидуализм. Группа мужчин колеблется между индивидуализмом и коллективизмом и проявляет: миролюбие, дисциплинированность. Присутствие коллективистских начал и отсутствие иерархичности может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с «горизонтальным индивидуализмом» в группе переходных поколений. В группе советских поколений выявлен конструкт «горизонтального коллективизма», характеризующийся: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти. Это свидетельствует о рассогласовании ценностно-смысловых составляющих ментальности исследуемых поколений (Пищик, 2006).

Приоритетными ценностями поколений Южного региона России являются ценности безопасности, здоровья, семьи и высокооплачиваемой работы (Пищик, 2007). В ситуации социокультурных изменений на первое место выходят проблемы выживания, сохранения вида. Хотя здесь наблюдается противоречие, поскольку желание сохра-

ниться замыкается на индивидуальности, по принципу «каждый за себя». Разобщенность в отношениях, холодность, интолерантность установок общения не способствуют сплочению субъектов. Та же проблема затронула ценность «семьи». В эмпирических данных мы фиксировали декларацию семьи как ценности, смысла, цели жизни. Ценность «семьи» связана у респондентов с позитивными высказываниями, традиционными смыслами. Она оказалась наиболее согласованным элементом образа мира коллективных субъектов. На практике, в реальной жизни фиксируется разрушение института семьи, «виртуализация» семейных отношений. Современная семья предполагает развитие обоих супругов, не всегда предполагает официальную регистрацию брака, количество детей сведено к минимуму. В такой семье уже меньше иерархии, наблюдается некоторая отчужденность в отношениях, выражающаяся в эмоциональной холодности супругов, разделение материальных доходов. Таким образом, ценность «семьи» связывается с новыми смыслами. Понятие «семья» приобретает многозначность, даже противоречивую, что было недопустимо для эпохи социализма. Была принята однозначность понятия. В этом и заключено рассогласование традиционной ценности «семьи» с инновационными ее смыслами и значениями.

Следовательно, в ядре ментальности синтаксико-семантической структуры закрепили значение «семьи» и приоритетность ее как терминальной ценности, но изменились смыслы семьи. Это привело к тому, что ценность семьи из терминальной ценности перешла в инструментальную ценность, что повлекло разрушение программы семейных отношений в реализующем компоненте ментальности.

Что касается ценности «труда», она исчезает из семантического пространства коллективных субъектов и переходит в значение «работа». Хотелось бы отметить, что снижается тенденция трудовых затрат на работе. У респондентов наблюдается большое стремление к «легким» деньгам, не всегда заработанным честным трудом. Наблюдается рассогласованность между ценностью «высокооплачиваемой работы» и качествами квалифицированного специалиста. Понижение общей профессиональной образованности ведет к неграмотности специалиста. Однако такие «специалисты» имеют, как правило, высокие амбиции, сочетающиеся с низкой социальной компетентностью. С изменением смысла труда поменялось значение работы и ее ценность. Ценность работы рассогласуется со значениями работы в традиционном понимании. В традиционном понимании ценность «работы» определялась целью «на благо общества». В современных условиях целью работы является достижение личного материально-го благополучия. Это рассогласование приводит к тому, что значе-

ние слова «труд» ассоциируется не с общественно полезным трудом, а с «прибылью», «деньгами». То есть понятию «труд» придается иной смысл, в отличие от традиционного.

Определение ведущей ценности «здоровья» у советских поколений, которая должна транслироваться молодежи, никак не сочетается с ведением здорового образа жизни, хотя этот стереотип еще сохранен в глубинах ментальности большинства респондентов. Смыслы здоровья связывались с активным образом жизни, занятиями спортом. Реклама лекарств, которая занимает ведущее место наряду с рекламой продуктов питания, призывает россиян к употреблению лекарств (пассивный способ борьбы с недугами). Следовательно, уже нет согласованности ценностей «здоровья» и активной позицией в образе жизни.

В результате данного анализа прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что смыслы и значения определяют содержательное наполнение ценностей образа мира и приводят в соответствие с образом жизни человека. Нами было обнаружено рассогласование в системе смыслов поколений по параметрам: альтруизм, гедонизм, самореализация и коммуникация. Смысл альтруизма отчетливо представлен в группе постсоветских и переходных поколений, но в целях жизни нигде не представлен. Можно предположить, что и значения «бескорыстность», «жертвенность» будут мало употребляемы среди респондентов. Незначительно представлены коммуникативные смыслы в группе постсоветских и переходных поколений, а ценности любви, дружеских связей занимают приоритетные места в выборах респондентов, что, возможно, свидетельствует о рассогласовании ценностей и смыслов. Это также может подтверждать наличие интолерантности в отношениях людей, характеризующейся холодностью и отчужденностью, деперсонизацией. Интернет, мобильные телефоны представляют собой, с одной стороны, средство общения, а с другой, барьеры общения поколений.

Обнаруженные тенденции пересекаются с результатами исследования категорий образа мира поколений (Пищик, 2007). Для постсоветских поколений образ мира трехмерен, трансформируется от светлого, большого, свежего, быстрого к пассивному, шершавому, напряженному, плохому. Образ мира для девушек – это пространство любви, силы (тяжелый путь) и радости (ожидания счастья). Пространство образа мира у молодых мужчин так же трехмерно, но более однозначно, чем у женщин. Образ мира для них – это пространство любви, борьбы и счастья (радости). Пространство образа мира у советских поколений четырехмерно. Пространство образа мира для них – это интегральная шкала представления мира пережитой любви,

интегральная шкала представления мира тяжелого пути, шкала представления мира непонятного и беспокоящего, несостоявшегося ожидания счастья, шкала представления мира сильного и хаотичного. Таким образом, мы видим области согласований в образе мира поколений и рассогласований. Отсюда можно заключить, что в образе мира стабильно и неизменяемо ядро, в котором значения схожи у всех групп и непостоянна периферия, которая содержит значения, изменяемые от группы к группе. В ядре постоянны следующие значения: любовь, радость, сложность, свежесть, умный–тупой. Эти значения связаны с коммуникативными, когнитивными, гедонистическими смыслами. Гедонистический смысл, как показало исследование, вытеснен у поколений, кроме группы переходных поколений. То есть по-прежнему среди поколений представлен запрет на удовольствие. Хотя в значениях образа мира он зафиксирован. По-прежнему лидируют коммуникативные значения. Когнитивные смыслы представлены в образе мира в виде оценок умный – тупой и в оценках мира как сложного. Но когнитивные ценности занимают не лидирующие места. В современном социуме больше ценится социальный интеллект, чем иные его формы. Трансформация образа мира ментальности, выделенная на его периферии, свидетельствует о том, что у советского поколения преобладают негативные оценки образа мира, хотя это может свидетельствовать об их тяжелой жизни в современном мире. Эмпирически установлено, что социальные установки, представления о своем «Я» значимо различаются в группах советских и постсоветских поколений. Первые имеют коллективистскую направленность, а вторые – индивидуалистическую направленность указанных социально-психологических характеристик.

Резюмируя, можно отметить, что исследование подтверждает гипотезу о противоречии между устоявшимися особенностями поколений, обусловленными социокультурными стереотипами восприятия, отношения, взаимодействия с миром, и несоответствующими им внешними условиями. Эмпирически выявлены социально-психологические характеристики различных типов ментальности советских, постсоветских поколений. Обнаруженная большая выраженность у постсоветских поколений переходной и инновационной ментальностей может служить показателем трансформационных процессов в традиционной ментальности, приводящих к изменениям ее социально-психологических характеристик.

Литература

Пищик В. И. Определение понятия «коллективизм/индивидуализм» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 30–36.

Пищик В. И. Тенденции трансформации ментальности поколений. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. Спб.: Питер, 2003.

Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону: Наррадигма, 2006.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ГРУППОВЫХ СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. П. Позняков (Москва)

Понятие психологических отношений человека, первоначально введенное в систему теоретических представлений как общепсихологическое, в течение последних десятилетий приобрело статус одной из основных категорий психологической науки. В этой связи актуальной теоретической задачей представляется изложение системы авторских представлений о содержании понятия психологических отношений, его связи с системой других базовых категорий психологической науки, эмпирических референтах и методах исследования психологических отношений.

В рамках предлагаемой концепции психологические отношения рассматриваются как социально-психологические характеристики субъектов различных видов жизнедеятельности, представляющие собой эмоционально окрашенные представления и оценки, объектами которых выступают внешние условия жизнедеятельности и активности субъекта, характеристики самой активности и ее субъектов, представители различных социальных групп, с которыми они (субъекты отношений) связаны различными видами взаимодействия. Психологические отношения представляют собой динамические характеристики индивидуального и группового сознания субъектов, в которых представлен временной континуум изменения условий и характера активности и которые сами характеризуются сочетанием устойчивости и изменчивости во времени в связи с происходящими социальными изменениями. Пространство психологических отношений личности включает в себя психологические отношения к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, отношения к самому себе. В структуре психологических

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-06-00 464а.

отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности представлены познавательный, эмоциональный, ценностный (оценочный) и поведенческий компоненты. Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности, отражая объективные социальные условия этой жизнедеятельности, сами выступают социально-психологическими регуляторами различных видов активности субъектов. Основными функциями, которые выполняют отношения в жизнедеятельности индивидуальных и групповых субъектов, являются следующие. Психологические отношения субъектов выступают субъективным психическим отражением внешних условий жизнедеятельности и тех объективных социальных связей, которые складываются у субъектов с различными сторонами окружающего мира. Психологические отношения выступают не просто результатом, следствием изменения внешних условий жизнедеятельности субъекта, но выполняют функцию самоопределения субъекта в этих условиях, которая выражается в осознаваемой, избирательной, активной позиции субъекта в изменяющихся условиях его жизнедеятельности. Психологические отношения выполняют функцию внутренней регуляции социального поведения субъекта и других видов его активности, что находит свое выражение, прежде всего, в различных поступках, являющихся результатом сознательного выбора, который делает субъект. Социально-интегративная функция психологических отношений проявляется в психологической общности социальных групп, формирующейся на основе сходства психологических отношений их представителей. Наличие такой психологической общности представителей тех или иных социальных групп и осознание ими своей принадлежности к этим группам, внутригрупповой общности, сходства и одновременно их отличия от других групп позволяет рассматривать эти социальные группы в качестве групповых субъектов психологических отношений. Отношения внутри социальных групп при этом могут рассматриваться как межличностные внутригрупповые отношения, а отношения, складывающиеся между представителями разных групп, – как межгрупповые социально-психологические отношения. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности позволяет рассматривать и исследовать психологические отношения человека, который является онтологически единственным носителем (субъектом) этих отношений на разных уровнях. На внутриличностном уровне они представлены как психологические отношения конкретной личности, индивидуального субъекта отношений; на межличностном уровне – как отношения между личностями, характеризующимися сходством или различиями

их психологических отношений; на межгрупповом уровне – как отношения между личностями, представляющими различные социальные группы, различающиеся, в том числе, их психологическими отношениями к значимым сторонам совместной жизнедеятельности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ К ТАБАКОКУРЕНИЮ У КУРЯЩИХ И НЕКУРЯЩИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В. П. Позняков, В. Л. Хромова (Москва)

Психологическое отношение личности к табакокурению формируется, с одной стороны, на основе информации, поступающей к человеку из различных источников, в большинстве своем раскрывающих вредные последствия курения, а с другой стороны, из субъективно отражаемого личного опыта индивида. И курящие, и некурящие люди реально выступают участниками совместной жизнедеятельности, его субъектами. Причем субъективное психологическое отношение к табакокурению имеется не только у курящих, но и у некурящих людей.

Мы полагаем, что отношение к курению столь прочно и устойчиво, в том числе и потому, что оно представлено не только на личностном уровне (знание об этом явлении, эмоциональное отношение к нему, готовность к определенному поведению), но и на межличностном и межгрупповом уровнях психологических отношений (взаимоотношения в среде курящих людей, взаимоотношения между курящими и некурящими).

Теоретической основой исследования послужила концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности В. П. Познякова. Психологические отношения представляют собой динамические характеристики индивидуального и группового сознания субъектов, в которых представлен временной континуум изменения условий и характера активности и которые сами характеризуются сочетанием устойчивости и изменчивости во времени в связи с происходящими социальными изменениями. Пространство психологических отношений личности включает в себя психологические отношения к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, а также отношение к самому себе.

Целью нашего эмпирического исследования было выявление качественных, содержательных особенностей отношения к табако-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 08-06-00 464а.

курению у различных субъектов, в качестве которых, по нашему мнению, могут рассматриваться не только отдельные индивиды, но и социальные группы. В качестве групповых субъектов нами были изучены группы, выделенные по критериям курения и пола.

Объектом исследования выступили курящие и некурящие взрослые, поровну мужчины и женщины. В качестве основного инструмента исследования использовалась оригинальная методика стандартизированного интервью для выявления отношения к табакокурению. Дополнительно использовалась методика «Цветовой тест отношений».

Результаты исследования показали, что в группе некурящих наблюдается более отчетливое отрицательное эмоциональное отношение к курению, выражаемое преимущественно эмоцией отвращения (особенно у некурящих мужчин), а среди курящих их отношение относительно чаще характеризуется как безразличное. Курящие в целом выше, чем некурящие, соглашались с мнением о наличии психологических «выгод» от курения. Хотя более высокая оценка вреда курения дается некурящими, однако точность оценок вреда от курения оказалась выше у курящих.

Был выделен временной аспект отношения, подразумевающий, что актуальное отношение существенно зависит от того, каким видит себя субъект этих отношений во временной перспективе, и это принципиально меняет характер его отношения к курению.

Диалектическое сходство – различие между курящими и некурящими субъектами отношений состояло в том, что курящие демонстрировали более позитивное отношение к представителям своей группы по критерию курения, а некурящие – своей. В этом проявился феномен внутригрупповой приверженности.

Респонденты, идентифицирующие себя с некурящими, проявляют более негативное эмоциональное отношение к данному явлению, чему соответствует в составе когнитивного компонента их отношения к курению доминирование признания его вреда. В группе респондентов, считающих себя курящими, эмоциональный компонент отношения к курению характеризуется скорее как безразличный или положительный. Видимо, поэтому в составе когнитивного компонента баланс их отношения к курению сдвинут в сторону признания за курением ряда психологических выгод.

Социально-интегративная функция психологических отношений наиболее сильно выразилась в психологической общности социальных групп, выделенных по критерию пола. Мужчины проявили большую «преемственность» в переносе своего отрицательного отношения с курения как явления на отношение к курящим людям. Хотя в когнитивном плане мужчины в большей степени признавали вред

курения для здоровья, однако это не касалось вреда от «пассивного» курения, который ими занижался.

Женщины проявляли более эмоционально-безразличное отношение к курению как явлению, ниже оценивали его вред для здоровья, однако по сравнению с мужчинами значительно выше оценивали вред от «пассивного» курения. Также им оказалось свойственно и менее негативно оценивать курящих людей. В структуре отношения к курению женщинам было свойственно рационально оправдывать курение его значением для процесса общения, и, соответственно, среди личностных качеств курящих людей акцентировать их большую общительность, коммуникабельность по сравнению с некурящими.

Эмоциональное отношение мужчин к курению оказалось в целом более отрицательным, у женщин – в среднем безразличным. Особенности эмоционального отношения к курению в зависимости от пола проявились также в склонности мужчин ассоциировать его с эмоциональным диапазоном: покой и пассивность – волевое напряжение с элементами агрессии, а женщин: спонтанность и оживленность – отстраненность и безучастность с элементами соматических ощущений.

На примере сравнения групп мужчин и женщин можно судить о том, каким образом задействуются принципиально разные механизмы формирования отношения. Так, было обнаружено, что в ситуации, предрасполагающей к межгрупповому сравнению, женщины предпочитали пользоваться преимущественно межличностными механизмами восприятия (идентификация, рационализация, рефлексия), в то время как мужчины – межгрупповыми (аутгрупповая дискриминация, стереотипизация).

Большая компетентность в вопросах регуляции поведения представителей собственного пола была обнаружена в виде склонности и мужчин и женщин выражать большее согласие с суждениями о позитивном вкладе курения в имидж человека, относящимися к своей половой группе.

Внутри групп курящих и некурящих между мужчинами и женщинами также выявлены некоторые различия. В группе некурящих именно некурящие мужчины проявляли большую активность в аутгрупповой дискриминации по критерию курения, что проявлялось в более частом приписывании курящим негативных личностных качеств и социально некорректных форм поведения в ситуациях, связанных с «пассивным» курением.

Напротив, тенденция относительно более позитивного отношения женщин к курящим выражалась в усмотрении ими у курящих большего числа положительных качеств: общительности, способности иметь гармоничные отношения с людьми (в семье, на работе), доброты,

мягкости, высоких моральных качеств и переживания субъективного благополучия («счастливости»).

В ситуации двойной социальной идентичности группами, выделенными по критериям пола и курения одновременно, предпринимались разные стратегии межгруппового взаимодействия. Курящие мужчины предпринимали защиту Мы-образа с помощью процессов межгрупповой дифференциации и стереотипизации. Этому служило сближение образа курящего мужчины со стереотипом мужественности.

Курящие женщины избирали неэффективную защитную стратегию, перенося негативную оценку привлекательности представителей своей группы с Мы-образа на Я-образ, т. е. оценивали себя лично как менее привлекательных.

Таким образом, общая тенденция негативной оценки явления табакокурения, переносимая на оценку личности курящего человека, в ряде случаев обнаруживает свою неоднородность вследствие того, что групповые субъекты по-разному формируют свое отношение к данному явлению.

Часть 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ-РУКОВОДИТЕЛЯ

А. И. Глинка (Киев, Украина)

Переход к рыночной экономике и правовому государству, а также политико-экономические изменения последнего десятилетия привели к значительным социальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности нашего общества. В связи с этим все большее количество женщин занимает руководящие должности и демонстрирует высокий уровень профессионализма. Но важная проблема, которая встает перед женщинами, имеющими достаточное желание и внутренний потенциал для того, чтобы занимать руководящие должности и брать на себя большую ответственность, это отношения в семье, которые могут существенно ухудшиться.

Проблему ролевого конфликта работающей женщины в своих трудах освещали Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, А. М. Гомелаури, Л. А. Петровская, В. В. Столин, Л. О. Пампуха. Уделяли большое внимание проблеме работающей женщины и аспектам ее делового поведения такие ученые, как А. Е. Чирикова и М. В. Колмакова. В научных трудах большого количества ученых, а именно, в работах Ф. Генова, А. Л. Журавлева, А. М. Омарова, Е. С. Чугуновой, Р. Б. Гительмахера, Б. Д. Парыгина, А. В. Филиппова, Е. О. Климова, А. К. Марковой, М. А. Киселёва рассматривается личность женщины-руководителя.

Но, несмотря на детальный анализ личности женщины-руководителя, вопрос ее отношений в семье и проблема, связанная с соединением разных социальных ролей, остаются открытыми. Именно в профессиональной сфере человек может раскрыть и проявить свои способности. Успешность карьеры женщины, особенно если она избрала такой путь реализации своих возможностей, является очень важной и влияет на личность самой женщины, а также на ее окружение. Для того чтобы отвечать быстрым темпам развития нашего

общества, необходимо действовать решительно, уметь актуализировать свои способности и реализовать себя как личность. Принимая во внимание то, что на сегодняшний день роль женщины в обществе существенно изменилась, возможность самореализации появляется как у женщины, так и у мужчины. Профессиональная деятельность является одним из способов самореализации личности. Все большее количество женщин пытается реализовать себя в профессии и достичь высоко уровня развития своей карьеры, поэтому их количество на руководящих должностях стремительно растет. Но, несмотря на реальные изменения в общественном строе и тенденции к предоставлению одинаковых условий карьерного роста мужчин и женщин, разница все же существует. Для женщины путь к власти связан с преодолением многочисленных препятствий и затратой большого количества энергии.

Также на профессиональный статус женщины влияет ее семейное положение, необходимость соединения разных ролей, что может выразиться в сложностях продвижения по службе. По мнению женщин-руководителей, самый главный фактор, который создает условия для их эффективной деятельности, это надежность «тыла», а именно, добрые взаимоотношения с родными, их способность самостоятельно справляться с домашними делами. Профессиональные трудности могут отступать на второй план перед избыточной нагрузкой женщин – на работе и дома. Отсюда и усталость, и постоянное нервное напряжение, страх не успеть, не справиться. Все эти обстоятельства осложняют полноценное включение женщин в профессиональную деятельность.

Чтобы быть лидером, руководителем, женщине приходится преодолевать больше препятствий в сравнении с мужчинами, даже если она более квалифицированный работник и имеет больше способностей. При подборе кандидата на руководящую должность к женщине предъявляют более высокие требования, чем к мужчине. Срабатывает правило, в соответствии с которым женщина должна быть вдвое лучше мужчины.

Статьей 24 Конституции Украины определено обеспечение равенства прав женщины и мужчины, а также создание условий, которые дают женщинам возможность совмещать труд с материнством. Но сегодня женщин на высшем уровне руководства все еще немного. Среди владельцев крупного бизнеса, по данным совместного исследования экспертов ООН и украинского Министерства по делам семьи, молодежи и спорта, в Украине лишь 2% женщин. В системе центральных органов исполнительной власти на должностях руководителей и их заместителей, отнесенных к I–II категории должностей

государственных служащих, всего работает 380 чел., среди которых 35 чел. – женщины (около 9%).

В связи с этим существует понятие «стеклянный потолок». Эта метафора отражает тот факт, что во многих организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины продвинуться не могут. И, действительно, исследования показывают, что, например, в США женщины имеют больше препятствий для служебного роста, чем мужчины. Причиной этого может быть и меньший доступ к информации, и меньшая возможность поучиться у опытных женщин-руководителей, поскольку их небольшое количество.

Но несмотря на то, что количество женщин на руководящих должностях стремительно растет, женщины все еще нуждаются в поддержке со стороны своего ближайшего окружения, государства и специалистов. Последующими перспективами в исследовании этого вопроса могут быть исследования, направленные на определение психологических факторов противоречий между организационной и семейной ролями женщины-руководителя.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ О НРАВСТВЕННОСТИ

Е. И. Горбачева (Москва)

Необходимость исследования нравственного сознания приобретает в последние годы все большую актуальность. С.Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии» следующим образом раскрыл фундаментальную взаимосвязь психологической науки и нравственности: «Человек (субъект, личность) и его психика формируются и развиваются в процессе и в результате (изначально практической) деятельности – игровой, учебной, трудовой и т.д., т.е. социальной по своей сути. Тем самым человек включается во все более сложную систему отношений с другими людьми. Когда моральное содержание таких отношений приобретает ведущее значение, деятельность выступает в новом качестве – как поведение (в нравственном, а не в бихевиристском смысле слова)» (Рубинштейн, 1999).

По мнению Рубинштейна, существуют два основных способа существования человека. И, соответственно, два отношения в его жизни: 1-й – без рефлексии: «жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек» (Рубинштейн, 1973). Здесь, по Рубинштейну, нравственность – это естественное состояние человека, это неведение зла. 2-й способ связан с появлением рефлексии. Рубинштейн отмечает, что именно здесь начинается

либо путь к душевному опустошению, нравственному скептицизму или к моральной неустойчивости, либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой сознательной основе.

В исследовании, проведенном на выборке руководителей (488 чел.) было выяснено, что их отношение к нравственности и соблюдению нравственных норм делового поведения является существенным регулятором деловой активности. Одним из элементов отношений нравственности в нашем исследовании и, соответственно, регулятором деловой активности выступали представления руководителей о нравственности. Эти представления изучались в ходе анализа ассоциаций руководителей на слово «нравственность». Ассоциация (от лат. *associatio* – соединение) – такая связь между психическими явлениями (переживание, образ, мысль), при которой актуализация одного из них вызывает и актуализацию другого. Использование ассоциаций является проективным методом психологического исследования, поскольку ассоциация – это символическая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания индивида. Все анализирувались 895 ассоциаций.

Ответы респондентов были разделены на категории, отражающие степень смысловой близости ассоциаций понятию «нравственность»:

- 1 *Конкретные (поверхностные) определения*, т. е. ассоциации, раскрывающие понятие «нравственность» с помощью близких синонимичных определений, речевых штампов. Смысловая близость, синонимичность ассоциаций понятию «нравственность» (например: «честность, справедливость, правила, моральная чистоплотность, нормы, порядочность, ответственность, этикет») указывает на «заштампованность», формальность представлений испытуемого. Используя штампы, человек мало соединяет их со своей сущностью, с живым, собственным, дышащим.
- 2 *Определения широкого смыслового значения*, т. е. ассоциации, раскрывающие понятие «нравственность» с помощью более широкого круга определений, включающих личное понимание и наполнение. Более широкое смысловое поле ассоциаций указывает на личностную проработанность данного понятия, собственное смысловое наполнение данного термина. Например: «вера, право, стимул, жизненные позиции, достижение цели не любой ценой, постоянный контроль «болевых точек», свобода, трудолюбие, образ жизни». При этом нравственные нормы не используются как штампы социума, которым надлежит следовать, а «пропускаются» через себя, ситуацию, т. е. являются лично окрашенными, ситуационно обусловленными.

- 3 *Глубокие определения*, т. е. ассоциации с индивидуальным глубоким наполнением понятия «нравственность». Это личностные ассоциации, связь которых с понятием «нравственность» не проявлена для внешнего наблюдателя. Например: «понимание своей задачи в жизни, свет, дерево, младенец, чистое, снежинка, мама». Они обусловлены субъективным опытом испытуемого, деятельностным, активностным, отношенческим контекстом. Этот тип ассоциаций наиболее информативен, указывает на наличие личного глубокого отношения испытуемого. Количественное распределение ассоциаций по категориям отражено в таблице 1.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО КАТЕГОРИЯМ АССОЦИАЦИЙ НА СЛОВО «НРАВСТВЕННОСТЬ»
(КОЛИЧЕСТВО И ПРОЦЕНТ)

Конкретные (поверхностные) определения	231 (26%)			895 (100%)
Определения широкого смыслового значения	Поведение, поступок	47 (10%)	467 (52%)	
	Сферы и средства воспитания, культура	140 (30%)		
	Взаимоотношения, доверие, уважение, доброта, надежность, семья, любовь, дружба	146 (31%)		
	Работа, бизнес	31 (7%)		
	Общество, политика	37 (8%)		
	Норма, порядок, закон	66 (14%)		
Глубокие личностные определения	Нейтральные	134 (68%)	197 (22%)	
	Негативные	46 (23%)		
	Позитивные	17 (9%)		

Как видно из полученных данных, в основном нравственность определяется руководителями через понятия широкого смыслового значения – 52%, примерно поровну понятий поверхностных (конкретные определения) – 26% и глубоких – 22%. Эти данные указывают на глубину проработанности темы нравственности в сознании руководителей, обусловленной этапом их нравственного самоопределения.

В категории «Определения широкого смыслового значения» наибольшее количество ассоциаций связано с взаимоотношениями

(область проявлений отношений нравственности) – 31%, что указывает на то, что в наибольшей степени испытуемые задумываются о нравственности в связи с взаимоотношениями с другими людьми; а также с получением информации о нравственности (область воспитания, культуры) – 30%, что указывает на значимость воспитания в формировании нравственности индивида.

В категории глубоких определений ассоциации крайне разнообразны по содержанию (например: реверанс, моя женщина, жесткая борьба, красивый, сильный, пьяный, веселый и др.). В этой категории выражен эмоциональный компонент отношения. Ассоциации позитивно («хорошо, красота») и негативно окрашены («старина, глупость, базар, слабости, настороженность, скучно»). Негативные характеристики (23%) по количеству существенно превосходят позитивные (9%), что указывает на непростой характер взаимоотношений испытуемых со сферой нравственности.

В целом от общего количества ассоциаций негативных характеристик – 5%, позитивных – 0,2%. Незначительная проявленность эмоционального компонента в ассоциациях говорит об инструментальном отношении руководителей к нравственности. Интересно, что со сферой бизнеса, работой связано всего 3% от общего количества ассоциаций. Видимо, нравственность осознается руководителями в большей степени как регулятор взаимоотношений между людьми, как нормы общества, как что-то личное. Связь нравственности с будущим, необходимостью изменений проявлена только в 2% ассоциаций.

При сравнении ассоциаций руководителей государственных и частных предприятий выявлено, что руководители государственных предприятий в большей степени используют для характеристики нравственности конкретные понятия (71% конкретных понятий, 29% более глубоких понятий), а руководители частных предприятий – понятия широкого смыслового значения и глубокие ассоциации (47% конкретных понятий, 53% более глубоких понятий). Использование в большей степени конкретных понятий может говорить о некоторой «заштампованности», формализованности представлений о нравственности, большей ориентации в отношениях и поведении на формальные нормы. Можно сделать вывод о более глубоком личностном отношении к нравственности руководителей частных предприятий. Их деятельность проходит в неопределенном внешнем окружении, что влечет за собой развитие гибкости, снижение алгоритмизированности и стереотипизации деятельности, при этом их поведение регулируется в большей степени личностно- и ситуационно-обусловленными факторами, собственной нравственностью, нежели формальными нормами.

Прослеживается разница в отношении к нравственности опытных, успешных руководителей и начинающих, имеющих недостаточно зрелые нравственные позиции. Зрелые руководители демонстрируют истинный, проверенный временем высокий уровень нравственного самоопределения, отмечают, что нравственность – основа развития, в ассоциациях на слово «нравственность» присутствуют: доброта и помощь людям, честность, порядочность, правдивость, надежность, некоррупционность власти, правовое государство. Они используют позитивно окрашенные ассоциации на слово «нравственность»: любовь, хорошо, уважение к окружающим людям, порядок, доброта, лирика, просветленность; ассоциации, имеющие смысловую насыщенность, высокую значимость: вера, право, стимул, жизненные позиции, социальная ответственность, система ценностей, достижение цели не любой ценой, постоянный контроль «болевых точек», свобода, трудолюбие.

Руководители, демонстрирующие социально-ориентированный уровень нравственного самоопределения, характеризуются ассоциациями на слово «нравственность», отражающими отношение к нравственности как к вежливой форме поведения, полезной в обществе: внешний вид, манера общения, стиль жизни, целесообразность, выгода, прибыль, польза, поведение человека в обществе.

При семантическом анализе высказываний можно видеть, что наиболее часто для определения нравственности используются следующие понятия: порядочность, честность, ответственность, воспитанность, а также качества, связанные с бережным отношением к другому человеку: тактичность, деликатность, дипломатичность, стремление не поставить другого человека в неудобную ситуацию, доброжелательное отношение к окружающим, уважение к другим людям.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о связи отношения к нравственности с характеристиками экономической активности, со стажем деятельности в бизнесе, возрастом, смысловой насыщенностью понятия «деньги», интенсивностью психологических защит (Горбачева, Журавлев, Купрейченко, 2007; Горбачева и др., 2007). Можно говорить о важной детерминирующей роли отношения к нравственности руководителей в формировании их деловой активности.

Литература

Горбачева Е. И., Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Взаимосвязь нравственной оценки денег и характеристик экономической активности личности // А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 2007. С. 340–382.

Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №4. С. 26–37.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1973. С. 348.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

К. В. Ермолина (Санкт-Петербург)

Возрастание темпа жизни, увеличение информационной и психологической нагрузки на человека делают наиболее актуальными вопросы его адаптации к условиям современного мира.

Понятие «адаптация» на сегодняшний день рассматривается как разноуровневый и комплексный феномен, затрагивающий ключевые личностные образования. При этом под адаптацией понимается как соответствующий процесс, так и его конечный результат, выраженный в состоянии адаптированности человека к новым факторам среды, т. е. приспособлении к ее условиям.

Особое внимание все чаще уделяется проблеме адаптации специалистов в организации, поскольку этот аспект характеризуется высокой теоретической и практической значимостью для решения ряда исследовательских и прикладных задач.

Социально-экономическая реорганизация российского общества предъявляет значительные требования ко всем государственным и коммерческим организациям страны. Реализация национальных проектов, затрагивающих главным образом социальные проблемы, а также ориентация на инновационные преобразования в различных сферах жизнедеятельности определяют приоритетные направления, касающиеся подготовки и трудоустройства молодых специалистов. Поскольку советская система распределения выпускников вузов давно не работает, государственные организации все чаще сталкиваются с проблемами привлечения молодых кадров. Однако не менее значимой в данном контексте выступает проблема удержания или успешной адаптации молодых перспективных работников на местах.

Известно, что на профессиональное становление молодого сотрудника влияют в большей степени первые годы работы, поскольку именно в этот период он интенсивно овладевает профессией. Это время является тем «испытательным сроком», который определяет дальнейшую позицию работника. Нередко из-за условий и организации труда молодому специалисту приходится менять место работы

и даже профессию, что является одним из серьезных показателей дезадаптивности, а вместе с тем имеет серьезные негативные последствия как для отдельных организаций, так и для экономики страны в целом.

Адаптация новых сотрудников к работе в организации должна являться прямым продолжением процесса отбора персонала, должна быть согласована как с нормативами деятельности, так и с групповыми нормами, требованиями организационной культуры, оптимизировать взаимодействия с коллегами и в целом отражать качество согласования внутренних (личностных) и внешних (организационных) условий.

Анализ данных психологических феноменов позволяет, с одной стороны, прогнозировать успешность адаптации, а с другой – управлять адаптационными процессами. Поэтому решение проблемы видится именно в оптимизации организационно-психологических условий, поскольку такие мероприятия создают надежный ресурс для успешной адаптации молодых специалистов, а следовательно, и обеспечивают снижение текучести молодых кадров.

Литература

Информационные и коммуникативные технологии в инновационной подготовке специалистов / Под. ред. Т. Н. Носковой. СПб.: Из-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Латуха М. О. Психологические аспекты процесса адаптации новых сотрудников в современных российских компаниях // Вестник Балтийской педагогической академии. 2003. № 52.

Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности: субъективный подход: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001.

Симаева И. Н. Психология адаптации личности к изменениям жизнедеятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006.

Тернопол В. Я. Психологические закономерности структурной организации личностных качеств как факторов профессиональной адаптации // Психология субъекта профессиональной деятельности // Сб. научных трудов / Под ред. А. В. Брушлинского, А. В. Карпова. М.–Ярославль: Изд-во ИП РАН, 2001.

ДОВЕРИЕ К КРЕДИТНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

И. В. Изюмова (Москва)

Актуальность исследования. Современные условия для осуществления предпринимательской деятельности характеризуются экономическим кризисом, который отличается глобальностью, все-

сторонностью, глубиной, продолжительностью, затяжным выходом. Нестабильность ситуации, ограниченность ресурсов повышает ценность отношений между субъектами экономических отношений, а особенно доверия между партнерами, поставщиками и другими контрагентами (П. Н. Шихирев, И. В. Антоненко, Дж. Девис, А. Л. Журавлев и В. А. Сумарокова, Р. Левицки, Р. Крамер, А. Б. Купрейченко, Р. Майер, Д. Мак-Алистер, Р. Шо и др.). Высокий уровень конкуренции стимулирует поиск способов сохранения занятых позиций и ужесточает борьбу за потребителя, который обеспечивает прибыль. Важным направлением для социальной психологии является исследование доверия к организации со стороны ее клиентов в кризисных условиях.

Доверие клиентов к организации. Организация рассматривается клиентом с разных точек зрения: 1) как форма социального института, выполняющего заказ общества (компания/фирма, орган власти, учреждение, союз, рынок определенных услуг, отрасль науки и т. д.); 2) как совокупность процедур, т. е. процесс распределения функций, регулирования деятельности и связей; 3) как совокупность характеристик: обеспеченность ресурсами, профессионализм персонала, физическая среда и т. п.

Описывая образ организации, заслуживающей доверия, клиенты могут опираться как на прототипический образ конкретной организации, с которой они имели дело ранее, так и на обобщенный, собирательный образ организаций, оказывающих ту или иную услугу.

Исходя из вышесказанного, доверие к организации может основываться на разных причинах.

Первый компонент – *институциональное доверие*. Этот вид доверия представляет собой отношение клиента к научной области или отрасли, в которой организация осуществляет деятельность: доверие к медицине, экономике как науке; доверие к системе здравоохранения, банковской системе; доверие к конкретному учреждению (здравоохранения, образования, банковских услуг) и т. д.

Среди факторов, влияющих на уровень *институционального доверия*, мы отмечаем: совпадение между принятыми властью законами и «качеством» их исполнения организациями в данной отрасли, между стоимостью предоставляемых услуг и их качеством в подобных организациях, представления о типичном для таких организаций уровне обслуживания.

Второй компонент, *процедурное доверие*, представляет собой отношение клиента к организации как совокупности обезличенных процессов, правил и процедур. Нам представляется, что процедурное доверие относится не только к формальным правилам и механизмам, т. е. управлению, но и к неформальным нормам, определяемым орга-

низационной культурой. Таким образом, процедурное доверие – это доверие личности к формальным и неформальным правилам, нормам и ценностям, регулирующим деятельность организации и ее взаимодействие с работниками, партнерами, поставщиками, конкурентами, клиентами.

Третий компонент, *межгрупповое доверие*, представляет собой отношение к коллективу организации в целом, коллективу подразделения или проектной группе, предоставляющей услугу или реализующей товар. Субъективными факторами такого доверия могут выступать: оценка клиентом соответствия групповых ценностей своим личным ценностям, оценка сплоченности и ценностно-ориентационного единства (силы культуры) группы, оценка мягкости/ жесткости групповых норм и наличия санкций за их нарушение, оценка уровня взаимной поддержки и межличностного доверия в группе, оценка определенности функционально-ролевой структуры группы, наконец, оценка способности членов группы выполнять взятые на себя обязательства (профессионализм и сработанность коллектива).

Четвертым компонентом является *межличностное доверие*. Оно проявляется как отношение клиента к конкретным представителям организации: отдельным сотрудникам, руководителям или собственникам. Такое доверие строится, прежде всего, на оценке доброжелательности, последовательности и способности сотрудника выполнить данные обещания, т. е. компетентности и результативности.

Мы полагаем, что данные компоненты имеют разную значимость для доверия клиентов к организации, связаны с разными эмоциональными оценками и поведенческими реакциями. Отношение клиента к организации не является устойчивым, подвергается влиянию внешних факторов, а также связано с его психологическими особенностями.

Доверие клиента к организации мы определяем как совокупность психологических отношений к организации как социальному институту, технологиям, трудовому коллективу и отдельным сотрудникам, включающих в себя ожидание выполнения организацией взятых ею на себя обязательств; позитивные эмоциональные оценки организации в целом и отдельных ее элементов; а также готовность делиться с организацией информацией о себе и следовать принятым в ней правилам.

Особый интерес представляет исследование доверия клиентов к банкам по ряду причин. Первая причина относится к историческому опыту. Отношение общества к такому виду предпринимательской деятельности, как предоставление денежных средств во временное пользование, в некоторых странах на определенном этапе экономического развития носило часто осуждающий и не поощряющий характер.

Вторая причина раскрывается в специфике деятельности кредитной организации. Экономические отношения между банком и ее клиентом при предоставлении/пользовании кредитом отличаются продолжительным временным периодом, взаимозависимостью и наличием риска/опасности ухудшить финансовое состояние для обеих сторон. Банкиры-предприниматели оценивают риски при принятии решений о создании банка, стратегии его деятельности, покупке акций, выборе способа инвестирования средств, величине вкладываемых средств и по другим аспектам организационной и управленческой направленности. Риски клиентов банка связаны с выбором банка, условиями договора на оказание услуги и готовностью их выполнить.

В условиях экономического кризиса отношения между банком и клиентом отличаются напряженностью. С одной стороны, банки для сохранения собственной стабильности предлагают множество вариантов предоставления кредита: привлекательных для клиента и обеспечивающих финансовое развитие организации. С другой стороны, потребители часто принимают решение в эмоциональном порыве, условиях ограниченного времени, необходимости. Впоследствии они оказываются «заложниками» условий, которые должны выполнить в полном объеме.

Таким образом, можно предположить, что разные социальные группы отличаются отношением к финансовым компаниям. **Цель** данной статьи представить результаты исследования доверия клиентов к кредитным организациям.

Описание выборки и методов исследования. Для исследования выбрана молодежная группа. Данная группа отличается от представителей групп зрелого и старшего возраста стремлением пользоваться «новинками», например, в сфере таких товаров, как техника, продукты питания, одежда, обувь, аксессуары. В сфере услуг их привлекают различные виды развлечений, бытового и финансового обслуживания, путешествия, оздоровление и другие. Представители данной группы приобретают первую или вторую профессию/специальность, продолжают совершенствовать знания в определенной области. На этом жизненном этапе молодежь создает семью, поэтому основные затраты связаны с приобретением квартиры, ее благоустройством, рождением детей и уходом за ними и т. д. Молодежная группа не только испытывает большую нужду в финансах, но и стремится реализовать потребности за короткий промежуток времени, т. е. «здесь и сейчас», и поэтому обращается за кредитом.

В данном исследовании в качестве респондентов выступили студенты 4–5 курсов, обучающиеся по экономическим и психологическим специальностям технического, гуманитарного университетов

и социально-гуманитарного института ($N = 91$) в возрасте до 25 лет, среди которых 54% мужчин. Все респонденты имеют опыт взаимодействия с кредитной организацией. Около половины респондентов совмещают работу и учебу.

Для получения семантического поля представлений о понятии «доверие к кредитной организации» использован метод «Словесные ассоциации», широко используемый при исследовании социальных представлений. Респондентам предложено записать ассоциации на словосочетание «доверие к кредитным организациям». Всего зарегистрировано 144 ассоциации. Для анализа использован семантический анализ и контент-анализ, а также метод частотного анализа.

Результаты исследования. Выделены категории, описывающие понятие «доверие» и «организационное доверие». Представления о доверии составляют такие характеристики, как «уважение», «уверенность», «надежность», «забота», «помощь», и не отличаются от полученных результатов в предыдущих исследованиях.

Наибольшее количество ассоциаций названо в категории «организационное доверие». Здесь присутствуют ассоциации, относящиеся к институциональному, процедурному, групповому и межличностному доверию к организации.

Более ярко представлены компоненты институционального доверия клиентов к кредитным организациям в темах «государство», «научная область», «сфера деятельности». Ассоциации «государственная поддержка», «государственная защита» указывают на ожидание респондентами активного участия государства в регулировании отношений между банками и ее клиентами, а также защиты интересов населения. В исследовании доверия клиентов к медицинским, образовательным и торговым организациям сходные основания доверия не выявлены.

Тема «условия оказания услуг», «технология и процедура предоставления кредита» и «технология и процедура выполнения договора» представлена позитивными, негативными или нейтральными ассоциациями. Особое внимание привлекают негативные дескрипторы: «жульничество», «лохотрон», «ложь», «обман», «взятки» и др. Как правило, отрицательные высказывания возникают при неудовлетворении услугой по тем или иным причинам.

Групповые и межличностные основания доверия клиентов к банкам представлены ассоциациями, отражающими формализованный и регламентированный характер отношений, выстраиваемых на соблюдении нормативно-правовых аспектов. Дескрипторов, указывающих на профессиональную подготовку, личностные качества персонала, меньше, чем дескрипторов других групп и тем.

Таким образом, основания доверия клиентов к организации, выделенные на теоретическом уровне, нашли подтверждение в эмпирических результатах.

Тема «*результат взаимодействия с банком*» характеризуется «выгодой», «вложением капитала». У некоторых респондентов взаимодействие с банком связано с возникновением «долга», «банкротства» и сопровождается «затратами», «расходами», «выплатами». Вероятно, поэтому для части опрошенных обращение за кредитом носит «бесмысленный» характер.

Тема «*характеристика доверия/недоверия кредитным организациям*» содержит три группы признаков. Первая группа признаков включает такие характеристики банка, как «масштаб», «гарантия», «стабильность», «ассортимент и характеристика услуг», «качество», «репутация», «рейтинг», «ликвидность», «доходность».

Вторая группа признаков указывает на уровень доверия клиентов: «полное недоверие», «отсутствует доверие», «нет доверия», «маленькое доверие». Вероятно, низкий уровень доверия или его отсутствие, объясняет потребность в «государственной поддержке», «страховании» вложений, создании «резервного фонда».

Третья группа признаков относится к базовым ценностям организации, условиям предоставления и оказания услуги, направленности на клиента.

Клиенты заинтересованы в информационной поддержке банка на всех этапах выполнения условий договора по предоставлению всех видов услуг и придают особое значение таким параметрам, как «достоверность», «доступность», «открытость» информации. Возможно, такие оценки взаимодействия с банком, как «махинация», «жульничество», и другие отрицательные характеристики, объясняются в некоторой степени качеством коммуникации, сложным содержанием информации для восприятия.

Тема «*риск*» представлена такими дескрипторами, как «миф», «бесмысленно», «беспредметно». Часть респондентов придерживается мнения, что при обращении в кредитную организацию за услугами присутствует «опасность», «можно попасть», шансы «50/50», т. е. предполагает отрицательный результат.

Тема «*цель получения кредита*» включает дескрипторы, указывающие на причины обращения за услугой. По мнению респондентов, потребность в кредите возникает при «бедности», «необходимости». Кредит «заманчив» и «привлекателен» для реализации «цели», «желаний» и «мечты». Например, улучшить жилищные условия, приобрести «квартиру», «машину», «запустить, развить бизнес». Кредит – это «зеленый свет», «будущее».

Особое место занимает тема «морально-этических отношений» между кредитной организацией и ее клиентами. Банк заслуживает доверия, если своевременно выплачивает дивиденды, расчеты проводит «честно», «справедливо». Данные дескрипторы встретились только в группе респондентов, пользующихся услугами кредитных организаций.

Исследование показало, что в структуре представлений о доверии клиентов к кредитной организации основное место занимают ассоциации об организации как обезличенной системе, тогда как представления о персонале и отдельных сотрудниках – наименьшее.

На следующем этапе мы изучали значимость характеристик кредитной организации, заслуживающей доверие у молодежи. Характеристики составлены на основе результатов предыдущего этапа исследования и оценивались респондентами по 5-балльной шкале.

Характеристики «компетентность», «образованность персонала», «ответственность» банка и персонала, «четкая организация работы», «наличие специалистов» отражают качество менеджмента. Средний балл составляет 3,0–3,2, что указывает на оценку «очень важно».

В группу характеристик, оцениваемых как «важные» (средний балл 2,5–2,9), вошли характеристики, указывающие на значимость «положительных отзывов», «общественного мнения», «репутации», «авторитета» как банка в целом. К этой группе относятся также характеристики: «комфортные условия», «доброжелательное отношение», «проявление заботы», «внимательность», «умение устанавливать контакт и объяснять», «личный опыт персонала», «применение современных технологий», «организованность персонала», «порядочность».

Характеристики «внешний вид персонала», «общественное признание», «интеллигентность», «преданность профессии», «стаж работы персонала» оцениваются «скорее важными, чем нет», средний балл составляет 2,0–2,4.

Респонденты высказали мнение, что такие характеристики, как «честность», «бескорыстие», «рекомендации воспользоваться услугой», «авторитет персонала», «жизненная мудрость», «жизнерадостность» для них «скорее не важны, чем важны» (средний балл 1,5–1,9), что можно объяснить высоким уровнем регламентации и контролирования деятельности сотрудников банка.

Характеристика персонала «способность вызывать симпатию» имеет оценку «не важна» (средний балл 1,2).

Учитывая, что респонденты оценивают взаимодействие с банками как сопровождающееся риском, практическую значимость приобретает исследование значимости характеристик организации, заслуживающей доверие при его разных уровнях или при пользовании разными видами услуг.

На наш взгляд, значимость характеристик в категории «профессионализм» будет сохраняться на уровне «очень важно» на всех уровнях риска. В остальных категориях «обеспеченность ресурсами», «репутация», «опытность», «благожелательность», «порядочность» значимость характеристик может изменяться в зависимости от принадлежности организации к виду собственности банка; национальной принадлежности банка; условий формирования отношений между банком и клиентом; субъективной оценки клиентом наличия/отсутствия финансового риска, его уровня, типа, а также причин его возникновения.

Исследование организационного доверия, в частности, критериев доверия клиентов к кредитной организации, помимо научной значимости, имеет практическую ценность. Оно может быть использовано при разработке прикладного инструментария, который может быть востребован компаниями для оценки доверия клиентов к организации, конкурентоспособности, выявления ее «сильных и слабых» сторон.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ НА СТРАТЕГИИ ОПЛАТЫ ТРУДА В ОРГАНИЗАЦИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА

О. А. Кожевникова (Ульяновск)

Детерминация экономического поведения человека остается актуальной темой теоретических и эмпирических исследований представителей разных научных дисциплин: экономики, социологии, психологии. Центральной проблемой экономической психологии выступает поиск взаимосвязей между экономическим сознанием и экономическим поведением. Особенности экономического сознания конкретной личности проявляются в экономико-психологических характеристиках личности, которые обусловлены включением человека в экономическую активность и выступают в качестве субъективного отражения различных экономических явлений. К ним относят такие характеристики экономического сознания, как экономические ценностные ориентации, субъективный экономико-психологический статус, экономическая идентичность, субъективные шкалы благосостояния, экономические притязания (Журавлев, Журавлева, 2002). Проблемное поле проведенного нами исследования включает в себя поиск переменных, отвечающих за психологическую детерминацию оплаты труда в малом бизнесе.

Согласно теоретической модели данного исследования, на выбор предпочитаемой стратегии оплаты труда в организациях малого бизнеса существенное влияние оказывают социально-экономические и организационные факторы. Для того чтобы выявить влияние психологических факторов на феномен оплаты труда, необходимо было нейтрализовать влияние других переменных. В качестве приема, позволяющего решить эту методологическую проблему, нами был использован определенный способ формирования выборки исследования. Отобраны только те организации, которые отличались следующими особенностями: сфера деятельности (розничная торговля автозапчастями для отечественных автомобилей), годовой оборот организации (8–10 млн. руб. в год), время работы на рынке (4–5 лет), количество работников (от 20 до 30 чел.). Для того чтобы факторы внешней социально-экономической среды не оказали существенного влияния на ход исследования, оно проводилось в одном регионе (г. Ульяновск), и сбор данных осуществлялся в течение одного календарного месяца.

Вторая методологическая проблема данного исследования заключалась в том, что необходимо было выделить только те организации, руководителями которых были лица, вырабатывающие стратегии оплаты труда в соответствии с системой собственных убеждений и ценностей. Решением этой проблемы стал выбор организаций малого бизнеса, в которых руководителями являются их собственники.

Таким образом, в исследовании приняли участие 149 предпринимателей малого бизнеса, являющихся директорами собственных организаций. Из них 100 мужчин, 49 женщин в возрасте от 22 до 66 лет.

Первая переменная нашего исследования – это экономико-психологические характеристики предпринимателя. В качестве понятия, определяющего экономико-психологические характеристики, было принято следующее: это характеристики личности, которые обусловлены включением человека в экономическую активность и выступают в качестве субъективного отражения различных экономических явлений. Для измерения данной переменной применялись специально разработанная совокупность методических приемов шкалирования и ранжирования, разработанная В. А. Хащенко (вопросы анкеты № 4–13), и опросник отношения к деньгам Фернама, адаптированный О. С. Дейнека (Дейнека, 2000; Фернам, Аргайл, 2005).

В качестве основы разработанной нами теоретической модели стратегий оплаты труда была выбрана концепция стратегических компенсаций Дж. Т. Милковича и Дж. М. Ньюмана. Помимо выделенных авторами параметров стратегии – конкурентоспособности и внутренней структуры выравнивания, нами были добавлены такие

параметры, как критерии оплаты и доступность вопросов оплаты труда для работников.

Обработка данных осуществлялась с помощью статистической программы SPSS 13.

В результате исследования установлено влияние экономико-психологических характеристик предпринимателя на разные компоненты стратегии оплаты труда.

Субъективный экономический статус отражает психологическое отношение человека к своему положению в социальной системе, определяемому экономическими признаками. Предприниматель, самостоятельно регулируя размер вознаграждения своих работников, тем самым определяет их имущественный статус. В процессе исследования было высказано предположение о том, что предприниматель будет стремиться установить такой размер вознаграждения для работников, чтобы их имущественный статус в его глазах был не выше его собственного.

Выявлено, что субъективный экономический статус предпринимателя оказывает влияние на выбор критериев при оплате труда работников, а также на иерархическую или уравнительную ориентацию стратегии оплаты труда.

Субъективная шкала благосостояния – величина субъективной имущественной дистанции, устанавливаемая каждым индивидом между богатством и бедностью, выступает в качестве субъективного экономического критерия, на который ориентируется человек при определении своей экономической идентичности. Уровень дохода человека, как отмечает В. А. Хашченко, является показателем отнесения человека к занимаемому в социуме статусу и социальной категоризации (Хашченко, 2004). У наемного работника, как правило, дополнительные источники дохода незначительны, а потому заработная плата, получаемая им в организации, является основной единицей дохода работника и служит своеобразной условной единицей, при помощи которой он может выстроить свою экономическую и социальную идентичность. Было предположено, что работодатель, устанавливая размер оплаты в своей организации, ориентируется на биполярную шкалу представлений о благосостоянии человека, заданную полюсами бедности и богатства, располагая своих работников на континууме этой шкалы. Шкала эта служит не только наиболее существенным ориентиром для оценки собственного материального положения, но и определяет «стандарты» такой оценки.

Установлено, что размер шкалы благосостояния предпринимателей влияет на размер вознаграждения работников и определяет величину дифференциации оплаты труда в организации.

Экономические притязания – притязания личности в сфере экономических достижений; определяются отношением желаемого уровня дохода к границам размеров дохода человека за определенный промежуток времени. Так как доход мелкого предпринимателя, так же как и фонд оплаты труда работников, является частью финансов компании, то мы имели основания предполагать, что при высоком уровне экономических притязаний предприниматель будет стремиться урезать оплату труда работникам.

Сделан вывод о том, что уровень экономических притязаний предпринимателя отрицательно связан с размером вознаграждения работников, т. е. влияет на конкурентоспособность оплаты труда.

Отношение к деньгам, или монетарные аттитюды – это установки по поводу денег, выступающие регулятором разных видов экономического поведения.

С помощью процедуры факторного анализа были выявлены 6 типов *монетарных аттитюдов*: «власть денег», «озабоченность финансовым положением, недостаток денег», «траты, склонность к импульсивным покупкам», «сбережение», «деньги – источник зол», «деньги как мера вещей».

«*Власть денег*» (17,5% дисперсии) объединил в один фактор такие суждения, как возможность покупки дружеских отношений, связь денег со статусом человека и возможностью управлять при помощи денежного ресурса другими людьми. Предприниматели, имеющие высокие показатели по фактору «Власть денег», чаще выбирают стратегии, ориентирующиеся на профессиональные характеристики работников, конкуренцию на рынке труда и экономическую отдачу от работника, а также имеют более высокую имущественную дистанцию между уровнем своего дохода и доходами своих работников.

Монетарный аттитюд «*Озабоченность финансовым положением, недостаток денег*» (13,3%) включает в себя два ведущих элемента: страх потерять деньги и озабоченность своим финансовым положением. Этот фактор, по сравнению с предыдущим, в котором отражается чувство ответственности человека и контролируемости денег, подразумевает отсутствие контроля над своей финансовой сферой. Внешний локус ответственности формирует представление о том, что деньги не подчиняемы человеку, вызывают тревогу, навязчивые мысли, страхи, опасения. Изменения в обществе, приводящие к девальвации и дефициту денег, в сочетании с неумением распоряжаться деньгами, на наш взгляд, и порождают такое отношение к ним.

Значимые различия по монетарному аттитюду «*Озабоченность финансовым положением, недостаток денег*» проявились в размере компенсационного пакета (при высоком значении по этому фактору

размер пакета становится меньше), а также показателях дистанции между доходами предпринимателя и заработком работников. Чем выше показатели данного монетарного аттитюда, тем выше дистанция доходов. Анализ различий по этому фактору стратегий оплаты труда показал, что чаще такое отношение к деньгам есть у предпринимателей, использующих 1 и 4 стратегию. Низкие показатели по данному типу отношения к деньгам имеет представитель 3 стратегии, который устанавливает в оплате труда самый высокий уровень вознаграждения.

«Траты, склонность к импульсивным покупкам» (10,3%), склонность к импульсивным необоснованным покупкам. На наш взгляд, сходный по характеристике тип людей описан в работе Дж. Катона «Поведение потребителей»: это те, кто совершает покупки иррационально, под влиянием импульса. Мотивацией таких трат выступает желание пустить пыль в глаза окружающим людям («Иногда я покупаю вещи, в которых не нуждаюсь – чтобы произвести впечатление на окружающих»), показать себя как человека, способного на альтруистичные поступки («Я часто трачу деньги, даже без всякой меры, на других, но вот на себя – скрепив сердце»). Скорее всего, за таким отношением к деньгам стоит демонстративность как личностная особенность данного человека, жаждущего внимания и одобрения со стороны окружающих. Комппульсивность в поведении («Если в конце месяца (недели) у меня остается еще немного денег, я не могу успокоиться, пока их не потрачу») мы объясняем тем фактом, что, ассоциируя покупки с социальным признанием, и, как следствие, повышением собственного статуса в своих глазах, человек даже без зрителей начинает использовать возможность покупок как средство для поддержания позитивной самооценки.

Статистически значимые различия между группами предпринимателей, имеющих высокие и низкие показатели по фактору «Траты, склонность к импульсивным покупкам» были обнаружены по параметрам дистанции между доходами предпринимателей и размером заработков работников. Полученные данные позволяют утверждать, что, чем выше нагрузка по данному аттитюду, тем меньше показатель дистанции между доходом предпринимателя и работника.

«Сбережение» (13,6%) – данный фактор описывает возможности человека накапливать денежные ресурсы и испытывать чувство гордости за свое умение распоряжаться своими финансами и сберегать их. Предпринимательская деятельность предполагает умение делать деньги, извлекать прибыль. Кроме того, быстро меняющиеся экономические условия, высокий уровень инфляции и обесценивания денег порождает в общественном экономическом сознании представление

о деньгах как о ценности, которую надо беречь и преумножать. Умение контролировать свои финансы порождает положительное отношение к деньгам в целом, что нашло отражение в таком суждении предпринимателей, как «Я горжусь своей способностью сберегать деньги».

Высоко значимые различия между группами предпринимателей, имеющих высокие и низкие показатели монетарного аттитюда «Сбережение» обнаружены по параметрам размера зарплаток работников. Чем сильнее проявляется данный аттитюд, тем меньше зарплаток работника в организации.

Таким образом, выполненное нами исследование стратегий оплаты труда в организациях малого бизнеса под влиянием экономико-психологических характеристик предпринимателя, позволило выделить ряд проблем, изучение которых может и должно быть продолжено. В частности, исследование других психологических переменных, влияющих на сложное поведение в сфере финансовых распределительных отношений между работодателем и работником, а также проверка эффективности выделенных в исследовании стратегий оплаты труда и влияние их на работников.

Литература

- Дейнека О. С.* Экономическая психология // Учеб. пособие. СПб., 2000.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А.* Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспектива исследований / Программы и методики психологического исследования личности и группы / Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. Ч. 5.
- Фернам А., Аргайл М.* Деньги. Психология денег и финансового поведения / Под общ. ред. А. Алексеева. СПб., 2005.
- Хащенко В. А.* Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 32–49.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОМАНДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Е. Д. Короткина (Тверь)

Распространение проблематики команды и командообразования, широкий спектр исследований в этой области, осуществляемый в отечественной социальной психологии, являются прямым следст-

вием тех социальных изменений, которые имеют место в последнее десятилетие в нашей стране и отражают тенденцию более гармоничного включения российской социальной психологии в пространство мировой науки.

«Команда» является своего рода новообразованием малой группы, которому присущи групповые процессы и состояния, а следовательно, и механизмы функционирования и взаимодействия в команде носят социально-психологический характер. Отечественными исследователями подчеркивается идеологический характер категории команды как группы высокого уровня развития наряду с такой категорией, как коллектив (Донцов, Дубовская, Жуков, 2002). Акцент в исследовании того или другого типа групп (коллектива или команды) и их развития обусловлен социальным заказом. Сегодня акцент делается на изучении психологической специфики команды, под которой понимают группу взаимодополняющих и взаимозаменяющих друг друга людей в ходе достижения поставленных целей. Команда выступает в качестве особой формы организации людей, основанной на продуманном позиционировании участников, имеющих общее видение ситуации и стратегических целей команды и владеющих отработанными процедурами взаимодействия.

Несмотря на многообразие характеристик команды, можно выделить наиболее существенные: наличие общего видения, ролевое и функциональное позиционирование, способность быстро реагировать на изменения, чувство принадлежности к команде, способность мотивировать членов команды к определенным действиям, налаженные процессы коммуникации.

Анализ литературы по проблемам психологического обеспечения деятельности (В. А. Бодров, А. А. Деркач, Л. А. Дикая, Г. С. Никифоров, М. А. Дмитриева, В. Н. Машков и др.) позволяет отметить отсутствие работ, посвященных социально-психологическому обеспечению командного взаимодействия в уже сложившихся группах в организации, при наличии исследований, посвященных вопросам информационно-психологического обеспечения и сопровождения командоформирования (Е. Ю. Безрукова, С. А. Баринов).

Социально-психологическое обеспечение команды в контексте организационной культуры позволяет рассматривать проблему эффективного командного взаимодействия на трех уровнях: уровне личности (представления о команде и ее характеристиках, роли каждого члена в командном взаимодействии), уровне группы (команды и особенностей ее функционирования) и уровне организации (результативности деятельности команды для организации в целом).

При таком подходе команды становятся неотъемлемой частью организационной среды с достаточной степенью свободы для реализации своего потенциала.

Однако эффективное командное функционирование невозможно без учета организационно-культурной среды. Организационная культура считается условием, значимой переменной, при которой командные признаки в организации будут развиваться, усиливаясь либо ослабевать. Использование организационной культуры как ресурса в эффективном командном взаимодействии возможно путем установления связи через общие характеристики данных феноменов.

Установление взаимосвязи между показателями эффективного командного взаимодействия и организационной культуры возможно через анализ ценностей. Тем более что согласование ценностей в команде обеспечивает формирование общего видения как одной из ключевых характеристик. Явления организационной культуры не могут не описываться в терминах ценностей, поскольку тот или иной компонент организационной культуры непременно является их проявлением и только на основе ценностей и ценностной модели организационной культуры вырабатываются нормы и формы поведения в организации. Поэтому можно заключить, что ценности являются не только основным элементом, но и инструментом управления организационной культурой.

В исследовании установлены концептуальные связи команды и организационной культуры через такие характеристики, как миссия, цель, ценности, информационно-коммуникативные отношения.

Представления о команде – опосредованная характеристика, устанавливающая связь характеристик команды и особенностей организационной культуры.

Представления о команде рассматриваются нами как атрибут социальной группы, служат этой группе, участвуя в социальных процессах. Они предопределены и детерминированы организационно-культурным контекстом. Во внутригрупповом взаимодействии представления определяют поле возможных коммуникаций, ценностей или идей, представленных в разделяемых группой точках зрения, и тем самым направляют и регулируют желаемое поведение.

Командообразование в современной социальной психологии рассматривается как актуальная прикладная задача в решении многообразного спектра различных проблем бизнеса, производства, некоммерческих организаций.

РЕНТНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ В СОЦИОБЫТИЙНОЙ КАРТИНЕ СПИРАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Д. В. Клиновой (Киев, Украина)

Современное общество характеризуется ускоренными темпами развития, процесс смены общественно-экономических и технологических укладов занимает все меньше времени и происходит в исторически очень короткие сроки. При этом актуальной задачей является постоянное обеспечение наиболее точного соответствия экономической системы государства определенному этапу социально-психологического развития социума. Игнорирование экономических потребностей постоянно развивающегося общества является все чаще причиной мощных социально-экономических кризисов, революционных сдвигов в развитии государства. Системная связь целеполагания (общественно-ценностных запросов) в экономическом развитии с уровнями развития общественного сознания является предметом изучения как стратегической и интегральной психологии, так и современного менеджмента. Такая связь предполагает формирование запросов на функциональные особенности и результативные характеристики экономических институтов (элементов и совокупностей производительных сил) в недрах социума, в сознании каждого индивида. Превалирующие в коллективном, или, с другой точки зрения – в массовом сознании запросы к экономической системе государства, сформулированные с позиций определенной системы ценностей и соответствующей ей системы целей, реализуются через политические институты власти и хозяйственные рычаги, находящиеся в распоряжении исполнительных структур, а также через предпринимательскую инициативу в системе свободного рынка. Логичное предположение о том, что общественный запрос на определенные качества экономической системы государства и требования общества, предъявляемые в этом контексте к самой государственной системе, как «полевой структуре» реализации экономических процессов, является первичным в вопросе государственного развития и делает вопрос оценки такого запроса актуальным заданием современной науки.

Концептуальный подход к данному вопросу состоит в том, что потребности формируют систему ценностей личности и общества, в которой ставятся соответствующие ей цели. Накопленный потенциал материальных и нематериальных (в том числе духовных) ресурсов индивидуума и общества согласно поставленным целям направляется и реализуется в интенциях, адекватных уровням и этапам развития, в которых поставлены цели. В этом контексте рента

как доход, получаемый в результате использования любого ресурса в хозяйственной деятельности, на разных социобитийных уровнях получается, извлекается, распределяется и используется по-разному. Целью данной публикации является исследование зависимости рентно-экономических отношений от уровней развития бытия и сознания в общественно-экономических системах на разных стадиях. Предметом исследования являются рентно-экономические отношения, а объектом исследования – социум в целом, как социальная и хозяйственно-экономическая система.

Каждый человек, группа или общество в целом находится на определенном этапе своего личного и духовного развития. Следовательно, достигнутые человеком или группой цели соответствуют тем уровням сознания и бытия, в контексте которых эти цели ставятся. Так, для бездомного целями могут являться удовлетворение наипростейших физиологических потребностей. Для предпринимателя цели охватывают снабжение материальными и финансовыми ресурсами собственной фирмы, получение прибыли от бизнеса, обеспечение семьи, в определенной мере – заботу о процветании экономики собственного государства. Цели главаря уличной подростковой группировки не идентичны целям лидера общественного движения в защиту животных или дикой природы, хотя методы достижения этих целей на определенных этапах могут быть похожими – акты вандализма по отношению к магазину с дорогими меховыми изделиями на витрине могут совершить и те, и другие, однако при этом достигаются цели, поставленные как бы совершенно с разных уровней сознания и бытия. Внешне почти неотличима жизнь монаха, собирающего пожертвования на благотворительные нужды, находящегося на очень высоких уровнях духовного и личностного развития, от бытия нищего, собирающегося из нужды.

Одна из известных «ловушек» психологического и производственного консультирования связана именно с этим аспектом целеполагания. Иногда цели в психологической карте клиента увидеть достаточно трудно, в первую очередь, оттого, что сам консультант находится в плену собственной карты бытия, проецируя свое видение мира на социально-психологические особенности видения мира клиентом. Умение конгруэнтной подстройки к запросу клиента означает, в том числе, умение выходить за пределы своей карты, понимая, с каких уровней бытия и сознания ставит свои цели клиент. Проще, однако, не легче и не всегда комфортнее подстроиться под личность, находящуюся на низших уровнях целеполагания, сложнее (однако чаще не тяжелее и наверняка комфортнее) подстроиться под клиента, оперирующего целями высокого порядка. В данном случае мы ни в ко-

ем случае не говорим, что одни цели хуже других, они, по крайней мере, сложнее и касаются других системных уровней (самого человека, его окружения, предприятия, отрасли, страны в целом, может, человечества). По уровню затрагиваемых системных ценностей спортивное состязание в своей основе мало чем отличается от уличной драки – это силовая схватка, борьба своих и чужих, что подтверждается, в том числе обилием, футбольных хулиганов. Другое дело, что для человека, достигшего высших уровней сознания и бытия, глубоко интегрировавшего опыт данного уровня бытия в систему своей психики, спорт становится явно предпочтительнее драки, а конкурентное экономическое соревнование – мафиозной «разборки». Цели ставятся всеми, однако для правильного понимания целей человека необходимо наверняка четко знать, с каких уровней они формулируются. Цели человека определяются его ценностями, исходя из определенной системы потребностей, в формировании которой определяющую роль играет, как правило, окружение. В нашем примере с монахом и нищим ценности двух личностей разнятся: для одного – это «биоэнергетический» уровень, для другого – духовный, самоактуализация. Данная разница, в первую очередь, чувствуется на уровне мотивов и определенных проявлений внеконтекстного поведения. Ценности уличного хулигана (самоутверждение через силовую борьбу и нонконформизм) наверняка не соответствуют ценностям борца за экологию и равенство всего живого на Земле и права на существование для каждого элемента природы. Помочь в оценке уровня ценностей человека может теория спиральной динамики (СД) и «волн бытия» Клэра Грейвза, получившая развитие в книгах К. Уилбера, работах Д. Бека, К. Кована (Коуэна) и Н. Тодорович в 70–90-е годы XX в. (Уилбер, 2004; Graves, 1971, 2005; Wilber, 2000). Малоизвестная в странах СНГ теория спиральной динамики в последние годы активно развивается, как элемент технологий коучинга. Работа в парадигме спиральной динамики используется также в определенных подходах к личностному и профессиональному росту, в стратегическом менеджменте и стратегической психологии, в конфликтологии. Сущность метода спиральной динамики состоит в том, что в основу оценки уровня бытия и сознания человека и общества положены исследования соответствующих им ценностей, сформированных соответственно потребностям, возникающим в системе «человек – производительные силы». Для оценки уровня ценностей используется понятие «матрица ценностей». Человек или группа находятся при этом в каждый момент времени в определенном состоянии «самобытия», идентифицируя себя с определенной целостной системой, при этом являя с ней более-менее целостную, холистическую структуру. Каждая матрица

ценностей – это одновременно психологическая структура, система ценностей и стиль адаптации к внешней среде, которые могут выражаться множеством способов, от мировоззрений до манеры вести себя, конструировать окружающую среду, свой внешний облик, и до форм организации экономической деятельности и государственного управления. В процессе развития каждая матрица на верхних уровнях бытия и сознания формирует «холон», который превосходит и включает в себя своих предшественников – это развитие, как расширение охвата, не отбрасывает, но интегрирует предыдущие уровни в определенную иерархическую систему. С нашей точки зрения, интересно рассмотреть уровни спиральной динамики, кроме ранее достаточно глубоко исследованных (индивидуальные характеристики личности, преимущественная среда, в том числе – социальная и экономическая, технологический уклад, тип государственного устройства и др.) (Wilber, 2000) как аспекты рентных и других экономических механизмов, используемых для построения экономических систем на каждом уровне.

К. Грейвз, Д. Бек, К. Кован и К. Уилбер используют разные названия и цвета (зрительные метафоры) для обозначения различных уровней «мира самости», число которых достигает девяти. Названия уровней и соответствующих им цветовых метафор приводятся согласно изложению К. Уилбера в работе «Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия» (2004, с. 40–45). Первые шесть уровней рассматриваются как «уровни существования», для которых характерно «мышление первого порядка». Затем происходит «революционный сдвиг» в индивидуальном и общественном сознании: появляются «уровни бытия» и «мышление второго порядка». Отталкиваясь от описания девяти «волн бытия» К. Грейвза, можно проследить следующие социально-экономические особенности каждого уровня в интересующем нас аспекте.

Бежевый цвет. *Архаически-инстинктивный, «биовыживательный» уровень.* Для обеспечения и продолжения жизни формируются группы выживания. Основной и единственный вид экономической ренты, получаемый на этом уровне – абсолютная рента от владения природным ресурсом. «Биовыживательный» уровень бытия и примитивное использование природных ресурсов (либо дешевых, либо отходов) наблюдается в основном на низших ступенях общественной иерархии в развивающихся странах.

Пурпурный цвет. *Магически-анимистический уровень.* Жизнь личности в социуме организуется в соответствии с принципами кровного и племенного родства. На этом уровне появляется и активно используется механизм дифференциальной ренты (в основном пер-

вого типа, связанного с качеством используемого ресурса) наравне с абсолютной. Кланово-племенная борьба происходит за обладание большим количеством лучшего ресурса. Наравне с природным ресурсом на первый план выходит человеческий (на уровне рабского, или близкого к рабскому, кабального труда). Наблюдается во многих странах Азии, Африки, превалирует в общественных системах балканских государств, в постсоветских странах на «бытовом» уровне.

Красный цвет. *Уровень богов силы.* Проявление отдельной самости, отдельной от племени – могущественной, импульсивной, эгоцентрической, героической, предполагает силовые методы захвата ресурса. Среди видов экономической ренты по-прежнему превалирует абсолютная рента, но резко возрастает роль монопольной ренты на ресурс – через неограниченные права феодала на распоряжение ресурсом – как природным, так и человеческим капиталом. Роль дифференциальной ренты проявляется двояко: с одной стороны, идет борьба за овладение лучшим ресурсом (дифференциальная рента первого типа), с другой стороны, собственник постепенно становится заинтересован в охране и улучшении ресурса, что создает предпосылки к развитию дифференциальной ренты второго типа. Наиболее успешные властители становятся владельцами сказочных богатств за счет формирования региональной ренты (Израильское царство Соломона, империя Александра Македонского, Испания времен конкистадоров, нацистская Германия), однако столь же быстро эти богатства теряют из-за несовершенства механизмов конвертации ресурсов.

Синий цвет. *Конформистский Стандарт.* В жизни есть смысл, направление и цель, и все определяется всемогущим Значимым Другим или Порядком, определяющим паттерны «правильного» и «неправильного» поведения, законы экономической игры. Наибольший интерес представляет данный уровень с точки зрения использования всех преимуществ экономической дифференциальной ренты, находящей проявления во всех видах ресурсов, используемых для получения дохода. На данном уровне появляются и развиваются все используемые в современном мире виды ренты – технологическая, информационная, финансовая, организационно-управленческая, инновационная рента и экологическая антирента. Особую роль на этом уровне играет региональная рента, которая дает возможность отдельным странам и регионам доминировать в качестве крупных региональных и мировых лидеров, умело используя территориальные преимущества (Британская империя, США до Второй мировой войны, Советский Союз, постсоветская Россия, Япония, Бразилия, Индия, Китай).

Оранжевый цвет. *Научный Прогресс.* Данный уровень ориентирован на личный успех и карьеру, которые, в первую очередь, в США понимаются, как получение материальных благ. Уровень характеризуется широчайшим развитием всех видов ренты и развитием рентных механизмов до высокого совершенства. На первый план в условиях глобализации выходят финансовая и интеллектуальная рента. Региональная рента становится одним из факторов геополитики, однако при этом теряется во многом ее первоначальный смысл, как результат действия природно-ресурсных факторов. Роль регионов как аккумуляторов ренты определяется геоэкономическими факторами, принадлежностью к определенному макрорегиону, на которые делится вся система мирового экономического пространства. Ведущей становится роль экологической антиренты, экстенсивная эксплуатация природных ресурсов ради достижения стратегического преимущества приводит к быстрой деградации природной среды. «Оранжевые» социально-экономические системы, сформировавшиеся после Второй мировой войны в США, Западной Европе, после падения СССР – в Восточной Европе и частично на постсоветском пространстве (Украина, Прибалтика, Грузия) в силу использования жестких механизмов конкуренции и попыток возврата к использованию преимуществ монопольной ренты, а также хищнической эксплуатации природных ресурсов и загрязнения окружающей среды приводят к поляризации общества и деградации общественных и государственных институтов при видимых экономических успехах. Следствием «оранжевых» экономических процессов является перманентный кризис, переросший в 2008 г. в глобальную рецессию мировой экономики.

Зеленый цвет. *Восприимчивая Самость.* Идеалы общности, связи между людьми, осознание экологических проблем, «сетевое» мышление создают предпосылки для борьбы с монополизацией и абсолютизмом в экономических процессах, на первый план выступают новая экологическая и интеллектуальная рента, резко возрастает роль дифференциальной ренты второго типа. Владельцы уникальных, улучшающих природный или иной ресурс идей и технологий становятся «новыми властителями» мира (Б. Гейтс, крупные сетевые компании, корпорации, действующие в сфере Интернет-технологий, единая Европа, крупные инфраструктурные центры на постсоветском пространстве). Роль региональной ренты трансформируется из природно-ресурсного и геоэкономического аспекта в новый – транзитный. Роль территорий, как «ворот для пропуска ресурсов» становится важнее роли «источников ресурсов». Растет роль технопарков и технополисов, свободных экономических зон. Субъективное, нелинейное мышление выдвигает на первый план интеллектуальную ренту, роя-

лти и человеческий капитал как источник прибыли. Высокоприбыльнейшей индустрией становится спорт, отдых, обучение и медицинское обслуживание. Однако ограниченность мышления первого порядка проявляется в явлении «противостояния», трате больших энергий на процесс борьбы. Сущность этого отлично отражает фраза матери Терезы: «...на антивоенных митингах рождаются войны». Противопоставить этому можно иной, альтернативный подход к целостному использованию всех ресурсов развития индивида и общества, основанный на интеграции.

Бытие и сознание второго порядка мыслит и старается действовать в категориях всей спирали бытия, а не только категориями любого отдельно взятого уровня, использует все известные социальные и экономические механизмы. Это мышление объединяет в себя два уровня: **желтый цвет** (*интегративный*) и **бирюзовый цвет** (*холистический*). На этих уровнях возникают и развиваются элементы нового, «духовного» экономического мышления, появляются элементы «духовно-экономической ренты». Для таких экономических систем, пока сформированных на уровне отдельных корпораций («Google»), сетевых структур («Intway», «Energetix» и др.) и сообществ является характерной мощная благотворительная деятельность, внедрение технологий личностного роста, коучинга в управление персоналом, ориентация на позитивную обратную связь и формирование целей с учетом интересов индивидуума и системы в целом. Иногда построение экономической системы на парадигме мышления второго порядка вызывает возникновение новой духовности как альтернативы ортодоксальной духовной традиции. Такая духовность включает в себя элементы всех духовных традиций, трансперсональный уровень социально-экономического взаимодействия внутри глобальных систем делает возможным существование экономических систем «вне народов, государств и рас», духовно-экономическое лидерство в кризисных ситуациях становится важнее традиционного «ресурсно-хозяйственного» лидерства.

Литература

- Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / Пер. с англ. под ред. А. Киселева. М: АСТ и др., 2004.
- Graves C. W. The Never Ending Quest: Dr. Clare W. Graves Explores Human Nature / Eds. C. W. Graves, Ch. C. Cowan, N. Todorovic. Santa Barbara, CA: ECLET Publishing, 2005.
- Graves C. W. Levels of Existence Related to Learning Systems // Paper read at the Ninth Annual Conference of the National Society for Programmed Instruction. Rochester, New York, March 31, 1971.

ПРОБЛЕМА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

О. А. Клюева (Тверь)

В современных социально-экономических условиях, когда осваиваются новые технологии работы, создается новый менталитет, формируется новый образ жизни, одной из актуальных проблем каждого государства являются возможности и способности участвовать в конкурентной борьбе.

В новых экономических условиях, сложившихся во всем мире, Россия стоит перед выбором либо перейти в разряд слаборазвитых государств и быть поставщиком дешевого сырья и нефтепродуктов, либо стать экономически сильной державой. Всемирный экономический форум опубликовал доклад, в котором приводится рейтинг конкурентоспособности стран за 2007–2008 гг. Россия заняла в нем лишь 58-е место, поднявшись на одну позицию по сравнению с прошлогодним показателем. В экономике все взаимосвязано: низка конкурентоспособность страны, нет притока капитала, нет прогресса и эффективного воспроизводства и т. д. Одной из главных причин такого положения, считает академик Р. А. Фатхудинов, является то, что в России системно и профессионально проблемами конкурентоспособности никто и никогда не занимался (Фатхудинов, 2004).

Впервые на государственном уровне актуальность повышения конкурентоспособности России прозвучала в Ежегодном послании первого Президента РФ Б. Н. Ельцина 30 марта 1999 г.: «...главной идеей нашего вхождения в XXI век должно стать повышение конкурентоспособности России» (Фатхудинов, 2004, с. 7). Для реализации национальной идеи повышения конкурентоспособности разработаны и приняты нормативные акты, создан Совет по национальной конкурентоспособности.

Проблема конкуренции и конкурентоспособности, ее роль в развитии общества и человека привлекала внимание философов и психологов. Так, например, Ж.-Ж. Руссо утверждал, что страсти состязаться и выделяться мы обязаны тем лучшим и тем худшим, что в нас есть, нашими добродетелями и нашими пороками, нашими знаниями и нашими заблуждениями. В девятнадцатом столетии социальные

выгоды конкуренции широко подчеркивались многими школами социальных теоретиков – утилитаризмом (Й. Бентам, Дж. Милл и др.), социал-дарвинизмом (Дж. Самнер) и социологией Спенсера. Под влиянием экономических и биологических теорий члены Чикагской школы также поместили конкуренцию в центр исследования городской экологии. Таким образом, конкуренция принималась в качестве универсального и производительного элемента человеческих условий. Тем не менее, влияние конкуренции неоднозначно. Например, В. М. Бехтерев подчеркивал, что каждое общество не может избежать ни конкуренции, ни соперничества и борьбы, но в этом заключается залог его будущих успехов и совершенствований. Конкуренция создает более благоприятные условия для развития общества, но вместе с тем способствует росту социального неравенства.

Согласно словарям, понятие «конкуренция» (позднелат. *concurrentia* < *concurrere* сталкиваться) означает 1) соперничество, борьба за достижение лучших результатов на каком-либо поприще; 2) борьба между частными товаропроизводителями за более выгодные условия производства и сбыта товаров; 3) существенная черта различных видов деятельности, в которых происходит столкновение интересов (политика, экономика, наука, спорт и др.). Конкурентоспособность – способность выдержать конкуренцию, противостоять конкурентам. Конкуренция и конкурентоспособность в экономическом смысле в большей степени привязаны к таким объектам, как производитель и товар, и предполагают, прежде всего, такие процессы, как производство, обеспечение качества продукции, ценообразование, маркетинг и др. Несмотря на то, что под конкуренцией принято понимать борьбу за существование, за наиболее выгодные условия производства (П. Хайне, И. Шмальгаузен, А. Хайек), ряд экономистов из Президентской комиссии по конкурентоспособности в промышленности, анализируя данную проблему, подчеркивают, что основа конкуренции – способность к развитию и прогнозированию (Хайек, 1999; Митина, 2005; Фатхудинов, 2004). Человек как субъект экономических отношений рассматривается не столько как самостоятельная конкурентоспособная система, сколько как носитель определенных конкурентоспособных преимуществ организации. И, тем не менее, главную роль в построении системы конкурентоспособности отводят персоналу. Подтверждением тому является понимание конкуренции как процесса управления субъектом своими конкурентными преимуществами (ценностями), дающая ему превосходство перед конкурентами, а ценность – это нечто особенное, чем система владеет (содержит в себе), стремится сохранить либо иметь в будущем (Фатхудинов, 2004); а конкурен-

тоспособности – как свойства субъекта, которое отражает его потенциальные возможности и страстное желание быть более успешным (Александров, Козлов, Крючков, 2004). С точки зрения экономики и менеджмента, содержание конкурентоспособности специалиста отражают такие психологические характеристики, как способности, темперамент, компетентность, направленность, мотивация, характер, эмоциональность, инициатива, творчество, стрессоустойчивость, способность к саморазвитию и др. (Фатхудинов, 2004; Александров, Козлов, Крючков, 2004; Гарафутдинова, 1998).

Понятие «конкурентоспособность личности» вызывает интерес в психологии и педагогике уже с середины 90-х гг. прошлого века. Анализ исследований по данной проблеме выявил неоднозначность в понимании и многообразии моделей, в которых основополагающие характеристики и компоненты конкурентоспособной личности различны.

Так, например, структура и содержание конкурентоспособности личности определяется индивидуально-психологическими и индивидуально-типологическими особенностями личности. Согласно теории А. Ф. Лазурского и исследованиям В. М. Русалова, С. Д. Бирюкова, Е. В. Токаревой, Е. Л. Холодцевой, **Дж. Грейсона, Р. Хауса и др.**, основные характеристики конкурентоспособности – это активность, мотивация к успеху в профессиональной деятельности. В исследованиях С. В. Чегринцевой социально-востребованные качества молодых специалистов являются важными среди внутренних психологических факторов, определяющих конкурентоспособность. Психологическими условиями развития конкурентоспособности молодых специалистов, согласно исследованиям Е. А. Подосинниковой, являются: личностные – определяющие уровень конкурентоспособности и деятельностные – определяющие динамику и направление развития конкурентоспособности. Под конкурентоспособностью личности И. И. Шевченко понимает совокупность интегральных психологических и личностных характеристик, определяющих содержание личностно-деятельностного, когнитивного, рефлексивного, мотивационно-ценностного компонентов. Мотивационно-ценностный компонент является системообразующим, доминирующим, определяющим качественную характеристику других показателей в целостной структуре конкурентоспособной личности.

Исследователи Л. С. Шикина, Н. А. Журанова, В. Г. Виененко, К. В. Савельев, Т. В. Колгурина, И. В. Дарманская рассматривают проблему развития конкурентоспособности молодежи в контексте компетентностного подхода. Поэтому важнейшими составляющими конкурентоспособности будущего специалиста выступают: мотива-

ция к приобретению ключевых компетенций; профессиональные компетенции и профессионально значимые качества.

Обращаясь к проблеме формирования конкурентоспособности студента с применением маркетинга в образовательной структуре вуза, С. В. Зверев и Т. В. Колгурина считают, что конкурентоспособный специалист должен знать и уметь применять основы менеджмента и самоменеджмента в профессиональной деятельности.

Несмотря на разность позиций исследователей, существует и общая тенденция в работах – определять конкурентоспособность личности, прежде всего, такими внешними условиями, как наличие конкурентной среды и конкурентов, мотивация успеха и достижений (социальных и материальных), наличие противоречий между внешними требованиями профессии, среды и уровнем знаний, умений и навыков человека в профессии – как движущей силы развития его конкурентоспособности (Подосинников, 2008).

В отличие от понимания конкурентоспособности как соперничества, приоритета, успешности, занятия лидерской позиции, один из разработчиков концепции конкурентоспособности личности Л. М. Митина определяет данный феномен как «...способность максимального расширения собственных возможностей с целью реализации себя лично, профессионально, социально, нравственно» (Митина, 2005, с. 28). То есть конкурентоспособная личность рассматривается как система, реализующаяся посредством внешних и внутренних условий, носящую динамический характер. Это означает, что конкурентоспособность, как системное качество личности, подчиняется диалектико-материалистическому принципу детерминизма, по С. Л. Рубинштейну, где внешние причины действуют через внутренние условия. Внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства (Рубинштейн, 2003).

Большинство авторов моделей конкурентоспособной личности предполагают, что креативность, одаренность как качество, отражает какую-то важную сторону конкурентоспособности, но при этом к ней не сводится и обеспечивает наименьшую зависимость конкурентоспособности личности от внешних условий (Кулешова, 2004). Конкурентоспособность является высшим уровнем проявления способностей как возможностей человека (более широко – потенциала личности), а в современном понимании – конкурентных преимуществ человека (Фатхудинов, 2004). В исследованиях Г. А. Бровик креативность, как комплекс интеллектуальных и индивидуальных особенностей,

способностей личности, которые позволяют генерировать новые идеи, инновационные предложения, находить пути нестандартного их решения и внедрения в практику, является основополагающей конкурентоспособности. Д. Б. Богоявленская считает, что конкурентно способная личность – это личность, обладающая богатыми резервами, более высокими, чем у других. Учитывая, что творческие способности, согласно концепции Д. Б. Богоявленской, – это способность развития деятельности по собственной инициативе, мы считаем, что конкурентоспособность личности определяется творческим потенциалом личности.

Литература

- Александров Н. Н., Козлов В. Д., Крючков В. Д.* Конкуренция и конкурентоспособность: содержание понятий и история их становления. Нижний Новгород, 2004.
- Гарафутдинова Н. Я.* Конкурентоспособность будущего специалиста высшей квалификации как показатель качества его подготовки // Вестник Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 76–78.
- Кулешова А. Б.* Конкуренция в вопросах и ответах. М., 2004.
- Митина Л. М.* Личность и профессия: психологическая поддержка и сопровождение / Под ред. Л. М. Митиной. М., 2005.
- Подосинников С. А.* Психология конкурентоспособности профессионала. Астрахань, 2008.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Фатхутдинов Р. А.* Управление конкурентоспособностью организации. М., 2004.
- Хайек Ф. А.* Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999.

ПСИХОЛОГИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

А. Н. Лебедев (Москва)

За последние два десятилетия в нашей стране в связи с изменением политического строя и переходом экономической системы к рыночным отношениям появились новые научные направления и соответствующие им учебные дисциплины. Несмотря на свою прикладную направленность, они сохраняют достаточно высокий уровень теоретического знания. Одним из таких учебных предметов является психология маркетинговых коммуникаций. Причем по сравнению с психологией рекламы или массовых коммуникаций, она самая мо-

лодая по времени организации. Понятие «маркетинговые коммуникации» в отечественной науке также появилось недавно, что связано с возникновением большого количества новых для традиционного маркетинга способов рекламы и продвижения товаров и услуг. В новой парадигме широко распространенные до этого реклама и PR рассматриваются как рядовые маркетинговые коммуникации.

За рубежом стремительное развитие научных представлений о маркетинговых коммуникациях приходится на последние десятилетия XX-го столетия, когда интенсивное развитие рынка и жесткая конкуренция определили применение новых подходов к организации продаж. В этой ситуации возникла необходимость в реализации принципа единства теории и практики, в котором потребность в теории создается практикой и ею же определяются критерии достоверности этой теории.

В настоящее время в научно-прикладной литературе подробно рассматривается около 20–25 маркетинговых коммуникаций, которые основаны на различных психологических моделях поведения и мышления потребителей. Однако наибольшего экономического эффекта удается достичь лишь при глубоком изучении как психологии покупателя, так и самого продавца, поскольку ошибки, которые допускаются в условиях любой маркетинговой коммуникации, возникают чаще всего именно вследствие психологических проблем взаимодействия субъектов. В отличие от традиционной рекламы, опыт которой накапливался столетиями, маркетинговые коммуникации рассматривают потребителя как рефлексирующую личность, как индивидуальность, что предполагает не только дифференцированный подход к потребителям, но и более глубокое понимание природы совместной психической деятельности и ее субъектов. Поэтому коммуникативные стратегии в маркетинге во многих случаях в психологическом и экономическом плане более эффективны, чем обычная реклама.

Если для традиционной рекламы, чье интенсивное психологическое изучение началось на рубеже XIX–XX вв., наиболее востребованными оказываются открытия в области общей психологии (психические процессы, состояния и свойства), то система маркетинговых коммуникаций строится на применении всех знаний, которые выработала психология, и всех ее фундаментальных и прикладных отраслей, т. е. системно и комплексно. Так, например, «директ маркетинг» (*direct marketing*) предполагает опосредствованное общение продавца и покупателя, в процессе которого проводится психологическое вовлечение клиента в осуществление сделки через интенсивную почтовую переписку. Один из ведущих специалистов в этой области З. Фёгеле разработал концепцию, позволяющую использовать

принципы двусторонней асимметрии мозга и «анализ через синтез» для эффективного воздействия на вовлекаемого в экономические отношения клиента. Здесь широко применяется принцип единства сознания и деятельности, когда установки человека и его отношение к рекламируемому товару формируются путем вовлечения человека в эмоционально окрашенную почтовую переписку с применением фото- и видеоматериалов. В связи с широким распространением Интернета эта маркетинговая коммуникация является очень эффективной как в психологическом, так и в экономическом плане. Причем особенно востребованным оказывается «директ маркетинг» в Интернете в условиях кризиса, когда инвесторы переводят большую часть своих капиталов из сферы традиционной рекламы в компьютерные сети.

В свою очередь, другая распространенная маркетинговая коммуникация – «личные продажи» (*personal selling*) представляет собой непосредственное общение продавца с покупателем, личный контакт, и здесь наибольшее значение приобретают знания дифференциальной, социальной психологии, психологии личности и др. Дифференцирующий потребителей индивидуальный подход в личных продажах, когда субъекту предоставлены возможности для самореализации и самовыражения, становится в условиях кризиса одним из наиболее эффективных способов продаж.

Особое значение в последние годы приобрел такой вид маркетинговой коммуникации, как «промоушн» (*sales promotion*), который часто называют *BTL*-рекламой. Психологические основы этой коммуникации включают: использование системы скидок, учитывающей закономерности мышления человека, в частности, закономерности операций с числами; применение знания в области изучения потребностей и мотивации; использование психологических закономерностей динамики ощущений (дегустации, сэмплинг, тест-драйв и др.). По данным АКАР (Ассоциации Коммуникационных Агентств России) в городах нашей страны работают десятки тысяч промоутеров, среди которых больше всего молодежи от 18 до 25 лет.

Рассматривая психологию маркетинговых коммуникаций как прикладную отрасль современной психологии и учебный предмет, следует подчеркнуть еще один важный аспект. Современный маркетинг как эффективная стратегия в экономической сфере порождает целый ряд проблем в сфере социальной. Не случайно один из ведущих маркетологов мира Ф. Котлер вынужден был рассмотреть понятие социального или социетального маркетинга, суть которого состоит в социальной ответственности бизнеса перед обществом. В результате со временем сложилось важное психологическое направление

для изучения феномена рекламной деятельности как общественного явления, а не только с целью увеличения количества продаж и извлечения прибыли. Здесь психологи рассматривают не только позитивное влияние маркетинговых коммуникаций на общественное развитие, но также их негативное воздействие. Кроме того, в рамках данного подхода изучается не только то, как бренды (торговые марки товаров и услуг) влияют на сознание людей, но и то, как, к примеру, влияют на общественное сознание образы людей в политике, искусстве, шоу-бизнесе, спорте и пр. Наряду с этим идет поиск ответа на вопрос о том, что влияет на формирование у людей «образа города» или даже «образа страны», в которых они проживают. В частности, с 2008–2009 гг. проводилось исследование на тему: «Образ России в коммерческой рекламе (на примере наружной рекламы г. Москвы)» (грант № 07-06-00147а при поддержке РГНФ). Исследования, проведенные в 2009 г., показали, что под воздействием наружной рекламы у москвичей и иностранцев формируется разный образ страны. Так, гости столицы из развитых стран чаще сообщают, что «Россия переживает экономический кризис так же, как и все другие страны». Те же, кто приезжают в Москву из стран с более низким уровнем экономического развития (Таджикистана, Узбекистана, Молдовы, Украины и др.), например, на заработки, считают, что кризис в Москве, если ориентироваться на наружную рекламу, «вообще никак не ощущается».

В настоящее время в нашей стране разрабатываются и внедряются в учебный процесс программы подготовки специалистов-психологов в области психологии маркетинговых коммуникаций. Эти программы рассчитаны, прежде всего, на специфику развивающегося российского рынка. Наиболее часто теоретические и методологические основы таких программ, а также практикумы строятся на теориях и методологии отечественной психологии, которая оказалась, как показывает практика, весьма эффективной для их разработки.

ПОЛИХРОННОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ВРЕМЕНИ

Т. А. Нестик (Москва)

Понятие «полихронность» было введено в социальные науки Э. Холлом в 1959 г. для обозначения склонности заниматься одновременно несколькими делами, которая характерна для определенных культур (Hall, 1959). Наблюдения за тем, как относится к времени население разных стран, привели его к следующему вы-

воду: жители Западной Европы и США склонны планировать время заранее, располагая дела одно за другим, тогда как в странах Южной Европы, Латинской Америки, Африки и арабского Востока дела планируются как набор возможностей и почти никогда не выполняются в строгой последовательности. Согласно Э. Холлу, *полихронные культуры* ориентированы на настоящее, общение с людьми, налаживание связей, на семью, а *монохронные культуры* ориентированы на будущее, на задачу, работу с формальными данными, на индивидуальные достижения. Россия принадлежит к числу стран, где полихронная (полиактивная) деловая культура преобладает над монохронной. Так, согласно данным Р. Льюиса, на этой шкале мы оказываемся где-то между чилийцами, португальцами и полинезийцами (Льюис, 1999).

С начала 1990-х гг. полихронность – монохронность стала рассматриваться не только как этнопсихологическое измерение, но и на индивидуальном уровне – как устойчивая личностная характеристика. В частности, А. Блюдорн определяет полихронность как степень, в которой индивид, во-первых, предпочитает быть включенным в решение нескольких задач или осуществление нескольких деятельностей одновременно и, во-вторых, полагает, что именно такое запараллеливание задач является наилучшим способом вести дела. Наоборот, склонность заниматься в утренние часы или в течение определенного интервала времени (например, с 3–4 часов) только одним делом, рассматривается как признак монохронности. Вместе с тем важно помнить, что полихронность характеризует именно предпочтения личности, а не ее реальное поведение (Persing, 1999). Принято также считать, что полихронность и монохронность являются полюсами одной шкалы, на континууме которой и располагаются наши индивидуальные предпочтения.

Исследования К. Кауфман-Скарбороу и Дж. Линдквиста свидетельствуют о том, что монохронные сотрудники больше расстраиваются при изменении планов, чем их полихронные коллеги. По сравнению с монохронными, полихронные сотрудники склонны более высоко оценивать вероятность того, что они успеют сделать все намеченное на день. Напротив, монохронные считают организацию своего времени более трудной задачей, чем полихронные. Если полихронным легче работать в условиях острого дефицита времени, то монохронные считают себя более успешными при наличии достаточного времени на выполнение задачи. Полихронные сотрудники легче переключаются от одной задачи к другой, но при этом реже откладывают дела на потом, чем это делают их монохронные коллеги (Kaufman-Scarborough, Lindquist, 1999).

Полихронные сотрудники склонны признавать вполне допустимым поведение руководителя, когда он несколько раз прерывает совещание, чтобы переговорить с кем-то из коллег, проходящих мимо, и узнать о ходе выполнения порученных им задач (Cotte, Ratneshwar, 1999). Д. Персинг приводит в качестве примера полихронности поведение биохимика, который предпочитает проводить одновременно два эксперимента, читая при этом научную статью и периодически отвечая на электронную почту. При этом его монокронный коллега предпочитает проводить эксперименты один за другим, не отвлекаясь на остальные задачи (Persing, 1999).

В ходе ряда исследований была выявлена слабая, но достоверная прямая взаимосвязь полихронности с личностными характеристиками, входящими в конструкт поведения типа А, подверженного стрессам: тревожность в отношении времени, ориентация на достижения, нетерпение и раздражительность. Также установлена взаимосвязь полихронности с экстраверсией и когнитивной гибкостью. Напротив, полихронность отрицательно связана с такими характеристиками, как сознательность, склонность к планированию и пунктуальность. Кроме того, полихронность отрицательно связана с предпочтением работать в организации, которая требует от своих сотрудников пунктуальности, планирования, соблюдения сроков и установленных процедур (Conte et al., 1999; Benabou, 1999; Conte, Gintoft, 2005).

По мнению Э. Шейна, А. Блюдорна и других исследователей, полихронность может оказывать различное влияние на эффективность сотрудника в зависимости от характера выполняемой им деятельности. Например, вождение автомобиля требует моноактивной ориентации, тогда как работа руководителя, терапевта или дантиста требует полихронности (Bluedorn, 2002). Полихронность востребована в ситуациях, характеризующихся высокой неопределенностью, дефицитом времени и включенностью в общение с другими людьми. Напротив, монокронность требуется в ситуациях, требующих заранее спланированных и скоординированных действий (Шейн, 2003). Это предположение подтверждается эмпирическими исследованиями, выявившими разную взаимосвязь полихронности с эффективностью деятельности на разных профессиональных группах испытуемых. К примеру, она оказалась отрицательной у диспетчеров железнодорожных станций и положительной у менеджеров по продажам (Conte, Gintoft, 2005). Наконец, полихронность востребована в малых компаниях и при матричной организационной структуре, тогда как в крупных компаниях и при функциональной структуре более востребована моноактивность (Eisenhardt, 1989).

Результаты проведенного нами эмпирического исследования, участниками которого стали руководители и сотрудники российских коммерческих организаций ($N = 1047$), указывают на связь полихронности с рядом других личностных характеристик. Для измерения полихронности использовалась методика А. Блюдорна (2002) «Индекс полихронности», показавшая высокую конструктивную и внутреннюю надежность в предыдущих наших исследованиях на российской выборке.

В частности, корреляционный анализ (по Спирмену) позволил установить связь полихронности с такими характеристиками отношения к времени, как склонность переключаться с одного дела на другое ($r = 0,343$ при $p < 0,001$) и готовность легко менять свои планы ($r = 0,234$ при $p < 0,001$). Кроме того, у рядовых сотрудников полихронность отрицательно связана с ориентацией на планирование своего времени ($r = -0,203$ при $p = 0,001$), однако у руководителей такой взаимосвязи нами не обнаружено.

В то же время у руководителей и у рядовых сотрудников выявлена связь полихронности с фактором «гедонистическое настоящее» ($r = 0,186$ при $p < 0,001$), который изучался с помощью опросника временной перспективы (ZTPI) Ф. Зимбардо. Эта взаимосвязь хорошо сочетается с образом «полихронного человека», созданным в культурной антропологии Э. Холлом (год публикации). Согласно исследованиям Ф. Зимбардо и Дж. Бойда, ориентация на гедонистическое настоящее тесно связана с поиском новых и сильных ощущений, импульсивностью, открытостью к дружеским контактам (Zimbardo, Boyd, 2008). В качестве гипотезы, требующей дальнейшей проверки, можно предположить, что стремление заниматься несколькими делами одновременно может быть связано с темпераментальными характеристиками личности.

Чем выше полихронность испытуемых, тем в меньшей степени они предпочитают работу в уединении ($r = -0,165$ при $p = 0,019$ по Пирсону). Этот результат вполне согласуется с данными, полученными другими исследователями, в частности, с наличием взаимосвязи между полихронностью и экстраверсией (Conte, Gintoft, 2005). По-видимому, полихронность как личностная характеристика дает определенные преимущества тем сотрудникам, которые включены в интенсивное общение с коллегами, должны удерживать одновременно большое количество контактов. Можно предположить, что полихронность связана и с другими коммуникативными характеристиками личности. Косвенно это предположение подтверждается обнаруженной нами прямой взаимосвязью между полихронностью и общим уровнем эмоционального интеллекта ($r = 0,214$ при $p = 0,024$).

Анализ данных, полученных нами и другими исследователями, позволяет утверждать, что полихронность не исключает ориентации на достижения. Напротив, она может быть результатом адаптации руководителя к высокой неопределенности и одновременному решению множества коммуникативных задач.

Несмотря на то, что в культурной антропологии принято связывать полихронность с ориентацией на настоящее, «индивидуальная полихронность», как показало наше исследование, может сочетаться с высокой ориентацией на будущее. Так, с помощью кластерного анализа были выделены различные психологические типы как полихронных, так и монокронных руководителей и сотрудников. У одного из данных типов, названного нами «визионерами» ($N = 211$), полихронность сочетается с высокой ориентацией на будущее.

Одним из наиболее перспективных направлений дальнейших исследований полихронности как характеристики индивидуального отношения к времени мы считаем изучение ее взаимосвязи с другими личностными особенностями (в частности, с ценностными ориентациями), спецификой трудовой деятельности и организационной культурой.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ К БУДУЩЕМУ СВОЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Т. А. Нестик, Е. В. Жукова (Москва)

В условиях роста неопределенности и ускорения изменений все более важным для управления совместной деятельностью становится отношение руководителей к будущему своей организации. Особенно востребованным оказывается умение руководителя формировать свое видение будущего и точно представить его образ для своих последователей, способность предвидеть развитие ситуации и действовать на опережение. За рубежом отношение руководителя к будущему своей организации получило название «*лидерское видение*». Обзор литературы по изучению управленческого видения позволяет сделать вывод о том, что впервые этот термин появляется в конце 1960-х годов XX в. в зарубежной литературе, посвященной теории управления и лидерству. Видение нередко понимается как: контур возможного будущего, который воодушевляет и заставляет людей видеть себя в широком контексте будущего (Gardner, 1990); концепция будущего (El-Namaki, 1992); способность руководителя обрисовать или представить будущее (Kouzes, Posner, 1987). Несмотря

на растущий интерес к феномену *управленческого видения будущего* в теории менеджмента и психологии лидерства (Kouzes, Posner, 2008), его эмпирические исследования крайне немногочисленны. Данный феномен можно рассматривать как один из видов социального предвидения, форму антиципации в структуре индивидуальной и совместной деятельности (Ломов, Сурков, 1980; Сурков, 1985; Ретуш, 2003).

С нашей точки зрения, управленческое видение – это *опережающий образ воображения руководителя, включающий в себя представления о долгосрочной цели совместной деятельности, прогноз развития организации, оценку руководителем ее будущего, а также характеристики его идеальных «Я» и «Мы»*. Наиболее важную роль в формировании управленческого видения играют психологические процессы целеполагания и самоидентификации.

Мы считаем перспективным рассмотрение управленческого видения с позиций *концепции психологических отношений* (А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясичев, А. Л. Журавлев, В. П. Позняков и др.), т. е. как отношения руководителя к будущему своей организации. Такое отношение имеет ряд характеристик: когнитивные (долгосрочность, отчетливость, спланированность, связность); аффективно-оценочные (оценка будущего организации, значимость будущего организации) и поведенческие (ориентация руководителя на доведение своего видения до сведения сотрудников, ориентация на его согласование с видением других сотрудников).

Возможно, среди ключевых характеристик управленческого видения можно выделить *когнитивные* (долгосрочность, отчетливость, спланированность, связность), *аффективно-оценочные* (оценка будущего организации, значимость будущего организации) и *поведенческие* (готовность действовать в соответствии с видением, а также пропагандировать это видение среди своих коллег и подчиненных).

Будучи распространенным на сотрудников организации, управленческое видение выполняет несколько важных *социально-психологических функций*. Во-первых, оно *регулирует* совместную деятельность через выравнивание, нормирование представлений о ее конечном результате. Во-вторых, оно *поддерживает легитимность* власти руководителя, оправдывает нестандартные и непопулярные действия руководителя конечной целью, ради которой они предпринимаются. В-третьих, оно *защищает позитивную идентичность* членов группы, позволяя им преодолевать трудности в настоящем и придавая положительный смысл негативным событиям совместного прошлого. Управленческое видение повышает, таким образом, степень успешности совладания группы с кризисом. В-четвертых, оно *сплачивает* группу через формирование представления об общей судьбе, общих

возможностях и рисках в будущем, что, в свою очередь, облегчает самоидентификацию членов группы с лидером.

В целях уточнения теоретической структуры феномена управленческого видения нами было проведено поисковое исследование. В его задачи входило выявление представлений российских руководителей о характеристиках видения, значимых для его эффективности. Участниками экспертного опроса выступили руководители среднего и высшего звеньев российских частных коммерческих организаций ($N = 70$). В ходе ассоциативного эксперимента испытуемым предлагалось ответить на вопрос о том, какие ассоциации возникают у них при словосочетании «видеть будущее своей организации», а также, каким должно быть видение будущего организации у эффективного руководителя. Также была использована методика Л. Ларвуда (Larwood et al., 1995), состоящая из 26 характеристик управленческого видения, каждую из которых испытуемым предлагалось оценить: а) с точки зрения значимости характеристики для эффективности управленческого видения; б) с точки зрения выраженности данной характеристики в их собственном видении будущего своей организации. Контент-анализ ассоциаций, связанных с управленческим видением, позволил выделить три основные категории характеристик образа будущего организации в представлениях российских руководителей: спланированность (25% испытуемых), эффективность (20%) и точность прогноза (14%). Анализ характеристик видения будущего организации у эффективного руководителя показал, что респонденты наиболее часто указывали на: четкость (25% испытуемых), позитивность (23%) и реалистичность (20%). Среди наиболее важных характеристик видения они обращали внимание на его понятность для сотрудников, согласованность видения с коллективом. Таким образом, в представлениях российских руководителей видение выступает как функция эффективного руководителя, реализация которой состоит из нескольких компонентов: 1) прогнозирование на основе анализа; 2) придание видению формы, понятной для коллектива организации и способствующей его реализации; 3) привнесение позитивной окраски для воодушевления коллектива.

В другом исследовании, проведенном Т. А. Нестиком, для измерения управленческого видения использовалась шкала «Лидерское видение» П. Томса, субшкала «Видение» из опросника Дж. Кузеса и Б. Познера «Лидерское поведение», а также модифицированные методики «Линия» и «Круги» Т. Коттла. Выборка включала топ-менеджеров российских коммерческих организаций ($N = 90$), а также рядовых работников ($N = 62$). По сравнению с рядовыми сотрудниками, руководители высшего звена более отчетливо представляют себе

будущее организации и свою будущую роль в ней, а также чаще обсуждают будущее организации со своими коллегами. В представлениях руководителей будущее организации предстает более протяженным, чем в представлениях рядовых работников. Напротив, последними воспринимается более протяженным прошлое организации. Возможно, в основе таких рассогласований лежит различие в субъектной позиции по отношению к прошлому и будущему организации, в оценке их управляемости. Для рядовых сотрудников более понятным и ценным является прошлое организации: узнавая о нем, интерпретируя его, работники получают руководство к действию, определяют, чего ждать от будущего. Для топ-менеджеров более определенным и ценным является будущее организации: в своей деятельности они ориентируются на соответствие между результатами и намеченными отдаленными целями.

Была обнаружена прямая связь силы организационной идентичности с отчетливостью видения будущего организации ($r = 0,300$ при $p = 0,023$), протяженностью организационного будущего в представлениях сотрудника ($r = 0,196$ при $p = 0,023$), а также ориентацией на формирование командного видения ($r = 0,333$ при $p = 0,011$). По-видимому, чем более значима принадлежность к организации для сотрудника, тем больше у него оснований обсуждать ее будущее со своими коллегами, прорисовывать в своем воображении ее предполагаемые очертания. Кроме того, была выявлена сильная взаимосвязь видения будущего организации с общим уровнем эмоционального интеллекта сотрудников ($r = 0,468$ при $p < 0,001$). При этом ориентация руководителей на формирование командного видения была наиболее тесно связана с эмпатией ($r = 0,358$ при $p < 0,001$). Возможно, чем больше руководитель проявляет внимательность по отношению к переживаниям своих коллег и подчиненных, чем больше он стремится влиять на их эмоциональное состояние, тем более значимым инструментом социального влияния оказывается для него образ будущего организации и тем более отчетливым этот образ становится в беседах и выступлениях руководителя.

Управленческое видение оказалось связанным и с рядом характеристик индивидуальной временной перспективы руководителя. Так, ориентация личности на будущее высоко коррелирует с отчетливостью образа будущего организации ($r = 0,451$ при $p < 0,001$), а также с отчетливостью представления о своей роли в будущей организации ($r = 0,307$ при $p < 0,001$).

Намечая перспективы дальнейших исследований управленческого видения, хотелось бы подчеркнуть, что до сих пор эмпирически мало изучено содержание образа будущего организации у руководителей

с различными индивидуально-психологическими характеристиками. По-видимому, на эффективность руководства могут влиять не только формальные характеристики видения (долгосрочность, многовариантность и т. п.), но и содержательные (инновационность или консервативность, большая или меньшая представленность в образе будущего тех или иных элементов организации и т. п.). Также требуют своего исследования и ситуационные факторы эффективности видения: одни и те же характеристики управленческого видения могут быть по-разному востребованы на разных стадиях развития организации, в благоприятных и кризисных условиях.

МОТИВАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЕЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ

Н. И. Орлова (Москва)

До недавнего времени основные социально-психологические исследования были посвящены описанию руководящего звена и общих проблем управления. Интерес же к изучению исполнительской деятельности появился в 1970-ом году, когда ученые пришли к мысли, что исполнение играет не меньшую роль в управленческом взаимодействии. По мнению А. Л. Журавлева, целесообразно выделить психологию исполнения в самостоятельный раздел организационной психологии. Он определил *исполнительскую деятельность (исполнение)* как совокупность методов реализации управленческих решений, принятых аппаратом управления, руководителем или коллегиальным органом и доведенных до субъекта исполнения в форме приказов, указаний, просьб и т. д. И подчеркнул, что данный вид деятельности является «надпредметным». Субъектом может выступать и индивидуальный исполнитель, и трудовой коллектив и отдельные его части. (Журавлев, 2007, с. 6)

Существует несколько классификаций исполнительской деятельности: Р. Б. Гительмахера (на основе отношения рабочих к мастеру), В. А. Ядова (на основе уровня удовлетворенности работой), В. А. Мальцева (на основе стиля мышления), А. Л. Журавлева (на основе типологических характеристик: целенаправленность, заинтересованность, самостоятельность, творческое начало, организованность, ответственность, компетентность). Предложенная последним типология исполнителей основывается на описанных выше характеристиках и позволяет выделить социально-психологические типы: творческий,

сверхнормативный, регламентированный, пассивно следующий, преобразующий, низкомотивированный, уклоняющийся. Автор отмечает, что это неполная совокупность типов исполнительской деятельности.

Мотивация является одним из главных факторов регулирующей функции в поведении человека, в том числе и в исполнительской деятельности. В данной статье мотивация понимается как внутриобусловленный динамический процесс, который активизирует деятельность индивида, и эта активизация связана с внешне или с внутренне обусловленными событиями.

Критический анализ концепций трудовой мотивации привел к идее рассмотрения мотивации как трехфакторной структуре: материальные (гигиенические факторы Д. Герцберга, потребность в безопасности и уверенности в будущем А. Маслоу), социально-психологические (потребность во власти и причастности Д. Мак-Клелланда, социальные потребности А. Маслоу, межличностные отношения из гигиенических факторов Д. Герцберга) и индивидуально-психологические потребности (потребность в успехе у Д. Мак-Клелланда, «истинная мотивация» Ф. Герцберга, потребность в уважении, самовыражении А. Маслоу). Некоторые авторы (Б. И. Додонов, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов) считают, что содержание трудовой мотивации не ограничивается тремя факторами, но увеличение позиций часто оказывается либо уточнением, либо модификацией одной из составляющих трехчленной концепции.

В исследовании мотивация рассматривается как относительно самостоятельный феномен в системе взаимодействия руководителей и исполнителей со стороны последнего. Принимая во внимание сказанное, *мотивацию исполнительской деятельности (мотивацию исполнения)* определяем как систему мотивов, побуждающую субъектов исполнительской деятельности на реализацию управленческих решений, под воздействием внешних условий объективной действительности (вознаграждение, поощрение) и/или внутренних условий индивида (деятельность ради нее самой, самореализация).

Тема исследования вписывается в более широкий круг проблем личностной детерминации исполнения. Мотивация исполнителей, как психологический феномен, до настоящего времени глубоко и специально не рассматривалась в организационной психологии.

Целью исследования является изучение мотивации исполнительской деятельности у работников с различными типами исполнения управленческих указаний. Основные **гипотезы** состояли в том, что мотивация исполнения различна у представителей разных типов исполнительской деятельности, а также, что существует взаимосвязь между мотивацией исполнительской деятельности и такими

характеристиками, как тип направленности, лидерские способности, мотивация достижения успеха и избегания неудачи и трудовой мотивацией. В соответствии с целью и выдвинутыми гипотезами решались следующие **задачи**: выделение социально-психологических типов исполнения и анализ особенностей мотивации исполнительской деятельности у представителей этих типов, а также изучение взаимосвязи мотивации исполнения с характеристиками работников.

Для достижения цели исследования и поставленных задач применялись методика «Экспертная оценка социально-психологических качеств исполнительской деятельности» А. Л. Журавлева и авторская методика «Мотивация исполнения» для изучения мотивации исполнительской деятельности. Авторская методика содержит такие полярные факторы, как исполнение – неисполнение обращений руководства и распоряжений, входящих – не входящих в должностные обязанности исполнителя.

В основу методики «Мотивация исполнения» заложен принцип, согласно которому три класса потребностей (материальные и социальные, которые в свою очередь разделяются на социально-психологические и индивидуально-психологические потребности) составляют основу побудителей исполнительской деятельности. На выявление каждого класса направлено по десять позиций. Классы потребностей могут играть доминирующую или подчиненную роль в общей структуре мотивации исполнения в зависимости от индивидуальных особенностей.

Таким образом, авторская методика состоит из двенадцати шкал, учитывающих исполнение и неисполнение обращений руководства, входящих и не входящих в должностные обязанности работника, а также три класса потребностей.

Процедура исследования с применением методики состоит в том, что испытуемому предлагается перечень из тридцати пар альтернативных суждений, которые отражают особенности исполнения и в которых угадываются проекции перечисленных побудителей исполнительской деятельности. Анализ оценок производится по каждому классу. Чем выше оценки класса, тем более они преобладают в мотивации исполнения.

Для изучения характеристик работника использовались следующие дополнительные методики: «Диагностика мотивации достижения» А. Мехрабиана (измеряемые показатели: мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудач); «Ориентационная анкета» Б. Басса (измеряемые показатели: направленность личности на себя, на задачу, на взаимодействие); методика «Диагностика лидерских способностей» Е. Жарикова и Е. Крушельницкого (измеряемые по-

казатели – выраженность лидерских способностей: слабая, средняя, высокая и склонность к диктату); «Мотивационный профиль» М. Ричи (измеряемые показатели – потребность в: материальном вознаграждении, хороших условиях работы, структурировании работы, социальных контактах, долгосрочных стабильных взаимоотношениях, признании, постановке сложных целей и их достижении, влиянии и власти, разнообразии, креативности, совершенствовании, интересной общественно полезной работе).

В статье излагаются **результаты** исследования, проведенного на выборке из 75 чел. (24-х мужчин и 51-ой женщины), в возрасте от 20–60 лет, имеющих различный стаж работы, уровень образования, и семейный статус. Исследование проведено в 4 организациях: медицинское учреждение, средняя образовательная школа, Комитет социального обслуживания и Минпромэнерго (административный департамент, отдел по работе с жалобами населения).

Используя авторскую методику, было выделено преобладание следующих потребностей в мотивации исполнительской деятельности:

- 1 Материальные потребности (у 11 чел., 15%) – респонденты данного типа при исполнении поручений обращают внимание на гигиенические факторы работы, заработанную плату и премии. То есть не на саму деятельность, а лишь на то, что сопровождает процесс исполнения и работы;
- 2 Социально-психологические потребности (у 11 чел., 15%) – для людей этого типа важны дружеские отношения в рабочем коллективе, взаимопомощь коллег, хорошие отношения с начальством, социальный престиж профессии;
- 3 Индивидуально-психологические потребности (у 49 чел., 70%) – эти представители стремятся к саморазвитию и самореализации за счет труда, применению способностей в своей профессии и хотят реализовать свои возможности, умения, навыки в работе.

При сопоставлении респондентов с разными потребностями в мотивации исполнительской деятельности были обнаружены следующие различия:

Средние значения направленности личности на взаимодействие выше у респондентов с социально-психологическими потребностями, чем у людей с материальными потребностями в мотивации исполнительской деятельности. А средние значения направленности на задачу выше у людей с материальными потребностями. Полученные данные объясняются тем фактом, что личностная характеристика (такая как направленность личности) влияет на мотивацию исполнения.

Значения по шкале трудовой мотивации – «потребности в признании» выше у респондентов с социально-психологическими потребностями, чем у респондентов с материальными потребностями мотивации исполнения. А значения шкалы трудовой мотивации – «потребность во влиянии и власти» выше у людей с материальными потребностями.

Направленность личности на себя ниже у людей с материальными потребностями, чем у исследуемых с индивидуально-психологическими потребностями мотивации исполнения. Направленность на задачу выше у респондентов с материальными потребностями. Шкала «потребность в материальном поощрении» трудовой мотивации выше у людей с материальными потребностями, чем у респондентов с индивидуально-психологическими потребностями мотивации исполнительской деятельности.

У людей с социально-психологическими потребностями мотивации исполнения выше средние значения по направленности на взаимодействие, чем у исследуемых с индивидуально-психологическими потребностями. Значения по шкале трудовой мотивации – «потребность в материальном поощрении» выше у людей с социально-психологическими потребностями. Значения по шкале трудовой мотивации – «потребность во влиянии» выше у респондентов с индивидуально-психологическими потребностями мотивации исполнения.

Используя методику А. Л. Журавлева, в выборке были выделены следующие типы исполнительской деятельности: нормативный (5 чел., 7%), сверхнормативный (15 чел., 20%), творческий (5 чел., 7%). Преобладание у респондентов сверхнормативного типа исполнения возможно из-за специфики выборки, включающей представителей профессии типа «человек–человек» (см. таблицу 1).

Кроме описанных выше типов исполнения, выделены новые типы, характеристики которых не вписываются в классификацию А. Л. Журавлева:

- перфекционистский (30 чел., 40%). Для данного типа исполнения характерным является то, что работник имеет высокие показатели по всем типобразующим характеристикам. Тип определяется по высоким уровням *целенаправленности, организованности, компетентности и креативности*.
- зависимый тип (5 чел., 7%). Представители этого типа — высококвалифицированные, ответственные специалисты со средним уровнем самостоятельности. Выделяется по высоким уровням *ответственности и компетентности* и по среднему уровню *самостоятельности*. Уровни заинтересованности

Таблица 1

**Выраженность свойств исполнительской деятельности
у различных типов исполнения**

Тип исполнения управленческих указаний и решений	Свойства исполнительской деятельности (типобразующие характеристики)						
	Целе-направленность	Заинтересованность	Самостоятельность	Организованность	От-ветст-венность	Компетентность	Креативность
1. Творческий	высокая или средняя	высокая	высокая	средняя	высокая или средняя	высокая	высокая
2. Сверхнормативный	высокая	высокая	высокая или средняя	высокая	высокая	высокая или средняя	средняя
3. Нормативный	высокая или средняя	средняя	средняя	средняя	высокая или средняя	высокая или средняя	средняя или низкая
4. Перфекционистский	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая	высокая
5. Зависимый	высокая или средняя	высокая или средняя	средняя	высокая	высокая	высокая	высокая
6. Мотивированный	средняя	высокая	средняя	высокая или средняя	высокая	высокая или средняя	средняя

и целенаправленности являются динамичными и могут колебаться между средними и высокими значениями.

- мотивированный тип (4 чел., 5%). Характеризуется тем, что работник готов исполнять поручения, независимо от содержания работы. Тип определяется высоким уровнем *ответственности* и *заинтересованности* и средним уровнем *целенаправленности*. Другие свойства исполнительской деятельности характеризуются средними или высокими (организованность, компетентность) уровнями выраженности.

При рассмотрении различий в мотивации исполнительской деятельности у представителей разных ее типов не обнаружено различий у респондентов по материальным потребностям мотивации

исполнения. У представителей мотивированного типа значения по социально-психологическим потребностям ниже, чем у творческого типа. Значения индивидуально-психологических потребностей в мотивации исполнительской деятельности творческого типа выше, чем у сверхнормативного и типа «перфекционист».

Для изучения взаимосвязи мотивации исполнительской деятельности и характеристик работника прокоррелировали шкалы авторской методики с данными по методике М. Ричи «Мотивационный профиль» (измеряет шкалы трудовой мотивации), «Ориентационной анкетой» Б. Басса (измеряет тип направленности личности), методикой А. Мехрабиана «Диагностика мотивации достижения» (измеряемые показатели: мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудачи) и методикой Е. Жарикова и Е. Крушельницкого «Диагностика лидерских способностей» (измеряемые показатели – степень выраженности лидерских способностей).

На статистически значимом уровне были получены следующие результаты (таблица 2). Отрицательно коррелируют значения по материальным потребностям, которые побуждают работников исполнять поручения руководства, входящие в должностные обязанности, с мотивацией достижения успеха и со шкалой «потребность в самосовершенствовании» трудовой мотивации.

Направленность личности на взаимодействие взаимосвязана с материальными потребностями, побуждающими работника не исполнять поручения, входящие в его должностные обязанности.

Материальные потребности, побуждающие работника не исполнять поручения, не входящие в должностные обязанности, взаимосвязаны с лидерскими способностями и отрицательно коррелируют с направленностью личности на себя.

Социально-психологические потребности, которые побуждают работника не исполнять поручения, входящие в должностные обязанности, взаимосвязаны с направленностью личности на взаимодействие и отрицательно коррелируют с мотивацией достижения успеха и со шкалой «потребность в самосовершенствовании» трудовой мотивации.

Лидерские способности взаимосвязаны с социально-психологическими потребностями, побуждающими работника не исполнять поручения, не входящие в его должностные обязанности.

Индивидуально-психологические потребности работника, которые побуждают не исполнять поручения, входящие в должностные обязанности, взаимосвязаны со шкалой «потребность в структурировании» и отрицательно коррелируют со шкалой «потребность в креативности» трудовой мотивации.

Таблица 2

КОРРЕЛЯЦИЯ ШКАЛ МЕТОДИКИ «МОТИВАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ»
С НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ, МОТИВАЦИЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА,
ЛИДЕРСКИМИ СПОСОБНОСТЯМИ И ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИЕЙ

Показатели	Количество человек	Spearman R	p-level
1 мп и А. Мехрабиан, «Диагностика мотивации достижения»	62	-0,263	00,038
1 мп и М. Ричи «Мотивационный профиль», шкала «потребность в самосовершенствовании»	60	-0,334	00,008
2 мп и Б. Басс «Ориентационная анкета», шкала «направленность личности на взаимодействие»	57	0,417	00,001
4 мп и Б. Басс «Ориентационная анкета», шкала «направленность личности на себя»	57	-0,324	00,014
4 мп и Е. Жариков–Е. Крушельницкий «Диагностика лидерских способностей»	60	0,301	00,019
2 спп и А. Мехрабиан «Диагностика мотивации достижения»	62	-0,313	00,013
2 спп и Б. Басс «Ориентационная анкета», шкала «направленность личности на взаимодействие»	57	0,290	00,028
2 спп и М. Ричи «Мотивационный профиль», шкала «потребность в самосовершенствовании»	60	-0,269	00,037
4 спп и Е. Жариков–Е. Крушельницкий «Диагностика лидерских способностей»	60	0,291	00,023
2 ипп и М. Ричи «Мотивационный профиль», шкала «потребность в структурировании работы»	60	0,345	00,006
2 ипп и М. Ричи «Мотивационный профиль», шкала «потребность быть креативным»	60	-0,274	00,033
3 ипп и Б. Басс «Ориентационная анкета», шкала «направленность личности на задачу»	57	-0,348	00,007
3 ипп и М. Ричи «Мотивационный профиль», шкала «потребности в разнообразии и переменах»	60	0,286	00,026
4 ипп и Е. Жариков–Е. Крушельницкий «Диагностика лидерских способностей»	60	0,345	00,032

Примечание: 1 – что побуждает работника исполнять обращения руководства, входящие в должностные обязанности; 2 – что побуждает работника не исполнять обращения руководства, входящие в должностные обязанности; 3 – что побуждает работника исполнять обращения руководства, не входящие в должностные обязанности; 4 – что побуждает работника не исполнять обращения руководства, не входящие в должностные обязанности; мп – материальные потребности, спп – социально-психологические потребности, ипп – индивидуально-психологические потребности.

Индивидуально-психологические потребности, которые побуждают работников исполнять поручения, не входящие в должностные обязанности, взаимосвязаны со шкалой «потребность в разнообразии и переменах» трудовой мотивации и отрицательно взаимосвязаны с направленностью личности на задачу.

Лидерские способности коррелируют с индивидуально-психологическими потребностями, не входящими в должностные обязанности работника, которые им не исполняются.

Подводя итоги, можно сделать следующие **выводы**:

- 1 Мотивация исполнительской деятельности – система мотивов, побуждающих субъектов исполнительской деятельности на реализацию управленческих решений под воздействием внешних условий объективной действительности (вознаграждение, поощрение и т. д.) и/или внутренних условий индивида (деятельность ради нее самой, самореализация и т. д.).
- 2 При помощи авторской методики были выделены группы людей с преобладанием материальных, социально-психологических или индивидуально-психологических потребностей, а также выявлены различия между данными группами.
- 3 Выделили шесть социально-психологических типов исполнительской деятельности: творческий, сверхнормативный, нормативный, зависимый, мотивированный, перфекционистский.
- 4 Изучили взаимосвязь между шкалами авторской методики «Мотивация исполнения» и такими характеристиками, как тип направленности личности, мотивация достижения успеха и мотивация избегания неудачи, лидерские способности, и шкалами «потребность в самосовершенствовании», «потребность в структурировании», «потребность в разнообразии и переменах», «потребность в креативности» трудовой мотивации.

Литература

- Гительмахер Р. Б.* Восприятие руководителя подчиненными. Иваново: Изд-во Ивановск. ун-та, 1994. С. 23–58.
- Журавлев А. Л.* Типы исполнения указаний руководителя и культура управленческого труда // Культура труда как резерв повышения эффективности производства. Уфа, 1982. С. 108–110.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
- Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000.
- Каверин С. Б.* Мотивация труда. М., 1998.
- Московичев С. Г.* Мотивация, деятельность, управление. Киев-Сан-Франциско, 2003.

- Ричи Ш. Управление мотивацией. М.: ЮНИТИ, 2009.
- Свенцицкий А. Л. Психология управления организациями. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т. 1.
- Ядов В. А. Социально-психологический портрет инженера. М.: Мысль, 1977.

РОЛЬ КОМАНДЫ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

И. М. Пелевина (Тверь)

Современная социально-экономическая ситуация требует повышения творческого потенциала личности, благодаря которому сотрудник организации может гибко приспосабливаться к изменяющимся условиям среды. В то же время творческий потенциал персонала является средством достижения стратегических целей организации, одним из важнейших ресурсов ее успешного функционирования и развития, фактором повышения ее эффективности. Особую актуальность в связи с этим приобретает рассмотрение проблемы творческого потенциала сотрудника организации через призму выявления условий, необходимых для его активизации и развития.

Рассматривая творческий потенциал как относительно устойчивую систему, как качество человека, которое характеризует его устремленность (Байгильдина, 2008), мы заключаем, что развитие его возможно в условиях деятельности, так как «деятельность – это не внешнее делание, а позиция – по отношению к людям, к обществу, которую человек всем своим существом, в деятельности проявляющимся и формирующимся, утверждает» (Рубинштейн, 2002, с. 437). Согласно деятельностному подходу, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них создается и определяется (Рубинштейн, 1973).

Следовательно, развитие творческого потенциала персонала возможно посредством организации их деятельности, задачи которой направлены на достижение организационных и личных целей.

Одним из существенных психологических условий развития творческого потенциала является соблюдение принципов гуманистической психологии: безоценочность, принятие других, безопасность, поддержка. В ситуации перехода организаций к новому уровню своего функционирования, основанному на принципах гуманизма, синергии, наиболее адекватной формой организации совместной деятельности сотрудников организации, способствующей реализации их творческого потенциала, является команда. Команда в областях

социальной психологии, организационной психологии и менеджменте расценивается как новообразование малой группы, отвечающее современным потребностям общества, как гибкая структура, обладающая синергетическим эффектом (Т. Ю. Базаров, Е. Ю. Безрукова, Е. М. Дубовская, Ю. М. Жуков, В. В. Исаев, Р. Л. Кричевский, В. Б. Рябов, Ю. В. Синягин и др.).

Команда играет значимую роль в развитии творческого потенциала ее членов благодаря существованию характеристик, отличающих команду от других образований малых групп.

В качестве основных черт, характеризующих команду, выделяют общее видение, способы позиционирования команды, ее способность быстро реагировать на изменения, овладение отработанными процедурами взаимодействия, связанность или командность, а также способность мотивировать членов команды (Belbin, 1993; Parker, 1990; Tannenbaum, 1992, и др.).

В связи с этим команда выступает в качестве особой формы организации людей, основанной на продуманном позиционировании участников, имеющих общее видение ситуации и стратегических целей и владеющих отработанными процедурами взаимодействия (Безрукова, 1998, с. 8).

За счет развития указанных выше характеристик команда создает пространство безопасности, поддержки, безоценочности, где главным инструментом развития является конструктивная обратная связь, предполагающая заинтересованность каждого члена команды в развитии друг друга. На наш взгляд, создание и поддержание командного взаимодействия в организации позволяет активизировать мотивацию сотрудников; отработать на поведенческом уровне определенные навыки и умения, необходимые в командной работе; максимально эффективно и с пользой реализовывать и развивать имеющийся творческий потенциал.

Литература

- Байгильдина З. Ф.* Творческий потенциал личности // Вестник Башкирского ун-та. 2008. Т. 13. № 3. С. 693–696.
- Безрукова Е. Ю.* Информационно-методическое обеспечение процесса командообразования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Belbin M.* Team Roles at Work. Butterworth-Heinemann, 1993.
- Parker G. M.* Team Players and Teamwork. San-Francisco: Jossey-Bass, 1990.
- Tannenbaum S., Yukl G.* Training and Development in Work Organizations // Annual Review of Psychology. 1992. Vol. 43. P. 399–441.

ДЕЛОВОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В. П. Позняков, Т. С. Вавакина (Москва)

Важной составляющей деловой активности, во многом обуславливающей успешность экономической деятельности предпринимателя, является деловое партнерство. Теоретический анализ исследований делового взаимодействия показал, что деловое партнерство понимается многими авторами исключительно как деловое сотрудничество, т. е. с точки зрения интеграции сторон, конкуренция же – как дифференциация или даже дезинтеграция участников. Однако результаты проведенного нами исследования показали, что деловое партнерство неправомерно рассматривать исключительно как сотрудничество, так как оно вполне допускает конкуренцию партнеров.

За последние два десятилетия произошли радикальные социально-экономические изменения в стране. На смену плановому социалистическому хозяйствованию пришли рыночные отношения, характеризующиеся довольно жесткой конкуренцией во всех сферах экономической жизни. Несмотря на это в настоящий момент в сфере бизнеса уже сформировался принцип взаимной выгоды и сотрудничества, реализующийся в особом типе взаимодействия – деловом партнерстве. Деловое партнерство позволяет внести элементы интеграции во взаимодействие независимых, самостоятельных экономических субъектов, зачастую конкурирующих между собой.

Деловое партнерство весьма разнообразно и многогранно. Тем не менее, можно предложить некоторую его классификацию:

Вынужденное/инициативное. Вынужденное деловое партнерство обусловлено внешними обстоятельствами, возможно, даже вопреки желанию участников. Инициативное деловое партнерство формируется в результате желания участников объединить усилия сторон.

Конкурентное партнерство/сотрудничество (неконкурентное партнерство). Конкурентное партнерство – это кооперация конкурирующих между собой субъектов экономической деятельности. Такое взаимодействие сочетает в себе как конкуренцию, так и элементы кооперативной деятельности: сотрудничество, взаимопомощь, взаимосодействие. Сотрудничество – это кооперация субъектов экономической деятельности, не являющихся конкурентами. Такое взаимодействие основывается на совместной экономической деятельности, а также взаимопомощи и взаимосодействии, может включать элементы соревнования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 08-06-000198а «Социально-психологические и личностные детерминанты деловой активности предпринимателей в разных сферах бизнеса».

Тактическое/стратегическое. Тактическое партнерство – это непродолжительное деловое партнерство для достижения вполне определенных близких целей, решения конкретных задач. Стратегическое партнерство – долговременное, стабильное партнерство. В таком партнерстве стратегические цели (перспективы) имеют преимущество перед сиюминутными выгодами.

Деловое/лично-деловое. Деловое партнерство обусловлено требованиями экономической деятельности, проявляется в решении ряда существующих реально деловых проблем и задач. При этом акцент делается не на личности партнера, а на оценке его возможностей, исходя из соображений экономической целесообразности. Личность партнера в таком виде партнерства далеко не главное, главное – результат взаимодействия. Личностно-деловое партнерство во многом определяется личностными качествами партнера, его особенностями, психологическим комфортом данного взаимодействия для его участников. В этом случае личность партнера играет весьма существенную роль наряду с требованиями экономической деятельности. В отдельных случаях личность партнера может иметь даже более важное значение, нежели возможные деловые показатели.

Можно выделить три стадии делового партнерства: потенциальная, латентная и актуальная. Потенциальная стадия характеризуется интенцией, стремлением к деловому партнерству, намерением сотрудничать, предварительным оцениванием друг друга, взаимных перспектив и возможностей. На латентной стадии, как правило, уже достигнуты определенные договоренности между сторонами и существует принципиальная возможность их сотрудничества. И наконец, на актуальной стадии делового партнерства происходит реальное сотрудничество субъектов, собственно процесс делового взаимодействия, направленный на решение задач экономической деятельности.

Если рассматривать сам процесс взаимодействия в деловой сфере, то можно выделить такие компоненты, как прагматичность и духовность. В деловом партнерстве прагматичность может пониматься как реалистичность оценки возможных последствий данного взаимодействия, нацеленность на конкретный результат. Духовность, в свою очередь, – как некая идеалистичность, гибкость в достижении собственных целей, предполагающая особое внимание к нравственной стороне взаимодействия. В бизнесе с большей силой, чем в других сферах жизнедеятельности, проявляются прагматичность, эгоистически-стратегические тенденции, которые, в свою очередь, для сохранения баланса в отношениях между людьми, для эффективности делового партнерства неизбежно требуют опосредования этическими принципами, внимания к нравственной стороне взаимодействия.

С точки зрения делового партнерства, особое значение приобретает взаимность, соответствие ориентиров партнеров по этим критериям. Можно предположить, что более устойчивым и эффективным будет такое деловое партнерство, когда отношения по этим позициям будут не слишком сильно отличаться. Вряд ли возможно достаточно полное взаимопонимание партнера, который ориентируется на деловые показатели и исключительную прагматичность, полностью отвергая нравственную сторону взаимодействия, и партнера, ориентирующегося во взаимодействии на нравственность, психологический комфорт и придающего особое внимание личностным качествам своего коллеги.

По нашему мнению, деловое партнерство правомерно рассматривать как особую форму деловой активности, направленной на взаимодействие с другими субъектами экономической деятельности. Актуальной научной проблемой является исследование психологических факторов, определяющих отношение к деловому партнерству, выбор и предпочтение тех или иных стратегий поведения во взаимодействии с партнерами.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В. П. Светлакова (Омск)

Американский психолог Дж. Макклелланд, автор книги «Общество достижений» (1961) установил наличие связей между потребностями в успехе и экономическим ростом общества. Эта потребность побуждает человека искать новые способы приложения своей энергии, способностей и сил, если окружение поощряет успешность такого поиска. Дж. Макклелланд выдвинул гипотезу о том, что по росту потребности в успехе в обществе (это отражается в газетных, научных публикациях, художественной литературе) можно предсказать тенденцию экономического взлета. Исходя из этого предположения, успех отдельного человека не безразличен к уровню успешности самого общества. Успешность является одним из наиболее трудных понятий для определения, поскольку у разных людей оно вызывает различные ассоциации и к тому же связано с индивидуальной системой оценок и ценностей. В психологии данная проблематика в большей степени разрабатывалась зарубежными учеными, которые связывали ее с мотивацией достижений (Дж. Макклелланд, Е. А. Серебрякова), с уровнем притязаний и самооффективностью (К. Левин, Ф. Хоппе, М. Юкнат), с личностными детерминантами (самооценка,

локус контроля). В акмеологическом подходе жизненная успешность определяется с точки зрения достижения общественной значимости. В школе К. Левина проблема успеха изучалась в контексте проблемы целеполагания личности. Успешность большинством исследователей определяется как личностно-значимые достижения и как социально оцениваемые достижения. П. Чисхольм считает, что уверенность в своих силах – главное психологическое условие успешной деятельности в любой области, ее «формула»: «уверенность – залог успеха» (Чисхольм, 1994, с. 38). Уверенный в себе человек, исполненный спокойного сознания своей силы, своих возможностей, способный к решительным действиям, внушает доверие и располагает к себе окружающих, а уверенность в себе складывается из адекватной самооценки. Самооценка связана с одной из центральных потребностей человека – потребностью в самоутверждении, со стремлением человека найти свое место в жизни, утвердить себя как члена общества в глазах окружающих и в своем собственном мнении.

Дж. Макклелланд, исследовав «жажду успеха» как психологическую черту, вывел, что она складывается из следующих компонентов: готовности нести ответственность за свои решения; умения поставить цель и достичь ее собственными силами; склонности к умеренному риску, ставки на собственные знания и умения, а не на случай; умения за каждым решением видеть конкретный результат. Р.Г. Тернер пришел к выводу, что в США факторами, определяющими профессиональный успех, является последовательность «усилие – результат» и личная вовлеченность в приобретение новых умений и навыков – это та база, которая обеспечивает человеку желаемое продвижение. Дж. Гринхаус выделяет семь групп характеристик, которые тем или иным образом связаны с профессиональным успехом: стратегии карьеры, межличностные отношения, семейные отношения, инвестиции в человеческий капитал, мотивационные факторы, организационные характеристики и характеристики личности (Хаммер, 2008, с. 148–149).

В условиях рыночной экономики успех все отчетливее превращается в важный показатель жизнеспособности, как отдельного человека, так и общества в целом. Это не только количество заработанных денег, но и профессиональный успех, т. е. успех в своей профессии, в создании успешного предприятия и т. п. Успешность личности в сфере бизнеса во многом зависит от силы ее мотивации, от настойчивости и от силы желания достичь успеха.

В последнее время растет число предприятий, возглавляемых женщинами, поэтому возникла необходимость переосмыслить место и роль женщин-предпринимателей в формировании новых рыночных структур. Особое место в исследовании этих процессов должно при-

надлежать изучению индивидуально-психологических особенностей, а также факторов, способствующих успешности их деятельности. Многочисленные исследования показали тесную связь между уровнем мотивации достижений и успехом в жизнедеятельности. Успешность женщины в сфере бизнеса во многом зависит от силы ее мотивации, от настойчивости и силы желания достичь успеха. С мотивационной сферой личности неразрывно связаны и такие ее компоненты, как самооценка, уровень притязаний, способность принимать решения и идти на риск. Одним из главных условий успешной деятельности современной женщины-предпринимателя является также уверенность в себе, которая складывается из адекватной самооценки.

В проведенном нами исследовании приняли участие 30 женщин-предпринимателей в возрасте от 40–56 лет, которые занимаются предпринимательской деятельностью более 10 лет, поскольку для успешной деятельности важной составляющей является наличие профессионального опыта (профессиональный стаж), а также 30 женщин, никогда не занимавшихся предпринимательством.

На первом этапе исследования респондентам была предложена анкета для выявления их социально-психологических характеристик. Анализ полученных данных позволил выявить, что около 70% опрошенных обучались предпринимательству, 60% из них имеют высшее образование. Как отмечает Дж. Г. Гринхаус, любые инвестиции человека в свое образование, формирование новых умений и навыков являются его капиталом, ведут к профессиональному успеху. Психологические особенности предпринимателя определяются, прежде всего, содержанием его мотивационной сферы, которое также связано с профессиональным успехом. Ведущими мотивами деятельности женщин-предпринимателей являются: самостоятельность в работе (20% опрошенных); интересная работа (13%), обеспечение семьи (13%), профессиональный рост (13%), материальный интерес (13%), т. е. большее значение для них имеют внутренние, а не внешние мотивы, преобладает эмоциональная оценка деятельности, а не ее материальный или социальный компонент (престиж, статус, авторитет). Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности, основу жизненной концепции. Анализ структуры ценностных ориентаций женщин-предпринимателей выявил их основные жизненные приоритеты. Ведущими ценностями для них являются: уверенность в себе (20%), самоконтроль (20%), эффективность в делах (20%); счастье семьи (13%), здоровье (13%); интересная работа и материальный интерес (6%).

Анализ данных по выявлению уровня субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями выявил, что более половины (60%) женщин-предпринимателей являются интерналами, а 40% – экстерналами. Опрошенные имеют высокие показатели по шкале общей интернальности (73%), что соответствует высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, которыми они могут управлять и чувствуют свою ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. У них также высокие показатели по шкале интернальности в области достижений (66%); по шкале интернальности в области производственных отношений (66%), по шкале интернальности в области межличностных отношений (60%). Интернальность личности положительно коррелирует с социальной ответственностью и осознанием смысла и целей жизни.

Многочисленные исследования показали тесную связь между уровнем мотивации достижений и успехом в жизнедеятельности. Для выявления уровня мотивации достижений респондентам была предложена «Шкала оценки мотивации достижений» Дж. Аткинсона. У женщин-предпринимателей выявлен высокий уровень мотивации достижений (60% опрошенных), у 40% – средний уровень мотивации достижений. Для выявления способности к переобучению и освоению новых видов деятельности была использована методика «Интеллектуальная лабильность». 53% женщин-предпринимателей имеют высокую степень интеллектуальной лабильности; 46% – среднюю степень. Это говорит о том, что женщины-предприниматели обладают хорошей способностью к обучению и переобучению другому виду деятельности.

С помощью опросника «16PF» были изучены личностные характеристики женщин-предпринимателей. Установлено, что они имеют высокий показатель по фактору «замкнутость–общительность» (73%), что свидетельствует об общительности, открытости, естественности и непринужденности в поведении, внимательности, мягкосердечности в отношениях. Женщины-предприниматели охотно работают с людьми, активны в устранении конфликтов, не боятся критики, испытывают яркие эмоции. Также они имеют завышенную самооценку. Высокий показатель по фактору «робость–смелость» (66%) указывает на то, что им свойственна социальная смелость, активность, готовность иметь дело с незнакомыми обстоятельствами и людьми. Они склонны к риску. Высокий показатель по фактору «консерватизм–радикализм» (66%) свидетельствует, что они критично настроены, обладают аналитичностью мышления, стремятся к хорошей информированности. Высокие показатели по фактору «конформизм–нонконформизм» (66%) говорит о том, что испытуемые предпочитают собственные решения, независимы, следуют по выбранному

ими самими пути, но не всегда доминантны, т. е., имея собственное мнение, не стремятся навязать его окружающим. Высокий показатель по фактору «интеллект» (60%) подтверждает наличие у них абстрактного мышления, сообразительности, способности к быстрому переобучению. Высокий показатель по фактору «подчиненность–доминантность» (60%) характеризует их как властных, независимых, самоуверенных. Высокий показатель по фактору «прямолинейность–дипломатичность» (60%) у женщин-предпринимателей говорит о том, что они расчетливы, проницательны, разумны; высокий показатель по фактору «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль» (60%) – о том, что им присущ развитый самоконтроль, точность выполнения социальных требований. Они следуют своему представлению о себе, хорошо контролируют свои эмоции и поведение, доводят всякое дело до конца. Им свойственна целенаправленность и интегрированность личности. Низкий показатель по фактору «уверенность в себе» (20%) свидетельствует о безмятежности, хладнокровии, уверенности в себе. Низкий показатель по фактору «доверчивость–подозрительность» (40%) у женщин-предпринимателей говорит о том, что они откровенны, благожелательны по отношению к другим людям, свободны от зависти, легко ладят с людьми и хорошо работают в коллективе.

Выявлена взаимосвязь (с помощью коэффициента корреляции Пирсона) между индивидуально-психологическими особенностями (локусом контроля, уровнем мотивации достижений, интеллектуальной лабильностью) и доминирующими чертами личности женщин-предпринимателей. Значения по шкале «общительность» отрицательно коррелируют с локусом контроля ($r = -0,41$), мотивацией достижений ($r = -0,34$) и интеллектуальной лабильностью ($r = -0,45$). Значения по шкале «нормативность поведения» и «смелость» взаимосвязаны с локусом контроля ($r = -0,41$), значения по шкале «экспрессивность» – с уровнем мотивации достижений ($r = 0,37$), значения по шкале «высокий самоконтроль» – с уровнем мотивации достижений и интеллектуальной лабильностью ($r = 0,48$).

Для выявления различий между индивидуально-психологическими особенностями опрошенных двух выборок (женщины-предприниматели и женщины не предприниматели) был использован *t*-критерий Стьюдента. Значимые различия обнаружены по факторам: доминантность, смелость, нонконформизм, радикализм, высокий самоконтроль. На основании представленных данных можно сформулировать следующие выводы.

На успешную предпринимательскую деятельность женщин-предпринимателей, проработавших в данной сфере деятельности более десяти лет, влияют такие факторы, как:

- уровень образования, навыки и умения, приобретенные в процессе предпринимательской деятельности (профессиональный опыт); способность к обучению и переобучению другому виду деятельности;
- высокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, которыми они могут управлять, высокие показатели по шкале интернальности в области достижений; умение доводить всякое дело до конца;
- высокий уровень мотивации достижений; важность деятельности, которой они занимаются, в их жизни. В структуре мотивов большее значение для женщин-предпринимателей имеют внутренние, а не внешние мотивы, более преобладает эмоциональная оценка деятельности, а не ее материальный или социальный компонент;
- умение выстраивать межличностные отношения; женщины-предприниматели общительны, внимательны в отношениях, легко ладят с людьми и умеют улаживать конфликты, хорошо контролируют свои эмоции и поведение;
- уверенность в себе, адекватная самооценка; женщин-предпринимателей можно охарактеризовать как властных, независимых, самоуверенных личностей;
- высокий самоконтроль, точность выполнения социальных требований.

Литература

- Хаммер Я. С. Профессиональный успех и его детерминанты // Вопросы психологии. 2008. №4. С. 147–152.
- Чисхольм П. Уверенность в себе: путь к деловому успеху // Пер. с англ. М.: Изд-во ЮНИТИ, Культура и спорт, 1994.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ К СВОЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. И. Титова (Красноярск)

Развитие сферы малого и среднего бизнеса в России имеет региональную специфику, обусловленную социально-экономической ситуацией и укладом жизни населения, проживающего в Москве

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант №08-06-00198а «Социально-психологические и личностные детерминанты деловой активности предпринимателей в разных сферах бизнеса».

и городах Центральной России. По своей структуре предпринимательство достаточно разнообразно, что определяется многими факторами: конкретной сферой предпринимательской деятельности, степенью развитости бизнеса, а также индивидуально-психологическими особенностями предпринимателей.

Проблемы становления российского предпринимательства обусловили возникновение и интенсивное развитие в экономической психологии исследований, ориентированных на научный анализ значения этого феномена в экономике нашего общества.

Выделяют различные подходы, в которых предпринимательство рассматривается как: экономическая, деловая активность (Карлофф, 1993); экономическая деятельность (Позняков, 2001; Становление нового российского..., 1993; Шумпетер, 1982); состояние, возникающее в рамках экономических отношений (Хайек, 1989). Социальная ситуация развития российского предпринимательства изучалась посредством выявления отношений к нему представителей различных социальных групп (Журавлев, 2002; Позняков, 1999; Позняков, Титова, 2005; Шихирев, Нестик, 1999; Титова, 2007). Самостоятельным направлением в этой области стали исследования деятельности женщин, достигших успеха в ведении бизнеса (Чирикова, Кричевская, 1996; Турецкая, Хащенко, 1997), а также личностных особенностей субъектов предпринимательской деятельности (Марченко, 1993; Филинкова, 2007, и др.).

С целью изучения региональных особенностей психологических отношений предпринимателей в 2007 было проведено сравнительное исследование, в котором приняли участие 217 предпринимателей, занятых в сфере малого и среднего бизнеса Москвы (75 чел.) и регионов Центральной России (142 чел.). Из них: 139 мужчин и 78 женщин. Сферы деятельности участвующих в исследовании предпринимателей были представлены производством, обслуживанием, оптовой и розничной торговлей.

Предположили, что существовавшие в 2001 г. различия между психологическими отношениями предпринимателей из Москвы и регионов в 2007 г. будут менее выраженными. Такая же тенденция характеризовала различия у мужчин и женщин.

Анализ «региональной» динамики успешности в предпринимательской деятельности, а также факторов, влияющих на развитие бизнеса, опирался на оценки респондентами: успешности в своей экономической деятельности; влияния на развитие бизнеса экономической политики государства, местных органов власти; отношения населения к предпринимателям; взаимоотношений с деловыми партнерами, собственных усилий предпринимателей.

Было выявлено, что в 2007 г. более трети всех респондентов оценивали успешность своего бизнеса достаточно высоко (таблица 1). Причем в Москве их доля составляла 37,3%, а в регионах – 33,1%.

При сопоставлении данных двух срезов (2007 и 2001 гг.) можно увидеть, что доля предпринимателей, оценивающих успешность своей экономической деятельности высоко, увеличилась в 2 раза. При этом существенных различий между представителями московской и региональной выборки по этому параметру не было выявлено. Такая же тенденция выявлена и в отношении тех предпринимателей, которые оценивают успешность своей экономической деятельности как низкую. Их процентное соотношение не изменилось. Динамика же проявилась в снижении доли данной категории респондентов в регионах. В 2001 г. их было 26,6%, а в 2007 г. – всего лишь 7%.

Таблица 1

Оценки успешности предпринимательской деятельности

	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Высокие оценки успешности (6–7)	16,8	14,4	37,3	33,1
Низкие оценки успешности (1–3)	20,0	26,6	17,3	7,0
Средний балл	4,42	4,31	4,82	5,0

Таким образом, изучаемая динамика характеризуется: во-первых, общим ростом в Москве и регионах доли предпринимателей, оценивающих свою деятельность как высокоуспешную; во-вторых, уменьшением в регионах числа предпринимателей, оценивающих свою деятельность как низкоуспешную; в-третьих, отсутствием существенных региональных различий по этому показателю в 2001 и 2007 гг.

По-разному в Москве и регионах оценивается предпринимателями роль в развитии бизнеса экономической политики государства. Так, по данным 2007 г., 40% региональных предпринимателей оценивали государственную политику как способствующую развитию бизнеса, в то время как более половины московских предпринимателей оценивали ее влияние на сферу малого и среднего бизнеса как препятствующую развитию их деятельности (40,7% и 53,3% соответственно) (см. таблицу 2).

Сопоставляя полученные результаты с данными 2001 г., можно увидеть, что произошли следующие изменения. В регионах за прошедший период улучшилось мнение предпринимателей о роли экономической политики в развитии бизнеса – почти в 2 раза чаще респонденты стали оценивать ее как способствующую развитию, в Москве же частота такого отношения осталась практически на прежнем уровне. Соответственно, среди региональных предпринимателей уменьши-

лась доля оценивающих политику как препятствующую развитию малого и среднего бизнеса, их стало менее половины (42,8%).

Таблица 2

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
НА РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА

	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Способствует развитию бизнеса	25,2	21,4	29,3	40,7
Препятствует развитию бизнеса	59,3	59,6	53,3	42,8
Средний балл	3,16	3,29	3,4	3,68

Региональные различия проявляются в оценках роли местных органов власти в развитии бизнеса. Так, среди московских представителей бизнеса почти 60% оценивают эту роль как препятствующую развитию. Подобной точки зрения придерживается чуть менее половины региональных предпринимателей (48%) (см. таблицу 3). В то же время для региональных предпринимателей чаще характерна позитивная оценка роли местных органов власти. Например, 30,2% предпринимателей из регионов и 14,6% из Москвы оценивают деятельность местных органов власти как способствующую развитию бизнеса.

Таблица 3

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА

Оцениваемая характеристика	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Способствует развитию	24,4	15,5	14,6	30,2
Препятствует развитию	52,8	55,7	61,3	48,2
Средний балл	3,38	3,23	2,9	3,53

Таким образом, региональная динамика характеризуется улучшением ситуации в регионах, что выражается в более позитивном отношении региональных предпринимателей к деятельности государственных органов разного уровня, в оценке этой деятельности как способствующей развитию сферы малого и среднего бизнеса. Менее благополучная тенденция наблюдается в Москве, что выражается в еще большем (по сравнению с 2001 г.) ослаблении позитивного влияния деятельности государственной власти на развитие сферы бизнеса, что в целом указывает на региональные различия по этому показателю.

Аналогичная ситуация складывается и при сравнении отношений предпринимателей с населением в Москве и в регионах, которые рассматриваются как фактор развития экономической деятельности

предпринимателей. Так, 42,5% региональных предпринимателей характеризуют роль населения как способствующую развитию бизнеса, среди москвичей доля тех, кто придерживается такой точки зрения, составляет чуть более четверти (26,7%).

Характеризуя тенденции изменений оценок предпринимателями своих отношений с населением, отметим их стабильность в группе московских респондентов: за период с 2001–2007 гг. распределения оценок почти не изменились. В то время как в группе региональных предпринимателей изменения в подобных оценках свидетельствуют о том, что ситуация становится более благоприятной. На это указывает снижение доли оценивающих роль населения как препятствующую развитию бизнеса и увеличение доли предпринимателей, оценивающих ее как способствующую развитию сферы малого и среднего бизнеса.

Характеризуя роль взаимоотношений с партнерами как фактор развития бизнеса, московские и сибирские предприниматели в большинстве своем дают позитивные оценки (почти по 90% в каждой группе).

По сравнению с 2001 г., текущий срез 2007 г. показал, что распределение оценок влияния отношений с партнерами на развитие бизнеса осталось аналогичным как в Москве, так и в регионах. Подобные результаты были получены и относительно оценок своих собственных усилий в развитии бизнеса. Так, по 96% респондентов обоих регионов характеризуют вклад своих усилий в развитие бизнеса позитивно, оценивают их как способствующие развитию бизнеса (таблица 4).

Таблица 4

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ СОБСТВЕННЫХ УСИЛИЙ НА РАЗВИТИЕ БИЗНЕСА

	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Способствует развитию	100	92,1	96,0	96,5
Препятствует развитию	0	0	4,0	1,4
Средний балл	6,43	6,01	6,4	6,29

Удовлетворенность экономическими результатами своей деятельности у респондентов Москвы и регионов в целом имеет положительную направленность. Однако среди респондентов из регионов чаще встречается более высокий уровень удовлетворенности экономическими показателями (59,8%), а москвичи чаще (32%) оценивают удовлетворенность на среднем уровне. Низкий уровень удовлетворенности экономической эффективностью своего бизнеса наблюдается примерно у равного числа респондентов московских и региональных (см. таблицу 5).

Таблица 5

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ СВОЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Высокий уровень удовлетворенности	40,8	36,6	49,3	59,8
Низкий уровень удовлетворенности	28,0	32,2	18,6	16,9
Средний балл	4,17	4,08	4,6	4,64

Сравнивая данные 2007 г. с оценками 2001 г., можно увидеть следующие изменения, происшедшие в экономическом сознании групп предпринимателей. Так, среди региональных предпринимателей увеличилась доля респондентов, которые высоко оценивают удовлетворенность экономическими результатами своей деятельности – в 2001 г. их число едва превышало треть, а в 2007 г. составило более половины. Среди московских предпринимателей также стало больше тех, кто высоко оценивает свою удовлетворенность экономическими результатами, но их число изменилось незначительно. Также не очень интенсивные изменения наблюдаются в регионах и в плане уменьшения количества низкоудовлетворенных результатами своей экономической деятельности. Если в Москве их доля уменьшилась примерно на 10%, то в регионах – на 15%.

Таким образом, в качестве особенностей региональной динамики следует отметить в регионах более интенсивный рост доли предпринимателей, высокоудовлетворенных экономическими результатами своей деятельности, который сблизил средний уровень удовлетворенности экономической эффективностью бизнеса в Москве и в регионах (4,6 балла и 4,64 балла соответственно).

Что же касается удовлетворенности содержанием своей деятельности, то ситуация несколько иная. Анализируя этот аспект удовлетворенности предпринимателей, мы видим, что региональные респонденты в сравнении с московскими оценивают ее более высоко (77,7% и 64%) (таблица 6).

Оценивая происшедшие за период с 2001–2007 гг. изменения, отметим их скачкообразный характер, связанный с резким ростом доли предпринимателей, высоко оценивающих свою удовлетворенность содержанием работы. Данная динамика указывает на то, что респонденты получили большие возможности строить свой бизнес согласно собственным предпочтениям того, чем заниматься и в какой сфере себя реализовать. Особенно значимые изменения наблюдаются в оценках региональных предпринимателей.

Таблица 6

ОЦЕНКА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РАБОТОЙ В ЦЕЛОМ

Оцениваемая характеристика	2001		2007	
	Москва	Регионы	Москва	Регионы
Высокий уровень удовлетворенности	48,8	46,7	64,0	77,7
Низкий уровень удовлетворенности	22,4	19,9	16,0	4,9
Средний балл	4,42	4,42	4,88	5,34

Подтверждение вышеуказанным тенденциям к изменениям находим и в результатах анализа оценок предпринимателями степени своей реализованности в бизнесе. Полученные в ходе исследования данные показывают, что московские и региональные предприниматели демонстрируют схожие оценки. Так, в 2007 г. 76% респондентов, как в Москве, так и в регионах, считали, что их бизнес предоставляет достаточно большие возможности для самореализации в системе хозяйственных отношений общества.

Характеризуя изменения в оценках респондентов из Москвы и регионов, происшедшие по сравнению с 2001 г., отметим, что за эти годы существенно увеличилась доля предпринимателей, которые считают, что могут реализовать в бизнесе свои способности, знания и умения. Их доля увеличилась и в Москве, и в регионах примерно на 20%.

Подводя итоги исследования социально-психологических отношений, выступающих факторами деловой активности предпринимателей, в качестве наиболее проявившихся региональных аспектов обозначим следующие:

Имеются региональные различия в оценках влияния на развитие бизнеса таких факторов, как: экономическая политика государства (москвичи оценивают ее как препятствующую развитию бизнеса, а регионалы – как способствующую); деятельность местных органов власти (регионалы оценивают их деятельность как способствующую, а москвичи в большинстве своем – как препятствующую); отношения с населением (в регионах они оцениваются как способствующие развитию бизнеса).

Схожие оценки обнаружены у предпринимателей Москвы и Сибири по уровню своей удовлетворенности реализацией предпринимательской деятельности, возможностями задействовать в ней свои знания и способности. Экономические условия для бизнеса оцениваются респондентами из регионов в сравнении с москвичами как более благоприятные.

Литература

- Журавлев А. Л., Позняков В. П. Программа социально-психологического исследования российских предпринимателей // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 5 / Программы и методики психологического исследования личности и группы: Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 90–110.
- Карлофф Б. Деловая стратегия: Концепция, содержание, символы. М., 1993.
- Марченко В. В. Социально-психологический портрет предпринимателей и руководителей коммерческих предприятий: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Позняков В. П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во ИП РАН, 2001.
- Позняков В. П. Региональные особенности психологических отношений предпринимателей к своей деятельности // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во ИП РАН, 1999. С. 68–88.
- Позняков В. П., Титова О. И. Конкурентные и партнерские отношения российских предпринимателей: региональные и гендерные особенности // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 181–204.
- Психология предпринимательской деятельности (Развитие российского предпринимательства в начале 1990-х г.) / Под общ. ред. В. А. Бодрова. М.: Изд-во ИП РАН, 1995.
- Становление нового российского предпринимательства / Отв. ред. В. В. Радаев. М., 1993.
- Титова О. И. Гендерные различия отношений российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
- Турецкая Г. В., Хащенко В. А. Социально-психологическая характеристика женщин-предпринимателей // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. С. 35–45.
- Филинкова Е. Б. Психология российского предпринимательства // Учеб. пособие. М.: Ректор, 2007.
- Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
- Чирикова А. Е., Кричевская О. Н. Социально-психологические проблемы становления женского предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.

- Шихирев П. Н., Нестик Т.А.* Социально-психологические аспекты межгруппового конфликта предпринимателей и чиновников // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во ИП РАН, 1999. С. 127–145.
- Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Е. Б. Филинкова (Москва)

В рамках программы изучения психологии исполнительской деятельности, реализуемой в Московском государственном областном университете, в декабре 2008 г. был проведен первый этап исследования, посвященный изучению социально-психологических особенностей личности субъектов исполнительской деятельности. На этом этапе в исследовании приняли участие 170 чел., работающих в различных организациях Москвы. Все респонденты – офисные работники, две трети из них работают менеджерами различного профиля (по продажам, закупкам, персоналу, проектам, офис-менеджеры), остальные занимают должности курьеров, секретарей, специалистов. В данной работе все участники исследования рассматриваются как низовое звено организационной структуры.

Основным методом исследования выступило структурированное интервью, разработанное специально для данной работы. Программа интервью, содержащего 30 закрытых вопросов, была нацелена на изучение семи социально-психологических особенностей личности исполнителя: мотивации и направленности интересов в деятельности, самостоятельности, организованности, компетентности, креативности, ответственности. Пять последних переменных были аналогичны тем, которые изучались А. Л. Журавлевым (2007). В данной статье будет представлен анализ результатов по шести социально-психологическим параметрам (за исключением мотивации деятельности).

В основу исследования была положена гипотеза, что современные исполнители отличаются низким уровнем самостоятельности и креативности и направлены в деятельности на реализацию собственных интересов.

Результаты показали, что общий **уровень самостоятельности** субъектов исполнительской деятельности достаточно высокий. Большинство из них оценивают свою самостоятельность в поиске работы,

в решении проблемных ситуаций на производстве и в выполнении своей повседневной работы выше среднего уровня. Ниже среднего уровня исполнители оценили свою самостоятельность в принятии решений, связанных с формированием позитивных внутригрупповых отношений и не связанных с производственной деятельностью.

Организованность характеризовалась нами через подготовку к рабочему дню, ритмичность работы в течение месяца, частоту выполнения работы в срок, планирование своей повседневной деятельности, организованность в решении двух задач одновременно. Большинство опрошенных высоко оценили свою организованность в распределении рабочего времени (работают ритмично, без авралов), указав, что чаще всего они выполняют свою работу в срок. Однако организованность, оцененная по трем другим переменным, оказалась не такой высокой. Менее половины опрошенных чаще всего планируют выполнение работы, и чуть более половины оценили выше среднего уровня свою организованность в подготовке к работе и выполнении двух производственных заданий одновременно. Таким образом, общий уровень организованности можно оценить как незначительно превышающий средний.

Самооценка исполнителями своей компетентности проводилась прямым и косвенным путем. В первом случае **компетентность** оценивалась через частоту встреч с производственными задачами, которые исполнитель не может решить. Вторая, т. е. косвенная оценка компетентности, осуществлялась посредством выявления предпочтений в уровне сложности производственных задач, оценивания качества выполнения работы в условиях дефицита времени, наличия знаний и опыта, для того чтобы стать наставником для молодежи, и оценивания психологического комфорта на новой, малознакомой работе. Прямая самооценка компетентности оказалась очень высокой. Так, 25% участников исследования не встречались вовсе и еще 40% редко встречались производственные задачи, которые они не могут решить. Переменные, относящиеся к косвенной оценке компетентности, единых результатов не продемонстрировали. Самую высокую оценку исполнители дали своим способностям качественно выполнять задание в условиях дефицита времени, весьма высоко оценили свои возможности обучить работе молодых специалистов и адаптироваться к новой деятельности. Однако большинство исполнителей предпочитают задачи среднего уровня сложности, что ставит под сомнение их высокую оценку своей компетентности.

Наиболее низкий уровень среди шести изучаемых социально-психологических переменных исполнители показали по параметру «**креативность**», которая оценивалась, во-первых, через предпочтения

новизны и разнообразия в работе, и, во-вторых, через оценки инициативности (две оценки собственной инициативности и отношение к людям, постоянно выдвигающим какие-либо идеи). Ответы участников опроса в определенной степени противоречивы. С одной стороны, самая большая группа исполнителей (40%) ориентируется на выполнение задачи так, как запланировано руководством, и еще треть заявили, что время от времени выполняет работу по-своему, позволяя себе отступать от плана начальства. С другой стороны, более половины участников отметили, что стараются работать, привнося в свою деятельность новизну и разнообразие, избегая типичности. Оценки инициативности также носят противоречивый характер. Отвечая на первый вопрос об инициативности, около 70% респондентов заявили, что для них типичным является проявление инициативы даже в том случае, когда ее реализацию придется взять на себя (когда «инициатива наказуема»). Однако при ответе на другой вопрос только треть респондентов заявили, что в большинстве случаев готовы выдвигать какие-либо идеи для решения производственной задачи. Подавляющее же большинство участников исследования указали на то, что степень инициативности поведения зависит от конкретной задачи, а не от них самих.

Пятой исследуемой переменной была **направленность** деятельности, которая понималась нами как доминирующая из трех возможных ориентаций: на себя (свои интересы), на дело (на интересы фирмы) и на отношения с коллегами. Респондентам предлагалось выбрать стратегию поведения в ситуации противоречия между двумя ориентациями, задавались три ситуации. Участники исследования показали высокий уровень направленности на фирму и ее интересы, предпочли интересы фирмы взаимоотношениям с коллегами и собственным интересам. При сравнении направленности на взаимоотношения с коллегами и направленности на себя последняя оказалась выражена заметно сильнее.

Наконец, последняя анализируемая переменная – **ответственность** исполнителей. По всем трем показателям, по которым производилась самооценка ответственности, опрошенные продемонстрировали результаты выше среднего уровня. Наиболее высоко работники оценили уровень ответственности за себя и за других (коллег по работе), на уровне незначительно выше среднего была оценена ответственность за общее дело. Заметное превышение ответственности за себя над ответственностью за других и общее дело является типичным для исполнителей, но одновременно противоречит данным по направленности деятельности, когда работники в большинстве предпочли интересы фирмы своим собственным.

В целом исследование позволило сформировать очень позитивный портрет современного исполнителя – офисного работника. Наша гипотеза подтвердилась лишь в малой части. Однако, на наш взгляд, к полученным результатам следует относиться достаточно осторожно. Исследование проходило во время развертывания кризиса на рынке труда, со всех сторон приходили сведения о реальных или готовящихся массовых увольнениях работников. Возможно, что получившийся положительный психологический портрет исполнителя обусловлен значительной долей социально желательных ответов, стремлением работников представить себя в максимально выгодном свете. Для проверки степени надежности результатов будет проведено повторное исследование, когда ситуация на рынке труда станет относительно стабильной.

Литература

Журавлев А. Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–15.

ЛИЧНОСТНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

С. Ю. Флоровский (Краснодар)

Жизнедеятельность современных организаций, групп и сообществ осуществляется в чрезвычайно динамичной, изменчивой, внутренне противоречивой внешней среде. В условиях современной России ситуация осложняется наложением «турбулентности» социально-экономического контекста (естественной для постиндустриального общества) на хронически-кризисный характер общественных преобразований. Такие исторические периоды представляют собой не что иное, как естественный социальный эксперимент, радикально изменяющий сами способы человеческого существования, создающий новые связи и отношения, которые выявляют в психической регуляции поведения людей, вовлеченных в эти преобразования, новые качества и характеристики (Рубинштейн, 1957, 1976). Система психологической регуляции социального поведения многократно усложняется: адекватно реагируя на парадоксы и противоречия социальной действительности, она также приобретает аналогичные черты (Журавлев, 2004, 2005; Психология совместной..., 2001; Сознание личности..., 1995; Социально-психологическая..., 1998).

В этой связи часть «классических» (и/или просто «предшествующих») закономерностей регуляции социального поведения и взаимодействия исчезают, редуцируются; другие, напротив, гипертрофируются; третьи – искажаются вследствие изменения меры выраженности при сохранении общей направленности; четвертые – инвертируются с «точностью до наоборот» и др. (Карпов, 1999; Экономическая психология..., 2001). Поскольку направленность таких трансформаций не может быть в полной мере спрогнозирована средствами логико-теоретического анализа, возрастает значимость мониторинговых исследований, «отслеживающих» реальную динамику факторов и механизмов психологической регуляции социального поведения в условиях социоэкономических и культурно-идеологических преобразований.

В социальной психологии организаций подобный мониторинг особенно актуален в отношении руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов (топ-менеджеров и мидл-менеджеров соответственно), осуществляющих совместную управленческую деятельность (СоУД). Сфокусированная на регуляции межгруппового взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем, СоУД представляет собой один из важнейших синергетических механизмов функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности. Система психологической регуляции СоУД объединяет разноуровневые и разнопорядковые детерминанты, среди которых существенную роль играют стабильные качества личности управленцев. Выявленные личностных характеристик, обуславливающих приемлемость руководителей в качестве партнеров по СоУД для большинства членов управленческого коллектива (команды), представляет собой валидный индикатор содержания складывающейся в организации управленческой культуры (Флоровский, 2000). При этом речь идет о глубинном уровне управленческой культуры (Шейн, 2002), являющемся наиболее труднодоступным для сколь-либо надежной операциональной верификации. Механизм этих взаимосвязей может быть представлен следующим образом: культура организации «управленческая культура «управленческое взаимодействие (как форма ситуационной реализации и центральный психологический процесс СоУД) «функционально-ролевые ожидания взаимодействующих руководителей «поддержка/неподдержка взаимодействующими руководителями определенных личностно-обусловленных паттернов организационного поведения партнеров.

Предметом нашего исследования выступало соотношение тенденций стабильности-вариативности личностной регуляции СоУД

в условиях динамичного организационно-экономического контекста. Результаты социально-психологического анализа личностной детерминации СоУД, выполненного нами в 2001–2006 гг. в пяти организациях, сопоставлялись с данными, полученными в период 1990–1995 гг. Выборка была представлена 149 руководителями высшего и среднего ранга в первом случае и 122 – во втором (общее количество респондентов 271 чел.). Изучались особенности функционального вклада в регуляцию взаимодействия руководителей следующих категорий личностных детерминант: профессионального опыта (отраженного в социально-демографических характеристиках), ценностных ориентаций, эмоционально-волевых и коммуникативных качеств, локуса контроля. Регулирующее воздействие личностных характеристик руководителей на осуществляемую ими СоУД изучалось путем выявления корреляционных взаимозависимостей между перечисленными выше параметрами личности менеджеров и такими интегральными характеристиками СоУД, как: продуктивность – непродуктивность, легкость – трудность и общая эффективность управленческих интеракций. Использовались проективная методика А. А. Ершова для выявления доминирующих ценностных ориентаций руководителей при разрешении конфликтных организационно-управленческих ситуаций (Ершов, 1977), тест 16PF Р. Б. Кеттела (форма А) (Пособие по применению..., 1995), опросник локализации субъективного контроля (Бажин и др., 1984; Ксенофонтова, 1999) и авторская методика изучения эффективности общения в условиях совместной управленческой деятельности (Флоровский, 2000).

Личностные свойства руководителей, коррелирующие с интегральными характеристиками управленческого взаимодействия таким же образом, как и в ранее проведенных исследованиях, квалифицировались нами в качестве *стабильных* детерминант СоУД. Их регулирующее влияние на повседневные менеджерские интеракции сохраняет свою инвариантность в условиях меняющегося организационно-культурного контекста осуществления этих интеракций.

В качестве *вариативных* личностных детерминант СоУД рассматривались те психологические характеристики управленцев, регулирующее влияние которых на систему управленческого взаимодействия претерпело изменения в связи с происходящими организационно-экономическими трансформациями. Учитывались все возможные варианты этих изменений: «выпадение» фактора из поля личностной детерминации СоУД (исчезновение корреляционной связи); расширение или сужение «диапазона» регулятивных эффектов (увеличение или уменьшение количества значимых связей личностных характеристик с параметрами управленческого взаимодействия);

инверсия характера регулирующего влияния (смена положительной корреляции отрицательной, и наоборот), «включение» в регуляцию СоУД новых личностных факторов (появление новых связей между параметрами управленческого взаимодействия и личностными характеристиками руководителей).

Все обследованные нами фирмы и компании принадлежали к «реальному сектору» экономики, в структуре осуществляемой ими социально-экономической деятельности превалировала производственная составляющая. В период 1990–1995 гг. эти предприятия характеризовались как достаточно последовательно воплощающие в своей деятельности парадигму «закрытой» организации (Constantine, 1989); кланово-бюрократические, сфокусированные на проблемах внутренней среды и интеграции (Камерон, Куинн, 2001); административные, сочетающие невысокую степень риска и замедленную обратную связь (Deal, Kennedy, 1983); ориентированные на приоритет коллективистических ценностей, поддержание высокого уровня дистанции власти, избегание неопределенности (Hofstede, 1997); с превалированием «культуры отношений» над «культурой задачи» (Handy, 1985); склонные к дисфункциональным изменениям организационной культуры по депрессивному, параноидному, компульсивному и – в меньшей степени – драматическому и шизоидному типам (Kets de Vries, Miller, 1984).

«Вектор» организационно-экономических изменений, имевших место в последующие годы, оказался общим для рассматриваемых нами производственных структур. Практически сходными были и проекции этих изменений на культуру организаций. В 2001–2006 гг. анализируемые нами предприятия при сохранении в качестве ведущей кланово-бюрократической направленности имели четко выраженную рыночную ориентацию, успешно решили проблему позиционирования во внешнем социально-экономическом окружении; на фоне преобладания административной культуры имел место достаточно большой «удельный вес» компонентов, соответствующих «культуре перспектив» и/или «культуре мгновенных результатов»; происходил постепенный «дрейф» культуруобразующих ценностей в направлении возрастания индивидуализма, дистанции власти, маскулинизации и толерантности к неопределенности; более частыми становились дисфункциональные проявления драматического и шизоидного типов.

Результаты исследования показали, что наибольшей трансемпоральной стабильностью характеризуется регулирующее влияние на систему повседневных деловых интеракций руководителей высшего и среднего уровней управления организациями со стороны *личного профессионального опыта* субъектов СоУД и их *ценностных*

ориентаций, актуализируемых при разрешении проблемных (конфликтных) ситуаций организационной жизнедеятельности.

В управленческих коллективах всех обследованных нами производственных организаций, сохраняется одна и та же закономерная связь опыта руководителей и эффективности СоУД. С увеличением общего управленческого стажа и продолжительности труда руководителей в занимаемой должности – а следовательно, и длительности опыта совместной работы топ- и мидл-менеджеров, – происходит возрастание уровня их функционально-ролевой взаимоприемлемости в качестве партнеров по управленческому взаимодействию; в свою очередь, этот эффект обусловлен минимизацией субъективных трудностей, испытываемых руководителями при взаимодействии друг с другом и не связан сколь-либо определенным образом со степенью продуктивности деловых контактов.

Повседневное деловое взаимодействие управленцев высшего и среднего звена оптимизируется по мере усиления стремления менеджеров при разрешении конфликтных ситуаций руководствоваться ценностями сохранения позитивных межличностных отношений с окружающими. Приверженность руководителей официальным способам регулирования конфликтов и организационно-управленческих трудностей, напротив, дестабилизирует систему деловых интеракций в «аппарате управления» организаций. Большая или меньшая ориентация управленцев на систему ценностей, связанных с «интересами дела» и достижением предметного результата совместных действий, оказывается индифферентным фактором с точки зрения построения управленческого взаимодействия: степень продуктивности-непродуктивности и легкости-затрудненности интеракций менеджеров варьирует вне зависимости от выраженности у партнеров «деловой» направленности ценностного сознания.

Подсистема «детерминационного поля» управленческого взаимодействия, представленная *эмоционально-волевыми и коммуникативными свойствами руководителей*, характеризуется наличием в своем составе как стабильных компонентов, обладающих устойчивостью к изменению социоэкономического и организационно-культурного фона реализации СоУД, так и компонентов, обнаруживающих сензитивность к подобным изменениям.

Практически во всех обследованных нами в 2001–2006 гг. производственных организациях факторами повышения статуса руководителей в качестве «продуктивных» и «легких» партнеров по СоУД – аналогично результатам более ранних исследований – выступают склонность следовать морально-этическим стандартам ближайшего социального окружения (G+), ограниченность притязаний

на лидерство и независимость, предрасположенность принимать предлагаемые другими «правила игры» ($E-$), социальная осторожность и чувствительность к действию угрожающих факторов ($H-$), консерватизм, поддержка традиций и устоявшихся мнений, толерантность к стереотипным трудностям (Q_1-), организованность, умение хорошо контролировать свои эмоции и поведение, планомерность и упорядоченность действий, забота о репутации (Q_3+). Сохраняется и контрастность влияния аффектотимических/шизотимических тенденций менеджеров на формальную и содержательную стороны осуществляемой ими СоУД: взаимодействие с общительными, открытыми и эмоционально-теплыми ($A+$) партнерами чаще всего характеризуется членами управленческого коллектива как «легкое, но непродуктивное», а с их более замкнутыми, сдержанными и эмоционально-дистанцированными коллегами ($A-$) как «трудное, но продуктивное». Таким образом, перечисленные выше коммуникативные (A , E , H) и эмоционально-волевые (G , Q_1 , Q_3) характеристики – вкуче с описанными выше особенностями личного профессионального опыта управленцев и ценностными предпочтениями при разрешении конфликтных ситуаций – могут быть квалифицированы в качестве наиболее инерционной части «поля» личностной детерминации СоУД, обеспечивающей определенную трансемпоральную стабильность и преемственность механизмов социально-психологической регуляции повседневного делового взаимодействия топ- и мидл-менеджеров производственных организаций в условиях социально-экономических изменений. Более восприимчивым к действию фактора изменения организационно-культурного контекста управленческого взаимодействия оказывается комплекс, включающий в себя личностные характеристики руководителей, описываемые кеттеловскими факторами F , L , M , N , O , Q_2 , Q_4 .

Связи дескрипторов СоУД с характеристиками локуса контроля руководителей отличаются наибольшей изменчивостью и вариативностью в сравнении со всеми другими категориями личностных детерминант управленческих интеракций, притом речь идет о «микроразличиях» внутри одного и того же кластера организационной культуры.

Выявленный факт представляется вполне закономерным, поскольку неотъемлемой составляющей культуры организации является круг событий и ситуаций, выполняющих роль приоритетных объектов внимания, оценки и контроля со стороны руководителей ведущих уровней управления. При этом представления топ- и мидл-менеджеров о «податливости» вышеназванных объектов, событий и ситуаций целенаправленному регулируемому управленческому воздействию характеризуются значительной интерперсональной вариативностью.

Поддержка-неподдержка управленческим сообществом организации определенных «установок контроля» своих участников, выражающаяся, в частности, в статусной дифференциации руководителей как приемлемых или неприемлемых партнеров по совместной управленческой деятельности, выступает одновременно и в качестве индикатора складывающейся в организации управленческой культуры, и в качестве важнейшего фактора индивидуализации этой культуры.

Проведенный нами анализ личностной детерминации СоУД позволяет лучше понять социально-психологические механизмы организационно-культурного тренда в условиях общественных изменений, которые действуют на уровне интерперсонального взаимодействия представителей топ- и мидл-менеджмента – самой элитарной группы внутри любой фирмы или компании, выявить масштаб и глубину трансформации управленческой культуры, более четко дифференцировать содержание уровней «вербальных деклараций» и «реального действования» в организационном поведении высшего управленческого персонала.

Литература

- Бажин Е. Ф., Гольнкина Е. А., Эткинд А. М.* Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.
- Ершов А. А.* Проективная методика определения ценностных ориентаций руководителей коллективов на примере решения конфликтных ситуаций // Психология личности и малых групп. Л., 1977. С. 127–130.
- Журавлев А. Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во ИП РАН, 2004.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001.
- Карпов А. В.* Организационная психология кризисного периода // Прикладная психология. 1999. № 2. С. 1–14.
- Ксенофонтова Е. Г.* Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 103–114.
- Пособие по применению личностного опросника Р. Кеттелла 16PF / Сост. А. А. Рукавишников, М. В. Соколова / Науч. ред. В. И. Чирков. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1995.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций // Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во ИП РАН, 2001.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир // Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

- Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой. М.: Изд-во ИП РАН, 1995.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
- Флоровский С. Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей // Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Ярославль: Междунар. акад. психол. наук, 2000.
- Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Построение. Эволюция. Совершенствование / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
- Экономическая психология: социокультурный подход / Под ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001.
- Constantine L. L. Teamwork Paradigms and The Structured Open Team // Proceedings: Embedded systems Conference. San-Francisco, 1989.
- Deal T. E., Kennedy A. A. Culture: A New Look Through Old Lenses // Journal of Applied Behavioral Science. 1983. № 19. P. 498–505.
- Handy C. Understanding Organizations. 3rd ed. N. Y.–London: Penguin Books, 1985.
- Hofstede G. H. Cultures and Organizations: Software of the Mind. N. Y.: McGraw Hill, 1997.
- Kets de Vries M. F. R., Miller D. The Neurotic Organization. Diagnosing and Revitalizing Unhealthy Companies. N. Y.: Harper Business, 1984.

ДОХОД И СУБЪЕКТИВНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В. А. Хащенко (Москва)

Экономическое благополучие обычно подразумевает высокий уровень благосостояния человека, прежде всего, дохода, размера финансовых и материальных ресурсов, собственности и т. п. Однако прямая связь между этими двумя явлениями не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд. Так называемая объективная (экономическая) теория предполагает, что экономическое благополучие напрямую зависит от объективных обстоятельств жизни человека, например, от размера его дохода (Easterlin, 2001). Действительно, текущие события, например, состояние финансовых дел, доход, материальные условия жизни в целом вносят свой существенный вклад в оценку благосостояния человека. Однако эффекты экономического роста очень кратковременны, в силу быстрой адаптации или привыкания человека к достигнутому им уровню благосостояния (Diener, Biswas-Diener, 2000). Практика показывает, что связь между объективными событиями и субъективной оценкой благосостояния неустойчивая в силу разной динамики этих явлений. В последнее время все

больше говорят о дивергенции экономических и психологических индикаторов благополучия человека (Diener, Seligman, 2004). Причем первых (экономических) явно недостаточно в силу их неоднозначной связи благополучия с доходом человека или уровнем жизни в стране для того, чтобы отражать оценки и чувства человека относительно его жизни. Вторые (психологические) остро нуждаются в теоретической и методической проработанности из-за крайней запутанности методологии их измерения. Традиционно соотношение между благосостоянием и субъективным благополучием человека объясняют с позиций механизмов адаптации. Согласно им эффект позитивного или негативного события, например, повышения или понижения дохода, на восприятие собственного благополучия со временем приглушается благодаря процессам адаптации, а уровень благополучия после кратковременного изменения (повышения или понижения) возвращается к исходному уровню. Насколько справедлива данная закономерность, установленная для общего субъективного благополучия человека относительно материальных условий его жизни? Если она верна, то представители разных имущественных категорий, имеющих низкий, средний или высокий доход должны иметь сходный уровень субъективного экономического благополучия (СЭБ), причем близкий (чуть выше или ниже) к среднему. Для проверки этого предположения был проанализирован уровень СЭБ в группах респондентов (всего опрошено 217 чел.), различающихся размером ежемесячного дохода: до 500, 501–700, 701–1000, 1001–1500, 1501–3000 \$. В каждой из них оценивался общий индекс СЭБ и его частные показатели: субъективный уровень жизни, степень нужды в деньгах, адекватность дохода, экономическая тревога, экономический оптимизм–пессимизм (Хашченко, 2005). Значения показателей были стандартизированы и переведены в шкалу стенов.

Согласно данным ряда исследований, влияния размера дохода на субъективное благополучие в России является достаточно существенным и объясняется с позиций депривационной концепции общим невысоким уровнем жизни ее граждан (Ferrer-i-Carbonell, Van Praag, 2001; Hayo, Seifert, 2003; Ferrer-i-Carbonell, 2005). Однако анализ данных, несмотря на установление статистически значимой корреляции между размером дохода и *общим индексом СЭБ*, не выявил тенденции возрастания уровня экономического благополучия по мере роста дохода. Более обеспеченные люди не чувствуют себя экономически существенно более благополучными, чем те, кто имеет значительно меньший размер дохода. Только в случае очень низкого его уровня – до 300 \$, общий индекс СЭБ, согласно результатам дисперсионного анализа, статистически ниже. Однако и в этом случае он принима-

ет значения близкие к средним – несколько ниже среднего уровня (4,6 стена). Между остальными группами с более высокими доходами различия по общему индексу СЭБ статистически не существенны: он находится в диапазоне средних значений – от 5,5 до 6,3 стена. Сходно влияние размера дохода и на частные показатели СЭБ. Различия в оценке *адекватности дохода* потребностям человека наблюдаются лишь при росте его размера свыше 1000 \$. Еще более нелинейная связь наблюдается между размером дохода и переживаемой *нуждой в финансовых средствах*: недостаток средств ощущается значительней в группах с доходами до 500 и от 701–1000 \$. Уровень *экономической фрустрированности* максимален в группе с самым низким доходом, в остальных он практически неизменен и находится в зоне средних значений. Иными словами, определенный уровень экономической напряженности отражает тонус экономической активности человека и поэтому не снижается по мере роста уровня его благосостояния. Еще более неоднозначным является влияние размера дохода на *экономический оптимизм* человека. Наиболее оптимистичными относительно будущего материального положения являются респонденты, доходы которых свыше 1000 \$, а наиболее пессимистичными те, чьи доходы невелики – до 500 \$. В целом наиболее выраженные эффекты повышения или понижения общего и частных показателей СЭБ закономерно наблюдаются у респондентов с максимальной экономической депривированностью, а также между категориями, границей которых выступает доход в 1000 долларов. Как мы уже отмечали ранее, этот размер дохода соответствует социальным представлениям о среднем достатке (Хащенко, 2005). Этот результат развивает установленную в других исследованиях закономерность: влияние дохода на СЭБ определяется не объективной, а относительной величиной, в данном случае его соответствием доходу референтной группы – богатым или бедным (Ferrer-i-Carbonell, 2005).

Подчеркнем, что объективное улучшение материальных условий жизни отражается в повышении субъективных показателей экономического благополучия личности с тем, однако, уточнением, что различия общего индекса в группах респондентов с разным уровнем дохода находятся в зоне средних значений (от 4,6 до 7,3 стенов). Иными словами, ни низкий, ни высокий доход вовсе не предопределяет однозначно уровень СЭБ. Парадокс заключается в том, что на уровне анализа средних значений категории респондентов с разным уровнем дохода имеют качественно сходный – средний уровень СЭБ, или уровень относительного экономического благополучия. Этот результат является весомым аргументом в пользу основных положений теории адаптации. Тем не менее, справедливость этого вывода может быть

подвергнута сомнению, если от сравнения агрегированных данных перейти к рассмотрению индивидуальных показателей. Результаты кластерного анализа (техника *K*-средние) выявили *дивергенцию объективных индикаторов* благосостояния и *субъективных* – экономического благополучия во всех группах респондентов. Она проявилась в неоднозначной связи дохода и субъективного экономического благополучия человека. Установлено, что при одном и том же уровне дохода респонденты ощущают себя как экономически благополучными, так и неблагополучными людьми.

Подвыборка респондентов с самым *низким* в выборке *уровнем дохода* (до 500 \$) дифференцируется по общему и частным показателям СЭБ на три подгруппы. В ней выделяются те (их около 29,3%), кто имеет очень низкий общий индекс экономического благополучия – 2,2 стена, те (43,6%), кто обладает средним уровнем (4,9 стена), а также те (их 27,1%), чей индекс СЭБ характеризуется значением «несколько выше» среднего уровня, или 6,7 стена. Эта закономерность проявляется и относительно частных показателей СЭБ. Например, *субъективный уровень жизни*, отражающий оценку человеком своего материального положения, принимает значения в диапазоне от 1–8 стенов, а вариативность выраженности показателя *экономической тревоги* в этой группе еще значительно – от 1–10 стенов. В целом большинство, или около 70% респондентов с низким доходов, характеризуются значением общего индекса СЭБ близким к среднему уровню, что позволяет говорить о выраженном эффекте адаптации к условиям высокой экономической депривированности и восприятию их как вполне приемлемых. С другой стороны, каждый третий оценивает свое материальное положение как очень неблагополучное, испытывая при этом выраженные негативные переживания – тревогу, озабоченность и нужду в финансовых средствах. Обращает внимание, что субъективная оценка адекватности дохода также неоднозначна: примерно одинаковое число воспринимает собственное благосостояние и как низкое, и как среднее. Прямая связь между объективными индикаторами благосостояния и субъективными его оценками отсутствует при низком уровне дохода. В условиях объективно высокой экономической депривации формируются как состояния относительного экономического благополучия, так и выраженного неблагополучия. Иные словами, нельзя однозначно рассматривать объективные и субъективные индикаторы экономического благополучия как высоко коррелирующие и взаимозаменяемые. Этот вывод противоречит доминирующей в науке точке зрения об исключительном психологическом значении благосостояния в условиях экономической депривированности человека, когда удовлетворение

основных потребностей приобретает для личности первостепенный смысл. Столь же очевидным является также и тот факт, что механизмы адаптации лишь частично описывают взаимосвязь объективных характеристик благосостояния (дохода) и субъективного экономического благополучия. Дополнительно проведенный анализ с учетом коэффициента относительной финансовой депривации Х. Кантрилла (Угланова, 2001) – степень, с которой реальный доход человека соответствует желаемому, подтвердил этот вывод. Только подгруппа субъективно неблагополучных испытывает относительно других более высокую финансовую депривированность. Остальные подгруппы респондентов с низким уровнем дохода (*относительно субъективно благополучные*) по этому показателю между собой не различаются. Коэффициент у этой категории опрошенных находится в зоне средневыборочных значений (0,62–0,78).

Еще более впечатляющей выглядит закономерность преобладания средних значений общего индекса СЭБ среди опрошенных респондентов с более высоким уровнем дохода – от 501–700 \$. У большинства из них (89,4%) среднее значение общего индекса СЭБ варьирует от 5,2 до 6,9 стенов, и только около 11% опрошенных характеризуются низкими значениями этого показателя (1,9 стена). Как и в предыдущем случае, значения частных показателей СЭБ респондентов варьируют в широком диапазоне – от «очень низких» до «очень высоких». Значимых различий между выделенными подгруппами по коэффициенту относительной экономической депривированности не выявлено.

В группе с уровнем дохода 701–1000 \$ наблюдается примерно поровну тех, чей общий индекс актуального экономического благополучия близок к низким – 3,9 стена (45,2%) и к средним значениям – 6,9 стена (54,8%). Парадоксально, но представители этих подгрупп имеют полярный профиль актуального СЭБ. Данный уровень благосостояния оценивается представителями подгрупп прямо противоположно: одними как свидетельствующий о достаточном материальном благополучии, другими – как явно недостаточный, неадекватный, не обеспечивающий устойчивого материального положения, вызывающий серьезную экономическую напряженность. При этом степень коэффициента относительной финансовой депривации в этих подгруппах статистически не различается (0,60 и 0,71 соответственно).

В группе респондентов с уровнем доходов 1001–1500 \$ преобладают (60,8%) те, чей уровень общего индекса СЭБ равен средним значениям – 5,3 стена и те (около 40%), чей общий индекс в среднем близок к высоким значениям – 7,9 стена. Отметим, что в этой группе отсутствуют респонденты с низким уровнем СЭБ. Очевидно, размер ежемесячного дохода, превышающего 1000 долларов, обеспечивает,

как минимум, относительное, а как максимум – субъективное экономическое благополучие личности. Подчеркнем, что данный уровень дохода имеет для респондентов особый «рубежный» с точки зрения их экономического благополучия психологический смысл: он соответствует доминирующим социальным представлениям о нижней границе среднего достатка. Этот вывод подтверждают самые низкие значения коэффициента относительной финансовой депривации у респондентов данной категории в выборке. Выделенные подгруппы между собой по данному показателю статистически не различаются (соответственно, 0,62 и 0,50).

И наконец, в самой обеспеченной по размеру дохода группе респондентов – 1501–3000 \$ материальное положение оценивается также неоднозначно: общий индекс СЭБ принимает индивидуальные значения в широком диапазоне – от 49 стенов. Однако по сравнению с предыдущим уровнем дохода число тех, кто имеет высокий уровень экономического благополучия, заметно увеличилось (58,8%), а тех, кто имеет средний уровень, сократилось, однако их доля (41,2%) все же осталась очень значительной. Кроме того, даже среди экономически благополучных существенна часть (42%) тех, кто имеет довольно выраженную озабоченность своим материальным положением. Они имеют средний или даже высокий уровень выраженности *экономической фрустрированности* материальными проблемами. Характерным с точки зрения выявленной закономерности является то, что значения коэффициента относительной финансовой депривации у самой обеспеченной категории респондентов и тех, чей размер дохода является самым низким в выборке, аналогичны. Заслуживает внимания тот факт, что у опрошенных с высоким индексом СЭБ коэффициент финансовой депривации выше (0,72), чем у респондентов со средним уровнем СЭБ (0,54). Иными словами, экономическое благополучие может сочетаться одновременно с высокой финансовой депривацией.

В целом результаты исследования показывают отсутствие тенденции роста экономического благополучия и снижения относительной финансовой депривации по мере повышения благосостояния (доходов) у респондентов. Размер дохода прямо не определяет субъективное экономическое благополучие человека, их связь противоречива. У большинства категорий респондентов наблюдается доминирование числа тех, чей общий индекс СЭБ близок к средним значениям. Вместе с тем нельзя также не заметить и того факта, что у значительного числа опрошенных (их количество варьирует в зависимости от размера дохода) наблюдается иное соотношение между величиной дохода и уровнем экономического благополучия личности.

Сходное экономическое положение (размер дохода) воспринимается людьми по-разному, что проявляется в формировании как экономического благополучия, так и неблагополучия человека. Низкий размер дохода не ведет автоматически к преобладанию у респондентов экономического неблагополучия. Наоборот, больший процент субъективно экономически неблагополучных наблюдается в группе респондентов, чей доход близок к среднему достатку – от 700–1000 \$. При этом число опрошенных, характеризующихся относительным экономическим благополучием (индекс СЭБ выше среднего уровня), в этой экономической категории сопоставимо с числом относительно неблагополучных. Можно заключить, что нижняя граница среднего достатка – 1000 \$ (Хашченко, 2005, 2008) является максимально *маргинальной* с точки зрения СЭБ. Рост дохода свыше 1000 \$ сопровождается тенденцией снижения числа респондентов с низким уровнем общего индекса СЭБ и ростом количества субъективно экономически благополучных людей. Однако и при относительно высоком уровне жизни может наблюдаться значительное число лиц, переживающие относительное экономическое неблагополучие.

Анализ общего индекса СЭБ в группах с разным уровнем дохода указывает на существенность влияния на субъективное экономическое благополучие человека не столько «экстремальных» (низких или высоких) размеров достатка, сколько ключевого психологического значения уровня *среднего достатка* как границы, разделяющей зоны преимущественно негативного и позитивного восприятия экономического благосостояния – *субъективного экономического благополучия и неблагополучия*. Нам не удалось зафиксировать связь коэффициента относительной финансовой депривации с общим индексом СЭБ, выявленную в ранних исследованиях (Угланова, 2001). Высокая степень относительной финансовой депривации характерна как для экономически неблагополучных, так и относительно благополучных опрошенных, что указывает на разные причины ее обуславливающие. Возможно, ее причиной выступает низкий размер реального дохода или высокие экономические притязания человека.

Таким образом, переход человека по объективным показателям дохода в более высокую имущественную категорию зачастую не совпадает с этим процессом в субъективном плане. Более того, экономическое благополучие (как и неблагополучие) наблюдается как в случае низкой, так и высокой объективной материальной обеспеченности. Полученные результаты позволяют сделать вывод о разной природе СЭБ, проявляющейся в существовании качественно самостоятельных, не сводимых друг к другу феноменов *высокого относительного экономического благополучия и неблагополучия*, а также в дифферен-

циации на разные психологические типы, различающиеся природой взаимодействия внешних и внутренних условий их формирования. Так, психологические *типы экономического благополучия* качественно различаются в зависимости от того, формируются они в условиях высокой или низкой как реальной, так и относительной экономической депривации. Качественно различная детерминация характерна и для *типов экономического неблагополучия*. Строго говоря, нельзя ставить знак равенства между субъективным экономическим благополучием *бедных и обеспеченных* людей, так же как и экономическим неблагополучием людей *неимущих и со средним достатком*. Таким образом, полифеноменологичность состава СЭБ проявляется не только в закономерной организации его структурных составляющих (Хащенко, 2008), но и в специфике внешних и внутренних условий его формирования.

Литература

- Углова Е. А. Экономическое благополучие личности и качество жизни // Актуальные проблемы социальной психологии. Тверь: Лилия-ЛТД, 2001. С. 132–141.
- Хащенко В. А., Шибанова Е. С. Представления о богатом и бедном человеке в различных социально-экономических условиях жизни: региональный аспект // Проблемы экономической психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. Т. 2. С. 476–512.
- Хащенко В. А. Экономико-психологическая модель субъективного экономического благополучия // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 5–19.
- Хащенко В. А. Субъективное экономическое благополучие: структурно-уровневая организация // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 6. С. 26–38.
- Diener E., Biswas-Diener R. New directions in subjective well-being research: the cutting edge. Mimeo univ. of Illinois. 2000.
- Diener E., Seligman M. E. P. Beyond Money: Toward an Economy of Well-Being // Psychological Science in the Public Interest. 2004. № 5.
- Easterlin R. A. Income and Happiness: A unified theory // Economic Journal. 2001. V. 111. P. 1–20.
- Ferrer-i-Carbonell A., Van Praag B. M. S. Poverty in Russia // Journal of Happiness Studies. 2001. Vol. 2. P. 147–172.
- Ferrer-i-Carbonell A. Income and well-being: an empirical analysis of the comparison income effect // Journal of Public Economics. 2005. Vol. 89. Issues 5–6. P. 997–1019.
- Hayo B., Seifert W. Subjective economic well-being in Eastern Europe // Journal of Economic Psychology. 2003. Vol. 24. P. 329–348.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: ПРОТОТИПЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕГО И КРУПНОГО БИЗНЕСА

С. В. Щепоткин (Омск)

В настоящее время институт предпринимательства, который существует в нашей стране более 20 лет, претерпевает серьезные изменения под воздействием различных экономических, политических и социальных факторов. В бизнес-культуре крупнейших российских компаний начинают появляться элементы «социально ответственного» предпринимательства, признающего определенные обязательства перед персоналом предприятия, городом, страной в целом. Часто, говоря о социально ответственном предпринимателе, имеют в виду добровольное следование требованиям современной культуры, в рамках которой сам бизнесмен заинтересован.

В течение ряда лет мы пытались рассмотреть данную проблему как социально-психологическую и с этой целью изучали представления предпринимателей разного уровня о социально ответственном бизнесе.

В выборку нашего исследования вошли предприниматели среднего и крупного бизнеса г. Омска в количестве 35 чел. В качестве основной была использована методика Азумы и Кашиваги в адаптации Н. Л. Смирновой (Смирнова, 1993).

Факторный анализ дескрипторов позволил выделить пять факторов, отражающих прототипы социально-ответственного бизнеса у респондентов, описывающих 90,69% информации. Первый фактор, описывающий 24,61% информации, был назван «*благотворительность – социально ответственные решения*». В него вошли такие дескрипторы, как: благотворительность, дополнительный социальный пакет для сотрудников, принятие социально ответственных решений, высокий уровень заработной платы, прогнозирование последствий принятых решений, отсутствие сезонных сокращений персонала.

В исследуемой группе респондентов данный фактор занимает ведущее место. Следует отметить, что данный прототип социально ответственного бизнеса отражает сущностные характеристики социальной ответственности, которые отмечают многие исследователи этических основ бизнеса.

Второй по значимости фактор, описывающий 23,81% информации, который мы назвали «*широкая социальная поддержка*», включает такие дескрипторы, как: забота о сотрудниках, строительство церкви, забота о доверии клиентов, реконструкция монастыря, помощь людям, лицензированная деятельность, благоустройство города, шефство над школой, помощь ветеранам.

Данный прототип также впервые появляется только в исследуемой группе предпринимателей, что свидетельствует о расширении осознания социальной ответственности бизнеса, которая включает многие категории стэйкхолдеров и общество в целом.

Третий фактор (18,03% дисперсии) – «забота о людях – законопослушность» – составили такие дескрипторы, как: помощь сотрудникам, соблюдение законов, помощь престарелым, выплаты в пенсионный фонд. Данный прототип можно отнести преимущественно к формальной социальной ответственности, так как он ориентирован в основном на соблюдение российского законодательства, предписывающего выполнение законов и по отношению к сотрудникам, и по отношению к пенсионерам.

Четвертый фактор, описывающий 17,6% информации, который мы обозначили как «меценатство – поддержка спорта», представлен такими дескрипторами, как: спонсорство храма, создание рабочих мест, помощь детям-инвалидам в организации выставок их творческих работ, меценатство, поддержка детского спорта.

Наконец, пятый фактор (6,61% дисперсии) сформировали такие характеристики, как: помощь детским домам, шефство над школой, помощь ветеранам. Данный фактор мы назвали «помощь детям».

Таким образом, в сознании предпринимателей среднего и крупного бизнеса представлены различные прототипы социально ответственного бизнеса. Для общества ценно, что два наиболее распространенных типа ответственных бизнес-структур можно отнести к неформальной, истинной социальной ответственности, так как они ориентированы на широкие социальные слои населения, включая и сотрудников своих компаний и стейкхолдеров.

Литература

Смирнова Н. Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во ИП РАН, 1993. С. 97–103.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ, РАЗЛИЧАЮЩИХСЯ ОТНОШЕНИЕМ К ОРГАНИЗАЦИОННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

Е. Я. Эльяфи (Ростов-на-Дону)

Становление рыночной системы в современном российском обществе и формирование экономического пространства на институциональной основе в высокой степени актуализирует проблематику

научных исследований развития организаций (Емельянов, Поварницына, 1998; Друкер, 2000; Журавлев, 2002; Адизес, 2007), в которых создается корпоративная социальная среда, а также разработки, внедрения и сопровождения самих организационных изменений.

В связи с этим необходимо рассмотреть понятие «*организационные изменения*». Так, В. М. Матиашвили определяет организационные изменения как комплекс мероприятий, сознательно осуществляемых на плановой основе, реализуемых в масштабе всей организации или ее подразделений, управляемых менеджментом организации, имеющих своей целью повышение эффективности и рост стоимости компании, использующих специальные технологии и методики на основе бихевиористских наук (Матиашвили, 1998, с. 79). М. Мескон и др., говоря о подобных изменениях, имеют в виду «решение руководства изменить одну или более внутренних переменных в целях организации, структуре, задачах, технологии и человеческом факторе» (Мескон и др., 1993, с. 529). По мнению С. Дихтер, К. Гэньон, А. Александер, целью любых организационных изменений является «повышение эффективности» (Дихтер и др., 2002). Сравнивая различное понимание одного и того же феномена, можно увидеть, что все определения похожи и, более того, определение, данное В. М. Матиашвили, включает в себя и определение М. Мескон и др., и мнение С. Дихтер и др.

При этом существует и другой взгляд на понимание организационных изменений. Так, А. Ван де Вен и М. Пул считают, что организационное изменение – это «эмпирическое наблюдение различия в форме, качестве или состоянии какого-либо организационного элемента за какой-либо промежуток времени» (Van de Ven, Poole, 1995, p. 512). Причем организационными элементами, по их мнению, могут быть содержание работы конкретного сотрудника, рабочая группа, организационная стратегия, технология, продукт или вся организация в целом.

Данную формулировку организационных изменений Т. Е. Андреева применяет к описанию содержания изменений, поскольку считает необходимым разделить содержание организационных изменений (что изменилось?) и их процесс (как изменялось?). Под процессом изменений она понимает «последовательность событий, которые привели к наблюдаемому содержательному изменению в организации, т. е. совокупность причин, вызвавших изменение, и подпроцессов принятия решения об изменении, его детальной проработки и внедрения в организации» (Андреева, 2004, с. 36). Соглашаясь с мнением Т. Е. Андреевой о важности выделения двух составляющих понятия организационных изменений, следует отметить, что подобное разделение имеет важное как научное, так и прикладное значение,

обеспечивая полноценность исследования и восприятия описываемого явления. В связи с этим можно рассмотреть выделение в составе организационных изменений двух компонентов: содержательного и процессуального, причем последний, по нашему мнению, включает в себя и технологии, посредством которых проводились организационные изменения.

Таким образом, далее будем придерживаться приведенного выше определения изменений В. М. Матиашвили как наиболее полного и конкретного. Также следует иметь в виду, что результатом организационных изменений является переход организации на качественно новый для нее этап функционирования.

Целью представляемого исследования стало выявление социально-психологических характеристик сотрудников, способствующих и не способствующих принятию организационных изменений, а также изучение динамики социально-психологических характеристик сотрудников, принявших перемены, производимые в организации.

Объектом исследования выступили 158 чел. – сотрудники риэлторской компании. Процедура исследования содержала два этапа: на 1 этапе проводилась первичная диагностика социально-психологических характеристик сотрудников компании; на 2-м – повторная, причем спустя два года после начала внедрения организационных изменений. Организационные изменения включали не только коррекцию структуры организации, изменение условий и коррекцию содержания трудовой деятельности, но и обязательное обучение каждого сотрудника посредством его участия в двух социально-психологических тренингах.

Для реализации поставленной цели использовались следующие методики: «Самоактуализационный тест» (САТ) (адапт. Л. Я. Гозман и М. В. Кроз); методика гибкости мышления А. С. Лачинса; методика «Оптимизм–Активность» Н. Е. Водопьяновой; методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (адапт. Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда).

Результаты исследования показали, что после проведения в компании «А» организационных изменений, во-первых, из нее уволились сотрудники, которым присуща способность выражать свои чувства в заранее непродуманных действиях ($U = 455,500$; $p = 0,007$). Во-вторых, среди ушедших оказалось значительно больше сотрудников, способных быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, демонстрировать разумность в применении некоторых стандартных принципов. Среди оставшихся оказалось практически такое же количество людей, для которых, наоборот, характерен догматизм, проявляющийся в жестком соблюдении общих принципов ($U = 484,000$;

$p = 0,018$). В-третьих, ушли сотрудники, которые принимают себя такими, какие они есть, т. е. со всеми недостатками и слабостями ($U = 499,500$; $p = 0,027$), для которых характерна внутренняя поддержка, т. е. они мало подвержены внешнему влиянию, до определенной степени чувствительны к одобрению, к привязанности и хорошему отношению людей. В своих поступках такие люди опираются на собственные чувства и мысли, критически воспринимают воздействие внешних сил ($U = 502,000$; $p = 0,030$). Необходимо отметить, что среди ушедших сотрудников больше, чем среди оставшихся, людей с развитой творческой направленностью ($U = 507,000$; $p = 0,032$).

Небольшие различия были выявлены по шкалам «Ориентация во времени» ($U = 534,000$; $p = 0,063$) и «Контактность» ($U = 549,000$; $p = 0,088$) методики «САТ». То есть среди ушедших сотрудников больше, чем среди оставшихся, тех, кто правильно ориентируется во времени. Это те, которые рассматривают время в единстве прошлого, настоящего и будущего, не откладывают жизнь на завтра, не увязают в прошлом, живут в настоящем. Они не обременены чувствами вины, сожаления, обиды, идущими из прошлого. В то же время среди них меньше тех, которые неправильно ориентируются во времени. Они либо живут прошлым, и их мучает раскаяние за совершенные проступки, постоянные угрызения совести, воспоминания о нанесенных им обидах, либо живут надеждами на будущее и строят недостижимые планы, ставят перед собой нереальные задачи. Данная категория респондентов считает, что идеалы и цели могут являться средствами, с помощью которых удовлетворяются потребности в привязанности, любви, признании, восхищении. Такие люди тешат свое тщеславие, удовлетворяя в воображении свои желания и цели. Для многих ушедших сотрудников характерны легкость и быстрота вступления в контакт, при этом их отношения с людьми не являются поверхностными, и лишь у некоторых сотрудников, участвующих в исследовании, присутствуют трудности в общении. У оставшихся после внедрения организационных изменений работников ситуация прямо противоположная.

Следовательно, из компании ушли те сотрудники, для которых характерны спонтанность в действиях, гибкое поведение, самопринятие, внутренняя поддержка, креативность, правильная ориентация во времени, контактность. А остались люди, опасющиеся открыто проявлять свои чувства и эмоции, негибкие в применении некоторых принципов, не принимающие себя, подверженные внешнему влиянию, нетворческие, неправильно ориентирующиеся во времени, испытывающие трудности в общении.

Однако у оставшихся в компании сотрудников за два года дальнейшей работы произошли существенные изменения. Наибольшую значимость показали сдвиги по шкалам «Ориентация во времени» ($U = 641,000$, $p = 0,002$), «Поддержка» ($U = 542,000$, $p = 0,000$), «Ценностные ориентации» ($U = 691,000$, $p = 0,008$), «Самоуважение» ($U = 612,000$, $p = 0,001$) (по САТ) и по шкале «Оптимизм» (методика «Оптимизм–Активность») ($U = 24,0$, $p = 0,000$). Также чуть менее значимые изменения были выявлены по шкалам: «Гибкость поведения» ($U = 742,000$, $p = 0,025$), «Самопринятие» ($U = 701,500$, $p = 0,010$) и малозначимые изменения – по шкале «Принятие агрессии» ($U = 797,000$, $p = 0,072$). Практически не изменились показатели по шкале «Сензитивность» ($U = 1009,500$, $p = 0,932$).

Необходимо отметить, что за два года с момента проведения сессии организационного развития каждый из оставшихся сотрудников принял участие как минимум в двух социально-психологических тренингах по обучению технологиям эффективных продаж (рядовые сотрудники) и дополнительно – по технологиям эффективного управления (менеджеры среднего и высшего звена).

Таким образом, результатом проведения сессии организационного развития и СПТ для оставшихся в компании сотрудников стало изменение их ориентации во времени. Позитивную динамику продемонстрировали сотрудники, которые правильно ориентируются во времени, в то время как негативная динамика определялась по снижению числа респондентов, неправильно ориентирующихся во времени. Выявлено увеличение количества сотрудников с «внутренней» поддержкой, уважающих себя, активных оптимистов, обладающих гибким поведением, принимающих себя. Снижение числа работников с противоположными характеристиками, т. е. с «внешней» поддержкой, не уважающих себя, пессимистически настроенных и т. п., можно также принять как позитивную динамику в результате специально организованных воздействий (тренингов).

Итак, можно описать два «портрета» среднестатистического риэлтора, изучавшегося в данной работе.

До начала внедрения организационных изменений и получения участниками исследования базовых знаний в сферах продаж и управления риэлтор характеризовался тем, что в одинаковой степени правильно и неправильно мог ориентироваться во времени; был подвержен влиянию внешних сил, ориентирован на мнение других. Он не всегда демонстрировал уважение к себе, практически в одинаковой степени принимал и не принимал себя, часто скрывал и подавлял в себе агрессию. Ему была свойственна большая активность, часто носящая деструктивный характер.

Через два года (участвовали одни и те же респонденты) обобщенный портрет риэлтора характеризовался иначе. Появилась невыраженная ориентация во времени, низкая конформность к внешнему влиянию. Такой риэлтор руководствуется внутренними мотивами, в своих поступках опирается на собственные чувства и мысли, способен быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию. Он гибкий, разумный в применении некоторых стандартных принципов, высоко ценит себя, причем при условии, что для этого есть объективные основания, верит в свои силы и успех, позитивно настроен на будущее, предпринимает активные действия для того, чтобы добиться желаемых целей, в трудных ситуациях использует проблемно-ориентированные стратегии преодоления стресса.

Таким образом, можно предположить, что проведенная сессия организационного развития и социально-психологические тренинги, направленные на развитие профессиональных навыков, оказали благоприятное воздействие на личностные характеристики сотрудников, на их самоотношение.

Практико-ориентированный характер носило исследование с целью выявления типов сотрудников, которые с большей вероятностью оставят компанию после внедрения организационных изменений. Так, был проведен факторный анализ (по методу главных компонент) социально-психологических характеристик сотрудников, уволившихся в течение года с момента начала внедрения организационных изменений. В результате выделились три фактора, на основании которых были сформулированы три типа сотрудников. Поскольку третий тип составили всего 5,3% сотрудников, с такими социально-психологическими характеристиками, как принятие агрессии, активность и неспособность связывать противоречивые жизненные явления в одно целое, то в дальнейшем будут рассмотрены первые два, включившие в себя основную массу сотрудников. Это – «ориентированный на себя» (61,2%) и «самоактуализирующийся» (33,5%) типы.

Сотрудники, относящиеся к первому типу, правильно ориентированы во времени, рассматривают его в единстве прошлого, настоящего и будущего, живут в настоящем, руководствуются, в основном, интериоризированными принципами и внутренними мотивами, мало подвержены внешнему влиянию, быстро реагируют на изменяющуюся ситуацию, разумны в применении некоторых стандартных принципов, принимают себя такими, как есть. Кроме того, эти сотрудники легко и быстро вступают в контакт, но их отношения с людьми не являются поверхностными, они стремятся к приобретению знаний об окружающем мире и обладают развитой творческой направленностью.

Для сотрудников, относящихся к типу «самоактуализирующий», характерны: уважение себя, чувствительность к собственным переживаниям и потребностям, способность выражать свои чувства в заранее не продуманных действиях, пессимизм. Они считают, что в природе человека торжествует добро, хотя ей свойственны такие противоположности, как добро и зло, бескорыстие и корыстолюбие; они также способны быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию и руководствуются ценностями, присущими самоактуализирующейся личности.

К сожалению, не удалось выделить достоверно значимые типы сотрудников, которые останутся в компании в течение первых двух лет после начала внедрения организационных изменений. Данный факт может свидетельствовать, на наш взгляд, о том, что решение уйти или остаться в изменяющейся компании в определенной степени зависит от того, как и какие проводятся в ней изменения.

Таким образом, можно предположить, что если у человека неярко выражен один из двух выявленных типов и руководство компании грамотно проводит организационные изменения, то такой сотрудник с большей вероятностью останется в компании, чем уйдет из нее.

Литература

- Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации. СПб.: Питер, 2007.
- Андреева Т. Е.* Организационные изменения: сравнительный анализ основных концепций // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 8. Вып. 2 (№ 16). 2004. С. 33–50.
- Базаров Т. Ю., Малиновский П. В.* Управление персоналом в условиях кризиса // Теория и практика антикризисного управления. М.: ЮНИТИ, 1996.
- Дихтер С., Гэньон К., Александер А.* [Электронный ресурс] Как руководить процессом преобразований // Вестник McKensey: Теория и практика управления. № 1. 2002. http://www.cfin.ru/management/strategy/change/how_manage.shtml.
- Друкер П. Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издательский дом «Вильямс», 2000.
- Емельянов Е. Н., Поварницына С. Е.* Психология бизнеса. М.: АРМАДА, 1998.
- Журавлев А. В.* Восприятие корпоративных целей как фактор организационных изменений: Автореферат дис. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во моск. ун-та, 2002.
- Матиашвили В. М.* Организационные изменения: теоретический аспект // «Менеджер 21 века»: Тезисы докладов региональной конференции / Под ред. В. М. Матиашвили, Т. В. Радаева. Н. Новгород: НГТУ, 1998. С. 78–80.
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М.: Дело, 1993.
- Пригожин А. И.* Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003.
- Van de Ven A., Poole M. S.* Explaining development and change in organizations // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 3. P. 510–540.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Том 5

**Личность и группа
в условиях социальных изменений**

Редактор – О. В. Шапошникова
Обложка – П. П. Ефремов
Оригинал-макет и верстка – С. С. Фёдоров
Корректор – И. В. Клочкова

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29
E-mail: rio@psychol.ras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 15.08.09. Подписано в печать 24.08.09
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура гтс СНАТТЕР. Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 23
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6